

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ
ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

КОМАНДЖАЕВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ
ВЛАСТИ В КАЛМЫЦКОМ ОБЩЕСТВЕ В XVII — НАЧАЛЕ XX вв.:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Диссертация

на соискание ученой степени

доктора юридических наук

Специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Научный консультант –

доктор юридических наук, профессор

Немытина Марина Викторовна

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕТРОСПЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В КАЛМЫЦКОМ ОБЩЕСТВЕ	32
1.1. Историография и источники, отражающие становление и развитие системы публичной власти в Калмыкии в XVII – начале XX вв.	32
1.2. Теоретические подходы к исследованию становления и развития институтов публичной власти	77
1.3. Формирование цивилизационно-культурного пространства Калмыкии	90
ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ У КАЛМЫКОВ (XVII – XVIII вв.)	112
2.1. Правовой статус социальных групп в калмыцком обществе в XVII– XVIII вв.	112
2.2. Традиционные институты публичной власти в калмыцком обществе в XVII – XVIII вв.	125
2.3. Судостроительство и судопроизводство в калмыцком обществе	145
2.4. Калмыцкое ханство как государственное образование	195
ГЛАВА 3. СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ КАЛМЫЦКИМИ УЛУСАМИ В КОНЦЕ XVIII – XIX вв.....	238
3.1. Правовой статус калмыцких кочевий в конце XVIII – XIX вв....	238
3.2. Управление калмыцкими улусами в конце XVIII – первой трети XIX вв.	253
3.3. Установление системы протекционизма (попечительства) в Калмыкии в середине XIX в.	268
ГЛАВА 4. ИНСТИТУТЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В КАЛМЫКИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.....	295
4.1. Подготовка проектов судебного устройства для калмыков во второй половине XIX – начале XX вв.	295

4.2. Реформа 1892 г. в Калмыкии и последующая реорганизация управления калмыцким обществом	315
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	346
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	371

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Для более полного понимания разворачивающихся в цивилизационно-культурном пространстве Российской Федерации политических и правовых процессов необходимо глубинное исследование в историческом ракурсе институтов публичной власти с учетом этнокультурного многообразия населяющих страну народов. Трансформации социально-экономических, политических и правовых отношений в современном российском обществе обуславливают необходимость разработки эффективной и гибкой стратегии государственного строительства и регионального развития Российской Федерации. В этой связи требует пристального внимания с позиций историко-правовой науки опыт формирования государственности и права у многочисленных народов, населяющих нашу страну, сложившихся в различные исторические периоды на этнокультурной основе публичных и правовых институтов.

В 2020 г. были приняты поправки в Конституцию РФ, в соответствии с которыми в Основной Закон было введено понятие «публичная власть» (статьи 67, 71, 80, 83, 131, 132). Кроме того, термин «публичная власть» закреплен в Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹. Тем самым обозначена направленность теоретико-исторических правовых исследований, как и других областей научного юридического знания, на обоснование категории «публичная власть» и изучение институтов публичной власти как в ретроспективе, так и в перспективе.

Президент России В.В. Путин в своем выступлении на международном дискуссионном форуме «Валдай» 5 октября 2023 г. отметил: «Россия является самобытным государством-цивилизацией... Цивилизаций много, и ни одна из

¹ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: ФЗ от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 14.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. 1), ст. 8973.

них не лучше и не хуже другой, они равноправны как выразители чаяний своих культур и традиций своих народов... Современному миру чужда любая унификация, каждое государство и общество хотят самостоятельно выработать свой путь развития. В его основе – культура и традиции, укрепленные в географии, историческом опыте – как давнем, так и современном – и ценностях народов. Это сложный синтез, в процессе которого возникает самобытная цивилизационная общность, ее неоднородность и многообразие – это залог устойчивости и развития»².

Поддержание и сохранение стабильного государственного устройства Российской Федерации требует учета цивилизационно-культурного многообразия и традиций публичной власти и правовой жизни, особенно тех народов, которые приносили в российское общество культуру иных цивилизаций, отличных от православно-христианской. В русле истории национально-государственных образований в составе Российской Федерации вызывают интерес проблемы становления и развития институтов публичной власти в калмыцком кочевом обществе, ставшем частью Российской империи в качестве Калмыцкого ханства, обретшем государственно-правовую форму автономии в период существования СССР и сохраняющем на конституционной основе свои государственные и правовые традиции как республика в составе Российской Федерации.

Сложившиеся в основном в советский период представления о развитии российского общества и государства, его социальной, политической и правовой структуре, существовавших в нем институтах публичной власти отчасти устарели, они нуждаются в пересмотре и уточнении с позиций современной методологии. Прежняя марксистская схема государственоведения, основанная на признании социально-экономической доминанты исторических явлений, ведущей роли классовой борьбы в историческом процессе, когда государство рассматривалось как орудие классового господства, не может

² XX заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 5 октября 2023 г. URL:<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/72444> (дата обращения: 10.12.2023 г.).

соответствовать реалиям сегодняшнего времени. Справедливо утверждение К.Е. Сигалова о том, что следует отличать истинный марксизм с его методологией научного познания от эпигонствующего марксизма, когда исследователи предпочитали использовать устоявшиеся штампы и типовой методологический инструментарий³.

В современное российское правоведение вводятся цивилизационно-культурные характеристики общества, государства и права. Исследования в областях социально-гуманитарного знания строятся на представлениях о цивилизациях как культурно-исторических типах общества, широких по территориальному охвату, отличающихся длительностью существования. Как отмечает М.В. Немытина, в рамках цивилизаций воспроизводит себя культура, частью которой являются право, публичная власть, политика, религия и другие феномены⁴. При этом цивилизационно-культурное многообразие не может трактоваться как отставание либо опережение в развитии одних народов по сравнению с другими.

Цивилизационно-культурный фактор ведет к поиску особых «культурных миров» и является свидетельством уникальности исторического развития того или иного народа, сообщества людей. Сегодняшний взгляд на цивилизации и культуры выходит далеко за рамки поиска идентичности в ракурсе «Запад – Восток». Поиск особого уникального цивилизационного пути России заставляет пристально взглянуть в прошлое народов, населяющих Российскую Федерацию, которая представляет собой многонациональное и многоконфессиональное государство, что отражено и в Конституции РФ. На территории России проживают более 190 народов. При этом Конституция РФ устанавливает государственную защиту культурной самобытности всех народов, гарантирует сохранение этнокультурного и

³ См.: Сигалов К.Е. Методологические принципы познания среды права // История государства и права. 2010. № 4. С. 29–35.

⁴ См.: Немытина М.В. Цивилизационно-культурный подход в правоведении // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2017. № 4 (32). С. 30.

языкового многообразия (ст. 69). При этом сохраняются ценности и традиции, определяющие целостность российского общества.

В соответствии с поручением Президента РФ от 29 января 2023 г. с 1 сентября 2023 г. во всех вузах России в образовательные программы высшего образования был включен курс «Основы российской государственности». Тем самым подчеркивается роль России как особого цивилизационного пространства. И история калмыцкого народа, уходящая своими корнями в кочевой строй и религию буддизма, формировавшего их уникальные институты публичной власти и права, интегрированных в российскую государственную и правовую системы, в современных условиях поиска цивилизационно-культурной идентичности России является актуальной как никогда.

Можно согласиться с М.В. Немытиной в том, что «предшествующий опыт можно использовать как для конструирования регламентирующих институт норм законодательства, так и для прогнозирования ситуаций, связанных с практической реализацией института. Любой современный правовой институт, имеющий аналог в дореволюционном отечественном прошлом, как правило, содержит в себе элементы, штрихи исторического наследия»⁵.

Цивилизационно-культурный подход обогащает изучение правогенеза и государствогенеза, поскольку позволяет найти место традиционных начал в становлении и развитии институтов публичной власти у калмыков в дореволюционный период и обращает внимание на специфику формирования правовой культуры современного калмыцкого общества.

Калмыки разительно отличались в своем развитии от соседей на юге России: казахов, ногайцев, ставропольских туркмен, башкир, татар, горских народов Северного Кавказа и донских казаков. Калмыки являлись последними независимыми кочевниками евразийских степей, которые в позднее

⁵ Немытина М.В. Право России как интеграционное пространство. Изд. 2-е. Саратов: Научная книга, 2008. С. 90.

Средневековье и раннее Новое время совершили трансконтинентальный переход из Центральной Азии в Восточную Европу в начале XVII в. и обратно в 1771 г. До недавних пор (до 30-х гг. XX в.) калмыцкий народ занимался кочевым скотоводством. Если это обстоятельство роднило калмыков с казаками, ногайцами и ставропольскими туркменами, то в лингвистическом, антропологическом и конфессиональном плане калмыки уникальны. Калмыцкий язык относится к монгольским, в то время как кочевники-соседи говорили на тюркских языках. Калмыки исповедуют буддизм, в отличие от соседних православных и мусульманских народов. При этом калмыки являются одним из редких народов России, обладавших законодательной традицией и знавших государственность еще до принятия российского подданства. Ойраты, предки калмыков, входили в империю Чингис-хана, в XV в. ойратские правители занимали ведущие позиции в Монголии и до XVII в. номинально были включены в состав монгольского государства. При этом многие ойратские правители фактически были самостоятельными и независимыми от монгольского хана. Эти и другие отличия способствовали этнической и культурной обособленности калмыков от других народов юга России и повлияли на становление у них государственности в середине XVII в. как важнейшего элемента защиты идентичности.

Таким образом, изучение опыта развития традиционных институтов права и публичной власти в калмыцком обществе на протяжении более трех столетий, а также после ухода большей части калмыков из России в 1771 г. их последующая интеграция в российскую государственную и правовую системы имеет важную теоретическую и практическую значимость. Кроме того, на примере истории калмыцкого общества можно выявить и общее, и особенное в становлении и развитии институтов публичной власти народов России как в имперский период, так и в составе СССР и Российской Федерации.

Степень научной разработанности проблемы. В историографии рассматриваемой темы можно выделить дооктябрьский, советский и современный периоды.

В дооктябрьский период в науке происходил в основном сбор сведений о калмыках: появились труды исследователей с их заметками и наблюдениями, издавались памятники калмыцкого национального законодательства, публиковались данные статистики и материалы обследований калмыцкой степи.

Со второй половины XVIII в. организовывались экспедиции Российской академии наук (П.И. Рычкова, Н.П. Рычкова, П.С. Палласа, И.Г. Георги и др.), внесшие весомый вклад в изучение истории и культуры различных народов России, в том числе и калмыков. Далее ученые-историки и востоковеды значительно расширили имевшиеся представления об истории, этнографии, культуре калмыцкого этноса: И.И. Лепехин, Н. Нефедьев, М. Новолетов, П. Небольсин, П. Смирнов, И.В. Бентковский, Н.А. Попов, А.М. Позднеев. Большой интерес вызывают наблюдения и ценные заметки современников в трудах Н.Я. Бичурина, В.М. Бакунина, К.И. Костенкова и Н. Страхова. В XIX в. появились весомые труды ученых историко-правового направления: Н.В. Баснина, К.Ф. Голстунского, Ф.И. Леонтовича, Я.И. Гурлянда, Ф.А. Бюлера и др. В ряде работ дореволюционного периода были опубликованы памятники калмыцкого законодательства.

Советская историография проблемы на начальном этапе представлена сторонниками либеральной школы (В.А. Рязановский, Б.Я. Владимирцов). Большой вклад в изучение процесса становления калмыцкой государственности в составе России снесли работы Н.Н. Пальмова, опубликованные в 1920–1930-х годах. С 1940-х годов наступило время длительного затишья в развитии научной мысли Калмыкии, связанное со сталинскими репрессиями в отношении калмыков и ликвидацией Калмыцкой АССР по надуманному обвинению в сотрудничестве с фашистами.

После восстановления калмыцкой автономии в 1958 г. были подготовлены и изданы обобщающие «Очерки истории Калмыцкой АССР», явившиеся первой попыткой преодолеть отставание научной мысли в изучении региона. Специальные работы, посвященные исследованию

вопросов истории государства и права калмыков, появились лишь в конце 70-х годов в виде отдельных статей (статьи юристов В.С. Сергеева, С.М. Сагаева, историков К.Н. Максимова, М.М. Батмаева, М.Л. Кичикова, В.Ш. Бембеева, Л.С. Бурчиновой, А.Г. Митирова, К.О. Эрдниева, А.А. Чужгинова).

Спецификой современного этапа историографии проблемы явился возросший интерес к изучению историками традиционного уклада жизни и быта калмыков. В определенной степени представления о содержании истории государственного управления в дооктябрьской Калмыкии расширились благодаря работам профессора К.Н. Максимова.

По отдельным проблемам истории Калмыцкого ханства в составе России имеются труды историков К.Н. Максимова, М.М. Батмаева, А.В. Цюрюмова, В.И. Колесника и В.Т. Тепкеева⁶, а также кандидатские диссертации юристов И.Ч. Аксенова, И.К. Очир-Гаряевой и автора этих строк⁷. Истории развития местного самоуправления в Калмыкии посвящены труды И.В. Лиджиевой⁸ и Н.А. Цыкаловой⁹. Однако изучение процессов становления и развития институтов публичной власти в Калмыкии в цивилизационно-культурном пространстве России до настоящего времени не

⁶ Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование калмыцкого государства в составе России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 123 с.; Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 524 с.; Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 382 с.; Колесник В.И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2003. 286 с.; Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.; Тепкеев В.Т. Калмыки в северном Прикаспии во второй трети XVII в.: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2014. 448 с.

⁷ Аксенов И.Ч. Становление и развитие калмыцкой государственности и права в XVII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004; Очир-Гаряева И.К. Введение Калмыкии в систему государственного управления России: историко-правовые аспекты (70-е гг. XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Команджаев Е.А. Государственные учреждения и законодательство Калмыкии XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000.

⁸ Лиджиева И.В. Местное самоуправление калмыков в XIX – начале XX вв. (историко-этнографический аспект). Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 336 с.

⁹ Цыкалова Н.А. Местные органы государственной власти и местное самоуправление в Калмыкии в середине XIX–XX вв. (историко-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. 204 с.

стали предметом специального историко-правового исследования. По существу, начальными шагами в этом направлении являются опубликованные в последние годы работы, в том числе и автора¹⁰.

Вызывает интерес позиция историка Б.У. Китинова, утверждающего, что Калмыцкое ханство создавалось в рамках Третьей ойратской конфедерации, наряду с Джунгарским и Хошоутским (рядом с Тибетом) ханствами. При этом Б.У. Китинов справедливо акцентировал внимание на особой роли буддийского фактора в истории ойратов: «... развитие истории определяется не столько чьими-то интересами или силой, сколько верованиями и ценностями, формирующими показатели идентичности»¹¹.

Современная зарубежная историография исследуемой проблемы представлена трудами американских историков М. Ходарковского, Д.Островски и У. Сандерленда, немецкого ученого Д. Шорковица¹².

Так, М. Ходарковский приходит к выводу, что Калмыцкое ханство являлось независимым государством, выполнявшим по отношению к России лишь союзнические функции. Он также обратил внимание на особый цивилизационно-культурный облик «мира калмыков» – уклада жизни калмыцкого общества, проявлявшегося во многих сферах его жизни. Д.Островски представил, по нашему предположению, в преувеличенном виде

¹⁰ Команджаев Е.А. Институты публичной власти в Калмыкии в XVII–XVIII вв. с позиции цивилизационно-культурного подхода // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. Т.23. №2. С. 219–243; Команджаев Е.А., Команджаев А.Н. Некоторые черты ментального облика российских калмыков в конце XIX века. (по свидетельству чиновников администрации) // Журнал фронтальных исследований. 2021. Т. 6. № 3 (23). С. 48–62; Команджаев Е.А., Сангаджиев Б.В., Команджаев А.Н. Калмыцкая степь Астраханской губернии в конце XIX в. (по новым архивным материалам) // Oriental Studies. 2022. Т.15. № 2. С. 259–269.

¹¹ Китинов Б.У. Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИВ РАН, 2020. С.35

¹² Rhodarkovsky M. Where two worlds met: The Russian state and the Kalmyk nomads. 1600–1771. Ithaca; London: Cornell univ. press. Cop /1992. 278 p.; Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800: пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 348 с.; Ostrovski D. Muscovy and the Mongols. Cambridge: Cambridge University Press. 1998; Шорковиц Д. Культурные контакты и культурная трансмиссия в Западной Евразии в эпоху средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 84–94; Шорковиц Д. Мобильность и неподвижность в Монгольской империи // Монголоведение. 2020. №12 (3). С. 430–445.

имевшее место монгольское влияние на Русь. Работы Д. Шорковица посвящены межкультурному взаимодействию монгольских народов на более ранних этапах. Во второй работе М. Ходарковского, американский оригинал которой был опубликован в 2002 г.¹³, автор исследовал в большей степени примеры конфликтов и сотрудничества кочевых и оседлых народов. В 2004 г. была опубликована книга У. Сандерленда «Укрощение Дикого поля: колониализм и империя в русской степи»¹⁴, в которой автор акцентировал внимание на политике российской администрации в местах проживания кочевых народов, характеризуя ее как успешную колониальную политику. У. Сандерленд обратил внимание на исход большинства калмыков из России в 1771 г., причиной которого автор считал возросшее вмешательство русского чиновничества во внутренние дела калмыцкого общества.¹⁵

Другие зарубежные авторы рассматривали цивилизационные отличия кочевого общества. Так, Б. Бат-Очир отмечал, что монгольское кочевое общество с XII по XVIII вв. было традиционным и консервативным. Кроме социально-экономических и политических факторов на монгольское общество большое влияние оказывал буддизм¹⁶. П. Бонте также исследовал кочевые скотоводческие общества, подчеркивая их своеобразие¹⁷.

Существенным отличием зарубежной историографии от советской и современной российской является теоретико-методологическое многообразие, используемые авторами различные подходы к исследуемой проблеме. Вместе с тем в этих работах ощущается недостаток первоисточников.

¹³ Khodarkovski M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire 1500–1800*. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 2002. 304 p.

¹⁴ Willard Sunderland. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca; London : Cornell Univ. Press, 2004. 239 p.

¹⁵ Willard Sunderland. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca; London : Cornell Univ. Press, 2004. P. 57.

¹⁶ Bat-Ochir B. *Mongolian Nomadic Society: A Reconstruction of the «Medieval» History of Mongolia*. New York: Palgrave Publishing (St. Martin's Press), 2001. 204 p.

¹⁷ Bonte P. *Marxist Theory and Anthropological Analyses: The Study of Nomadic Pastoralist Societies // The Anthropology of Precapitalist Societies / ed. Kahn J.S., Llobera J.R. Atlantic Highlands*. New York, 1981. P. 22–56.

В то время как историческая наука существенно продвинулась в осмыслении проблем развития калмыцкого общества и государства, в историко-правовых исследованиях лишь фрагментарно затрагивались отдельные вопросы, касающиеся этой проблематики. Внимание исследователей (как историков, так и юристов) не акцентировалось на институтах публичной власти в калмыцком обществе XVII – начала XX вв. как элементах цивилизационно-культурного пространства России. Также не проводился системный анализ цивилизационных оснований калмыцкой государственности в контексте сочетания ойратских традиций с институтами Российского государства в период XVII – начала XX вв.

Если исходить из посыла, что «публичная власть – это производная от общества и стоящая над ним организация, имеющая институциональный характер и обеспечивающая упорядоченность отношений в обществе и управление социальными группами»¹⁸, то в таком ракурсе исторические особенности развития институтов публичной власти в калмыцком обществе XVII – XIX вв. еще не рассматривались.

Объектом исследования являются публично-правовые формы калмыцкого общества XVII – начала XX вв. в цивилизационном пространстве России.

Предмет исследования – эволюция институтов публичной власти в калмыцком обществе при переходе от традиционного уклада к Калмыцкому ханству и далее при вхождении ханства в состав Российской империи.

Хронологические рамки исследования охватывают три столетия истории калмыцкого общества: период с начала XVII в. до начала XX в. *Нижняя граница – начало XVII в.* – определяется периодом перекочевки части ойратов в пределы России из Центральной Азии, становления российско-калмыцких отношений, определения территории их расселения. *Верхней границей исследования является февраль 1917 года* – падение самодержавия,

¹⁸ Лаптева Л.Е., Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Земство и мировой суд в России: организация публичной власти на местном уровне // Былые годы. 2019. № 4 (54). С. 1680.

установление власти Временного правительства и в конечном итоге утверждение советской социалистической государственности.

Территориальные рамки исследования применительно к XVII – XVIII вв. охватывают границы Калмыцкого ханства, в XIX – начале XX века – территорию калмыцких улусов Астраханской и Ставропольской губерний, где компактно проживала большая часть калмыцкого населения, сохранявшая традиционный уклад жизни. Данная территория в основном представляет территорию современной Республики Калмыкия. При этом в диссертации не рассматриваются особенности правового статуса калмыков, компактно проживавших в других частях России и входивших в состав российского казачества: донские, ставропольские, оренбургские, уральские, терские и кумские калмыки.

Цель исследования – характеристика институтов публичной власти в калмыцком обществе XVII – начала XX в. как в уникальной традиционной среде, так и в цивилизационно-культурном пространстве Российской империи.

Исходя из цели исследования, в работе реализуются следующие **задачи**:

– историографический и источниковедческий анализ проблемы становления и развития институтов публичной власти в калмыцком обществе в XVII – начале XX вв.;

– обоснование современных методологических и теоретических подходов к исследованию проблемы становления и развития институтов публичной власти в национальных окраинах России на примере истории калмыцкого общества;

– характеристика развития калмыцкого общества в XVII – начале XX вв. с позиций цивилизационно-культурного подхода и определение его места в общероссийском цивилизационно-культурном пространстве;

– выявление особенностей правового положения социальных групп в калмыцком обществе, влиявших на формирование институтов публичной власти;

- построение иерархии традиционных институтов публичной власти в калмыцком обществе в период существования Калмыцкого ханства;
- раскрытие системы осуществления правосудия в калмыцком обществе и роли института Зарго;
- выявление комплекса причин, обусловивших образование Калмыцкого ханства в составе России, особенностей взаимоотношений его публичных институтов с государственными институтами Российской империи и характеристика института ханской власти в калмыцком обществе;
- определение правового статуса калмыцких кочевий в конце XVIII – начале XX вв.;
- характеристика трансформации институтов публичной власти в результате ликвидации Калмыцкого ханства в конце XVIII – первой трети XIX вв.;
- раскрытие процесса интеграции калмыцких улусов в общероссийскую систему управления в середине XIX в.;
- оценка реформирования судебных учреждений для калмыков во второй половине XIX – начале XX вв.;
- определение основных тенденций развития институтов публичной власти в калмыцких улусах в условиях попечительской системы (вторая половина XIX – начало XX вв.).

Методологической основой исследования стал комплекс научных методов и подходов, которые позволили автору всесторонне проанализировать предмет исследования и сделать соответствующие выводы. Исходными методологическими основаниями диссертационного исследования явились *диалектический, цивилизационно-культурный и социокультурный подходы.*

Диалектический подход позволил рассмотреть во взаимосвязи и взаимообусловленности совокупность факторов, повлиявших на становление и развитие институтов публичной власти в калмыцком обществе исследуемого

периода, проанализировать в динамике их формирование и функционирование.

Изучение заявленной в диссертации проблемы сквозь призму *цивилизационно-культурного подхода* позволило показать институционализацию властных отношений в калмыцком кочевом обществе монголо-ойратского типа, с одной стороны, и идентифицировать эти отношения в цивилизационно-культурном пространстве Российской империи – с другой. С позиций *социокультурного подхода* оценивалось развитие институтов публичной власти в калмыцком социуме в их традиционном виде и их интеграция в российские государственные и правовые институты. Были выявлены факторы, обеспечившие сосуществование разных социальных укладов и взаимодействие разных по своей природе институтов публичной власти и права.

К числу важнейших методологических принципов исследования относятся *объективность, историзм, всесторонность*. Материал изучался с позиции приоритета верифицированного факта и анализировался с учетом времени, в котором произошло то или иное событие. Вместе с тем содержание политико-правовых форм институтов публичной власти анализировалось на основе наиболее достоверной информации из имеющихся источников. В нашем случае особое место в процессе исследования занимал *принцип историзма*, позволяющий изучать и оценивать исторические события, факты, явления и процессы в тесной связи с конкретно-историческими условиями эпохи, в которой они происходили. Это дало возможность избежать как их переоценки, так и недооценки, определить их реальную роль в ходе развития общества.

В диссертационном исследовании применялся *социологический позитивизм* как научный подход, который позволяет сделать анализ становления и развития государственно-правовых институтов и определить социальные истоки властных институтов. Указанный подход значительно расширил границы в определении факторов государствогенеза и правогенеза

в калмыцком обществе, дал возможность оценить деятельность институтов публичной власти калмыцкого общества и дифференцировать их от институтов государственной власти с учетом того, что первые отражают общественные интересы, имеют более давнюю историю и проистекают из традиций народа.

Метод системного анализа позволил рассмотреть институты публичной власти Калмыкии в период XVII – начала XX вв. как части единой совокупности взаимосвязанных элементов.

При изложении материала использовались взятые в совокупности *хронологический и институциональный принципы*, которые позволили последовательно изучить развитие различных институтов публичной власти в калмыцком обществе и выявить их институциональную природу в социокультурной среде во всем многообразии действовавших в тот или иной период властных институтов.

Автором были использованы и другие общенаучные и специальные методы познания. *Сравнительно-правовой диахронный метод* дал возможность определить как общие, так и особенные черты в создании и деятельности институтов публичной власти у калмыков. Большое значение имеет современный *метод кросс-культурного анализа*, предполагающий изучение культур путем сравнения их разных элементов. В рамках методологии сравнительно-правовых исследований также использовались *функциональное, нормативное, текстуальное сравнения*.

При рассмотрении нормативной правовой базы исследования применялся *юридико-технический инструментарий*, обеспечивший работу с источниками права Российской империи и Калмыцкого ханства.

В работе были задействованы методы *формальной логики: анализ и синтез, индукция и дедукция* и др. Собранные при проведении исследования материалы рассматривались по принципу *от частного к общему и от общего к частному*.

Источниковой базой исследования стали нормативные правовые акты Российской империи, материалы официального делопроизводства, материалы исследовательских экспедиций, заметки и наблюдения современников, правовые акты калмыков.

Важным источником исследования стали Монголо-ойратские законы 1640 г. (Великое Уложение, Степное Уложение), а также дополнения к ним джунгарского правителя Галдана Хун-тайджи и калмыцкого Дондук-Даши-хана, впервые опубликованные российскими правоведами во второй половине XIX в.

Среди источников определяющее место занимают нормативные правовые акты Российской империи. Это прежде всего «Правила для управления калмыцкого народа» 1825 г., «Положения об управлении калмыцким народом» 1834 и 1847 гг., изданные в Полном собрании законов Российской империи (1 и 2 собрание).

В диссертационном исследовании использованы материалы одного центрального и двух региональных архивов: Российский государственный исторический архив (РГИА), Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК) и Государственный архив Астраханской области (ГА АО).

Значительный объем делопроизводственной документации содержится в фондах Российского государственного исторического архива: фонд 1405 «Министерство юстиции» и фонд 1291 «Земский отдел МВД». Было обнаружено, что ряд делопроизводственных материалов фондов российских центральных архивов имеют аналоги в фондах Национального архива Республики Калмыкия (НА РК), поскольку с оригиналов, отправленных в центр, изготовлялись копии, и наоборот.

Делопроизводственные материалы по истории калмыцкого общества хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия. Так, в материалах фонда 36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе» сосредоточена исполнительно-распорядительная документация, касающаяся взаимоотношений российских властей с калмыцкими ханами и отдельными

владельцами, а также разнородная переписка с центральными учреждениями в виде рапортов, отчетов и донесений должностных лиц. В фонде 9 «Управление калмыцким народом» содержатся ценные сведения, касающиеся событий XIX – начала XX вв. (введения общероссийского управления, попыток проведения реформ второй половины XIX в., реформа 1892 г. в Калмыкии). Кроме того, использованы: фонд 21 «Большедербетовское улусное управление», фонд 24 «Багацохуровское улусное управление», фонд 26 «Яндыко-Мочажное улусное управление», где также сконцентрировался делопроизводственный материал.

Исследовательский интерес вызвали сводные годовые отчеты второй половины XIX – начала XX в., хранящиеся в РГИА и НА РК, в которых нашли отражение общие сведения о различных сторонах жизни населения калмыцких улусов: аренда земли, налоги и повинности, школы, лечебные учреждения, заселение дорог и др., а также данные о населении, хозяйстве и торговле. Указанные сведения представлены как в текстовом изложении, так и в форме статистических таблиц. В нашем случае, поскольку речь идет об этнокультурном своеобразии калмыков, вызвало интерес дело № 144 из этого фонда (опись 1) «Донесения попечителей улусов в Управление калмыцким народом, последнего Астраханскому губернатору о нравственном и экономическом состоянии калмыцкого народа», в котором нашли отражение ценные наблюдения и свидетельства русских чиновников калмыцкой администрации о нравственных чертах калмыков в конце XIX в. Данные материалы впервые введены в научный оборот.

Также впервые в научный оборот вводятся многочисленные материалы Национального архива Калмыкии по судопроизводству у калмыков, относящиеся к XIX в. (фонд 45 «Главное Зарго»). Данные материалы отчетливо показывают традиционный уклад жизни калмыцкого народа, приверженность обычаям и менталитет, которые в XIX в. начинают подвергаться влиянию российского законодательства в части организации и отправления судопроизводства.

Кроме того, большой делопроизводственный материал собран в Государственном архиве Астраханской области, так как после ликвидации Калмыцкого ханства калмыцкие улусы стали подчиняться астраханскому губернатору, и впоследствии Калмыцкая степь в административном отношении входила в состав Астраханской губернии. Документы делопроизводства сосредоточены в фонде 1 «Канцелярия астраханского губернатора».

Всего в диссертационном исследовании были использованы материалы двух фондов Российского государственного исторического архива (4 дела), десяти фондов Национального архива Республики Калмыкия (26 дел) и одного фонда Государственного архива Астраханской области (3 дела), подавляющее большинство которых вводится в научный оборот впервые.

Большое количество фактического материала содержат описания, наблюдения и заметки, заключающиеся в воспоминаниях, заметках, статьях современников и результатах исследовательских экспедиций в Калмыцкую степь, организованных Академией наук в конце XVIII – начале XIX вв.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в обосновании на основе цивилизационно-культурного подхода концепции развития институтов публичной власти в калмыцком обществе в XVII – начале XX вв., что позволило расширить область историко-правовых знаний об истоках и тенденциях развития российской государственности и права.

Впервые на широком историческом фоне с использованием социокультурного подхода показано развитие традиционных институтов публичной власти калмыцкого кочевого общества и трансформация некоторых из них в государственные институты, степень их вовлеченности в общероссийскую институционально-государственную систему. Научно обосновано, что Калмыцкое ханство, существовавшее в XVII – XVIII вв., в своей основе имело культурные традиции общемонгольского и ойратского типа, определившие состояние существовавших в нем институтов публичной власти. При этом одни институты публичной власти сохранялись, а другие

видоизменялись или заменялись российскими институтами государственной власти.

Учитывая тесные связи калмыков-буддистов с Тибетом, в диссертации предлагается считать временем образования Калмыцкого ханства признание Далай-ламой V в 1647 г. калмыцким ханом Дайчина. Другие ойратские правители Джунгарии также признали Дайчина ханом.

В диссертации обозначена роль культурных традиций калмыков и предназначение буддийского фактора в истории становления и развития их институтов публичной власти, государственность у калмыков формировалась в целях сохранения и защиты их национально-культурной самобытности в окружении соседних народов.

На основе анализа комплекса источников и научной литературы представлена авторская периодизация историко-правового развития Калмыкии в XVII – начале XX вв., в градацию которой положены институциональные изменения в системе органов публичной власти, переход от традиционных институтов публичной власти калмыцкого общества к институтам государственным, степень интегрированности калмыцкого общества в общероссийскую государственную систему.

Определен уровень широкой самостоятельности институтов публичной власти у калмыков в период ханства как во внутренней политике, так и в дипломатических связях с другими государствами: Турцией, Джунгарией и Китаем. В то же время Калмыцкое ханство ответственно выполняло договорные обязательства перед Россией в борьбе с ее внешними врагами. Установлено, что со второй четверти XVIII в. начинается постепенное ограничение автономности Калмыцкого ханства, что, наряду с причинами цивилизационно-культурного характера, привело к исходу большинства калмыков в 1771 г. из России в Джунгарию.

Доказано устойчивое действие в жизни калмыцкого общества традиционных институтов публичной власти (нойоны и зайсанги, Лама калмыцкого народа, суд Зарго). Калмыки как представители кочевой

цивилизации оказались приверженцами традиционного уклада жизни. В то же время к середине XIX в. в Калмыцкой степи была утверждена система попечительства и созданы новые институты власти (Управление калмыцким народом и улусные управления), интегрированные в административную систему Российской империи, также в общеимперскую систему были включены органы местного самоуправления (улусные, аймачные и хотонные сходы).

В диссертационной работе охарактеризован процесс правогенеза у калмыков, истоками которого явились нормы обычного права, продолженные изданными нормами права. На правовые нормы калмыков, кроме национальных традиций, оказал влияние буддизм. Эти национальные правовые акты продолжали действовать в калмыцком обществе до 1917 г.

Положения, выносимые на защиту

1) Установлено, что калмыцкое общество в XVII – начале XX вв. с его публично-властными институтами относилось к кочевой цивилизации монголо-ойратского типа. Помимо общепризнанных отличий кочевых обществ от оседлых цивилизаций, монголо-ойратская кочевая цивилизация, к которой принадлежали калмыки, имела сходные со всеми монгольскими этническими группами традиционные институты публичной власти и общественного устройства, а также обладала ранним опытом государственности и правотворческими традициями. Цивилизационно-культурную картину калмыцкого общества дополняло буддийское духовно-нравственное мировоззрение калмыков, наряду с другими традициями культуры, оно явилось основой формирования институтов публичной власти, которые калмыки принесли в пределы России из Джунгарии.

По определению диссертанта, обратный переход калмыков в Центральную Азию в 1771 г. в значительной степени явился результатом влияния цивилизационно-культурных факторов. Это: устойчивая самоидентификация калмыков как части ойратского общества, преувеличенные представления о возможности восстановления ойратской

государственности в Центральной Азии после падения Джунгарского ханства, попытка отойти от социальных реалий и вернуться к традиционному образу жизни.

2) Предложена авторская периодизация становления и развития институтов публичной власти в Калмыкии в XVII — начале XX вв., основанная на степени вовлеченности калмыцких институтов публичной власти в общероссийскую систему управления и на уровне интегрированности традиционных институтов публичной власти в государственные. Можно выделить четыре периода: доханский период, период Калмыцкого ханства, период трансформации институтов публичной власти калмыцкого общества в конце XVIII – первой половине XIX вв., период интеграции калмыцкого общества в общероссийскую систему управления при сохранении ряда традиционных институтов во второй половине XIX – начале XX вв.

Доказано, что *в первом периоде (начало XVII–1647 г.),* когда калмыки начали заселять приволжские степи, существовали традиционные институты публичной власти. Калмыки пришли в Поволжье, объединенные в улусы – крупные племенные объединения, возглавляемые нойонами (князьями). Улусы делились на аймаки, управляемые зайсангами. Содержанием *второго периода (1647–1771 гг.)* являлась деятельность институтов публичной власти в условиях существования Калмыцкого ханства: российская администрация здесь действовала опосредованно, через хана и высшую знать. При этом традиционные институты публичной власти функционируют вместе с государственными институтами ханства. *Третий период (1771–1847 гг.)* характеризуется при наличии традиционных институтов публичной власти созданием новых органов управления, интегрированных в российскую административную структуру в рамках системы попечительства, а также становлением органов местного самоуправления. Происходит взаимодействие традиционных институтов публичной власти и институтов государственной власти Российской империи. Установлено, что *в четвертом периоде (1847–1917 гг.)* происходил процесс дальнейшей интеграции калмыцкого общества в

общероссийскую государственно-правовую систему при сохранении некоторых традиционных институтов. Определены ключевые события этого периода, оказавшие известное влияние на деятельность институтов публичной власти в регионе: отмена личной зависимости калмыков-простолюдинов в 1892 г. и освобождение нойонов и зайсангов от управления, передача управления калмыками из ведомства государственных имуществ в Министерство внутренних дел, укрупнение аймаков и хотонов в 1910 г.

3) В Калмыцком ханстве существовало большое количество сословных групп (не менее 10), имевших различный правовой статус. Их состав и положение практически не изменялись за все время существования Калмыцкого ханства, лишь произошло фактическое отмирание сословия тайшей как представителей крупной знати в связи со становлением и развитием института централизованной ханской власти. Также в калмыцком обществе сложилась новая сословная группа в лице буддийского духовенства, имевшая свои права и существенные привилегии. Установлено, что после упразднения Калмыцкого ханства в ходе интеграции институтов публичной власти калмыцкого общества в российскую административно-политическую систему произошло слияние около десятка зависимых сословий в два: албату (простолюдины) и шабинеры (простолюдины, приписанные к буддийским монастырям).

4) Традиционные институты публичной власти в калмыцком обществе состояли из общекалмыцких и улусных органов власти: институт ханской власти, институты нойонов и зайсангов, советы знати при хане и при нойонах-улусовладельцах. При этом важнейшим традиционным институтом в Калмыцком ханстве был суд Зарго, особый судебный, административный и совещательный орган. Также суды Зарго существовали в каждом улусе при их владельцах. Традиционные институты нойонов и зайсангов в ханский период трансформировались в государственные институты.

В диссертационном исследовании выявлен новый институт Ламы калмыцкого народа (Шаджин-ламы), сложившийся в XVII в. в рамках

конфессиональных отношений со штатом служителей из числа приближенных иерархов буддийской церкви с подведомственной ему структурой буддийских священнослужителей и монастырей. Роль института Шаджин-ламы была многофункциональной: руководство сетью монастырей, вопросы аттестации священнослужителей, контроль за спектром вероучения и монашеской жизни, духовно-нравственные наставления мирянам и судопроизводство по брачно-семейным вопросам. В XVII в. сложился еще один институт публичной власти – институт бодокчеев (посредников) в связи с необходимостью урегулирования сложных, порой конфликтных, взаимоотношений калмыков с соседями. Возникновение института бодокчеев было вызвано различиями в правовом регулировании имущественных и уголовно-правовых отношений у калмыцкого и русского населения. Институт бодокчеев, ранее назначавшихся, а со второй половины XIX в. избиравшихся на улусных сходах, просуществовал в калмыцких улусах до 1917 г.

5) Судоустройство и судопроизводство у калмыков, по определению автора диссертационного исследования, пережило значительную эволюцию – от Зарго с широкими административно-судебными полномочиями в Калмыцком ханстве до улусных Зарго в XIX в., рассматривавших гражданские дела с небольшой суммой иска (до 30 руб.) и дела об опеке. Остальные уголовные и гражданские дела были переданы российским судебным органам, которые также являлись апелляционной инстанцией для дел, рассматриваемых в улусных Зарго. Определено, что судопроизводство в регионе на всем протяжении исследуемого периода основывалось на нормах калмыцкого права и обычаях.

6) В диссертационной работе доказано, что в калмыцком обществе господствовало свое традиционное право, существенно отличавшееся от действовавшего российского законодательства, но эффективно регулировавшее общественные отношения в Калмыцкой степи. Его цивилизационно-культурные основания берут свое начало в древнейших нормах монгольских племен со времен Монгольской империи Чингис-хана.

Великая Яса и народные обычаи послужили источниками Великого Уложения 1640 г., которое позже, в 1740-е годы, было дополнено законами калмыцкого хана Дондук-Даши. Несмотря на прекращение разработки калмыцких норм права в первой половине XIX в. (последним принятым на собрании калмыцкой знати и духовенства актом, но не утвержденным российской администрацией, являлись «Зинзилинские постановления» 1822 г.), повседневная жизнь и практика деятельности улусных Зарго продолжали регулироваться нормами национального права и обычаями.

7) В середине XVII в. произошло становление Калмыцкого ханства, когда окончательно сформировались его центральные и местные органы управления, произошло распределение кочевий, установились отношения центра с отдельными частями ханства, а также самого Калмыцкого ханства с Российским государством. Учитывая цивилизационно-культурную изолированность калмыцкого общества от соседних народов, его генетическое и конфессиональное единство с ойратами и Тибетом, отправной точкой отсчета ханства, по мнению диссертанта, следует считать 1647 г., когда первым калмыцким ханом стал Дайчин, получивший признание таковым у большинства представителей ойратской знати и буддийского духовенства в Джунгарии и Тибете и принявший титул хана от Далай-ламы V, так как особая роль в определении статуса ханства принадлежала главе буддизма. Калмыцкое ханство как публично-правовая форма имело под собой не только традиционную, но и конфессиональную основу. Параллельно титул калмыцкого хана был признан также соседними государствами.

8) В диссертационном исследовании показано, что административно-территориальное устройство калмыцкого общества представляло собой традиционное для кочевых монгольских народов деление: улусы (владение нойона), аймаки (владение зайсанга) и хотоны, управлявшиеся влиятельными простоллюдинами, реже зайсангами. Нередко крупные племенные объединения торгоутов и дербетов имели традиционное с общемонгольских времен триадное деление на правый и левый фланги и центр. Улусы могли

иметь традиционное деление на больших и малых. Основой такого административно-территориального деления являлось этническое и кровнородственное единство.

9) После ликвидации Калмыцкого ханства с конца XVIII в. и в первой трети XIX в. происходила трансформация управления калмыцкими улусами. Попытка восстановления Калмыцкого ханства на непродолжительный период (1800–1803 гг.) оказалась неэффективной. Установлено, что в определении правового статуса калмыцких кочевий в конце XVIII – XIX вв. большую роль сыграли законодательные акты российского государства. Актами Российской империи была официально установлена территория калмыцких кочевий, которая сильно сократилась по сравнению с территорией Калмыцкого ханства. В 1825 г. были приняты «Правила для управления калмыцкого народа», которые положили начало введению калмыков в общероссийскую систему власти.

10) Становление системы протекционизма (попечительства) в Калмыкии в середине XIX в. было направлено на унификацию институтов публичной власти в калмыцком обществе по примеру российских институтов управления государственными крестьянами. Доказано, что «Положение об управлении калмыцким народом» 1834 г. положило начало этому процессу, а «Положение об управлении калмыцким народом» 1847 г. завершило становление системы попечительства. Это Положение 1847 г. утвердило порядок управления калмыцкими улусами, закрепило элементы местного самоуправления и возложило на калмыцкое управление решение ряда попечительских задач.

11) Установлено, что проведение либеральных реформ в России во второй половине XIX в. не затронуло калмыцкое общество в силу господства в нем ряда традиционных институтов и нерешенности базовых вопросов, в том числе отмены личной зависимости калмыков-простолюдинов от нойонов и зайсангов. Во второй половине XIX в. для калмыков разрабатывались проекты нового судебного устройства, но они не были приняты в силу доминирования в обществе институтов национального судеустройства и судопроизводства.

12) Определено место реформы 1892 г., отменившей личную зависимость калмыков-простолюдинов (албату) от нойонов и зайсангов, в дальнейшем развитии институтов публичной власти в калмыцком обществе. Реформа не только способствовала социально-экономическим сдвигам (подъему хозяйства рядовых кочевников, их социальному расслоению, мобилизации рабочей силы и разрушению прежней замкнутости калмыцкой родовой общины), но и повлекла за собой некоторые изменения в административной системе Калмыкии.

На протяжении конца XIX – начала XX вв. производились попытки реализовать основную цель реформы 1892 г. – преобразование административного, общественного и поземельного устройства калмыков-кочевников по примеру оседлого крестьянского населения. Однако этим планам не суждено было реализоваться ввиду устойчивости цивилизационно-культурных черт калмыцкого общества. Показано, что в конечном итоге устаревшая система попечительского управления у калмыков была сохранена и административные преобразования в калмыцких улусах завершились передачей управления калмыками Астраханской и Ставропольской губерний из ведения Министерства земледелия и государственных имуществ в ведение Министерства внутренних дел в 1902 г. и укрупнением измельчившихся аймаков и хотонов в 1910 г., в результате которого аймачные старшины и хотонные старосты по статусу были уравнены в правах и полномочиях с должностными лицами в русской деревне (волостные старшины и сельские старосты).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что разработанные соискателем концептуальные основы изучения становления и развития институтов публичной власти существенно обогащают историко-правовую науку как в части определения особенностей развития традиционных институтов публичной власти калмыцкого общества в виде кочевой цивилизации, так и в плане идентификации общего

цивилизационного пути развития России, вбирающей в себя правовые традиции и опыт государственного развития многих населяющих ее народов.

Содержание исследования и привлеченные новые сведения позволят дополнить научные представления об институтах публичной власти кочевой цивилизации монголо-ойратского типа и их роли в Российском государстве. Содержащийся в исследовании фактический материал, проведенный диссертантом анализ и сделанные выводы могут быть использованы в ходе разработки как отдельных актуальных проблем истории государственно-правового развития кочевых народов, так и обобщающих работ по истории государства и права России.

Практическая значимость исследования. Имеющиеся в диссертации положения и выводы могут быть использованы для осмысления стратегии и тактики преобразований в современных условиях развития российской государственности. Материалы диссертации можно использовать в дальнейшей разработке теоретических и практических проблем развития органов публичной власти Республики Калмыкия, при подготовке реформ в области управления и федеративных отношений.

Материалы предпринятого исследования могут стать основой для написания учебных и научных работ. Кроме того, содержащиеся в диссертации обобщения, предложения и выводы могут использоваться при чтении лекционных курсов в высших учебных заведениях, при повышении квалификации государственных и муниципальных служащих Республики Калмыкия.

Апробация работы. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре публичной политики и истории государства и права ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы». Основные положения диссертации представлены статьями в журналах из списка ВАК, Scopus, Web of Science, в докладах и сообщениях на конференциях в период с 2004 по 2023 гг.: Республиканская научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов «Молодежь и наука: третье тысячелетие»

(Элиста, 30 ноября 2004 г.); Всероссийская научная конференция «Калмыкия – субъект Российской Федерации: история и современность» (Элиста, 6–7 октября 2005 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе» (Элиста, 12–13 января 2007 г.); IV региональная научно-практическая конференция «Экономическое, правовое и социальное развитие регионов: этапы становления, взаимосвязи, современное положение и перспективы» (Элиста, 26–27 мая 2008 г.); Республиканская научно-практическая конференция «Современное состояние и перспективы нормотворческой и правоприменительной деятельности в Республике Калмыкия», Элиста, 20 декабря 2008 г., 19 декабря 2009 г., 19 декабря 2010 г., 9 декабря 2011 г.); Региональная научная конференция «Становление и развитие высшего профессионального образования в национальных республиках Юга России» (Элиста, 22–24 апреля 2010 г.); VI межрегиональная научно-практическая конференция «Модернизация и перспективы развития современного общества: социально-экономические и историко-правовые проблемы» (Элиста, 22 апреля 2011 г.); Международная конференция «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики» (Элиста, 10–13 ноября 2014 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Интересы в праве» (Москва, РУДН, 25–26 марта 2016 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Тенденции развития права в социокультурном пространстве» (Москва, РУДН, 24–25 марта 2017 г.); I Международная научная конференция «Право – явление цивилизации и культуры» (Москва, РУДН, 30–31 марта 2018 г.); II Международная научная конференция «Право – явление цивилизации и культуры» (Москва, РУДН, 29–30 марта 2019 г.); Международный круглый стол «Методология историко-правовых исследований», посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося ученого-правоведа Олега Андреевича Жидкова (Москва, РУДН, 26 марта 2021 г.); III Международный историко-правовой конгресс «Правовые традиции

становления Российской государственности» (к 300-летию провозглашения Российской империи) (Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 12 мая 2021 г.); XI Международная научная конференция «Правовая культура народов Кавказа как творческий синтез взаимодействия цивилизаций» (Ростов-на-Дону, 25 мая 2022 г.); Второй Всероссийский форум историков права «Историко-правовая наука в поиске новых методологических решений» (Санкт-Петербург, 9–10 июня 2023 г.); Всероссийская конференция с международным участием «Шапсуговские чтения», к 80-летию Д.Ю. Шапсугова (Ростов-на-Дону, 17 октября 2023 г.).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, 4 глав, объединивших 12 параграфов, заключения и списка источников и литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕТРОСПЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В КАЛМЫЦКОМ ОБЩЕСТВЕ

1.1. Историография и источники, отражающие становление и развитие системы публичной власти в Калмыкии в XVII — начале XX вв.

Историография проблемы

Историю калмыцкого общества до 1917 г. следует разделить на два периода: ойратский или джунгарский период, в течение которого предки калмыков – ойраты, или западные монголы кочевали в степях Западной Монголии и Джунгарии; и собственно калмыцкий период, начиная с XVII в. Второй период характеризуется тем, что в результате многих причин (военные конфликты, междоусобицы, поиск новых пастбищных территорий) ряд ойратских этнополитических объединений (торгоуты, дербеты, хошоуты и др.) переселились в степи Западной Сибири. В дальнейшем эта часть ойратов постепенно откочевала на запад в междуречье Эмбы, Яика (Урала) и Волги, и заняла всю территорию Северного Прикаспия, где в середине XVII в. образовалось Калмыцкое ханство и началось складывание самостоятельной калмыцкой народности.

Этноним «калмык» («отделившийся» или «оставшийся») имеет, по признанию востоковедов, тюркское происхождение, поскольку соседние тюркские народы так называли всех ойратов, имея в виду их отличную от мусульман религиозную ориентацию. Следует упомянуть, что есть также предположения о калмыцком происхождении этого этнонима. Современный исследователь Б.У. Китинов внес некоторые уточнения в этимологию слова «калмык», полагая, что термин «калмак» изначально являлся топонимом, обозначавший территорию Джунгарии и Западной Монголии, а позже он был

интерпретирован в этническом значении. В русских источниках ойраты с XVI в., с начала русско-калмыцких отношений, назывались калмыками.

У калмыков общая с ойратами древняя и средневековая история. Ойраты известны на исторической арене с начала XIII в., когда вошли в Монгольскую империю Чингис-хана. Их история средневекового периода была тесно связана с историей Монголии, а с момента вхождения калмыков в состав России их судьба стала частью истории Российского государства.

В современный период потребность в историографических оценках является принципом любого историко-правового исследования. Историографию о государственном-правовом развитии калмыцкого общества можно разделить на этапы: дореволюционный, советский и современный периоды.

Дореволюционная историография делится на две части:

1) официальное направление в историографии представляют авторы, являвшиеся чиновниками российской администрации. Они по долгу службы обращали внимание на особенности калмыцкой жизни: экстенсивный характер скотоводства, зависимость от погодных условий, эпидемии, эпизоотии скота и другие негативные стороны жизни кочевой жизнедеятельности. В официальной историографии также получила однозначно положительную оценку система попечительской опеки над калмыками;

2) либеральное направление в историографии Калмыкии начало складываться со второй половины XIX в. Авторы этого направления пытались дать более объективную оценку истории калмыцкого общества.

Первые сведения об ойратах в восточных источниках относятся к началу XIII в., когда ойратские племена вошли в состав Монгольской империи Чингис-хана. История монголов освещается в двух источниках того периода. Первый – «Тайная история монголов», известная в русской литературе под названием «Сокровенное сказание монголов», переведенная с комментариями

и очень содержательно охарактеризованная в монографии С.А. Козина.¹⁹ Это сочинение 1240 года представляет собой историю-хронику, переданную эпическим стилем. Второе – это сведения во втором разделе о монгольских племенах (в том числе об ойратах) из сборника летописей персидского автора Рашид-ад-Дина, составленного в XIV в. и опубликованного в русском переводе в советские годы.²⁰ Оба эти источника, по преимуществу, предоставляют обширный фактический материал о жизни монголов XII – XIII вв., но содержат весьма скудные сведения об ойратах.

Одним из первых исследователей истории калмыков является В.Бакунин. Его труд «Описание калмыцких народов...» датируется 1761 г., но в опубликованном виде этот труд стал известен лишь в 1939 г. как отдельные журнальные статьи. Поскольку эти статьи являлись библиографической редкостью, труд В. Бакунина был переиздан в 1995 г.²¹ Будучи современником описываемых им событий, В. Бакунин оставил нам ценные сведения и личные наблюдения об истории и быте калмыков.

В.М. Бакунин дал подробное описание институтов публичной власти, существовавших в Калмыцком ханстве. При этом автор обратил внимание на особый административный и судебный орган - Зарго. Эти сведения о калмыцком суде являются источником ценной информации, поскольку В.М. Бакунин был участником описываемых им событий. Интерес представляют сведения В.М. Бакунина о нормах обычного права у калмыков.²²

Одним из первых систематическое изложение истории калмыков представил известный русский синолог отец Иакинф (Н.Я. Бичурин). Ему принадлежит работа «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV

¹⁹Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol un niġuġa tobġj an*. Юань чао би ши: Монг. обыденный сборник. Т. 1. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: Изд-во Акад. наук, 1941. 620 с.

²⁰ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т.1 Кн.1. М.-Л.: АН СССР, 1952. 214 с.

²¹ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Соч. 1761 г. [Вступ. ст. М. М. Батмаева, В. Разумовской]. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

²² Подробнее см.: Команджаев Е.А. В.М. Бакунин о Зарго и некоторых чертах обычного права у калмыков. // Теегин герл. 2000. №1. С. 87-89.

столетия до настоящего времени», вышедшее в 1834 г. и переизданное в 1991г., представляет значительный интерес для исследователей истории калмыков²³. Н. Бичурин описание истории ойратов начинает с XV в., оставляя за рамками своей работы проблему их этногенеза. Данный труд также представляет собой хронологическое описание политической и социально-экономической истории калмыков в составе России.

Можно согласиться с мнением Л.Е. Лаптевой, что систематическое научное обобщение и изучение юридических обычаев народов, населяющих Российскую империю, началось не ранее XIX в., хотя большая часть населения страны издревле применяла в своем быту обычаи.²⁴ Основные исследования о калмыцком народе, его законодательстве и системе управления также пришлись на XIX в.

Для историко-правовой науки одним из важнейших источников изучения национального калмыцкого права являются работы по исследованию обычного и писаного права калмыков. «Ики Цааджин Бичик» (Монголо-ойратские законы, Степное Уложение, Великое Уложение) стало объектом исследования для целой группы российских правоведов дореволюционного периода: Ф.И. Леонтовича, К.Ф. Голстунского, Я.И. Гурлянда.²⁵

Ф.И. Леонтович подготовил изданный в 1879 г. труд «К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий (ойратский) устав взысканий». Главным выводом автора являлось признание родоплеменных

²³ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени [Предисл. В. П. Санчирова]. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с.

²⁴ Лаптева Л.Е. Исследования обычного права народов Российской империи в XIX в. // Государство и право. 1997. №8. С.101.

²⁵ Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий (ойратский) устав взысканий. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. 290 с.; Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши / Калм. текст с рус. пер. и прим. и. д. экстра.-орд. проф. в. С.-Петербур. ун-те К.Ф. Голстунского. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1880. 144 с.; Гурлянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по 17-ое столетие. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1904. 112 с.

обычаев истоками калмыцкого права.²⁶ Ф.И. Леонтовичем подробно представлен анализ происхождения, содержания и значения Великого Уложения 1640 г. Ф.И. Леонтович считал, что калмыцкий устав 1640 г. потерял свое практическое значение в силу слабой известности по истечении 200 лет. Поэтому калмыцкая знать, осуществляя судебные функции у подвластных калмыков, пользовалась произволом и строго не придерживалась законов 1640 г. Ф.И. Леонтович отмечал необходимость привести калмыцкий свод законов 1640 г. в соответствие с реалиями калмыцкой жизни в составе России в XIX в. Работа Ф.И. Леонтовича содержит полный текст Великого Уложения, переданного в библиотеку Новороссийского университета известным ставропольским исследователем XIX в. И.В. Бентковским в немецкой редакции П.С. Палласа.

Исследователь Н.А. Попов в 1880 г. опубликовал статью «К вопросу о судьбе калмыцкого права на русской почве» в журнале Министерства народного просвещения, в которой подверг критике указанный труд Ф.И. Леонтовича, не согласившись с использованными в нем источниками. Отдавая дань уважения исследованию Ф.И. Леонтовича и признавая его очень полезным, Н.А. Попов считал его наблюдения слишком субъективными. Автор полагал, что следовало основываться на объективных источниках, в том числе, на архивных материалах²⁷.

Несколько ранее попытку анализа калмыцких обычаев и обычного права произвел Ф.А. Бюлер. Автор рассмотрел обычай наследования имущества женщинами, а также при усыновлении и разводе, право левирата у калмыков и другие. Ф.А. Бюлер на основе разграничений понятий и выражений «древние калмыцкие постановления», «древние права», «обыкновения и обычаи» делает вывод, что суд Зарго после упразднения ханства не руководствовался «древними калмыцкими постановлениями», а ссылался на «древние

²⁶ Леонтович Ф.И. Указ. соч. С.12.

²⁷ Попов Н.А. К вопросу о судьбе калмыцкого права на русской почве. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб, 1880. Ч.34. №3-4. С.7.

калмыцкие обычаи». По его мнению, именно на основании обычаев решались важные споры. Автор пришел к выводу, что понятие йосун (обычай) для калмыков является универсальным и означает все, что связано с жизнедеятельностью народа и его традициями.²⁸

В 1876 г. был опубликован доклад Н.В. Баснина «О древнем калмыцком уложении (очерк старинного судопроизводства у калмыков)», заслушанный на собрании Московского юридического общества и посвященный анализу «древнего калмыцкого уложения». Автор в нем описал организацию правосудия у калмыков и представил оценку судопроизводства и деятельности суда в Калмыкии. Автор пришел к выводу о том, что калмыцкое судопроизводство являлось традиционным и имело давнюю историю: «...калмыки пришли в Россию, располагая своей системой суда и расправы».²⁹ Примечательно, что Н.В. Баснин остановился на вопросе об эволюции суда Зарго у калмыков до 1834 г., то есть до утверждения «Положения об управлении калмыцким народом». В своем труде Н.В. Баснин использовал материалы барона Ф.А. Бюлера.

В 1863 г. в журнале Министерства юстиции была опубликована статья исследователя П. Муллова³⁰. Автор определил, что гражданские дела у калмыков пересмотру не подлежали в случае, если они были рассмотрены посредниками по правилам мирового добровольного разбирательства. По мнению П. Муллова, подобная практика свидетельствовала об устойчивости в калмыцком обществе обычаев и «древних законов».

Широкую известность получил труд монголоведа К.Ф. Голстунского³¹, посвященный характеристике актов национального калмыцкого законодательства от Великого Уложения 1640 г. до дополнений Галдана Хун-

²⁸ Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт. // Отечественные записки. 1846. №7. С.24.

²⁹ Баснин Н.В. О древнем калмыцком уложении (Очерк старинного судопроизводства у калмыков). М, 1876. С.4.

³⁰ Муллов П. Древние калмыцкие законы. // Журнал Министерства юстиции. 1863. Т.18, кн.10, октябрь. С.63-76.

³¹ Голстунский К.Ф. Указ. соч.

Тайджи и хана Дондук-Даши. В данной работе, опубликованной в 1880 г., автор выразил свое мнение о различных переводах текста Великого Уложения, признал некоторые из них несовершенными. В связи с этим он приложил в книге оригинальный калмыцкий текст Великого Уложения со своим переводом. Как и предыдущие авторы, К.Ф. Голстунский пришел к выводу, что Великое Уложение аккумулировало в себе народные обычаи. Публикация оригинального текста данного памятника монгольско-ойратского права, являющегося помимо прочего важным источником для изучения общественного строя монголов, ойратов и калмыков, стала значительным вкладом в монголоведение.

История ойратов привлекла к себе внимание и другого видного представителя российского монголоведения конца XIX – начала XX в. А.М. Позднеева, который был учеником К.Ф. Голстунского. В ряде работ А.М. Позднеев остановился на изучении ойратской истории XV – XVI вв., проблемах духовной культуры калмыков.³²

Для исследователей истории права представляет научный интерес труд Н. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках...»³³. Автор исследования представил историческую справку о калмыках, ареале их обитания, интересные зарисовки калмыцкого быта, определил их обычаи и нравы. В поле его зрения оказались также хозяйственный уклад и социальная организация калмыков. Н. Нефедьев отмечал, что российское правительство установило особый статус калмыцкого народа, позволив сохраниться его обычаям и нормам права. Калмыцкий хан, по его мнению, управлял ханством через суд Зарго. Судопроизводство осуществлялось устно, а слушания большинства дел заканчивались присягой, описание которой приводит автор.

³² Позднеев А.М. Несколько слов об астраханских калмыках. // Восточное обозрение. 1883. №46-48; Памятники исторической литературы астраханских калмыков в подлинном калмыцком тексте. / Издал А.М. Позднеев. СПб: Литография А.И. Иконникова, 1885. 90 с. и др.

³³ Нефедьев Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н.Нефедьевым. Санкт-Петербург: тип. К. Крайя, 1834. 309 с.

Н. Нефедьев обратил внимание на относительную гуманность монголо-ойратских законов 1640 года: даже по тяжким преступлениям преимущественно назначались штрафы, смертная казнь предусматривалась только для изменников. Некоторое ужесточение наказаний у калмыков произошло позже в результате принятия дополнений ханом Дондук-Даши. Н. Нефедьев свое исследование продолжил анализом системы управления калмыцкими улусами после упразднения Калмыцкого ханства по «Правилам для управления калмыцким народом» 1825 г.

Также широкую известность получила работа М. Новолетова «Калмыки. Исторический очерк».³⁴ Автор проанализировал причины как переселения калмыков в Россию, так и последующей откочевки их большей части обратно в Джунгарию. М. Новолетов в истории калмыков в составе России в XVII – XVIII вв. выделяет четыре этапа, различающихся по содержанию: первый – переселение части ойратских племен (торгоутов, дербетов, хошутов и др.) под предводительством Хо-Урлюка в Нижнее Поволжье; второй – период от принятия российского подданства Шукур-Дайчином до конца правления Аюки-хана; третий – период постепенного ограничения ханской власти (1725-1771 гг.); четвертый – период интеграции калмыцких улусов в российскую административно-политическую систему (с 1771 г.). М. Новолетов охарактеризовал в разной степени подробности деятельность отдельных калмыцких правителей: Аюки, Церен-Дондука, Дондук-Омбо, Убаши. Автор дал однозначно отрицательную оценку уходу большинства калмыков под руководством хана Убаши в 1771 г., назвав этот акт изменой, явившейся главной причиной ликвидации Калмыцкого ханства. Значительный интерес для исследователей представляет раздел труда М. Новолетова, в котором он излагает порядок судопроизводства по спорным делам калмыков с соседним населением и оценивает калмыцкое законодательство как казуистическое³⁵.

³⁴ Новолетов М.Г. Калмыки: исторический очерк. Санкт-Петербург: Тип. В. Демакова, 1884. 77 с.

³⁵ Там же. С. 78.

Преобразования в сфере судопроизводства у калмыков, по мнению М. Новолетова, имели место лишь с 1821 г., и длились до принятия «Положений об управлении калмыцким народом» 1834 и 1847 гг.

В основе труда П. Небольсина «Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса» лежат его личные наблюдения. В ряде случаев автор опирался на материалы опубликованных источников.³⁶ Следует заметить, что научный интерес в работе представляют его заметки о традициях и обычаях калмыцкого общества.

В 1904 г. был издан труд Я.И. Гурлянда «Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие», в котором дана обстоятельная характеристика развития законодательства у кочевых монгольских народов. Я.И. Гурлянд свое внимание обратил на обычное право кочевников, полностью состоявшее из их многовековых обычаев и традиций.³⁷ Особое внимание у автора при характеристике степного законодательства вызвала большая роль в его зарождении и развитии «Великой Ясы» Чингис-хана и Великого Уложения 1640 г. Я.И. Гурлянд также обозначил степень влияния язычества и буддизма на законодательство кочевников.

Уже в 1930-е годы в г. Харбине (Китай) была издана книга В.А. Рязановского «Монгольское право (Преимущественно обычное. Исторический очерк)», изданная в 1931 г. в г. Харбин (Китай)³⁸, посвященная изучению законодательства монголов, бурят и калмыков и продолжившая традиции дореволюционной школы. В.А. Рязановский, анализируя эволюцию монгольского законодательства с «Великой Ясы» Чингис-хана отметил особую роль в данном процессе Великого Уложения 1640 года. Особый раздел в книге автора посвящен обычному праву калмыков, поселившихся в России. Помимо этого, автор представил характеристику дополнений калмыцкого

³⁶ Небольсин П.И. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса, составленные Павлом Небольсиным. СПб: тип. К. Крайя, 1852. 383 с.

³⁷ Гурлянд Я.И. Указ. соч. С. 2.

³⁸ Рязановский В.А. Монгольское право. (Преимущественно обычное): Ист. Очерк. Харбин: Тип. Н. Е. Чернышева, 1931. 306 с.

хана Дондук-Даши. По его справедливому мнению, необходимость в них возникла в результате изменившихся условий жизни калмыцкого общества в XVIII в. В исследовании В. Рязановского также представлены сведения о судеустройстве и судопроизводстве у калмыков и дана оценка проектам усовершенствования законодательства 1820-х гг.

В дореволюционных исследованиях обращалось особое внимание на политические, социально-экономические сюжеты, вопросы судеустройства и судопроизводства, проблемы управления калмыцкой степью. Будучи современниками, они обращали внимание на решение практических вопросов управления и судопроизводства, отмечали большое влияние местных обычаев в этих областях.

Особым предметом изучения являются причины ухода калмыков из России в 1771 г. В дореволюционный период трудами Н.Я. Бичурина, Н.А. Нефедьева и др. уход калмыков трактовался как результат интриг калмыцкой знати и как способ восстановления новой ойратской государственности в Центральной Азии после разгрома Китаем Джунгарского ханства. Н.А. Нефедьев причиной также считал ограничение политической самостоятельности Калмыцкого ханства. В 1920-е гг. историк Н.Н. Пальмов к числу причин добавил просчеты и недальновидность российских властей.³⁹

В советской историографии сложилось стереотипное представление о причинах «калмыцкого исхода» 1771 г. в русле приоритетов об угнетенном положении национальных районов в царской России: вмешательство имперской администрации во внутренние дела Калмыцкого ханства; наложение непомерных обязательств на Калмыцкое ханство в поставках войск на войны, которые вела Россия в XVIII в; попытки христианизации калмыков; земельные изъятия по берегам Волги на нужды российского дворянства.

В советской историографии изучаемой проблемы можно выделить два

³⁹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Указ. соч.; Нефедьев Н.А. Указ. соч.; Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. – 160 с.

этапа. В довоенный период, наряду с работами авторов либерального направления, являвшимися последователями дореволюционной школы, появились исследования, развивавшие марксистскую методологию.

К числу последователей дореволюционной историографической традиции следует отнести известного историка и архивиста, профессора Н.Н. Пальмова (1872-1934). Наиболее известным трудом Н.Н. Пальмова является его сочинение «Этюды по истории приволжских калмыков» в 5 частях.⁴⁰ В первой части этого труда представлен обзор событий, связанных с переселением калмыков и упорядочением их отношений с соседями, а также с установлением административно-политических связей Калмыцкого ханства с Москвой и Санкт-Петербургом. Во второй части труда, посвященной событиям второй половины XVIII в., особый интерес представляет раздел, в котором анализируется автором процедура судебных разбирательств между калмыками и соседним оседлым населением. Здесь же Н.Н. Пальмов сообщил о предпринятой попытке правителей Калмыцкого ханства и российской администрации разработать законоположения по порядку рассмотрения подобных дел. Однако эти предложения ханов Дондук-Даши и Дондук-Омбо о принятии особого российско-калмыцкого кодекса для этих спорных уголовных и гражданских дел остались нереализованными, поскольку представители российской администрации категорически придерживались практики применения российских законов при осуществлении правосудия между калмыками и соседним населением. В остальных частях своего обширного труда Н.Н. Пальмов охарактеризовал политику российского правительства в XVIII в., отметив особый статус калмыков в России, а также проанализировал достаточно сложный земельный вопрос в регионе. Следует заметить при этом, что вопрос о принадлежности и юридическом статусе

⁴⁰ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 1: XVII и XVIII века. - Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1926. 264 с.; Ч. 2: XVIII век. Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1927. 231 с.; Ч. 3-4: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1929. 391 с.; Ч. 5: Дела земельные. Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1932. 185 с.

калмыцких земель постоянно обсуждался в дореволюционный период. Следует также упомянуть другую содержательную работу Н.Н. Пальмова «Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в России»,⁴¹ в которой изложена история Калмыцкого ханства.

К анализу проекта вышеупомянутого российско-калмыцкого кодекса в 1740-х гг. для разрешения спорных вопросов между калмыками и окрестным населением обратился исследователь А.А. Лебединский⁴², который сообщил о том, что к разработке проекта калмыцкого уложения имел отношение В.Н. Татищев. Также в указанной работе автор представил свой анализ политической ситуации в регионе в период разработки указанного законоположения.

В 1933 г. опубликовал свои две статьи, переизданные в 1968 г. отдельной книгой, исследователь Г.З. Минкин.⁴³ В данной работе автор достаточно сложную социальную организацию калмыцкого общества оценивал однозначно как феодальную, что позволило ему определять ее в соответствии с марксистскими принципами познания истории.

В 1940-1950-е годы в связи со сталинскими репрессиями в отношении многих народов, в том числе и калмыков, ликвидацией Калмыцкой АССР и депортацией калмыцкого народа в восточные районы СССР, главным образом, в Сибирь, в изучении истории калмыцкого народа наступило 30-летнее затишье. С 1960-х годов начался второй и заключительный этап советской историографии исследуемой проблемы. Наряду с обобщающими трудами по истории Калмыкии, в указанный период появились специальные работы, посвященные изучаемой проблеме, в виде отдельных статей. К исследователям, изучавшим обычаи и обычное право калмыков, следует

⁴¹ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа ...

⁴² Лебединский А.А. К истории калмыцкого права в 40-х годах XVIII в. //Ойратские известия. 1922. № 3–4. С. 78-87.

⁴³ Минкин Г.З. Об общественном строе Калмыкии и колониальной политике царизма. Элиста: Калмыцкий НИИЯЛИ, 1968. 58 с.

отнести С.М. Сагаева, В.С. Сергеева, В.Ш. Бембеева, А.Г. Митирова, К.О. Эрдниеву.⁴⁴

В 1968 г. в периодическом Вестнике Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории были опубликованы статьи по истории права В.С. Сергеева и С.М. Сагаева. В.С. Сергеев в статье, посвященной характеристике Великого Уложения 1640 г., обратил внимание на причины принятия законов 1640 г. и порядок их принятия, подверг классификационному анализу эти законы, выявляя в них уголовные, гражданские и военные нормы, представил характеристику системы наказаний за преступления. Автор также предложил свою версию, так и не прижившуюся в научной литературе, наименования законов 1640 года – «Ойрато-халхаский Ики-Цаадж 1640 г.».

В статье С.М. Сагаева охарактеризованы правовые отношения, существовавшие в калмыцком обществе во второй половине XVII в., главным образом, базируясь на материалах Великого Уложения 1640 г., явившихся основным источником права калмыков указанного периода. В статье исследуются проблемы судопроизводства. Автором, наряду с характеристикой калмыцкого судопроизводства, представлена классификация по отраслям статей Великого Уложения 1640 г. Автор отметил, что статьи Великого Уложения 1640 г. вполне адекватно отражали изменения, произошедшие в развитии ойратского общества, в том числе калмыков, к середине XVII в.

В 1972 г. В.С. Сергеев опубликовал вторую статью с анализом Великого

⁴⁴ Сагаев С.М. Право феодальной Калмыкии 2 половины XVII в. // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып.3. Элиста. 1968. С.157-165; Сергеев В.С. «Ики цааджин бичик» – памятник калмыцкого права. // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып.3. Элиста: 1968. С. 167-180; Сергеев В.С. Ики цааджин 1640 г. – основной юридический источник уголовного права Калмыкии XVII – XVIII вв. // Вестник института. Серия историческая. Вып.6. Элиста: КНИИЯЛИ, 1972. С.152-158; Бембеев В.Ш. О первом русском списке монголо-ойратских законов 1640 г. и его переводе. // Проблемы алтаистики и монголоведения: Материалы Всесоюз. конф. Элиста, 17-19 мая 1972 г. Элиста: (б.и.), 1972. С.76-77; Митиров А.Г. Договоры, присяги и баранта. // Обычай и обряды монгольских народов. Элиста: КалмНИИИФЭ, 1989. С.61-76; Митиров А.Г. Обычай и обычное право калмыков в трудах дореволюционных исследователей России. // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. Элиста, 1988. С.83-93.

Уложения 1640 г., в которой представил в расширенном виде его структуру, характеризуя его как сборник калмыцких правовых норм. При этом автор резюмировал, что большинство норм относятся к уголовному праву.⁴⁵ В.С. Сергеев в своем анализе этого значительного источника калмыцкого права констатировал, что Великое Уложение 1640 г. установило не только понятие преступления, формы вины, виды наказаний, но и основания для наступления уголовной ответственности, а также обстоятельства, отягчающие и смягчающие вину, виды наказаний. Автор статьи также представил описание преступлений и их классификацию.

В книге В.С. Сергеева и Б.В. Сергеева «Уголовное и гражданское право калмыков XVII – XIX вв. (историко-правовые очерки)»⁴⁶, изданной значительно позже (в 1999 г.), авторами представлен правовой анализ принятых в XVII – XVIII вв. нормативных актов. Особую ценность представляют опубликованные в данной книге тексты указов (дополнений) джунгарского хана Галдана Хун-Тайджи (Галдан Бошокту хан) (по книге Ф.Леонтовича), ряд статей Великого Уложения 1640 года и законов (дополнений) калмыцкого хана Дондук-Даши в редакции К.Ф. Голстунского.

Большой интерес вызывают научные работы, которые рассматривают законы 1640 года как источник калмыцкой этнопедагогики. Так, в статье Т.Н. Джамбиновой автором охарактеризованы нормы Великого Уложения, поощрявшие высокую нравственность, положительное поведение, и примерные брачно-семейные отношения и сделано справедливое заключение, что Великое Уложение 1640 г. являлось своеобразным кодексом воспитания дисциплины у калмыков. Эти законы, по мнению автора, поощряли храбрость воинов и их преданность своему нойону, а также требовали соблюдения обычаев и приверженности религиозным правилам. Среди этих норм предусматривались безусловное уважение к старшим и ответственное

⁴⁵ Сергеев В.С. Ики цааджин 1640 г. - основной юридический источник ... С.156

⁴⁶ Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII - XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 223 с.

отношение к труду.⁴⁷

Известный этнограф и исследователь калмыцких традиций А.Г. Митиров опубликовал статью «Договоры, присяги и баранта» в книге «Обычаи и обряды монгольских народов». Автор обратил внимание на достаточно древние народные обычаи у калмыков, бытовавшие в дореволюционный период. Особенно подробно автор охарактеризовал процедуру принесения присяги истцами и ответчиками, широко практиковавшейся в калмыцком судопроизводстве до начала XX в. Ученый также представил описание обычая баранты (обычай компенсации потерпевшей стороне за угон скота, реже – силовое давление или даже нападение потерпевшего с сородичами с целью возвращения угнанного скота или компенсации ущерба), как средства разрешения спорных вопросов.⁴⁸

Получила известность историографическая статья А.Г. Митирова «Обычаи и обычное право калмыков в трудах дореволюционных исследователей России».⁴⁹ Автор анализирует взгляды отечественных исследователей на правовые нормы калмыков и их очевидную взаимосвязь с народными обычаями и традициями. А.Г. Митиров обратил внимание на различную интерпретацию обычаев и обычного права исследователями дореволюционного времени: Ф. Бюлера, Ф. Леонтовича, М. Новолетова, П. Небольсина, миссионера П. Смирнова, главных попечителей астраханских калмыков Н. Страхова и К. Костенкова. При этом автор резонно заметил, что указанные им исследователи не обошли вниманием те случаи, когда многие дела, рассмотренные административными инстанциями, могли бы, по мнению калмыков, быть решены в соответствии с национальными обычаями.

В изданной в 1998 г. книге А.Г. Митирова «Ойраты-калмыки: века и поколения» автор, основываясь на богатом архивном материале, представил

⁴⁷ Джамбинова Т. Степное Уложение 1640 г. (Ик Цааз) – источник этнопедагогике. // Этнопедагогика калмыков и национальная школа: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию проф. О. Д. Мукаевой. Элиста: Калмыц. гос. ун-т, 1997. С.39.

⁴⁸ Митиров А.Г. Договоры, присяги и баранта ...

⁴⁹ Митиров А.Г. Обычаи и обычное право калмыков ...

ретроспективную историю ойратов и калмыков, а также дал характеристику известным историческим личностям.⁵⁰

В 1987 г. была опубликована статья К.О. Эрдниева об изучении Великого Уложения 1640 года по материалам различных редакций монголо-ойратских законов.⁵¹ В этой статье автор достаточно подробно проанализировала различные списки и переводы указанных законов и пришла к выводу, что они не соответствуют в полной мере оригиналу. По мнению автора, имеющиеся списки Великого Уложения 1640 г. содержат в своем тексте достаточно много сокращений и добавлений, которых не было в оригинале закона. В связи с этим К.О. Эрдниева полагает, что более близок к оригиналу список П. Беклемишева, обнаруженный в советское время в архиве профессором Д.А. Павловым. При этом автор считает списки К. Голстунского и П. Палласа далекими от оригинала.

Во второй части обзора историографии проблемы необходимо обратить внимание на работы, посвященные институтам публичной власти в дореволюционном калмыцком обществе.

Научный интерес вызывает монография известного востоковеда И.Я. Златкина «История Джунгарского ханства»,⁵² в которой освещен ряд вопросов, затрагивавший аспекты внутренней и внешнеполитической жизни ойратского общества. Помимо этого, заслугой автора является выявление и издание многих архивных документальных источников по истории русско-монгольских отношений XVII – XVIII вв., а также его участие в написании обобщающих трудов по истории Монголии.

Проблема образования Калмыцкого ханства нашла отражение в монографии М.Л. Кичикова «Исторические корни дружбы русского и

⁵⁰ Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.

⁵¹ Эрдниева К.О. Списки монголо-ойратских законов 1640 г. и их изучение. // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста: Калмыцкий НИИЯЛИ, 1987. С.28-42.

⁵² Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). 2-е издание. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. 333 с.

калмыцкого народов. Образование калмыцкого государства в составе России», изданной в 1966 г., второе издание которой вышло в 1994 году под названием «Образование Калмыцкого ханства». В работе подробно описан процесс переселения калмыков в Россию, обозначена его периодизация, охарактеризован перечень причин и предпосылок складывания Калмыцкого ханства. М.Л. Кичиков пришел к выводу, что многосложный процесс образования Калмыцкого ханства состоялся при правителях Дайчине и Мончаке в период с 1657 по 1664 гг.⁵³. Следует упомянуть, что период окончательного складывания Калмыцкого ханства рядом исследователей (П.Преображенская, М. Батмаев) отодвигается на более поздний период.⁵⁴

Административная система в калмыцких улусах XIX в. проанализирована в статье историка-источниковеда Л.С. Бурчиновой в 1973г.⁵⁵ Подробный анализ «Правил для управления калмыцким народом» 1825 г. и «Положений об управлении калмыцким народом» 1834 г. и 1847 г., изучение состава и функциональных обязанностей органов управления калмыцкими улусами, а также определение действовавших полномочий представителей буддийского духовенства привели автора к выводу, что в XIX в. российская администрация производила унификацию управления, вводя Калмыкию в общероссийскую систему. Ряд мероприятий российского правительства в калмыцких улусах, по мнению Л.С. Бурчиновой, ставил целью устранить устаревшие методы управления в процессе включения региона в российскую административную систему.

В своей второй статье, посвященной анализу административной структуры у калмыков, Л.С. Бурчинова проанализировала вопросы распространения на Калмыкию общероссийской системы управления на

⁵³ Кичиков М.Л. Образование Калмыцкого ханства. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. - 122 с.

⁵⁴ Подробнее см.: Команджаев А.Н., Убушаев Н.Н. Предисловие ко 2-му изданию. // Кичиков М.Л. Образование калмыцкого ханства. Элиста, Калм. кн. изд-во, 1994. С.3.

⁵⁵ Бурчинова Л.С. Из истории управления калмыцким народом (XIX в.). // Труды молодых ученых Калмыкии. Вып.3. Серия истории и филологии. Элиста: Калмыцкий НИИЯЛИ, 1973. С. 59-67.

основе дополнительных источников и более подробной их интерпретации.⁵⁶

Широкую известность получила обобщающая монография К.Н. Максимова по истории национальной государственности Калмыкии в XVII–XX вв.,⁵⁷ в которой автор рассмотрел эволюцию правового статуса Калмыкии в составе России на широком хронологическом фоне. Автор затронул вопросы становления и развития калмыцкой государственности, охарактеризовал функциональные полномочия и деятельность органов государственной власти и местного самоуправления. В монографии автор также остановился на формировании институтов приставов и попечителей в калмыцких улусах в XIX в.

Из перечня работ, анализирующих дореволюционную историю калмыков, следует выделить историографические статьи Б.Э. Боваева. В первой из них⁵⁸ автор охарактеризовал историографию истории Калмыкии от ее зарождения в XVIII в. до начала XX в. Автор постарался показать, как социально-политические условия России влияли на развитие исторической науки на примере калмыковедения. Б.Э. Боваев акцентировал внимание на том, что большинство исторических трудов в дореволюционный период создавалось чиновниками, работавшими в органах управления Калмыкии, и по этой причине содержание этих работ было подчинено практическим целям правительственной политики. Вторая статья Б.Э. Боваева⁵⁹ посвящена характеристике большого количества работ исследователей истории Калмыкии, опубликованных в позднеимперский период. Вполне заслуженное внимание автор уделил деятельности главного попечителя калмыцкого народа

⁵⁶ Бурчинова Л.С. Калмыкия в системе государственного управления России. // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. Элиста, КалмГУ, 1985. С.55.

⁵⁷ Максимов К.Н. История национальной государственности Калмыкии (начало XVII–XX вв.). М.: Профиздат, 2000. 312 с.

⁵⁸ Боваев В.Э. Калмыцкий народ в русской дореволюционной историографии. // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. Элиста, 1985. С. 65.

⁵⁹ Боваев В.Э. Охранительная и миссионерско-клерикальная литература второй половины XIX – начала XX в. о Калмыкии. // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. Элиста, 1988. С.137-151.

полковника К.И. Костенкова, руководителя работ по комплексному обследованию Калмыцкой степи, результаты которой были опубликованы отдельной книгой.⁶⁰

Следует обратить внимание на историографическую статью исследователя А.А. Чужгинова,⁶¹ в которой проанализированы труды по истории Калмыкии послеханского периода до утверждения системы попечительства. А.А. Чужгинов представил анализ работ, затронувших характеристику социально-экономического строя и административной системы Калмыкии в указанный период. Помимо этого, автор обратил внимание на работы историков права К. Голстунского, Ф. Леонтовича и Я.Гурлянда, а также историков 1920-1930-х годов Н.Н. Пальмова и Г.З. Минкина. Вторая статья А.А. Чужгинова⁶² характеризует политику российской администрации в калмыцких улусах по узловым нормативным документам. Автору удалось показать сложившуюся к середине XIX в. систему управления на основе реализации «Правил для управления калмыцким народом» 1825 г., затем видоизмененную «Положениями об управлении калмыцким народом» 1834 и 1847 гг.

В историографической статье М.М. Батмаева, опубликованной в 1976 г., характеризуются основные направления в калмыковедческой научной литературе XIX – начала XX вв. По мнению автора, исследователи официально-охранительного направления вполне оправдывали все мероприятия российского правительства в Калмыкии, а представители либерального направления, обращая внимание на ряд недостатков этой

⁶⁰ Калмыцкая степь по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. СПб.: М-во гос. имуществ, 1868. 300 с.

⁶¹ Чужгинов А.А. О некоторых историографических проблемах истории Калмыкии (конец XVIII — первая половина XIX вв.). // Вестник института. №15, серия историческая. Элиста. 1976. С. 158-171.

⁶² Чужгинов А.А. К вопросу о превращении Калмыкии во внутреннюю провинцию Российской империи (первая половина XIX в.). // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста: Калм. НИИЯЛИ, 1977. С.54-59.

политики, вполне резонно являлись ее критиками⁶³.

Современный период в историографии истории государственно-правовых институтов Калмыкии датируется началом 1990-х гг. В 1993 г. была издана монография М.М. Батмаева «Калмыки в XVII – XVIII вв.»,⁶⁴ в которой автор анализировал события XVII – XVIII вв. в истории калмыков, дал характеристику исторических деятелей указанного периода, а также представил описание быта представителей разных сословий. В работе М.М. Батмаева вызывает интерес его характеристика административной системы Калмыцкого ханства, преступлений и системы наказаний в изучаемый период, а также его описание семейно-брачных отношений у калмыков. Позже, в 2008 г., М.М. Батмаев опубликовал монографическую работу о семье и браке у калмыков.⁶⁵ Помимо этого, перу М.М. Батмаева принадлежит целый цикл статей, среди которых особое место занимают его ранние (1976-1977 гг.) статьи. Первая из них посвящена анализу сложной внутренней обстановки в Калмыцком ханстве в процессе формирования русско-калмыцких отношений. В статье автор, базируясь на архивных материалах, анализировал имевшие место междоусобные конфликты, дал оценку централизаторской политике хана Аюки и политике российского правительства.⁶⁶ В другой, историографической, статье этого автора дана оценка имеющейся научной литературе по истории Калмыцкого ханства периода правления Аюки-хана.⁶⁷ Обобщенное отражение взглядов М.М. Батмаева нашло в его крупной

⁶³ Батмаев М.М. Политическая история Калмыцкого ханства в русской историографии. // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. Элиста: КалмНИИИФЭ, 1988. С.41-59.

⁶⁴ Батмаев М.М. Калмыки в XVII – XVIII веках ...

⁶⁵ Батмаев М.М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Герел, 2008. 253 с.

⁶⁶ Батмаев М.М. Внутренняя обстановка в Калмыцком ханстве в конце XVII в. // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста: Калм. НИИЯЛИ, 1977. С. 34-53.

⁶⁷ Батмаев М.М. К историографии политического положения Калмыцкого ханства в конце XVII – первой четверти XVIII в. // Вестник института. №15, серия историческая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С.140.

монографии о хозяйстве и социальных отношениях у калмыцкого общества XVII-XVIII вв.⁶⁸

В статье А.В. Цюрюмова⁶⁹ представлен анализ методов укрепления централизованной системы власти в Калмыцком ханстве и, в связи с этим, способы подавления сепаратистских настроений среди местной знати. Эти серьезные изменения в административной системе ханства, заключавшиеся в укреплении института ханской власти, существенно снижали статус местных владельцев и вполне были созвучны политике регламентации системы управления в Российской империи. В дальнейшем А.В. Цюрюмов привел имеющиеся в его распоряжении материалы и свои комментарии в крупной обобщающей монографии.⁷⁰

Серьезный анализ как условий, так и причин складывания калмыцкой автономной государственности в составе России, а также характеристика института ханской власти и административной системы была предпринята в работах В.И. Колесника.⁷¹ Автор предложил периодизацию истории калмыцкой государственности, которая, на наш взгляд, нуждается в корректировке: первый этап – максимальный политически самостоятельный статус калмыков (с первой шерти 1607 г. до упразднения Калмыцкого ханства в 1771 г.); второй этап – послеханский период до реформы 1892 г., характеризующийся элементами национально-культурной автономии, в том числе экономической самостоятельностью; третий этап – период советской автономии. В 2003 г. В.И. Колесник опубликовал очень содержательную

⁶⁸ Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.

⁶⁹ Цюрюмов А.В. Политическая обстановка в Калмыцком ханстве во второй половине XVIII в // Проблемы всеобщей и отечественной истории. Элиста: КалмГУ, 1997. С. 135-142.

⁷⁰ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 464 с.

⁷¹ Колесник В.И. Институт ханской власти у калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста, 1996. 21 с.; Колесник В.И. Развитие калмыцкой государственности в составе России. // Проблемы всеобщей и отечественной истории. Вып.2. Элиста, 1997. С. 14-22.

монографию.⁷²

В последние годы защищены докторские диссертации и опубликованы монографии по истории Калмыкии изучаемого нами периода. К их числу относятся диссертации историков В.И. Колесника, А.В. Цюрюмова, Е.В. Дорджиевой, И.В. Лиджиевой, А.А. Курапова, Б.У. Китинова и В.Т. Тепкеева,⁷³ в которых авторы перешли к современной методологии и методике, в том числе отметив цивилизационно-культурные черты калмыков.

Наряду с вышерассмотренной научной литературой следует упомянуть работы этнографического содержания, оказавшие нам существенную помощь в характеристике проблем традиционного уклада жизни, сословного строя калмыков, статуса буддийского духовенства в обществе. Среди них значительное место занимают вышеупомянутые труды Н.Я. Бичурина и В.М. Бакунина.⁷⁴ Среди множества вопросов ими также были затронуты некоторые фрагменты административной системы.

Широкую известность получили этнографические труды И.А. Житецкого,⁷⁵ в которых автор охарактеризовал обычное право у калмыков,

⁷² Колесник В.И. Последнее великое кочевье ...

⁷³ Колесник В.И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии и обратно в XVII-XVIII вв.: автореферат дис. ... доктора исторических наук. Волгоград: ВолГУ, 2003. 54 с.; Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений: автореферат дис. ... доктора исторических наук. Волгоград: ВолГУ, 2007. 44 с.; Дорджиева Е.В. Традиционная калмыцкая элита в пространстве Российской империи в XVIII-начале XX века: автореферат дис. ... доктора исторических наук. М.: МПГУ, 2010. 49 с.; Лиджиева И.В. Местное самоуправление калмыков в XIX - начале XX века: автореферат дис. ... доктора исторических наук. Грозный: ЧГУ им. А.А. Кадырова, 2018. 33 с.; Курапов А.А. Российское государство и буддийская церковь Калмыкии: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII-начале XX века: автореферат дис. ... доктора исторических наук. Волгоград: ВолГУ, 2019. 52 с.; Китинов Б.У. Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов: автореферат дис. ... доктора исторических наук. М.: ИВ РАН, 2020. 53 с.; Тепкеев В.Т. Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII – первой четверти XVIII века: автореферат дис. ... доктора исторических наук. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2020. 44 с.

⁷⁴ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Указ. соч.; Бакунин В.М. Указ. соч.

⁷⁵ Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1886 гг. М.: Книга по требованию, 2011. 114 с.; Житецкий И.А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). // Сборник трудов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань: б.и., 1892. С.36-214.

квалифицируя его как «личный суд господствующих особ». Также он резонно оценил покибиточный налог, установленный для семей простолюдинов, как определенное ограничение произвольных действий калмыцкой знати. Безусловно, ценными являются его наблюдения и заметки, касающиеся технологии калмыцкого кочевого хозяйства. И.А. Житецкий обратил внимание на отклонения, имевшиеся в калмыцком судопроизводстве и судоустройстве. По мнению автора, многие правонарушения у калмыков рассматривались не в официальных калмыцких Зарго, а по «безоговорочным приговорам» местной знати и духовенства. Как заметил И.А. Житецкий, виновных приговаривали к штрафным санкциям и телесным наказаниям.

Исследователь Г.З. Минкин в уже упомянутой книге,⁷⁶ изучая проблему классовых отношений в калмыцком обществе и тем самым способствуя утверждению в 1930-е годы марксистской оценки общественного строя калмыков, в то же время заметил проявления родовых институтов в кочевом калмыцком обществе.

С этнографической точки зрения исследовательский интерес вызывает коллективная монография «Калмыки»,⁷⁷ в которой постатейно описаны этногенез и этническая история калмыков, традиционное хозяйство, семья и быт, культура, обряды, письменность и литература, религия.

«Очерки истории Калмыцкой АССР»⁷⁸ явились первым обобщающим изданием по истории Калмыкии, в первом томе которых авторы охарактеризовали эволюцию калмыцкого общества и калмыцкой государственности в дореволюционный период.

В период празднования 400-летия добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России в 2009 г. была издана 3-томная «История

⁷⁶ Минкин Г.З. Указ. соч.

⁷⁷ Калмыки. / отв. ред. Э.П. Бакаева, Н.Л. Жуковская/. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. М.: Наука, 2010. - 568 с.

⁷⁸ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. - 479 с.

Калмыкии».⁷⁹ В этом комплексном фундаментальном научном труде показана история калмыцкого народа, начиная с истории ойратов в составе монгольского государства до начала XXI в. Для нас особый интерес вызывает первый том, где показан процесс переселения части ойратов, получившей название калмыков, в состав России, образование и развитие Калмыцкого ханства, освещено социально-экономическое, административно-политическое и культурное развитие Калмыкии до начала XX в.

Зарубежная историография исследуемой проблемы на современном этапе представлена трудами американских историков М. Ходарковского, Д.Островски и У. Сандерленда, немецкого ученого Д. Шорковица.⁸⁰ М.Ходарковский пришел к небесспорному выводу о полной независимости Калмыцкого ханства, являвшемся лишь союзником России. Он также обратил внимание на особый цивилизационно-культурный облик калмыцкого общества исследуемого периода. Следует упомянуть, что в 2022 г. книга М.Ходарковского «И встретились два мира...» была издана впервые в русском переводе.⁸¹ Д. Островски охарактеризовал монгольское влияние на русские земли преувеличенно, по мнению российских историков. Работы Д.Шорковица посвящены межкультурному взаимодействию монгольских народов на более ранних этапах. У. Сандерленд охарактеризовал в своей книге политику Российского государства в степной зоне как колониальную.

⁷⁹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т.1.Элиста: Герел, 2009. - 845 с.

⁸⁰ M.Rhodarkovsky. Where two worlds met: The Russian state and the Kalmyk nomads. 1600–1771. Ithaca; London: Cornell univ. press.Cop/1992. - 278 p.; Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800: Пер. с англ. А.Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. - 348 с.; Ostrovski D. Muscovy and the Mongols. Cambridge: Cambridge University Press? 1998; Шорковиц Д. Культурные контакты и культурная трансмиссия в Западной Евразии в эпоху средневековья. // Археология, этнография и антропология Евразии. 3(51), 2012. С.84-94; Шорковиц Д. Мобильность и неподвижность в Монгольской империи. // Монголоведение. 2020. №12 (3). С. 430-445; Willard Sunderland. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 2004. 239 p.

⁸¹ М. Ходарковский. И встретились два мира: Россия и калмыцкие кочевники (1600-1771). Пер. с англ. Т.Н. Богрдановой. Элиста: изд-во КалмНЦ РАН, 2022. - 375 с.

Другие зарубежные авторы (Б. Бат-Очир, П. Бонте) также обращали внимание на цивилизационные отличия кочевых обществ. Так, Б. Бат-Очир отмечал значительное влияние буддизма на монгольское общество⁸² и критиковал концепцию кочевого феодализма. П. Бонте, изучая кочевые скотоводческие общества, отмечал их своеобразие и неповторимость.⁸³ Существенным отличием зарубежной историографии является использование более широкого разнообразия теоретико-методологических подходов. Вместе с тем, в их работах ощущается недостаток первоисточников, что повлияло на слабую аргументированность ряда положений и выводов.

Что касается историко-правовой науки Калмыкии, то она зародилась в 1960-х гг. работами вышеупомянутых В.С. Сергеева, С.М. Сагаева и в настоящее время представлена несколькими авторами. Кроме автора данного исследования в последние десятилетия были подготовлены диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук И.Ч. Аксеновым (2004 г.) и И.К. Очир-Гаряевой И.К. (2006 г.).⁸⁴

Если первый автор посвятил свое исследование вопросам социальной организации калмыцкого общества и права преимущественно в период Калмыцкого ханства, то второй – вопросам развития системы управления в калмыцких улусах в XIX в. Обращает внимание на себя то обстоятельство, что историко-правовые проблемы ими рассматривались в значительной степени в рамках прежних подходов и методов, создававших несколько упрощенный взгляд на сложный характер развития институтов публичной власти в специфическом регионе кочевого калмыцкого общества в XVII – начале XX века.

⁸² Bat-Ochir, B. *Mongolian Nomadic Society: A Reconstruction of the «Medieval» History of Mongolia* / B.Bat-Ochir. - New York: Palgrave Publishing (St. Martin's Press), 2001. - 204 p.

⁸³ Bonte P. *Marxist Theory and Anthropological Analyses: The Study of Nomadic Pastoralist Societies* / P. Bonte // *The Anthropology of Precapitalist Societies* / ed. Kahn J.S., Llobera J.R. Atlantic Highlands. - New York, 1981. - P.22-56.

⁸⁴ Аксенов И.Ч. Указ. соч.; Очир-Гаряева И.К. Указ. соч.

В 2012 г. была защищена кандидатская диссертация В.А. Скибы о правовом статусе Калмыкии XVII – XIX вв.⁸⁵ Автор затронул аспекты перекочевки калмыков в южнороссийские степи и охарактеризовал систему управления и суда в XVIII – XIX вв. К сожалению, рамки кандидатской диссертации обусловили ее обзорное и описательное содержание.

Большое теоретическое и методологическое значение при подготовке диссертации имели использованные труды современных ученых-правоведов, специалистов по истории и теории права: М.И. Байтина, Н.Н. Ефремовой, Н.И. Краснякова, Л.Е. Лаптевой, В.П. Малахова, Л.С. Мамута, А.А. Малиновского, Г.В. Мальцева, Н.Ф. Медушевской, Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной, К.Е. Сигалова, Д.Ю. Шапсугова, Ю.Н. Сушковой, В.Е. Чиркина.

Таким образом, историография истории государственно-правового развития калмыцкого общества, насчитывающая сотни трудов, прошла более чем 200-летний путь. Это не удивительно, поскольку, по признанию дореволюционных исследователей, калмыки являлись самым известным азиатским народом дооктябрьской России. Эту известность калмыки заслужили по ряду обстоятельств. Во-первых, калмыки осуществили последние во всемирной истории трансконтинентальные переходы кочевников в XVII – XVIII вв., существенно изменив этническую карту Нижнего Поволжья, Северного Прикаспия, Предкавказья и Причерноморья. Во-вторых, калмыки сыграли важную роль в становлении Российской империи и расширении ее границ, поскольку являлись одной из важнейших сил, обеспечивших российское преобладание в громадном регионе Юга страны. В-третьих, калмыки являлись особым кочевым народом России (наверняка, это и есть главная причина непрекращающегося исследовательского интереса к ним) со значительной дороссийской законодательной традицией и историей государственности. И эти традиционные черты были основой формирования автономного Калмыцкого

⁸⁵ Скиба В.А. Правовое положение Калмыкии в составе Российской империи (XVIII-XIX вв). Автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Махачкала: ДГУ, 2012. 18 с.

ханства на юге России. Калмыки относятся к редким представителям старописьменной культуры со сложившимися институтами языка, письменности, литературы, летописания и фольклора. Калмыки – буддийский народ, что повлияло на формирование у них буддийского мировоззрения и миропонимания, одним из элементов которого является толерантность в отношении других народов. И, наконец, калмыки являются классическими представителями кочевой цивилизации, сохранявшие традиционный уклад жизни до 1930-х годов.

Дореволюционные исследователи много добились в деле сбора и накопления материалов, сохранили своими трудами ценные наблюдения и заметки современников. Среди них мы видим ученых, представителей академической науки (Ф.А. Бюлер, Н.Я. Бичурин, А.М. Позднеев и др.), в том числе правоведов (Ф.И. Леонтович, К.Ф. Голстунский, Я.Н. Гурлянд и др.), чиновников администрации (главные попечители калмыцкого народа К.И. Костенков и С.А. Козин, в советский период ставший академиком и др.) и православных миссионеров (Я.П. Дуброва, Н.В. Львовский (Мефодий). Вне зависимости от идейной направленности и служебных обязанностей они заложили основы отечественного изучения калмыцкого народа, как части востоковедной науки.

В первые советские десятилетия трудами Н.Н. Пальмова и А.А. Лебединского была продолжена сложившаяся в дореволюционный период либеральная традиция, которая была вытеснена утвердившимся марксистским пониманием истории. Годы сталинских репрессий в отношении калмыцкого народа, его депортация в восточные районы СССР в 1943-1956 гг., с последовавшей затем реабилитацией и восстановительным периодом обусловили отставание региональной науки от общесоюзного уровня на 30-50 лет. С середины 1960-х годов ученые пытались преодолеть это отставание как созданием обобщающих трудов (Очерки истории Калмыцкой АССР), так и подготовкой специальных работ, в том числе историко-правовой направленности (С.М. Сагаев, В.С. Сергеев и др.).

В современный период историко-правовая и историческая наука рассматривает институты публичной власти у калмыков с точки зрения новых методологических подходов. Кроме влияния социально-экономических и политических факторов на общественные отношения признается роль цивилизационно-культурных аспектов. Современная историография обращает внимание на различные стороны жизни и быта калмыков и в своих трудах исследователи поднимают самые разные вопросы внутреннего уклада калмыцкого общества.

В качестве примера, о существенных изменениях в историографической оценке событий прошлого можно судить по анализу причин обратного перехода большей части калмыков из России в Центральную Азию в 1771 г. В современной историографии причины ухода калмыков 1771 г. в значительной степени дополнены цивилизационными аспектами по сравнению с анализом этого процесса советскими исследователями: Е.В. Дорджиева к ним относит неприятие калмыками русской культуры и самоидентификацию калмыков как части ойратского сообщества, а также калмыцкое «санамр», т.е. беспечность, безмятежность, жизнь одним днем⁸⁶. На самом деле при характеристике калмыцкого уклада жизни эта дефиниция не применима. В данном случае речь может идти об определенной социальной и политической пассивности буддийского народа ввиду того, что буддийскую культуру отличает в большей мере стремление к самопознанию и саморазвитию. По справедливому мнению философов М.С. Уланова и В.Н. Бадмаева, буддиста отличает стремление изменить себя, а не мир⁸⁷. В.И. Колесник к вышесказанному добавил тезис о достижении в Калмыцком ханстве определенного предела в демографической численности населения в 300 тыс. чел., после которого торгоутские правители решили прибегнуть к испытанному методу сегментации, т.е. переселению части калмыков в Центральную Азию. По мнению автора, уход калмыков из

⁸⁶ Дорджиева Е.В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д: изд-во СКНЦ ВШ, 2002. 210 с.

⁸⁷ Уланов М.С., Бадмаев В.Н. Буддизм в контексте типологии цивилизаций // Философские науки. 2016. №10. С.38

России в 1771 г. имел всемирно-историческое значение: «Калмыцкая элита уводила весь народ, чтобы защитить средневековый суверенитет от наступления европейской государственности нового времени, возвращая ойратов в границы первоначального обитания»⁸⁸.

В целом, соглашаясь со всем спектром причин калмыцкого исхода 1771г. обозначенным нашими предшественниками, следует признать, что уход калмыков в Китай в 1771 г. явился в огромной мере результатом цивилизационно-культурного столкновения.

Важную методологическую и методическую помощь в изучении роли и эволюции институтов публичной власти оказали труды современных авторов. Обращают на себя внимание публикации Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной, М.А. Супатаева, К.Е. Сигалова, Д.Ю. Шапсугова⁸⁹ и др. по этим вопросам, в том числе, в опубликованных материалах, проводившихся в Российском университете дружбы народов Жидковских чтений. Вопросы методологии истории государства и права нашли освещение в работах В.П. Малахова, как в опубликованных на страницах отечественного журнала «История государства и права» в 2018-2020 гг., так и в его монографии⁹⁰. Многие внесли в разработку современной методологии и теории историко-правовых и теоретико-правовых исследований труды О.Ю. Рыбакова, А.В. Корнева, А.А. Дорской, А.А. Малиновского, С.В. Кодана и др.⁹¹

⁸⁸ Колесник В.И. Последнее великое кочевье ... Автореферат дис.... доктора исторических наук. Волгоград: ВолГУ, 2003. С.45.

⁸⁹ Шапсуг Д.Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. М.: Юрист, 2003. 685 с.

⁹⁰ Малахов В.П. Теория правосознания. М.: ООО «Изд-во «Юнити-Дана», 2020. 335 с.

⁹¹ Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: Автореферат дис. ... доктора юридических наук. Саратов: СГАП, 2005. 41с.; Корнев А.В. Проблемы истории, методологии и теории юридической науки. М.: Норма: Инфра-М, 2018. 528 с.; Дорская А.А. Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности. СПб.: Астерион, 2014. 176 с.; Малиновский А.А. История и методология юридической науки. М.: Изд-во Прометей, 2022. 562 с.; Кодан С.В. Источниковая база юридического диссертационного исследования: понимание, структура, репрезентация носителей информации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. №3 (63). С.13-25.; Кодан С.В. Источниковедение в междисциплинарном пространстве историко-юридических наук // Правоприменение в

Цивилизационно-культурные и социокультурные основания государства и права разработаны в научных трудах философов и культурологов В.С. Степина, В.М. Межуева, В.И. Пржиленского и др.⁹² Заслуживает учета мнение академика В.С. Степина о наличии помимо биологического кода особого социокода, то есть, надбиологической программы, регулирующей социальное поведение, деятельность и общение. Анализ культурно-исторических явлений и их роли в правовом развитии общества представлен в монографии Г.Е. Мальцева.⁹³

Безусловно, автор реализует поставленные цель и задачи с позиций цивилизационно-культурного и социокультурного подходов, основные параметры которых в дореволюционной науке были очерчены в трудах русского социолога и культуролога Н.Я. Данилевского. В своем обобщающем труде «Россия и Европа» (1869) он сформулировал идею цивилизационного подхода в своей теории «культурно-исторических типов»⁹⁴. Поскольку в советской историко-правовой науке утвердился марксистский формационный подход, в котором, наряду с позитивным зарядом, одним из его негативных последствий являлось второстепенное, порой слабое, отражение особенностей исторического прошлого народов многонациональной России, то цивилизационный подход в XX веке апробировался исключительно в зарубежной науке. Немецкий философ О. Шпенглер в своем двухтомном труде «Закат Европы (1918, 1922) будучи автором идеи о «локальных цивилизациях» подверг критике концепцию единства мировой истории и

публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции. Омск, 2021. С. 374-379.

⁹² Степин В.С. История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Академический проспект; Трикста, 2011. 423 с.; Степин В.С. Цивилизация и культура. - СПб.: СПбГУП, 2011. 407 с.; Межуев В.М. Идея культуры: очерки по философии культуры. М.: Университетская книга: Прогресс-Традиция, 2012. 403 с.; Пржиленский В.И. Социальные технологии: фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Норма: Инфра-М, 2016. 174 с.

⁹³ Мальцев Г.Е. Культурные традиции права. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 607 с.

⁹⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации. Благословение. 2011. 573 с.

культуры⁹⁵. Английский историк, философ и культуролог А. Тойнби в работе «Постижение истории», которая, наряду с другими его трудами, стала известна в русском переводе для широкого круга читателей в России лишь в постсоветский период, выделил во всемирной истории и современности 21 цивилизацию. Что касается России, то А. Тойнби отмечал, что в мировой истории только русскому оседлому обществу удалось подчинить евразийских кочевников и изменить ландшафт степи, превратив ее в сельскохозяйственные поля⁹⁶. Внесли свою лепту в развитие цивилизационного подхода немецкий философ К. Ясперс («Смысл и назначение истории», 1949) и американский социолог и политолог С. Хантингтон⁹⁷. Являясь автором идеи этнокультурного разделения цивилизаций, С. Хантингтон логически пришел к концепции «столкновения цивилизаций». За рубежом американский социолог русского происхождения П.А. Сорокин предложил концепцию социокультурной динамики, обратив внимание на интеграционную доминанту в этом процессе⁹⁸. На современном этапе цивилизационный и социокультурный подходы в историко-правовых исследованиях активно разрабатываются в трудах правоведов Г.И. Муромцева, В.П. Малахова, М.В. Немытиной, М.А. Супатаева, К.Е. Сигалова, Н.Ф. Медушевской, Г.Е. Мальцева, А.А. Дорской, О.Ю. Рыбакова, А.В. Корнева и др.⁹⁹

⁹⁵ Шпенглер О. Закат Европы. М.: «Наука», 1993. 592 с.

⁹⁶ Тойнби А.Дж. Постижение истории: сборник / Пер. с англ. Е.Д.Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.

⁹⁷ Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. / Пер. с англ. Т.Велимеева, Ю.Новикова. М.: ООО «изд-во АСТ», 2003. 603 с.

⁹⁸ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Пер. с англ. В.В.Сапова. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. 1054 с.

⁹⁹ Немытина М.В. Цивилизационно-культурный подход ... С.28-40; Лаптева Л.Е., Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Указ. соч. С.1679-1691; Немытина М.В. Цивилизационно-культурный вектор в правовых исследованиях. // Тенденции развития права в социокультурном пространстве. Жидковские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции. Отв. редактор М.В. Немытина. М.: РУДН, 2018. С.6-13; Немытина М.В. Этатизм и социологизм в российской правовой культуре. // Типы правопонимания и вызовы меняющегося мира. Сб. научных статей по результатам Международной научной конференции. М.: 2016. С.63-70; Немытина М.В. Традиции в правовых культурах, правовых системах. // Правовые традиции. Жидковские чтения: материалы Международной научной конференции. М.: РУДН, 2014. С.18-26; Супатаев М.А. К проблематике цивилизационного

Источники

Источниковой базой нашего исследования являются законы Российской империи, законодательные акты калмыков, опубликованные и архивные материалы официального делопроизводства и материалы исследовательских экспедиций. По справедливому мнению С.В. Кодана, источниками в историко-правовых исследованиях может быть широкий комплекс носителей государственно-правовой информации.¹⁰⁰

Важными источниками являются публикации архивных документов по дореволюционной истории Калмыкии. Эти документы опубликованных сборников позволяют характеризовать как социально-политическое и культурное развитие Калмыкии, так и определить роль институтов публичной власти в регионе.

Изданный в серии «Антология памятников права народов Кавказа» 9-й том под названием «Памятники права калмыков»¹⁰¹ содержит материалы по политической истории, договоры и законодательные акты калмыков периода средневековья и нового времени. Ценными для исследователей документами являются опубликованные в сборнике «Государственное строительство Калмыкии XVII – XXI вв.»¹⁰² материалы, в том числе законодательные, по истории государственности у калмыков XVII – XXI вв. Несмотря на то, что

подхода к праву (очерки общей теории и практики): монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 143 с.; Медушевская Н.Ф., Сигалов К.Е. Методологические проблемы правового знания. М.: ИГ «Граница», 2013. 175 с.; Сигалов К.Е. Многообразие форм среды права: монография. М.: АНО ВПО «МОГИ», 2012 235 с.; Дорская А.А. Периодизация истории государства и права России: проблемы аксиологической интерпретации // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. №2. С.29-36; Дорская А.А. Методология изучения кризисных явлений в праве: историко-правовой ракурс // История государства и права. 2021. №4. С. 47-50; Бабенко В.Н., Рыбаков О.Ю. Особенности развития источниковедения и историографии в системе юридических наук // Российский юридический журнал. 2021. №5 (140). С. 32-36; Корнев А.В. Проблемы истории, методологии и теории юридической науки. М.: Норма: Инфра-М, 2018. 528 с.

¹⁰⁰ Кодан С.В. Историко-юридическое источниковедение в структуре современного российского правоведения // Российский юридический журнал. 2018. №4 (121). С. 34.

¹⁰¹ Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Памятники права калмыков. Элиста – Ростов/нДону: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 455 с.

¹⁰² Государственное строительство Калмыкии XVII–XXI вв. Сборник документов и материалов. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. 399 с.

ряд документов были опубликованы ранее, данный сборник содержит тематическую подборку материалов, извлеченных из фондов центральных архивохранилищ страны.

Источниками для нашего исследования стали российские законодательные акты, изданные в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ РИ). Среди них наиболее информативными для нашего исследования являются важнейшие нормативные правовые акты Российского государства, регламентировавшие структуру и деятельность институтов публичной власти в калмыцких улусах в XIX в. Эти основополагающие акты опубликованы во втором собрании Полного собрания законов Российской империи. К таковым относятся «Правила для управления калмыцким народом» 1825 г., «Положения об управлении калмыцким народом» 1834 и 1847 гг.¹⁰³ Указанные акты обозначили как структуру управления калмыцкими улусами, так и функциональную деятельность институтов публичной власти в регионе на весь последующий период до начала XX в. Тем не менее не все вопросы о статусе калмыцких улусов и калмыцких земель были решены указанными законоположениями. В частности, на всем протяжении XIX в. регулярно возникали земельные споры из-за неопределившегося статуса калмыцких земель (землепользование или землевладение, совместное владение и др.). При этом вышеупомянутые законы сыграли большую роль в процессе интеграции Калмыкии в общероссийское административно-политическое пространство при сохранении многих цивилизационно-культурных черт представителей кочевой цивилизации.

Изучение исторического прошлого ойратов в целом и калмыков, в частности, осложняется тем, что условия кочевого образа жизни и перенесенные ими исторические потрясения не позволили сохранить значительную часть собственно ойратских источников. Дошедшие до нашего

¹⁰³ «Правила для управления калмыцкого народа» 1825 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собрание (далее ПСЗ РИ-II), Т.40, № 30290.; «Положение об управлении калмыцким народом» 1834 г. // ПСЗ РИ-II, Т.10, №7560а; «Положение об управлении калмыцким народом» 1847 г. // ПСЗ РИ-II, Т.22, № 21144.

времени ойратские и калмыцкие источники содержат весьма скудные данные о жизни ойратов в ранний период, а сведения, относящиеся к XVII – XVIII вв., являются фрагментарными.

XIV – XVI века являются периодом междоусобиц внутри монголо-ойратского сообщества и длительных конфликтов с соседними кочевыми и оседлыми народами. По этой причине многие памятники письменной культуры не сохранились, в связи с чем из-за событий, не отразившихся в письменных источниках, академик Б.Я. Владимирцов XIV – XVI вв. назвал «темным периодом» монгольской и ойратской истории.¹⁰⁴ В связи с этим исследователи, изучавшие события «темного периода», могли использовать лишь фрагментарные сведения из более поздних монгольских источников XVI – XVII вв.

Большое влияние на возрождение письменной традиции оказало распространение буддизма у монголов и ойратов. Справедливости ради следует иметь в виду, что многие письменные монголо-ойратские источники были написаны на тибетском языке. Эти монголо-ойратские источники, в том числе летописи, содержали сведения о военных и политических событиях, о религиозной жизни, а также биографические данные представителей знати и духовенства. К собственно калмыцким летописям относятся «Лунный свет» (биография калмыцкого просветителя XVII в. Зая-Пандиты), две версии «Сказания о Дербен-Ойратах» Габана Шараба и Батур-Убаши Тюменя, «История калмыцких ханов» и др.¹⁰⁵

Для характеристики традиционных институтов публичной власти у калмыков и оценки их правовой системы важным источником являются монголо-ойратские законы 1640 г. (на языке оригинала «Ики цааджин бичиг», в переводе на русский язык «Великое Уложение», нередко употребляется определение «Степное Уложение»). Позднее к тексту Великого Уложения

¹⁰⁴ Владимирцов Б.Я. Работы по литературе монгольских народов. М.: Восточная литература, 2003. С.64.

¹⁰⁵ Бадмаев А.В. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. НИИ яз., литературы и истории, 1969. 203 с.

были добавлены дополнения джунгарского правителя Галдан Хун-Тайджи (Галдан Бошокту хан) и калмыцкого хана Дондук-Даши.

Следует сказать, что впервые в России особый интерес к этому основополагающему документу ойрат-калмыцкого законодательства стали проявлять лишь в конце XVIII в., поскольку калмыцкий вопрос приобрел важное значение после трагических событий 1771 г – ухода из России подавляющего большинства (75 %) калмыцкого населения обратно в Центральную Азию под предводительством последнего калмыцкого правителя Убаши-хана. Это обратное переселение, полное тягот и лишений в зимний период, при постоянных набегах казахов и среднеазиатских народов привело к гибели более половины калмыков. Именно после этого события российские власти предприняли решительные действия по изучению калмыков и «приведению в известность» их законов и обычаев. По сути, Россия в лице чиновничества и научного сообщества решила детальнее познать цивилизационно-культурный облик кочевников-калмыков. Справедливости ради следует признать, что в России познание Востока началось именно с изучения калмыцкого общества в XVIII в.

Н.Н. Пальмов привел сведения о том, что коллегия иностранных дел еще до событий 1771 г. поручила саратовскому воеводе полковнику В.Беклемишеву получить копию Великого Уложения 1640 г. Переводчику Я.Самсонову удалось в калмыцких кочевьях при содействии знатных людей сделать копию с текста Великого Уложения.¹⁰⁶ По мнению исследователя К.О. Эрдниева, именно Я. Самсонов перевел на русский язык текст монголо-ойратских законов 1640 г., а позже этот перевод был дополнен исправлениями и примечаниями В.М. Бакунина.¹⁰⁷

Что касается первых изданий Великого Уложения, то по этому поводу уместно привести мнение профессора Ф.И. Леонтовича: «В 1776 году граф П.Б. Шереметев информировал Вольное Российское Собрание в Московском

¹⁰⁶ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков... С.105.

¹⁰⁷ Эрдниева К.О. Списки монголо-ойратских законов ... С.37

университете о рукописном списке калмыцкой хартии, которая была опубликована в том же году в третьей части «Опыта Трудов» под заголовком «Перевод с прав монгольских и калмыцких народов».¹⁰⁸ Ф.И. Леонтович также сообщил о втором русском издании Великого Уложения ориентировочно в 1827 г. под названием «Законы Мунгальские и Калмыцкие (перевод с права Мунгальского и Калмыцкого народов)». Одновременно с изданием русского перевода Великого Уложения 1640 г. был опубликован текст этих законов в редакции П. Палласа на немецком языке, в который не попали ряд статей из русскоязычной версии и было значительно сокращено введение. По мнению Ф.И. Леонтовича изданные русские переводы и список П. Палласа не соответствуют в полном виде Великому Уложению 1640 г. Возможно, до нас так и не дошел наиболее полный и достоверный текст Великого Уложения. Ф.И. Леонтович отметил преимущества издания П. Палласа: «Паллас имел очень точный и обстоятельный перевод устава с калмыцкого языка. В русском переводе присутствуют статьи с неверным переводом, иногда – с очевидной бессмыслицей. Все такие неточности и погрешности исправлены у Палласа».¹⁰⁹ К.О. Эрдниева считает, что Ф.И. Леонтович опубликовал список Великого Уложения, подаренного секретарем статистического комитета Ставропольской губ. И.В. Бентковским в библиотеку Новороссийского университета. Текстуальный анализ различных списков, произведенный ориенталистом В.Л. Котвичем, привел его к мнению о наличии трех редакций Великого Уложения 1640 года: древнейшая русская, сокращенная немецкая, и новейшая редакция.¹¹⁰

Исследователи полагают, что древнейшая русская редакция Великого Уложения воеводы В. Беклемишева, переданная в коллегии иностранных дел, содержит наиболее полную версию как самих законов, принятых в 1640 г., так и более поздний указ джунгарского хана Галдана Хунтайджи с дополнениями

¹⁰⁸ Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев... С.4-5.

¹⁰⁹ Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев... С.6.

¹¹⁰ Эрдниева К.О. Списки монголо-ойратских законов ... С.34.

к этим законам. Сокращенную немецкую редакцию, по В.Л. Котвичу, представляет список П. Палласа с дополнениями в сокращенном виде калмыцкого хана Дондук-Даши.¹¹¹ Позднее известность в научном мире получил список К.Ф. Голстунского, являющегося новейшей редакцией Великого Уложения.¹¹² К.Ф. Голстунский опубликовал текст законов 1640 года с дополнениями Галдана Хун-Тайджи и Дондук-Даши на калмыцком языке с собственным переводом на русский язык. Следует заметить, что тексты этих дополнений полностью или частично имеются также в книге Я.И. Гурлянда.¹¹³

В русских документах первоначальные упоминания о калмыках появились в начале 1580-х годов, затем сведения о калмыках стали частыми в документах XVII – XVIII вв. Определенный круг делопроизводственных материалов, главным образом относящихся к XIX — началу XX века, сосредоточен в фондах Министерства юстиции и Земского отдела Министерства внутренних дел Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА). Зачастую делопроизводственные документы в центральных архивохранилищах Российской Федерации дублируются с таковыми в фондах Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). Дело в том, что с оригиналов документов, направляемых в центр, как правило, снимались копии, сохранявшиеся в местном архиве.

Содержательные делопроизводственные материалы XVIII в. имеются в фонде 36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе» в НА РК. Некоторые материалы датированы 1713 г., основная же масса дел начинается с 1722 г. В указанном фонде хранится множество делопроизводственных документов: грамоты калмыцким ханам и отдельным

¹¹¹ Там же. С.37

¹¹² Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан Хун-Тайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1880. т 144 с.; Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Памятники права калмыков. Элиста – Ростов/нДону: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 455 с.

¹¹³ Гурлянд Я.И. Указ. соч.

владельцам, переписка с центральными ведомствами, исполнительно-распорядительные бумаги, многочисленные рапорты, отчеты и донесения чиновников, материалы разных судебно-следственных дел. Отдельные сведения начала XIX в. имеются в фонде 1 «Главный пристав калмыцкого народа»

В фонде 9 «Управление калмыцким народом» содержатся многие ценные сведения, касающиеся событий XIX – начала XX века (введения общероссийского управления, попытки проведения реформ второй половины XIX в., реформы 1892 г. в Калмыкии). Исследовательский интерес вызывают делопроизводственные материалы этого фонда, в особенности, сводные годовые отчеты второй половины XIX – начала XX в., в которых нашли отражение сведения о значимых мероприятиях, об экономическом развитии и торговле, территории и населении калмыцких улусов. В нашем случае, поскольку речь идет об этнокультурном своеобразии калмыков, можно упомянуть дело № 144 из этого фонда (опись 1) «Донесения попечителей улусов в Управление калмыцким народом, последнего Астраханскому губернатору о нравственном и экономическом состоянии калмыцкого народа», в котором нашли отражение ценные наблюдения и свидетельства русских чиновников калмыцкой администрации о нравственных чертах калмыков в конце XIX в. При этом все положительные черты, присущие калмыкам (честность, порядочность, дисциплинированность, чувство долга, уважение к женщине, забота о сиротах, инвалидах и неимущих и др.), они характеризовали как традиционные, негативные же черты (пьянство, кражи скота для перепродажи) квалифицировались ими как результат внешнего воздействия, связанного с внедрением рыночных отношений и соседством других народов.

Также впервые в научный оборот вводятся многочисленные материалы Национального архива Калмыкии из фондов улусных управлений по судопроизводству у калмыков, относящиеся к XIX в. (фонд 45 «Главное Зарго»). Данные материалы отчетливо показывают традиционный уклад

жизни калмыцкого народа, приверженность обычаям и менталитет, которые в XIX в. начинают подвергаться влиянию российского законодательства и судопроизводства.

Кроме того, большой делопроизводственный материал собран в Государственном архиве Астраханской области (ГААО), так как после ликвидации Калмыцкого ханства калмыцкие улусы стали подчиняться астраханскому губернатору, и впоследствии Калмыцкая степь как особая административно-территориальная единица входила в состав Астраханской губернии. Документы делопроизводства сосредоточены в Фонде 1 «Канцелярия Астраханского губернатора».

К числу важнейших источников нашего исследования относятся как опубликованные результаты академических экспедиций, так и труды современников, в которых они зафиксировали свои наблюдения и заметки, касающиеся традиционного уклада жизни, обычаев и обрядов калмыков.¹¹⁴

Со второй половины XVIII в. Калмыкия стала объектом внимания экспедиций, организованных Академией наук, для изучения естественно-географических условий жизни, исторических и этнокультурных особенностей калмыцкого народа. Этот интерес был вызван не только развитием научной мысли в России, но и практической целесообразностью: калмыцкие степи являлись базой для дальнейшего распространения российского влияния на Кавказ, усилившееся вмешательство правительства в дела Калмыцкого ханства сопровождалось также отчуждением больших участков земель по берегу Волги в пользу представителей российской знати и попытками перевода калмыков в православие и др. К числу руководителей и участников вполне закономерных в условиях общего экономического и культурного подъема страны академических экспедиций в Калмыкию, относятся П.И. Рычков, Н.П. Рычков, П.С. Паллас, И.Г. Георги и ряд других исследователей, успешно реализовавшие как государственный, так и частный

¹¹⁴ Рычков П.И. Топография Оренбургская: сочинение П.И. Рычкова 1762 г. Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1887. - 405 с.

исследовательский интерес к изучению региона. Помимо естественно-географических материалов, участниками этих экспедиций были собраны содержательные сведения по истории и этнографии калмыков: характеристика образа жизни, хозяйства, быта, языка и религии калмыков.

Одним из первых обратился к изучению жизни калмыцкого народа разносторонний ученый и государственный деятель, автор знаменитой «Истории Российской» Василий Никитич Татищев, который руководил Калмыцкой комиссией в 1739–1745 гг., созданной для урегулирования вопросов, связанных с взаимоотношениями Калмыцкого ханства с российскими властями. Одновременно в 1840 г. он был назначен астраханским губернатором, главным образом, потому что он более всех чиновников был погружен в калмыцкие проблемы. В основу его описания быта, языка, религии и культуры калмыков были положены сведения, полученные им из бесед с калмыцким ханом Дондук-Даши, княжной Анной Тайшиной, с ханскими приближенными и буддийскими монахами. Указанные материалы о калмыках, собранные В.Н. Татищевым, сохранены в архиве Академии наук в Санкт-Петербурге.¹¹⁵

Академик П.С. Паллас был участником Второй академической экспедиции (1769-1774 гг.), в составе которой изучал восточные земли Прикаспийской низменности, в результате чего им был собран значительный по содержанию и объему материал по истории и этнографии калмыков. Вначале П.С. Паллас опубликовал книгу в Петербурге о монгольских народах России (калмыках и бурятах) на немецком языке.¹¹⁶ Но наиболее значительным трудом П.С. Палласа стало многотомное сочинение «Путешествие по разным провинциям Российской империи»,¹¹⁷ в котором

¹¹⁵ Кузьмин А.Г. Калмыцкая комиссия. // Кузьмин А.Г. Татищев. М.: Молодая гвардия, 1981. С.264-284.

¹¹⁶ Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. СПб.: Имп. Академия наук, 1776.

¹¹⁷ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб: Имп. Академия наук, 1773. 786 с.

представлены путевые заметки и наблюдения автора в его поездке по различным регионам Сибири и южной России. Большой объем материалов в первой части его труда посвящен описанию быта и обычаев калмыков. Наряду с этим в сочинении П.С. Палласа содержатся его заметки об административной системе Калмыкии, органах управления с перечислением должностных единиц. Важное место в его описании калмыцкой жизни занимают оценки действовавших калмыцких законов, отмечена решающая роль в местном судопроизводстве судебной присяги как со стороны истца, так и ответчика. То обстоятельство, что у калмыков преимущественной мерой наказания являлся штраф, П.С. Паллас объяснял гуманным отношением к человеческой жизни у калмыков.

Непреходящее значение для исследователей истории и этнографии народов России имеет большое по объему и содержанию сочинение И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов...», в котором специальный раздел посвящен жизнеописанию монгольских народов.¹¹⁸ В данном разделе содержатся сведения о субэтнической структуре калмыков, сведения о некоторых калмыцких тайшах и улусных владельцах. Исследователь также обратил внимание на военную организацию калмыков. В труде И.Г. Георги представлена оценка Великого Уложения 1640 года как сборника постулатов традиционного права, старинных обычаев и постановлений представителей верховной знати. Автор также не обошел вниманием утвердившийся издавна в судопроизводстве калмыков акт принесения присяги. В его труде также содержатся сведения о хозяйственных занятиях, быте и жизненном укладе калмыков. Отдельный раздел работы И.Г. Георги содержит материалы о Ставропольском калмыцком казачьем войске в

¹¹⁸ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч.4. СПб: Имп. Академия наук, 1799. 446 с.

Среднем Поволжье.¹¹⁹ Не менее важными являются сведения о калмыцких судах и законах в первом томе «Дневных записок» И.И. Лепехина¹²⁰.

Источниковую ценность имеют результаты комплексных обследований Калмыцкой степи во второй половине XIX в. Это было вызвано важной ролью Калмыкии в деле освоения Предкавказья и Северного Кавказа как основного транспортного коридора (Царицынско-Ставропольский, Крымский и Астраханско-Кизлярский тракты). Помимо этого, калмыцкие степи являлись в этот период зоной активной русско-украинской крестьянской колонизации. Этому способствовали принятые еще ранее царский указ о 10-верстной полосе вдоль правого берега р. Волга для нужд переселенцев и астраханских казаков и указ о заселении калмыцких дорог. В связи с этим задачи комплексного исследования степи были поставлены перед военно-топографической Кумо-Маньчской экспедицией под руководством К.И. Костенкова. Участники экспедиции собрали значительный объем статистических, естественно-географических, геологических, картографических и исторических сведений. Эта экспедиция также уточнила и исправила уже устоявшиеся неверные оценки географического и геологического ландшафта Калмыцкой степи. В частности, участник экспедиции геолог Н.П. Барбот де Марни установил, что Ергени являются возвышенностью, а не горами, а Сарпа – не река, а система Сарпинских озер и др. Материалы этой экспедиции были изданы в 1868 г. отдельной книгой.¹²¹ Также материалы этой экспедиции послужили основой для двух книг К.И. Костенкова¹²² со сведениями по истории и сословной структуре калмыков. В них также содержатся итоги посемейной переписи калмыцкого населения 1868 г. и приложена карта Калмыцкой степи.

¹¹⁹ Имеется в виду г. Ставрополь-на-Волге, ныне г. Тольятти.

¹²⁰ Дневные записки путешествия доктора Академии Наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад.Наук, 1771. 562с.

¹²¹ Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. СПб.: М-во гос. имуществ, 1868. 300 с.

¹²² Костенков К.И. Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губ. СПб.: в тип. В. Безобразова и Комп.1868. - 162 с.; Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.

Книга П.И. Небольсина с очерками о быте калмыков Хошоутовского (Хошеутовского) улуса содержит его собственные наблюдения во время поездки в этот приволжский улус, так и является результатом изучения сведений из опубликованных работ.¹²³ Учитывая, что автор путем личных наблюдений и сбора устных сведений об одной из субэтнических групп калмыков, располагавшихся на обоих берегах Волги, владельцем которых являлся представитель прославленного и знатного калмыцкого княжеского рода нойон Тюмень, реализовал свои исследовательские задачи, его книга является вполне добротным источником для изучения историко-правовых проблем.

Значимыми являются сведения описательного содержания о судопроизводстве калмыков, авторские оценки калмыцкого законодательства, характеристика некоторых буддийских канонов и их роли в повседневной жизни мирян, содержащиеся в книге Н.И. Страхова.¹²⁴ Будучи известным бытописателем, назначенный коллегией по иностранным делам главным приставом калмыцкого народа по рекомендации наместника на короткий срок (1800-1803) восстановленного Калмыцкого ханства, в указанной книге он нашел применение своей наблюдательности, умению понимать национальную специфику и живому интересу к калмыцкому языку. Его наблюдения за практикой судопроизводства у калмыков являются вполне достоверным источником, поскольку Н.И. Страхов был, наряду с наместником ханства Ч. Тундутовым, сопредседателем калмыцкого суда Зарго по должности.

Для нашего исследования вполне ожидаемый интерес представляют этнографические наблюдения калмыцкого уклада жизни православными миссионерами. Именно к таковым относятся «Путевые заметки по Калмыцким степям Астраханской губернии» П.А. Смирнова и «Быт калмыков

¹²³ Небольсин П.И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, составленные Павлом Небольсиным: СПб: тип. К. Крайя, 1852. 383 с.

¹²⁴ Страхов Н. Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением Калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни. СПб. тип. Шнора, 1810. 99 с.

Ставропольской губернии» Я.П. Дубровы.¹²⁵ Настоятель походно-улушной церкви, преподаватель калмыцкого языка в православной семинарии П.А. Смирнов около 10 лет прожил в Калмыцкой степи и освоил язык и письменность калмыков. Существенным является его вклад в развитие науки и просвещения Калмыкии: он подготовил и издал «Граматику калмыцкого языка», русско-калмыцкий словарь, переводил на калмыцкий язык православные церковные тексты. Что касается его «Путевых записок...», то в них автор дает подробное описание быта калмыков, религиозных обрядов, калмыцких праздников, распределения кочевий и др. Сочинение П. Смирнова изобилует детальной характеристикой событий, участником которых ему довелось стать. В частности, он подробно описал процесс приема гостей у нойона Дугарова, владельца Харахусовского улуса, по случаю рождения сына. Интересной и познавательной в нашем случае является заключительная глава его книги о роли присяги в калмыцкой жизни.

В труде миссионера и ученого-этнографа Я.П. Дубровы, работавшего в 1889-1894 гг. учителем церковно-приходской школы в Большедербетовском улусе Ставропольской губ., также представлено богатое описание обычаев и обрядов в быту и семейных отношениях. Автор затронул сюжеты, связанные с порядком наследования у калмыков и практикой деятельности системы управления в улусе, который существенно отличался от улусов Астраханской губ. В Большедербетовском улусе происходил в описываемое Я. Дубровой время активный переход населения к оседлости и к земледелию, был более высок уровень социализации общества, в каждом аймаке функционировали школы и др., в связи с чем его исследование позволяет нам качественно провести сравнительные параллели между разными регионами расселения калмыков. Представляет исследовательский интерес книга миссионера Н.В. Львовского (Мефодия), в которой изложены сведения по истории и

¹²⁵ Смирнов П.А. Путевые заметки по калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 247 с.; Дуброва. Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года. - Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 180 с.

этнографии Большедербетовского улуса¹²⁶.

Не удивительно, что у старописьменного калмыцкого народа было развито, наряду с другими институтами письменной культуры, летописание еще со средневековья, продолжившееся и в более позднее время. Летопись «Лунный свет» (калм. «Сарын герл») Ратнабхадры, созданная в конце XVII в., является одним из первых произведений агиографического жанра у калмыков и главным источником не только в изучении биографии великого калмыцкого просветителя XVII в. Зая-Пандиты, но и в познании калмыцкой культуры. Исторические сочинения, написанные во второй половине XVIII — начале XIX века, «Сказание о Дербен-Ойратах» в двух версиях, Батур-Убаши Тюменя и Габана Шараба, анонимная «История калмыцких ханов», широко известные в калмыковедении, позволяют охарактеризовать их не только как важные историографические факты, но и как исторические источники.¹²⁷

Таким образом, источниками в изучении институтов публичной власти в Калмыкии дореволюционного периода стали законодательные акты как Российского государства, так и нормативные правовые акты ойрат-монгольского сообщества и Калмыцкого ханства. Если последние устанавливали в калмыцком обществе XVII – XVIII вв. традиционную для калмыков-кочевников систему управления и права, то после ликвидации ханства была создана схема постепенной интеграции региона в административно-правовую систему России на основе сочетания традиционных калмыцких начал с общероссийской структурой управления. Документы калмыцкого законодательства были переведены и опубликованы дореволюционными исследователями, законы Российского государства изданы в Полном собрании законов.

К числу основных источников по изучаемой проблеме относятся делопроизводственные материалы, преимущественно архивные, хранящиеся в

¹²⁶ Львовский Н.В. (Мефодий). Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. 2-е изд. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 156 с.

¹²⁷ Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники: перевод с калмыцкого / ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2003. 475 с.

центральных и местных архивах Российской Федерации. Непреходящую источниковую ценность имеют многочисленные заметки, наблюдения и описания событий калмыцкой жизни в работах современников. Большой объем сведений о калмыках и Калмыкии содержится в материалах академических исследовательских экспедиций в калмыцкие степи в XVIII в. и в опубликованных результатах комплексных обследований, организованных министерствами и ведомствами в XIX — начале XX века. Многие экспедиции и обследования Калмыкии были обусловлены практическими целями укрепления Российского государства и расширения его границ и влияния. Калмыкия, особенно в XVII — начале XIX в., в этом смысле являлась основой русского преобладания в Нижнем Поволжье, Северном Прикаспии, Предкавказье и Причерноморье. Другие – были вызваны потребностью страны в колонизации окраинных территорий. Третьи – были обусловлены развитием научной и общественной мысли: калмыки в этом понимании являлись уникальным народом России со своим образом жизни, буддийским мировоззрением, солидной историей государственности и законодательной традицией, антропологической принадлежностью, языком, национальной письменностью и всеми элементами письменной культуры и др.

Безусловно, в исследовании историко-правовых проблем Калмыкии дореволюционного периода важное место занимают труды отечественных и зарубежных правоведов, историков, культурологов и философов. Концепции, факты, методологические и методические идеи, имеющиеся в их работах, оказали нам существенную помощь в реализации поставленных целей и задач.

1.2. Теоретические подходы к исследованию становления и развития институтов публичной власти

Публичная власть в самом общем виде представляет собой власть, существующую в обществе, и присущую любой организованной общности людей, что придает ей устойчивость существования и управляемость в

системе отношений. Исследователи проблем власти отмечают, что в науке отсутствует сколько-нибудь общепризнанное понимание этого термина.¹²⁸ Понятию «власть» придается различное значение, что порождает его разное толкование. Термин «власть» получил самое широкое распространение в обыденной жизни и массовом сознании людей. О власти часто говорят, как о власти природы, власти силы, власти государства, родительской власти и т.п. В узком смысле власть понимается как способность индивида, группы или всего общества подчинять своей воле поведение и деятельность людей.

В советской науке учеными было предложено несколько точек зрения пониманию термина «публичная власть». Согласно первому подходу, публичная власть отождествлялась с общественной властью. Л.А. Григорян, ставя знак равенства между ними, логично утверждал о том, что «общественная власть (равно как публичная – авт.) существует во всяком обществе».¹²⁹ М.И. Байтин утверждал, что «политическая, государственная власть представляет собой разновидность общественной, публичной власти».¹³⁰ Другие авторы придерживались мнения, что публичная власть является синонимом государственной и политической власти.¹³¹

Современные авторы также разделяются во мнениях по поводу определения «публичная власть». В.Е. Чиркин считает, что публичная власть возникает и существует в территориальном публичном коллективе. К числу таких коллективов В.Е. Чиркин относит само общество в государственных границах страны, народ субъекта федерации, муниципальные образования и др.¹³² Л.С. Мамут указывает, что публичная власть удовлетворяет потребности

¹²⁸ Соловьев А.И. Политология: Политическая теория. Политические технологии. Учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2001. С. 84.

¹²⁹ Григорян Л.А. Социалистическая государственная власть и представительная форма ее осуществления // Советское государство и право. 1969. №3. С. 84.

¹³⁰ Байтин М.И. Государство и политическая власть. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. С.134.

¹³¹ Степанов И.М. Советская государственная власть. М.: Наука, 1970; Ким А.И. Государственная власть и народное представительство в СССР. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975.

¹³² Чиркин В.Е. Публичная власть. М.: Юрист, 2005. С. 20.

общества, достигшего известной стадии исторической зрелости, и заключается в упорядочении социального общежития, в управлении общественным целым.¹³³ Д.Ю. Шапсугов отмечал, что «вся история человечества связана с организацией публичной власти и ее осуществлением, воплощавшимся в многообразных формах, одной из которых является государство, находившееся в постоянном взаимодействии с обществом».¹³⁴

На наш взгляд, является справедливым мнение, что «публичная власть – это производная от общества и стоящая над ним организация, имеющая институциональный характер, обеспечивающая упорядоченность отношений в обществе, управление социальными группами и процессами».¹³⁵

В целом, обобщая мнения ученых, можно сделать вывод о том, что публичная власть – это вид социальной власти, возникающий в определенном сообществе для удовлетворения общественных интересов.

Фактически субъект публичной власти представлен самим территориальным публичным коллективом. Юридически субъектом публичной власти выступает определенная часть публичного коллектива, которая вправе выражать мнение коллектива и действовать от его имени. В качестве таковой можно рассматривать народ в целом, отдельных членов общества и группы людей.

Все лица, которые входят в публичный коллектив и находятся на одной территории являются объектом публичной власти. Эти лица обязаны выполнять предписания под угрозой применения мер принуждения.

Содержание публичной власти составляют общественные отношения, складывающиеся в процессе жизнедеятельности всего публичного коллектива. Это деятельность публичной власти в сфере политических, экономических, социальных, культурных и иных общественно значимых отношений.

¹³³ Мамут Л.С. Народ в правовом государстве. М.: НОРМА, 1999. С. 36.

¹³⁴ Шапсугов Д.Ю. Проблема эволюции публичной власти в России: от самодержавия к народовластию // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. №1. С.7.

¹³⁵ Лаптева Л.Е., Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Указ. соч. С. 1680.

Государственная власть является формой организации публичной власти и является основанием для выделения соответствующих видов публичной власти (надгосударственная власть, власть международного сообщества, власть субъекта федерации).¹³⁶ Государственная власть с ее институтами является разновидностью публичной власти. Наряду с государством, субъектами, реализующими публичную власть, могут быть местные территориальные сообщества, политические партии, иные существующие в обществе корпорации.¹³⁷

Институты публичной власти создаются и действуют в рамках определенных территорий. Публичная власть распространяет свое действие на всех лиц, находящихся на определенной территории, и вправе принимать решения во всех сферах жизнедеятельности общества.

Основополагающей функцией публичной власти является реализация публичных интересов. Публичная власть обеспечивает консолидацию общества, поскольку посредством публичной власти обеспечивается устойчивость и целостность общества. «Содержание публичной власти... - интеграция и организация (упорядочение) общества, управление им, достигаемые с помощью соответствующих средств и методов. Публичная власть, которая изначально и постоянно конструктивна по отношению к обществу, жизненно необходима ему».¹³⁸

Важнейшей функцией власти является функция управления. Эта функция свойственна публичной власти в любой исторический период. Социальное назначение власти как раз и состоит в упорядочении общественных отношений. Публичная власть выполняет важную для общества функцию – функцию независимого арбитра, защитника системы общественных отношений. Кроме того, публичная власть призвана создавать правила поведения для членов общества.

¹³⁶ Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 34-50.

¹³⁷ Лаптева Л.Е., Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Указ. соч. С. 1680.

¹³⁸ Мамут Л.С. Указ. соч. С. 35.

Государственная власть является основным видом публичной власти. Понятие «государственная власть» достаточно хорошо изучено в науке. Хотя однозначных подходов к определению данного вида власти в литературе нет. Тем не менее, государственная власть продолжает сохранять свое ведущее положение и специфику, благодаря ее особым признакам. К таким признакам можно отнести монополию на правовое принуждение, верховенство в обществе, суверенность государственной власти, монополию на нормотворчество, установление общеобязательных налогов и сборов.

Что отнести к институтам публичной власти в Калмыкии в исследуемый период? Тождественны ли понятия государственная власть и публичная власть по отношению к Калмыкии? Можно ли назвать Калмыцкое ханство XVII – XVIII вв. государством с точки зрения государствоведения?

Следует согласиться с М.В. Немытиной: «Институты публичной власти – это социальные институты, в рамках которых идет институционализация властных полномочий не только государства, но и иных публичных корпораций».¹³⁹ Следовательно, понятие публичной власти можно понимать как производную от общества и стоящую над ним организацию, имеющую институциональный характер и обеспечивающую упорядоченность отношений в обществе и управление социальными группами¹⁴⁰.

В рамках настоящего исследования мы рассмотрели институты публичной власти в Калмыкии, понимая под ними институты власти и управления в калмыцком обществе в XVII – начале XX века. При этом изучаются, как собственно национальные органы управления, так и российские институты публичной власти, ведавшие делами калмыков.

Исследуя вопрос о становлении и развитии Калмыцкого ханства в составе России, вполне логично прийти к выводу, что Калмыцкое ханство имело все признаки государства. Наличие самодостаточного центрального и

¹³⁹ Немытина М.В., Зеленцов А.Б. Публичные интересы и производные от них юридические конструкции // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т.22. №4. С. 436.

¹⁴⁰ Лаптева Л.Е., Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Указ. соч. С. 1680.

местного управления в виде сложившейся традиционной структуры с общемонгольских времен, национальной системы правовых норм, военной десятичной структуры общества, свойственной монгольским народам и обеспечивавшей успешную реализацию властных решений, мобильного войска, являвшегося гарантом не только своего суверенитета, но и русского преобладания в сложном регионе от заволжских степей до Черного моря, самостоятельной буддийской церкви со своей иерархией духовных лиц, монастырями и молельнями, развитых институтов калмыцкой культуры (языка, письменности, летописания и литературы, школы и др.), уникального быта и менталитета обеспечило калмыкам автономное существование в русском многонациональном государстве. Правители Калмыцкого ханства обладали самостоятельностью в управлении внутренними делами и сохраняли определенную свободу внешних сношений, если таковая не противоречила интересам России. Исходя из реалий того времени российская администрация вполне признавала данный своеобразный статус Калмыцкого ханства.

Говоря о методологии исследования и для ответа на вопрос, каким было калмыцкое общество XVII – начала XX вв., нельзя обойти вниманием взгляды известных российских ученых-историков, занимавшихся проблемами кочевников. Кроме того, интерес вызывает вопрос о кочевой цивилизации как определенного культурного мира, существенно отличавшегося от оседлых цивилизаций Запада и Востока. Калмыки, пришедшие в Нижнее Поволжье, будучи яркими представителями кочевой цивилизации, имели свою специфику в государственном и общественном устройстве и развивались по собственному цивилизационно-культурному пути. Как только их мироустройство пришло в несоответствие с общероссийской тенденцией развития периода просвещенного абсолютизма с его модернизацией, подавляющее большинство калмыков ушло в 1771 г. из России назад в Центральную Азию в свой «кочевой мир».

Безусловно, кочевники являлись постоянно беспокойным соседом, жившим в своем загадочном для оседлых народов мире. С древних времен представители последних занимались бытоописанием кочевников, обращая внимание на их нравы и обычаи, элементы политической истории, не свойственные оседлым земледельцам. При этом, зачастую мыслители того времени ограничивались описанием основных событий, не вдаваясь в подробности. Кочевников представляли как варваров, несущих разрушения. Однако институты публичной власти в кочевом обществе, их генезис, развитие, особенности существования заслуживают пристального внимания с позиций историко-правовой науки.

Представители отечественного востоковедения до середины XIX столетия осуществляли сбор источников, фиксировали фрагменты этнической и политической истории номадов. Исследователи обращали внимание на имущественное неравенство в среде кочевников в условиях экстенсивного хозяйствования и слабое развитие у них частной собственности. Социальное и политическое развитие кочевых народов более активно стало рассматриваться с рубежа XIX – XX вв., однако ученые преимущественно отмечали его родоплеменной уровень. Возникновение государства у кочевников объяснялось военными задачами, исключительными способностями вождей и заинтересованностью общества в сильной власти. Выдающийся востоковед, академик В.В. Бартольд в своих трудах по истории и филологии тюрко-монгольских народов отмечал наличие иерархической структуры и государственной власти у номадов.¹⁴¹ Активная полемика об особенностях общественных отношений у кочевых народов проходила в советской исторической литературе.¹⁴²

¹⁴¹ Бартольд В.В. Сочинения. В 9 т. М.: Изд-во вост. лит-ры. 1963-1968. Т.5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Изд-во вост. лит-ры. 1968. 757с.

¹⁴² Попов А.В. Теория «кочевого феодализма» академика Б.Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников//Mongolica. Памяти академика Б.Я. Владимирцова (1884–1931). М., Наука, 1986. С.183-191; Крадин Н.Н. Кочевые общества. (Проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 239 с.

В 1920-1930-е годы в период утверждения марксистской методологии споры вызывал вопрос о сущности и природе классовых отношений у кочевников Евразии, затем дискуссия плавно перешла к утверждению с небольшими вариациями тезиса о кочевом феодализме академика Б.Я. Владимирцова. Однако затем чаще стали использовать дефиницию «патриархально-феодальные отношения» как более удачную альтернативу. В 50-60-е годы XX века споры вызвал вопрос о существовании феодальной собственности у кочевников. Большинство исследователей полагали (И.Я. Златкин и др.), что у всех народов феодальная собственность заключается в собственности на землю, у кочевников выступающая в завуалированной форме как право распоряжения пастбищами¹⁴³. Другие (С.Е. Толыбеков) считали, что у кочевников первичной формой феодальной собственности является собственность на скот.¹⁴⁴

С 60-х - 70-х годов XX в. снижение роли администрирования в науке вызвало появление в кочевниковедении тезиса об общине азиатского типа у номадов. Концептуально иными в череде номадологических работ являлись труды Л.Н. Гумилева. В исторической науке Монголии в историографии этого периода не без влияния марксистских трактовок доминировало мнение известного историка, академика Ш. Нацагдоржа о том, что основой феодализма у номадов являлась собственность и на землю, и на скот.¹⁴⁵

Западные исследователи были едины в признании слабого уровня социально-политического развития номадов, находившиеся, по их мнению, в предклассовом и раннегосударственном состоянии. А. Тойнби в своей теории признавал кочевничество застывшей цивилизацией с полным отсутствием внутренних возможностей для динамичного развития. Подобные взгляды

¹⁴³ Златкин И.Я. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов // Вопросы истории. 1955. №4. С. 72-80.

¹⁴⁴ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XIX века: политико-экономический характер. Алма-Ата: Наука, 1971. 632 с.

¹⁴⁵ Крадин Н.Н. Кочевники в мировом историческом процессе. // Философия и общество. 2001. №2 (23). С. 113.

породили превалирующее мнение западных ученых о том, что становление государственности у кочевников зависело от необходимости набегов на оседлых соседей. При этом длительность существования кочевых империй исследователи связывали исключительно с ролью лидера. Государства кочевых народов, сложившиеся под воздействием указанных причин, недолговечны.

В связи с этим уместно процитировать слова известного современного номадолога Н.Н. Крадина: «Несколько особняком находятся взгляды Л.Крэдера, который признает некоторую эволюцию номадизма в истории. Кочевники, по его мнению, могут сами создавать государство, их общество делится на классы знати и народа. Для кочевой государственности характерны слабая роль денег, отсутствие городов, существование вассалитета. Власть основывается на клановой системе, генеалогической близости претендента к роду правителя. В отличие от многих западных исследователей, он придерживается противоположного взгляда в отношении роли личности в возникновении кочевой государственности. В целом его взгляды более близки к позиции марксистских исследователей»¹⁴⁶.

После падения марксистской идеологии основные ранее высказанные точки зрения в различной степени сохранились. В то же время стали публиковаться работы номадологов, в которых содержались попытки цивилизационно-культурного подхода.

По Н.Н. Крадину, «...подавляющее большинство исследователей, независимо от их методологической ориентации, согласны в том, что кочевые общества имеют менее специализированную и структурно дифференцированную социально-экономическую организацию и не способны конкурировать в темпах технологической революции с индустриальными обществами. ... Исходя из этого, можно сделать вывод, что для рассмотрения кочевничества в рамках всемирно-исторического процесса самыми важными

¹⁴⁶ Там же. С.115-116.

и в то же время наиболее дискуссионными являются два вопроса: 1) могли ли кочевники самостоятельно преодолеть барьер государственности и 2) осуществлялись ли данные процессы так же, как у земледельческих обществ или же для кочевников был характерен самостоятельный путь эволюции? Итак, могли ли кочевники создавать собственную государственность? В политической антропологии XX в. существуют две наиболее популярные теории политогенеза: «интегративная» (Э. Сервис) и «конфликтная» (М. Фрид, марксисты). Согласно первой вождество и государство возникают как результат преобразования управленческих структур усложняющегося общества. Согласно второй, государство – это организация, предназначенная для стабилизации отношений в сложном, стратифицированном обществе»¹⁴⁷.

Бесспорным является следующий вывод Н.Н. Крадина: «Наверное, самый интригующий вопрос истории Великой степи – это причина, толкавшая кочевников на массовые переселения и на разрушительные походы против земледельческих цивилизаций. По этому поводу было высказано множество самых разнообразных суждений. Их можно свести к следующим мнениям: 1) разнообразные глобальные климатические изменения...; 2) воинственная и жадная природа кочевников; 3) перенаселенность степи; 4) рост производительных сил и классовая борьба, ослабленность земледельческих обществ вследствие феодальной раздробленности...; 5) необходимость пополнять экстенсивную скотоводческую экономику посредством набегов на более стабильные земледельческие общества; 6) нежелание со стороны оседлых торговать с номадами (излишки скотоводства некуда было продать); 7) личные качества предводителей степных обществ; 8) этноинтегрирующие импульсы»¹⁴⁸.

Кочевые общества вследствие своей военизированнойности всегда были готовы к набегам на соседей. Однако кочевникам необходимо было и мирное сосуществование с оседлыми соседями для торгового обмена.

¹⁴⁷ Крадин Н.Н. Кочевники в мировом историческом процессе ... С. 117-118.

¹⁴⁸ Там же. С.119.

Г.Г. Пиков, выделяя классическую эру существования кочевой цивилизации с разделением на три этапа (гуннский, тюркский и монгольский), справедливо считает апогеем последнего периода существование империи Чингис-хана со становлением новой этнической и политической карты Евразии.¹⁴⁹

И именно XIII – XIV вв. стали решающими в развитии кочевой цивилизации, когда была изменена геополитическая конструкция Азии. Передвижения монголов-кочевников большинство авторов оценивают как разрушительные. Однако они являлись частью огромного евразийского «второго великого переселения народов». Г.Г. Пиков отмечает, что монгольское нашествие XIII в. оказало большое влияние на всю Евразию.¹⁵⁰

Среди особенностей кочевой цивилизации, Г.Г. Пиков выделяет своеобразие форм государственного и социального развития. Автор говорит о предельно централизованных государствах и особой силе верховной власти. Автор отмечает большую силу традиционализма у кочевников и коллективизм. Государственные образования кочевников ничем не отличались от государств оседлых народов. Но при этом проявляется определенная цивилизационная специфика: все государства так или иначе были ориентированы на вождя, заветам которого потом следовали долгое время и эти заветы постепенно превращались в нравственные и правовые нормы.¹⁵¹

Следующее высказывание Н.Н. Крадина вполне емко характеризует средневековую государственность номадов: «кочевое общество, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и эксплуатирующее соседние территории, как правило, посредством внешних форм эксплуатации (грабежи,

¹⁴⁹ Пиков Г.Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, философия. 2009. Том 8, выпуск 1. С.5.

¹⁵⁰ Там же. С.6.

¹⁵¹ Там же. С.7.

война и контрибуция, вымогание «подарков», неэквивалентная торговля, данничество и т. д.)».¹⁵²

В числе главных признаков государств кочевников Н.Н. Крадин отмечает иерархическое строение общества с родоплеменными связями, дуальное или триадное административно-территориальное деление, военизированное устройство общества, особые взаимоотношения с земледельческими соседями и др.¹⁵³

Следующая идея Н.Н. Крадина об идентификации кочевых империй средневековья как суперсложных вожеств стала у нomaдологов настолько общепринятой, что некоторые примеряют ее к государствам кочевников нового времени, что является, на наш взгляд, недостаточно правильным: «Простые вожества представляют собой группу общин, иерархически подчиненную одному вождю. Сложные вожества – это иерархически организованная совокупность нескольких простых вожеств. Однако суперсложное вожество – это не механическая группа сложных вожеств. Отличия здесь не количественного, а качественного характера. При простом объединении нескольких сложных вожеств в более крупные политии, последние без аппарата власти редко оказываются способными справиться с сепаратизмом субвождей. Принципиальным отличием суперсложных вожеств является появление механизма наместников, которых верховный вождь посылал управлять региональными структурами. Это еще не аппарат власти, поскольку количество таких лиц невелико».¹⁵⁴ По мнению Н.Н. Крадина, «Суперсложное вожество в форме кочевых империй – это уже реальный праобраз раннего государства»¹⁵⁵

Хотя у кочевых цивилизаций средневековья формы государства не совсем вписываются в общие схемы оседлых народов хотя бы потому, что нет такого признака государства, как четко обозначенная территория, на которую

¹⁵² Крадин Н.Н. Кочевники в мировом историческом процессе... С. 123.

¹⁵³ Там же. С. 124.

¹⁵⁴ Там же. С. 125.

¹⁵⁵ Там же. С. 127.

распространяется власть, можно говорить о наличии государства и институтов публичной власти у кочевых народов. Публичная власть распространяет свое действие на всех лиц, находящихся на определенной территории, и вправе принимать решения во всех сферах жизнедеятельности общества и в этом смысле государственные образования кочевников не отличались от оседлых государств.

Это обуславливало противоречивый характер кочевых государств. Внешне государство кочевников представляется нам как агрессивное государство, целью которого являются завоевания. Однако государство кочевников имело свои прочные внутренние связи, основанные на племенном единстве и традиционном укладе жизни. Н.Н. Крадин полагал: «Сила власти правителя степного общества, как правило, основывалась не на возможности применить легитимное насилие, а на его умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговли, дани и набегов на соседние страны».¹⁵⁶

Калмыцкое общество XVII в. имело много общих традиционных черт с кочевыми цивилизациями XII – XIII вв., однако Калмыцкое ханство XVII – XVIII вв. являлось государственным образованием нового времени в составе России, имеющим свою территорию, население, бюрократический аппарат, который достаточно эффективно выполнял свои функции, систему налогов и податей, систему права, сильное и многочисленное войско, свою конфессиональную структуру, развитые институты национальной культуры, самостоятельно решавшим свои внутренние вопросы и имевшим внешние сношения с другими государствами, хотя и под контролем России.

Калмыцкое общество XVII в. было кочевым и нуждалось в продукции оседлых цивилизаций. Неслучайно, первые контакты ойратов с российскими властями предполагали организацию торгового обмена. Прикочевав в пределы России, калмыки оказались соседями оседлой цивилизации, так необходимой

¹⁵⁶ Крадин Н.Н. Кочевники в мировом историческом процессе... С. 123

кочевому обществу для дальнейшего поступательного развития. Именно в пределах России калмыцкое кочевое общество получило новый импульс развития при сохранении традиционного уклада жизни.

1.3. Формирование цивилизационно-культурного пространства Калмыкии

Предками калмыков являются ойраты - западномонгольский народ, родственные монголам по происхождению, антропологическому типу, языку, образу жизни и культуре. Образование монгольского этноса ученые относят к X – XI вв.¹⁵⁷ По мнению историка-монголоведа И.Я. Златкина в XI – XII вв. в степях Центральной Азии завершается переход от первобытнообщинного строя к классовому, от родовых и племенных группировок к более высокому типу этнических общностей – народностям.¹⁵⁸ К XII в. было завершено заселение территории современной Монголии монголоязычными племенами.

В конце XII – начале XIII вв. ойратские племена представляли собой племенной союз и относились к племенам второго ряда, так как в это время главную роль на исторической арене стали играть различные племена монголов. После кровопролитных войн все монгольские племена были объединены Чингис-ханом, которого в 1206 г. на курултае знати провозгласили главой общемонгольского государства.

Монгольские завоевания, потрясшие Центральную Азию, Дальний Восток, Ближний и Средний Восток, Кавказ и Восточную Европу, сыграли важную роль и в судьбе ойратов. Добровольно войдя в состав монгольского государства, они вместе с монголами участвовали в завоевательных походах. Монгольская армия состояла из представителей разных племен. После завершения военных кампаний большая часть центральноазиатских племен

¹⁵⁷ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т.1. Элиста: Изд. дом «Герел». 2009. С. 113.

¹⁵⁸ Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. С.57.

возвращалась на историческую родину. Однако часть этих племен оставалась в завоеванных странах и, оседая на чужих землях, со временем ассимилировалась. В эпоху монгольских завоеваний ойраты сохранили свою этническую идентичность, увеличили свою численность и стали играть заметную роль в регионе.

В конце XIV в. в Западной Монголии складывается Ойратский союз (Союз дурбэн-ойратов, дословно «четырёх ойратов»), т.е. четырёх самых крупных западно-монгольских племен: ойратов, найманов, керейтов и баргутов. Уже в XV в. в ходе междоусобиц и военных побед ойратские правители стали занимать ведущие позиции в Монголии. Только отсутствие родства по мужской линии с потомками Чингис-хана не позволяло им занимать трон всемонгольского хана.

Ойраты до XVII в. номинально входили в состав Монгольского государства, порой обладая полной автономией и даже независимостью. Это отмечал Б.Я. Владимирцов: «Напрасно доискиваться, кто из монгольских или ойратских феодальных владельцев признавал власть «великого» монгольского хана, а кто не признавал, и, следовательно, будто бы отделялся от монголов и становился независимым. Невозможно также смотреть на ойратов с их ханами и тайшами как на самостоятельное государство».¹⁵⁹

Ойратское общество XVI в. обладало полной самостоятельностью и независимостью в проведении своей внешней и внутренней политики. Оно вынуждено было вести постоянные изнурительные войны с соседями, преимущественно с Казахским ханством и Восточной Монголией.

В конце XVI в. Монголия представляла собой конгломерат относительно небольших самостоятельных государственных образований. Среди них на особом месте находились объединения ойратов, враждовавших с восточномонгольскими кочевниками. В результате разделения Монголии на две части – Восточную и Западную – в XV – XVI вв. сложились две

¹⁵⁹ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. С. 156.

близкородственные монголоязычные народности – монголы и ойраты. У ойратов наблюдалась раздробленность, в связи с чем усиливались сепаратистские устремления части ойратской знати.

К началу XVII в. процесс раздробленности Монголии на отдельные княжества достиг своей наивысшей точки. На территории Северной Монголии, получившей в XVI в. название Халха-Монголия выделилось три крупных государственных образования. Халха делилась по старой монгольской традиции на два крыла – правое и левое. Правое крыло на западе граничило с ойратами. Поэтому монгольская знать правого крыла постоянно организовывала военные кампании против ойратов с целью подчинить их.

По мнению В.Т. Тепкеева, ойратский союз накануне переселения его части в Россию представлялся в этнополитическом плане в следующем виде: «На рубеже XVI – XVII вв. ойратское общество представляло собой уже не рыхлый союз родоплеменных образований, а политический союз, куда входили пять крупных этнополитических объединений: хошуты, торгуты, дербетов, джунгаров и хойтов. Это были разросшиеся родоплеменные объединения, каждое из которых имело свою родоплеменную структуру и управлялось собственным независимым правителем. Эти объединения с течением времени поглотили и растворили в своем составе многие прежние родоплеменные группы средневековых ойратов, проявив себя как своеобразный этнообразующий фактор».¹⁶⁰

Далее В.Т. Тепкеев продолжил: «Отношения между отдельными членами знатных ойратских семей были чрезвычайно конфликтными, а баланс сил между различными ойратскими улусами и группировками весьма неустойчивым и неопределенным. Это вызывало междоусобные войны как между крупными этнополитическими объединениями, так и внутри каждого из них. Правители улусов, опираясь на мощь своих владений и поддержку родственных групп, а также более многочисленную дружину, могли сплотить

¹⁶⁰ Тепкеев В.Т. Ойраты в начале XVII в. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С.26-27.

вокруг себя и подчинить своей власти не только правителей своего улуса, но и нойонов из других улусов, примкнувших к нему в качестве союзников или вассалов. В случае смерти или поражения доминирующего правителя конгломерат различных родоплеменных подразделений, находившихся под его властью, легко рассыпался. Более того, еще при его жизни зависимые от него союзники или вассалы в случае изменения в худшую сторону его положения в ойратском обществе могли перевернуться на сторону его противников».¹⁶¹ В подобных случаях публичная власть в ойратском сообществе являлась нестабильной.

В кочевом обществе, по мнению И.Я. Златкина, «естественный рост поголовья скота создавал относительную земельную тесноту, которая усиливалась в результате бесконечного дробления феодальных владений. Процессы экономического развития требовали ввода в хозяйственный оборот новых пастбищных территорий. Отсутствие свободных земель внутри ойратских владений толкало их правителей на путь междуусобиц и внешней экспансии. Военные неудачи в борьбе с соседями вели к дальнейшему сокращению пастбищных территорий, что, в свою очередь, обостряло внутреннюю межфеодальную борьбу...».¹⁶²

Разобщенные ойраты в конце XVI в. находились в крайне неблагоприятном положении: постоянная борьба с достаточно сильными соседями (восточные монголы, казахи, бухарцы), кризис, вызванный военными неудачами и потерей своих территорий.

В связи с этим по целому ряду причин в конце XVI – начале XVII века население, по преимуществу, дербетских и торгоутских улусов с частью хошоутов начали переселение на северо-запад, где находились малонаселенные степные и лесостепные пространства Южной Сибири по среднему течению Иртыша и Ишима, которые являлись владениями Российского государства.

¹⁶¹ Там же. С. 29.

¹⁶² Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758) ... С. 103.

Торгоутский тайша Хо-Урлюк постепенно стал кочевать со своими людьми в верховьях Иртыша, где вступил в контакт с русскими властями. В сентябре 1606 г. его посланец Катачей Бурулдуев просил Тарского воеводу разрешить кочевать по реке Ишиму и торговать в городе Тара. На что российские власти потребовали принять подданство России либо откочевать из русских владений. Это первое посольство окончилось неудачей, так как Хо-Урлюк не пожелал принимать российское подданство.¹⁶³

В 1607–1608 гг. дербетские и торгоутские князья продолжали кочевать вблизи Тары, временами вступая в вооруженные конфликты с русским населением и в переговоры с тарским воеводой. Московское правительство, испытывавшее трудности, вызванные внутренней смутой и польской интервенцией, не имело в Сибири достаточных сил, чтобы вооруженным путем изгнать многочисленных кочевников. Поэтому грамотой Приказа Казанского дворца, посланной в марте 1607 г. тарскому воеводе С.И. Гагарину предписывалось установить связь с калмыцкими князьями. В июне 1607 г. в Тару прибыл ойратский тайша Кугонай Тубеев, представлявший 5 «больших тайшей», т.е. главных правителей, и 45 зависимых от них простых тайшей, которые имели в своем подчинении 120 тыс. человек. Тарскому воеводе С.И. Гагарину была передана просьба ойратских правителей позволить им кочевать по Иртышу, согласие принять российское подданство и платить ясак (дань) скотом. Вслед за появлением под Тарой ойраты стали кочевать вблизи Томского уезда. Томский воевода В.В. Волынский получил те же указания, что и тарский воевода.¹⁶⁴

14 февраля 1608 г. царем Василием Ивановичем Шуйским была принята делегация от калмыцких тайшей и нойонов (князей), которая подтвердила желание принять российское подданство. Российское правительство разрешило ойратам кочевать в Западной Сибири, беспоплино торговать в русских городах, обещало защиту от недругов. Ойратов обязали платить дань

¹⁶³ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С. 260.

¹⁶⁴ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С.261-264.

скотом и в случае нужды оборонять сибирские крепости совместно с русскими войсками.

В 1609 г. была направлена от имени царя грамота тарскому воеводе И.В. Мосальскому об отправке делегации к главным калмыцким тайшам для подтверждения шерти (присяги). В этот период ойратские племена торгоутов, дербетов и хошоутов начали постепенное передвижение из Сибири на запад.

Таким образом, постепенное и непростое развитие русско-калмыцких отношений началось в 1607 – 1609 гг. Российское правительство, слабо представлявшее себе, кто такие ойраты, пыталось построить отношения с ними как с другими сибирскими народами. Однако ойраты со своим традиционным укладом жизни, опытом государственно-правовой эволюции, обычаями, религиозными канонами и др., существенно различались по сравнению с народами Сибири. Порой военные победы ойратов над халха-монголами сводили подданство первых России к номинальному. Случались военные столкновения русских войск с ойратами. Не раз русско-калмыцкие отношения омрачались отказом калмыков выполнять условия принесенной шерти (присяги) и их набегами на русские поселения. Образование в 1635 г. Джунгарского ханства повлекло даже отток некоторых ойратских владельцев в Западную Монголию.

Тем не менее, объективно-исторические условия толкали ойратов на сближение с Российским государством, на фактическое, а не формальное, признание российского подданства. Близкие отношения начали складываться на почве взаимной экономической заинтересованности. Ойратам необходимо было сбывать скот и продукты животноводства и приобретать ремесленную и земледельческую продукцию.

В 1618 г. царь Михаил Федорович принял послов от калмыцких правителей, которые подтвердили присягу на верность русскому царю. Послам была вручена жалованная грамота на имя предводителя крупной группировки дербетов Далай-Батыра, в которой царь согласился предоставить русское подданство ойратским правителям.

В 1630-е – 1640-е гг. калмыки, заняв междуречье Эмбы и Яика, а затем – междуречье Яика и Волги, начали кочевать в Северном Прикаспии, потеснив ногайцев. При этом часть калмыков перешла на правый берег Волги. В 1650-е годы для Российского государства сложилась крайне неблагоприятная ситуация: осложнилась обстановка на западе с Польшей, обострилось враждебное отношение к России Османской империи и Крымского ханства, на северо-западе угрожала Швеция. В связи с этим калмыки оказались реальной военной силой для стабилизации как внутренней, так и внешнеполитической обстановки Юга России.

Шерти (присяги) калмыцких правителей первоначально носили устный характер. Первый письменный документ относится к 1655 г.¹⁶⁵ 4 февраля 1655 г. близ Астрахани была подписана шерть от имени главных калмыцких тайшей, в соответствии с которой калмыки обязались быть «в послушании», обещали не иметь связей с недругами России, обязывались посылать войска в русскую армию¹⁶⁶. 30 марта 1657 г. была подписана новая шерть, по которой калмыцким тайшам за службу назначалось жалованье, давались подарки, четко были определены территории кочевий. Калмыкам разрешено было пользоваться землями и беспошлинно торговать в российских городах. Шерти 1655 и 1657 гг. официально знаменовали завершение принятия калмыков в состав России. Калмыки начали прочное освоение территории Северного Прикаспия и Предкавказья.

На территории России калмыки с традиционным укладом жизни и полным набором уникальных антропологических, языковых, конфессиональных и других цивилизационно-культурных черт оказались в совершенно ином цивилизационном окружении. Что позволило некоторым дореволюционным исследователям считать это обстоятельство признаком

¹⁶⁵ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С. 266.

¹⁶⁶ Шертная запись, по которой Калмыцкие послы клялись в верности Государю за всех улусных людей. Февраля 4, 1655 г. // Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Памятники права калмыков. - Элиста – Ростов/нДону: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. С. 177-179.

отсталости калмыков по сравнению с населением соседних регионов. На самом деле, уникальность калмыцкого этноса послужила одной из основных причин формирования национальной государственности как средства защиты своего суверенитета. Российская империя как многонациональное государство формировалась путем включения в российское пространство народов, обладавших иной цивилизационной и социокультурной спецификой, в том числе своей государственно-правовой традицией. На наш взгляд, логично будет здесь привести справедливое мнение Н.Н. Ефремовой: «Можно сказать, что ментальность новых россиян в большей или меньшей степени отличалась иными духовными и материальными условиями быта, мировоззрением ..., что во многом детерминировало самобытность их политической организации, правосознания и потенцию к интеграции в единую социальную и публично-правовую общность».¹⁶⁷

Следует согласиться с точкой зрения М.В. Немытиной, что «...нельзя считать, что одна цивилизация опережала или опережает в своем развитии другие или, напротив, отставала или отстает от них на своем пути. Просто каждая цивилизация имеет свой вектор развития, эволюционирует в рамках своей цивилизационно-культурной программы».¹⁶⁸ Это мнение вполне соотносится с цивилизационно-культурным статусом калмыцкого общества XVII – начала XX вв.

Цивилизационно-культурный подход, лишь частично утверждающийся в изучении истории Калмыкии, практически не затронул исследований в области истории калмыцкой государственности и права. Историко-правовые работы, в том числе опубликованные на современном этапе, касающиеся указанной проблемы, все еще находятся под воздействием прежних советских формационных приоритетов об отсталости кочевого хозяйствования, о неразвитости социальной организации кочевого общества, о ранних формах

¹⁶⁷ Ефремова Н.Н. Местная юстиция в правовых традициях имперской России // «Правовые традиции». Жидковские чтения. Материалы Международной научной конференции. М.: РУДН, 2014. С.254.

¹⁶⁸ Немытина М.В. Цивилизационно-культурный подход ... С. 31.

государственности или вообще об его отсутствии у средневековых кочевников Евразии, о низкой правовой культуре и др. На самом деле многое из вышеупомянутых положений, как и другие вопросы, ныне требуют пересмотра, уточнения или дополнения. Калмыцкое общество XVII – начала XX вв. являлось кочевым обществом с устоявшимися традиционными ценностями.

Во-первых, калмыки в изучаемый период продолжали вести кочевой образ жизни, основанный на скотоводческом хозяйстве. Начальные элементы оседлого хозяйствования у калмыков получили развитие лишь во второй половине XIX – начале XX века в узколокализованных зонах по соседству с переселенческим русско-украинским крестьянским населением на севере и юго-западе Калмыкии. В целом, калмыцкое население оставалось кочевым обществом и в новое время с привычными видами скота. Львиную долю скота у калмыков составляли овцы калмыцкой грубошерстной породы, отличавшиеся высокими мясными кондициями (средний вес овцы более 60 кг), шерсть которых использовалась для изготовления войлока, крайне необходимого кочевникам. Заметную долю в кочевом хозяйстве занимали верховые, тягловые и вьючные животные, а также крупный рогатый скот.¹⁶⁹

Овцы, лошади и крупный рогатый скот относились к калмыцким породам скота, приспособленным к кочеванию в условиях аридных степей. При этом, по наблюдению этнографа И. Житецкого, скорость «кочевания» овец превосходила таковую у крупного рогатого скота почти в два раза.¹⁷⁰ Скот обеспечивал калмыка всем необходимым: пищей, одеждой, жилищем (войлоком накрывали кибитки) и др. Поскольку скот круглогодично находился на подножном корму, производственная жизнь калмыка-скотовода отличалась известной размеренностью в течение всех сезонов и времени суток. Главный попечитель калмыцкого народа в своем рапорте от 24 февраля

¹⁶⁹ Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. С.98.

¹⁷⁰ Житецкий И.А. Астраханские калмыки ... С.15.

1897 г. астраханскому губернатору отмечал: «Калмыцкий народ, уже несколько столетий состоящий под властью России, до сих пор остался народом кочевым и поэтому не утратил этих качеств нравственных и физических, которые выработал в нем кочевой быт».¹⁷¹

В связи с этим калмыки оставались консервативными приверженцами традиционного уклада жизни. При этом было бы ошибкой полагать, что у калмыков-кочевников отсутствовало желание обустройства своей территории: многочисленны факты, когда на хотонных и аймачных сходах калмыки выступали против сдачи земли в аренду жителям соседних оседлых поселений или против разведения тонкорунных овец для сохранения пастбищ и защиты их от опустынивания. Следует также иметь в виду, что кочевой уклад калмыцкой жизни являлся единственно возможным способом существования в засушливой зоне. Суровые условия кочевой жизни и полная зависимость человека от природно-климатических явлений явились основой коллективизма и взаимопомощи, свойственных всем кочевым народам, в том числе и калмыкам. Отсюда – безусловная ценность равенства и справедливости в калмыцком правосознании, отложившейся в обычаях и в культуре народа. Размеренность кочевой жизни не означает, что калмыкам свойственны черты социального инфантилизма и отсутствие инициативы. Материалы свидетельствуют, что с XIX в. обедневшие калмыки активно занимались отходничеством на рыбные и соляные промыслы, приступали к занятию земледелием и ремеслом.

К числу нравственных качеств калмыков российская администрация относила их честность, верность договоренностям «хотя бы и данные на словах», «уважение к старости, призрение вдов и сирот, ... любовь к ближнему и гостеприимство, отсутствие враждебных чувств к людям, готовность помогать бедным, мягкость характера, уважение к духовным лицам».¹⁷² Эти качества, безусловно, явились следствием коллективизма, выработанного

¹⁷¹ Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф.9. Оп.1. Д.144. Л.109.

¹⁷² НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.144. Лл.80, 110 об.

калмыками, как и многими евразийскими народами. При этом все чиновники калмыцкого управления обращали внимание на то обстоятельство, что у калмыков отсутствует уважение к имущественным правам («слабо укоренившееся в сознании калмыков понятие о праве собственности»), выражавшееся в распространенных случаях угона скота. При этом администрация объясняла эти случаи, как проявление свойственного калмыкам удальства: «Понятие о краже, особенно о конокрадстве, вследствие исторических обстоятельств, не соответствует современному представлению о краже. На кражу у чужих они смотрят, как на удальство, как на хороший поступок».¹⁷³

Как правило, в этом случае скот возвращали владельцу и дело завершалось миром. Но с распространением рыночных отношений, в условиях которого наблюдалась социальная поляризация простолюдинов и изменялось традиционное представление о равенстве и справедливости, угоны скота к концу XIX в. приобрели социальный характер. В случаях неоднократного совершения подобного преступления калмыка судили на съезде мировых судей соседнего уезда (как правило, речь шла о 2–3-месячном тюремном заключении). Возвращение отбывшего наказание человека в прежнее место проживания допускалось только после согласия соответствующего хотонного или аймачного схода. Так, 11 января 1897 г. Управление калмыцким народом по предписанию астраханского губернского правления затребовало от управления Эркетеневского улуса приговор аймачного схода о «желании или нежелании принять в свою среду арестанта-калмыка Шалбура Никеева, содержащегося в Петровском исправительном арестантском отделении».¹⁷⁴ Черноярский уездный съезд мировых судей 21 января 1897 г. сообщил в Управление калмыцким народом, что калмык Дунду-Хурулова рода Санджи Гахаев приговором съезда за кражу 5 голов крупного рогатого скота у калмыка Абганер-Кетченерова рода Шовгура Эренценова осужден, за применением к

¹⁷³ НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.144. Л.80 об.

¹⁷⁴ НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.144. Л.11.

нему Манифеста от 14 мая 1896 г., к тюремному заключению на 2 месяца и 20 дней. Данный приговор был утвержден и приведен в исполнение. Об этом главный попечитель калмыцкого народа поставил в известность Малодербетовское улусное Зарго и обязал «сделать в посемейных списках против Гахаева отметку о судимости».¹⁷⁵

Устоявшиеся веками у калмыков-кочевников формы коллективной жизни укоренили в них обычаи общественного разрешения споров и вынесения наказаний. Отсюда – особая роль принятия присяги при решении ряда гражданских и уголовных дел (очистительная – для обвиняемого и ответчика, подтверждающая – для потерпевшего и истца)¹⁷⁶. Чины администрации в 1897 г. признавали живучесть многовекового обычая «баранты» у калмыков, когда жители хотона, к которому привели следы угнанного скота, были обязаны вернуть этот скот или соответствующую денежную компенсацию¹⁷⁷. Во второй половине XIX – начале XX века в случаях многократного совершения угонов скота на аймачных сходах принималось решение о высылке «порочных членов» в Сибирь.

Вместе с тем, российские чиновники в конце XIX в. отмечали, что перемены в традиционном образе жизни калмыков порой приводили к негативным нравственным последствиям. Попечитель пос. Калмыцкий Базар (оседлое поселение калмыков близ г. Астрахань, служившее местом торговли скотом и другими товарами) в своем рапорте в Управление калмыцким народом от 9 декабря 1896 г. отмечал, что у перешедших к оседлости калмыков «как в частной семейной жизни, так и жизни общественной, не наблюдается черт, говорящих о низком уровне их нравственности. Но из-за того..., что большинство калмыков занимается маклерством (посредничеством – авт.) на скотских базарах, то этот способ добывания средств к жизни заставляет их прибегать к разного рода уловкам, так что у некоторых калмыков ложь –

¹⁷⁵ НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.144. Лл.30, 32 об.

¹⁷⁶ НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.144. Л.118.

¹⁷⁷ НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.144. Л.118.

явление заурядное»¹⁷⁸. Во всех улусах Калмыцкой степи торговля у калмыков традиционно не считалась необходимым занятием: «торговля ... не в натуре калмыка, от природы ... боящегося всякого новшества». Администрация признавала, что «торгового класса между калмыками нет, вся торговля находится в руках русских и армян».¹⁷⁹ Калмыки Эркетеневского улуса, занимавшиеся отходничеством на рыболовных промыслах, по наблюдению попечителя улуса, становились «бесчестными хитрецами» в отличие от традиционных скотоводов этого улуса, казавшиеся чиновнику бесхитростным «наивным ребенком».¹⁸⁰ Однако подобные негативные явления не снижали высокой положительной оценки нравственного состояния кочевников, в связи с чем сохранялась устойчивость доказательной роли присяги при разрешении многих уголовных и гражданских дел, как и других элементов обычного права калмыков.

Также чины российской администрации в конце XIX в. обратили внимание на распространение пьянства среди калмыков, приводившее к совершению уголовных преступлений. Попечитель Эркетеневского улуса полагал, что ситуация с пьянством жителей данного района значительно лучше, чем у калмыков Малодербетовского улуса, «принявших самую плохую сторону цивилизации от крестьянских селений, расположенных со всех сторон». В доказательство он привел пример о единственном случае убийства в своем улусе за три года «в пьяном виде» и «кражи скота в незначительных размерах».¹⁸¹ Главный попечитель в своем рапорте губернатору о нравственном состоянии калмыков от 24 февраля 1897 г. также обратил внимание на это негативное обстоятельство: «Живя близ русских селений и постоянно сталкиваясь с русскими ... калмыки научились употреблению русской водки и ее преимуществу перед калмыцкой. ... Пьянство сильно

¹⁷⁸ НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.144. Л.78.

¹⁷⁹ НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.144. Л.82.

¹⁸⁰ НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.144. Л.83 об.

¹⁸¹ НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.144. Л.83.

распространено в массах калмыцкого народа. ... Большинство преступлений совершается под влиянием опьянения».¹⁸²

На нравственный облик калмыков большое влияние оказал буддизм. Философ В.С. Соловьев отмечал: «Буддизм – религия индийская по своему происхождению, но с универсальным содержанием, вышедшая за пределы индийского культурно-исторического типа и почти исчезнувшая в Индии, была глубоко и всесторонне усвоена народами монгольской расы»¹⁸³. По мнению П.А. Сорокина, для буддиста характерно «безразличие ко всему материальному» и земная жизнь не имеет для него самостоятельной ценности, важны вечные духовные ценности¹⁸⁴. То же отмечает Л.С. Васильев: для индо-буддийской цивилизации характерна высочайшая терпимость и широкая свобода индивида в сочетании со значимостью аскетизма и самоотречения. Мирские ценности, в том числе, богатства, у буддистов высоко не котировались.¹⁸⁵ Калмыки в дореволюционный период вполне соответствовали этой характеристике. В конце XIX в. главный попечитель представил достаточно упрощенную характеристику роли буддизма на нравственное состояние калмыков: «Краеугольным камнем его вероучения и конечной целью бытия, по взгляду ламаитов, является ... нирвана.... Может быть, этой основной догмой ламаизма можно объяснить, почему калмыки так мало заботятся о себе».¹⁸⁶ В отчете за 1874 г. главный попечитель обратил внимание на такие черты калмыков, как «послушание распоряжениям правительства и покорность начальству, довольство своим положением, уживчивость с окружающим степь русским населением, хотя это население вторгается в пределы степи»¹⁸⁷.

¹⁸² НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.144. Л.109.

¹⁸³ Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. М.: АСТ: Хранитель, 2007. 506 с.

¹⁸⁴ Сорокин П.А. Указ. соч.

¹⁸⁵ Васильев Л.С. История религий Востока. М.: Книжный дом Университет, 2004. 704 с.

¹⁸⁶ НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.144. Л.109.

¹⁸⁷ НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.20. Л.27 об.

Суровые условия кочевой жизни и буддизм в значительной степени усилили в калмыках такие общечеловеческие нравственные качества, как любовь к ближним, благожелательность к людям, готовность помочь. Как вышеуказанные обстоятельства, так и ряд других, способствовали устойчивости у калмыков, как и у многих кочевых народов, норм обычного права.

Также администрация признавала, что у калмыков в изучаемый период отсутствовало такое явление как нищенство. По данным за 1872 г. в калмыцких улусах Астраханской губ. насчитывалось 218 сирот, 57 инвалидов и 32 незрячих и глухонемых¹⁸⁸. По обычаю большинство призревались хотонными обществами, хурулами (храмами), родственниками и зажиточными сородичами. «Между собой калмыки обнаруживают высокие качества нравственности: по долговым обязательствам, в попечении о сиротах и в семейной жизни. ... Обычай их вытекают, с одной стороны, из вероучения, с другой, из условий их жизни и местности», - отмечал в рапорте главный попечитель.¹⁸⁹

В целом, устойчивые цивилизационные особенности у калмыков сформировались в русле кочевых традиций, провозглашавших единство общества и человека, при этом общество зачастую воспринималось как единое целое. Отсюда – коллективизм и приоритет общих интересов, значительно усилившиеся в суровых реалиях кочевой жизни.

Вместе с тем, если следовать центр-периферийной классификации европейских регионов норвежского исследователя С. Роккана¹⁹⁰, то калмыцкое общество до начала XIX в. являлось полностью самодостаточным. В административном отношении Калмыцкое ханство было самостоятельным,

¹⁸⁸ НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.16. Л.11.

¹⁸⁹ НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.144. Лл. 83 об.,115.

¹⁹⁰ Rokkan S. The center-periphery polarity // Center-periphery structures in Europe: an ISSC Workbook in comparative analysis. Frankfurt a.M.; N.Y.: Campus Verlag, 1987. P.17-80. Перевод Е.Педько, А.Зеленковой. <http://ciberleninka.ru/article/n/tcentr-peripheriyayaya-polyarnost>

лишь с конца XVIII в. калмыцкие улусы начали становиться территорией, входящей в структуру общероссийского территориального управления.

Калмыцкое кочевое хозяйство до начала XIX в. являлось преимущественно натуральным с минимальными связями с другими регионами и центром. В культурном отношении калмыцкое общество представляло собой носителя другой восточной культуры с собственными социальными институтами и ценностями: языком, своей письменностью, национальной литературой, системой буддийского образования, религией. Лишь с середины XIX в. калмыцкое общество стало включаться в систему российского образования, здравоохранения и в силу необходимости коммуникаций с другими народами России приступили к изучению русского языка.

Исследователи в большинстве относят калмыков к классическим представителям кочевой цивилизации. Вместе с тем, современная теория кочевых цивилизаций в сегодняшней России находится в стадии самоопределения, как в целом и цивилизационный подход. Один из столпов цивилизационного подхода С. Хантингтон заметил: «Народы и нации пытаются дать ответ на самый простой вопрос, с которым может столкнуться человек: “Кто мы есть?”. ... Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и – на самом широком уровне – цивилизациями».¹⁹¹ Сторонники кочевой цивилизации отмечают ее главные структурные составляющие: длительность существования этой цивилизации, география ее доминирования, уникальность развития, самобытность и оригинальность традиций, скотоводческое хозяйство и др. Многие утверждают о решающей роли климата и природы на кочевое хозяйство, на реализацию завоевательных

¹⁹¹ Хантингтон С. Указ соч. С. 23-24.

нашествий кочевников, выделяют характерные черты кочевого хозяйства (преобладание скотоводства, подвижность в определенных пределах, натуральный характер), другие констатируют абсолютную роль государства в восточных обществах, отсутствие законодательно закрепленного права, отсутствие законов как о верховной собственности, так и о низовой собственности. В связи с этим вполне объяснимо мнение российской администрации об отсутствии в дореволюционном калмыцком обществе уважения к праву собственности.

Что касается ареала расселения монгольских народов, то, по мнению многих исследователей-цивилизационщиков, они являлись кочевой периферией оседлых цивилизаций, а их особенности признавались последствием других, более значимых цивилизаций, или же результатом почти герметической изоляции. В последние десятилетия трудами монголоведов утверждается мысль об особой монгольской цивилизации¹⁹². Схожие рассуждения об особенностях развития монгольских народов имеются в трудах зарубежных исследователей¹⁹³. А.С. Железняков полагает, что монгольская цивилизация занимала особое место в буддийском мире, являлась базисной зоной калейдоскопа языков, центров, этносов, государств, культурных систем, базисных укладов жизни, и от которой наблюдалось сильное цивилизационное излучение в виде российских калмыков на западе «монгольского» мира.¹⁹⁴

Безусловно, и это признается всеми исследователями, калмыки в Нижнем Поволжье и Прикаспии сохранили этническую и социальную

¹⁹² Железняков А.С. Монгольская цивилизация. История и современность: теоретическое обоснование атласа. М.: Весь мир, 2016. 286 с.; Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т.4. История. Философия. Социология. Филология. Искусство: материалы Международной научной конференции. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. - 247 с.

¹⁹³ Khodarkovsky M. Where Two World Met. The Russian State and Kalmyk Nomads. 1600-1771. Ithaca NY.1992. 278 p.; Becker, J. The Lost Contry. Mongolia Revealed. N.p. British Library C.I.P. 1992. 325 p.; Heissig W.A. Lost Civilisation. The Mongols Rediscovered. London: Thamesand Hudson, 1964. - 271 p.

¹⁹⁴ Железняков А.С. Монголия в цивилизационных схемах мировой истории // Историческая психология и социология истории. 2018. №1. С.39-62.

однородность, существенно отличались от своих соседей, что повлияло на длительное существование их традиционного уклада жизни. В целях сохранения этих основ в новых условиях народом, уже имевшим в предшествующие периоды общемонгольскую и общеойратскую государственность и правовые традиции, создавалось Калмыцкое ханство. Поэтому история дореволюционной Калмыкии вполне вписывается в русло «кочевой» или «монгольской» цивилизации. Причины перехода калмыков из Джунгарии в пределы России и образование Калмыцкого ханства в достаточной степени изучены, но и здесь имеются отклонения в виде мнения Н.Я. Бичурина (Иакинфа) о том, что переселение калмыков в Россию в начале XVII в. являлось запланированной и реализованной вооруженной агрессией части ойратов¹⁹⁵ или вышеуказанного уточнения Б.У. Китинова о создании Калмыцкого ханства, происходившего в рамках третьей ойратской конфедерации.

С позиций цивилизационного подхода можно рассмотреть уход калмыков в Китай в 1771 г. В китайской литературе этот уход трактуется как стремление калмыков вернуться на свою историческую родину – Джунгарию. У Н.Я. Бичурина уход калмыков в 1771 г. в Китай трактуется их стремлением восстановить традиционную ойратскую государственность на исторической родине после падения Джунгарского ханства. Ф.А. Бюлер объясняет уход как форму протеста изначально свободолюбивого кочевого народа против вмешательства российской администрации в дела Калмыцкого ханства. По Е.В. Дорджиевой уход – стремление к самоидентификации калмыков как части ойратского общества. Приведенные историографические факты свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения исторического опыта калмыцкой государственности и права с цивилизационных позиций.

Исследователи много пишут о восточной правовой культуре, основанной на коллективизме, взаимопомощи и приоритете обязанностей

¹⁹⁵ Бичурин Н.Я.(Иакинф). Указ. соч. С.30-31, 44.

человека по отношению к его правам, что относится в полной мере к калмыцкому историко-правовому наследию. В связи с этим исследователи включают Калмыкию в ареал буддийской цивилизации. Классики цивилизационного подхода О. Шпенглер, А. Тойнби и С. Хантингтон выделили три направления в буддийской цивилизации: южно-буддийская цивилизация тхеравады, конфуцианско-буддийская или дальневосточная, тибето-буддийская или тибето-монгольская цивилизации.¹⁹⁶ Труды П.А. Сорокина, Л.С. Васильева и др. обозначены некоторые признаки буддийской цивилизации. Несмотря на мнение Н.Я. Данилевского о том, что культурно-историческая типология должна строиться не по конфессиональному, а по этнорегиональному принципу¹⁹⁷, концепция буддийской цивилизации является вполне устоявшейся в современной науке и развитие калмыцкого общества справедливо рассматривается также в этом русле.

Таким образом, Калмыкия в период существования ханства являлась особым цивилизационно-культурным пространством с определенным набором составлявших его структурных элементов: государственность с традиционными институтами публичной власти; право, основанное на калмыцких традициях и обычаях; кочевая экономика; коллективное традиционное землепользование; социальные отношения, регулировавшиеся как обычным правом, так и письменными законодательными актами; традиционная система морально-нравственных ценностей, базировавшаяся на реалиях кочевой жизни, добуддийских и буддийской религиозных верованиях; старописьменная культура и др.

После трагического исхода калмыков в Джунгарию и ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. в XIX – начале XX вв. оставшиеся в России калмыцкие улусы, кроме Большедербетовского, были включены в состав Астраханской губ., а управление калмыцким обществом на стадии подготовки, принятия и функционирования системы попечительства было переведено в

¹⁹⁶ Шпенглер О. Указ. соч.; Тойнби А. Дж. Указ. соч.; Хантингтон С. Указ. соч.

¹⁹⁷ Данилевский Н.Я. Указ. соч.

ведение Министерства государственных имуществ. На Калмыцкую степь была распространена общероссийская централизованная система управления с сохранением ряда традиционных для калмыков институтов публичной власти и постепенно – нормы российского законодательства при наличии устойчивой практики калмыцкого судопроизводства в улусных судах (Зарго) по статьям Великого Уложения 1640 г. и законам (токтолам) хана Дондук-Даши. С 1847 г. были введены органы местного самоуправления в лице улусных и аймачных сходов по примеру российских волостных и сельских сходов. При этом следует учитывать, что эти органы самоуправления у калмыков являлись вполне созвучной калмыцкому укладу жизни традицией, основанной на присущей издревле многим народам, в том числе кочевникам, родовой традиции. Вместе с тем, в калмыцком обществе, наряду с российской административной системой и законодательными нормами, в повседневной жизни продолжали доминировать нормы обычного права (это сказывалось и на многих решениях органов самоуправления), а также все институты традиционной калмыцкой культуры. В целом, калмыцкое общество в XIX – начале XX вв. можно идентифицировать как особое пространство с национально-культурной автономией.

Таким образом, калмыцкое общество в XVII – начале XX в. представляло собой традиционное кочевое общество. Калмыки являются потомками монголоязычных ойратов, часть которых в конце XVI – начале XVII в. совершила переход из Центральной Азии на юг Европейской России, где и обрели новую Родину в степях Северного Прикаспия и Предкавказья. На этой территории было создано автономное Калмыцкое ханство, просуществовавшее с середины XVII в. и до 1771 г. Причины создания, как и последующего развития ханства, имели цивилизационно-культурную основу, поскольку именно своя государственность обеспечивала калмыкам защиту и сохранение национальной идентичности в условиях непростого соседства с другими кочевыми и кавказскими народами и казаками.

В составе Российского государства калмыки при сохранении традиционного многовекового уклада жизни внесли значительный вклад в развитие кочевой цивилизации монголо-ойратского типа: взамен прежних грабительских войн были созданы условия для гармоничных взаимовыгодных торговых отношений с соседями, получило дальнейшее развитие национальное законодательство (Великое Уложение 1640 года, дополнения к ним хана Дондук-Даши), трудами просветителя Зая-Пандиты был совершен переход от ойрат-монгольской к своей калмыцкой письменности и к другим институтам национальной письменной культуры, сложилась упорядоченная организация буддийской церкви с традиционными связями с Тибетом, войско Калмыцкого ханства являлось надежной основой российского преобладания от Каспийского до Черного морей и в Предкавказье.

Наряду с развитием традиционных институтов публичной власти (институты ханской власти, институты нойонов, зайсангов, советы и собрания знати, институт Ламы калмыцкого народа), был создан разветвленный бюрократический аппарат. В XIX в. в условиях интеграции региона в общероссийскую административную систему продолжали действовать институты нойонов и зайсангов, деятельность Ламы калмыцкого народа стала более регламентированной и в определенной степени была подчинена Управлению калмыцким народом. Наряду с этим, были созданы органы областного и улусных управлений и органы местного самоуправления в виде улусных, аймачных и хотонных сходов, вполне созвучных коллективизму и родовой традиции кочевников.

Традиционный уклад жизни калмыков способствовал сохранению привычных нравственных качеств кочевников: гостеприимство, уважение к старшим, призрение вдов и сирот, готовность помогать бедным, уважение к представителям власти и духовенства, законопослушание и др. В культурном отношении калмыцкое общество представляло собой носителя другой восточной культуры с собственными социальными институтами и ценностями: языком, своей письменностью, национальной литературой,

системой буддийского образования, религией. Лишь с середины XIX в. калмыцкое общество стало включаться в систему российского образования и здравоохранения.

В целом, Калмыкия в XVII – начале XX вв. представляла собой особое цивилизационно-культурное пространство в составе России, и даже на этапе усиленной интеграции региона в общероссийскую общественно-экономическую систему калмыцкое общество сохраняло традиционный уклад и национально-культурную самостоятельность.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ У КАЛМЫКОВ (XVII – XVIII вв.)

2.1. Правовой статус социальных групп в калмыцком обществе в XVII – XVIII вв.

Калмыцкое общество в составе России представляло из себя три большие субэтнические группы торгоутов, дербетов и хошоутов, прикочевавших из Центральной Азии (Джунгарии). Другие малочисленные ойратские группы хойтов и зюнгар, переселившиеся в Россию вместе с названными группами, не занимали заметного места в политической жизни калмыцких улусов и постепенно вошли в состав более крупных объединений. Также со временем значительная часть, за исключением самостоятельно кочевавшего Хошоутовского улуса, хошоутов во главе со своими нойонами и зайсангами, располагавшиеся в пределах торгоутовских улусов, также сливались с более многочисленными торгоутами.

В социальной структуре калмыцкого общества отчетливо выделялись две основные группы населения: господствующая группа владельцев улусов и аймаков (так называемая «белая кость» или «цаган ясн») и зависимые от них простолюдины («черная кость» или «хар ясн»). При этом обе группы, в свою очередь, подразделялись на более мелкие.

Нойоны, отнесенные к титулованному русскому дворянству (князьям) вначале эпизодически в силу личных заслуг и обстоятельств, а затем законодательно как владельцы улусов в XVIII – XIX вв., возглавляли социальную иерархию калмыцкого общества. Они были собственниками улусов и делились на больших и малых, в зависимости от размеров улусов. До середины 20-х гг. XVIII в. крупные нойоны назывались тайшами. Позже такое разделение в наименованиях исчезло и почти все улусовладельцы стали именоваться нойонами.

Нойоны владели улусами - крупными объединениями населения. Улусы могли отличаться по размерам и количеству входящих в него кибиток (семей) с принадлежащими им скотом и имуществом. Статус нойона являлся наследственным и получение этого статуса представителями других сословий не практиковалось даже в обозримом ойратском прошлом.

Потеря статуса нойона было редким и исключительным явлением. Известен лишь единственный подобный случай. Так, нойон Мазан-Батыр в документах упоминался нередко просто знатным человеком, а его потомки уже именовались зайсангами.¹⁹⁸ В XIX в. в связи с введением права майората при наследовании родственники умершего нойона в случае отсутствия прямых наследников получали статус лишь «владельческих родственников».

Нойоны управляли своими улусами на основе сложившихся традиций и норм монголо-ойратских законов (Великого Уложения) 1640 г. При этом, в силу того что многие статьи Великого Уложения были малоизвестны рядовым кочевникам, власть нойонов характеризовалась значительным произволом. Нойоны имели возможность, помимо установленных законом податей и повинностей, назначать по своему усмотрению дополнительные поборы с подвластного населения. Нойоны также являлись крупными скотовладельцами, чье хозяйство обслуживалось подвластными простолюдинами. Так, сохранилась опись скота, находившегося в собственности у нойона среднего достатка Тюменя за 1811 г.: 1600 лошадей, 38 верблюдов, 197 голов крупного рогатого скота, 7560 овец.¹⁹⁹

Суд Зарго каждую весну и осень определял места летних и зимних кочевий каждого улуса. Зачастую мелкие нойоны кочевали с более богатыми и влиятельными родственниками. В конце XVII в. за отдельными улусами закрепились постоянные территории для кочевий. Нойоны внутри улуса уже самостоятельно определяли места кочевий своим подвластным.

¹⁹⁸ Батмаев М.М. Социально-политический строй ... С. 169.

¹⁹⁹ Там же. С.173.

Перед тем, как перекочевать на новое место, нойон отправлял специальных служителей, будулчеев (будулчи) и буричинеров (бююрчи) (от слов «буудл» - «стоянка», «стан» и «бююр» - «кочевье», «стойбище») для подыскания места проживания и ведения хозяйства.

После обследования и выбора территории на этом месте устраивалась ставка нойона со своими приближенными, работниками и служителями. Вся эта совокупность кибиток именовалась «цахир». Ханский цахир занимал значительное пространство, так как при нем действовал передвижной базар.

Следом за нойонами в социальной иерархии калмыков располагались зайсанги. Зайсанги являлись потомственными собственниками аймаков, административно-территориальных единиц улуса.

Исследователь В.М. Бакунин отмечал, что у нойонов-улусовладельцев имелись свои зайсанги - владельцы аймаков, подобно русским дворянам, имевшим свои деревни. При этом аймаки могли существенно различаться по числу семей: в иных 5–10, в других – «от нескольких сотен до тысячи и более». По мнению В.М. Бакунина улусы и аймаки делились после смерти владельцев между его сыновьями²⁰⁰.

Статус зайсанга также передавался по наследству. При этом мелкий аймак отца передавался старшему сыну, а при отсутствии сыновей – ближайшему родственнику. Крупные аймаки могли быть разделены между несколькими сыновьями. Зачастую аймак мог управляться несколькими зайсангами из одной семьи. Случаи управления зайсангом несколькими аймаками были редкостью.

Управление аймаком зайсанг осуществлял на основании письменного разрешения нойона. Среди зайсангов был относительно небольшой пласт авторитетных и богатых людей, которые могли влиять на поведение своего владельца. Зайсанги полностью зависели от своих нойонов, которые имели право отстранить зайсангов от управления аймаком, а также лишить их статуса

²⁰⁰ Бакунин В.М. Указ. соч. С.76.

зайсанга. При этом, в силу традиции, зайсанги имели право жаловаться на своего нойона хану или в суд Зарго, хотя такие ситуации встречались очень редко.

В последние годы существования ханства российское правительство стало активнее вмешиваться во взаимоотношения между нойонами и зайсангами, играя на некоторых противоречиях между ними в целях снижения власти нойонов. Зайсанги вправе были собирать подати в свою пользу с подвластных кибиток. Однако нойон мог взыскивать подати с зайсангов либо забрать часть кибиток и подвластных людей себе. Согласно традиции, считалось, что подвластные калмыки принадлежат не зайсангам, а нойонам. Зайсанги только управляют аймаками.

Хотя зайсанги находились в полной власти нойонов, все вместе, как единый слой привилегированных людей, относившийся к «цаган ясн», они представляли весомую силу. Известны случаи, когда нойоны советовались со своими зайсангами по наиболее важным вопросам (например, откочевки на Дон и обратно).

К категории привилегированных сословий в калмыцком обществе относилось буддийское духовенство, которое было освобождено от налогов, воинского призыва и других обязанностей. Духовенство имело во владении людей и скот в довольно большом количестве, а также получало от населения различные подношения и подарки.

Низшие слои населения Калмыцкого ханства состояли из различных сословных групп: албату, шабинеров, цохоров, кеточинеров, абганеров, китадов и мухула. Их относили к «черной кости» (хар ясн).

Дарханы и эркетени, освобожденные от уплаты податей за особые заслуги перед своим владельцем, занимали полупривилегированное положение. Они получали специальное письменное разрешение, освобождавшее от податей и дававшее право на свободное передвижение и поселение в любом месте. При этом они освобождались и от опеки зайсанга. Источники не уточняют, чем дарханы отличались от эркетеней. Великое

Уложение 1640 г. упоминает только дарханов. Дарханы отличались от основной массы простолюдинов, но к привилегированному сословию не относились.

Статус дархана мог быть приобретен за особые заслуги перед нойоном или членами его семьи. В соответствии с законами 1640 г. статус дархана получал тот, кто спасал жизнь нойона в бою. Архивные материалы и научная литература упоминают некоторые сведения о получении статуса дархана. Так, упоминаются случаи получения дарханства за участие в посольствах в Тибет для поминовения умерших нойонов, за обучение детей нойонов.²⁰¹ Однако, получение дарханства полностью зависело от воли владельца улуса.

Дарханы, зачастую, избавлялись от повинностей не только лично, но и со всей своей семьей и родными, которых могло быть до 10 кибиток. Согласно данным П. Небольсина дарханные свидетельства писались на гладкой белой бумаге или шелковой материи желтого цвета с обязательным использованием родовой владельческой печати (тамги).²⁰² Дарханство обязательно удостоверялось особым увольнительным письмом, где перечислялись лица, награждаемые дарханством, и перечислялись их привилегии.

Дарханные документы упоминаются в двух видах: дающие личное пожизненное дарханство и предоставляющие потомственное дарханство самому лицу, а также его наследникам. Дарханство являлось желанным статусом каждого простолюдина, так как оно освобождало от податей и повинностей.

Случалось, что в период междоусобиц и перехода улусов от одного владельца к другому, а также в случае совершения преступлений, дарханы могли лишиться своих привилегий и возвращались в состав подвластного населения.²⁰³ Со временем, в особенности с конца XVIII в. после ликвидации

²⁰¹ Батмаев М.М. Социально-политический строй ... С. 186.

²⁰² Небольсин П.И. Указ. соч. С.22.

²⁰³ Батмаев М.М. Социально-политический строй ... С. 189.

Калмыцкого ханства, указанные категории дарханов и эркетеней вошли в состав простолюдинов.

Основную массу подвластного населения калмыцкого ханства составляли простолюдины (калм. «албату»). Название «албату» произошло от слова «албан» - подать, дань или оброк. Поэтому термином «албату» в калмыцком обществе именовались калмыки-простолюдины, обязанные платить албан и находившиеся под властью нойона. Албату вели свое самостоятельное хозяйство, а также обязаны были платить подати и исполнять различные повинности в пользу нойона и хана. Албату не могли самовольно уйти от своего нойона. Законы 1640 г. устанавливали ответственность нойона за невыдачу беглых семей.

Подати и повинности были установлены правом и народными традициями еще в ойратский период и подкреплены статьями Великого Уложения 1640 г. Однако, на практике нойоны часто устанавливали сборы по своему усмотрению либо по мере необходимости. Легитимирована была натуральная подать в размере пятой или десятой головы с каждого вида скота (в XVIII в. эту подать нередко уплачивали в денежном эквиваленте). Помимо основного налога по желанию нойона могли быть объявлены общеобязательными и другие сборы на нужды семьи владельца.

Часто нойоны собирали разовые сборы на какие-либо события в собственной семье (свадьбы или похороны). Кроме того, собирали средства для приема почетных гостей или для подношений в буддийские храмы (хурулы). Подати и сборы взыскивались в пользу нойона, однако свою долю из собранного получали зайсанги, духовенство, демчеи (сборщики налогов) и другие чиновники.

Для обеспечения функционирования калмыцкого общества албату должны были выполнять целый ряд повинностей. Это были воинская обязанность (воинами считались все способные к этому мужчины), обязанность предоставлять лошадей посланцам хана и нойонов. Также албату несли расходы на сбор и содержание войска. К этому списку необходимо

добавить различные штрафы, которые уплачивались за то или иное правонарушение.

Относительно правового статуса албату в дореволюционной литературе отмечалось, что простой народ находится у нойонов в крепостном состоянии.²⁰⁴ В советской литературе также отмечался крепостной характер зависимости албату. Калмыки-простолюдины сравнивались с крепостными крестьянами, закабаленными узами феодальной эксплуатации.²⁰⁵ Калмыки-простолюдины находились в полной личной зависимости от своих нойонов. Однако, эту личную зависимость калмыцких простолюдинов от своих владельцев, на наш взгляд, не стоит полностью отождествлять с крепостной зависимостью русских крестьян, ведущей начало от прикрепления их к земле.²⁰⁶ В то же время албату имели собственное скотоводческое хозяйство.

Зависимость албату от нойонов можно отождествлять с государственной, поскольку нойон являлся относительно самостоятельным правителем своего улуса с подвластными людьми. Следует иметь в виду, что статус албату был более благоприятен, чем таковой у некоторых иных категорий калмыцкого подвластного населения.

Законодательно закреплялась обязанность подвластных людей кочевать строго со своим аймаком. Должностные лица в улусах должны были контролировать своих людей.²⁰⁷ Нойоны могли потерять своих людей в силу военных неудач или в результате междоусобиц и т.д. Немаловажное значение имело и обнищание рядовых калмыков, вынужденных покидать свои улусы и отправляться на заработки в соседние русские селения.

Большую группу зависимого населения в калмыцком обществе составляли шабинеры. Это простолюдины, приписанные к буддийским

²⁰⁴ Георги И.Г. Указ. соч. С 6.

²⁰⁵ Очерки истории Калмыцкой АССР ... С. 98.

²⁰⁶ Команджаев Е.А., Мацакова Н.П., Команджаев А.Н. О специфике «обязательных отношений» у калмыков. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т.22, №4. С.109-119.

²⁰⁷ Повеление и приказ Галдана – Хун – Тайджия // Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Указ. соч. С. 53.

монастырям и выплачивавшие подати и исполнявшие повинности в пользу последних. Ранее они являлись албату, но затем были подарены своими владельцами высшему духовенству или буддийским хурулам, а также завещаны Далай-ламе для спасения души. С тех пор они стали шабинерами, обслуживавшими хурулы. Подаренных простолюдинов Далай-лама передавал в управление главе духовенства Калмыкии (Шаджин-ламе). Шабинеры состояли из представителей разных улусов и были объединены в особые роды, являвшиеся самостоятельными аймаками, и нередко управлявшиеся зайсангами. Шабинеры не принадлежали к духовенству, а только обслуживали потребности хурулов и духовенства. К шабинерам порой относили также часть представителей низшего духовенства, служившей в буддийских монастырях.

Во времена Аюки-хана шабинеры были юридически освобождены от уплаты налогов нойонам и прохождения военной службы. Однако нойоны часто проводили сбор средств или скота в свою пользу под видом добровольных пожертвований. С середины XVIII в. шабинеры стали призываться на военную службу. В особых случаях с шабинеров дополнительно собирали определенные суммы.²⁰⁸ Шабинеры, причисленные к определенному хурулу, кочевали с ним или отдельно. Они обеспечивали монастырь скотом, деньгами и продуктами, выполняли различные хозяйственные работы в хурулах.

Еще одна группа зависимого населения - кетченеры (кеточинеры). Кетченеры – это слуги, находившиеся при хане или нойонах с детства и пожизненно служившие своему владельцу. К ним относились казначеи, охранники, конюхи, повара, лица, ответственные за чайный церемониал, ухаживавшие за домашней птицей и др. Некоторым из них удавалось занять высокие должности в нойонской ставке. Кетченеры не платили налоги, проживали поблизости или в самой ставке хана или нойона. В военных походах кетченеры исполняли обязанности телохранителей нойона.

²⁰⁸ Батмаев М.М. Социально-политический строй ... С. 206.

Исследователь П. Небольсин в середине XIX в. отмечал, что в прежние времена часть кетченеров сопровождала своего нойона в военных походах, в которых они «непоколебимо» были верными «соратниками и сторонниками нойона и его семьи».²⁰⁹

С уменьшением числа военных походов, кетченеры постепенно превращались в домашнюю прислугу или занимались ремеслом в хозяйстве нойона. П. Небольсин отмечал, что кетченеры, занимавшиеся ремеслом, имели небольшое хозяйство и были достаточно зажиточны.²¹⁰

Самыми бесправными, по мнению исследователей, сословными группами калмыцкого общества в период Калмыцкого ханства были цохоры, китады, мухула.

Термин «цохор» в переводе на русский язык означает «холоп», «холопство».²¹¹ Однако это не совсем точно. В некоторых работах понятие «цохор» переводят как «крепостной крестьянин». В одной из статей²¹² А.И. Карагодин отмечал, что цохоры, скорее всего, были людьми без «рода и племени», не обеспеченные защитой коллектива, нередко взятые в плен. По мнению А.И. Карагодина к цохорам относились жители поселений «вокруг ставок нойона, где проживала владельческая дворня».²¹³

Правовой статус калмыцкого «цохора» можно сравнить с положением крепостных дворовых людей у российских помещиков. Цохоры были лично зависимыми людьми не только от представителей калмыцкой знати, но и реже – от состоятельных простоллюдинов, находясь в частной собственности владельца.

В источниках и научной литературе к холопам также были отнесены небольшие группы «китад» и «мухула», ведущие свое начало с ойратских

²⁰⁹ Небольсин П.И. Указ. соч. С. 21.

²¹⁰ Там же. С. 108.

²¹¹ Батмаев М.М. Социально-политический строй ... С. 210.

²¹² Карагодин А.И. Унаган боголы (об эволюции форм зависимости у монголоязычных кочевников). // Советская этнография. 1987. №2.

²¹³ Карагодин А.И. Указ. соч. С. 68-69.

времен. Уже в период существования Калмыцкого ханства правовое положение цохоров и китадов сблизилось, и они превратились в единую зависимую от собственников группу цохоров. Они выполняли различные работы в хозяйстве собственника, пасли скот, ухаживали за ним, производили продукты животноводства и т.д. Цохорами становились несостоятельные должники и лица, виновные в преступлениях. Однако их социальный статус являлся обратимым. Цохоры со временем могли выйти из своего положения и вновь обрести прежний статус албату.

Относительно группы абганеров, имевшейся только в Дербетовском улусе, известно, что ряд исследователей отмечают ее позднее происхождение. После разделения Дербетовского улуса, по мнению А.И. Карагодина, часть из принадлежавших дербетовским нойонам населения получила название абганеров.²¹⁴ Исследователь справедливо полагает, что абганеры представляют собой родовое владение нойонов, полученное по наследству (калмыцкое слово «авгнр» (абганеры) переводится на русский язык как «родственники по линии отца»).

В наиболее бесправном положении находились рабы: «китад» и «мухула». В российских делопроизводственных документах они именовались «холопами» и «холопками». В калмыцком обществе китадами являлись мужчины-рабы, а «мухула» - женщины-рабыни. Китады – полные холопы, которыми могли стать не только калмыки, но и представители других национальностей, например, военнопленные или купленные лица.

Рабами также становились люди, совершившие преступления и не возместившие материальный ущерб. В таких случаях виновные лица отдавались потерпевшим в холопство. Холопами становились за долги либо их покупали или обменивали на скот. В научной литературе встречаются описания случаев, когда нойоны отдавали в холопство своих подвластных.²¹⁵

²¹⁴ Карагодин А.И. Указ. соч. С.66-67.

²¹⁵ Батмаев М.М. Социально-политический строй ... С. 222.

Такая структура калмыцкого общества просуществовала достаточно длительное время до конца XVIII в. Но уже в первой половине XIX в. группы китад и мухула практически исчезают. Что касается цохоров и абганеров, то они также потеряли свой социальный статус и их упоминание сохранилось лишь в этнонимии и наименованиях аймаков. Калмыки-простолюдины (албату) были приравнены частью к владельческим крестьянам, частью в казенных улусах – к государственным крестьянам, нойоны получили статус личных или потомственных дворян, а зайсанги – личное или потомственное почетное гражданство. Калмыки-простолюдины имели право перехода в православие (за это полагались существенные льготы и привилегии: освобождение от личной зависимости, ссуды и др.) и в казачье сословие.

К середине XIX в. согласно Положениям 1834 и 1847 гг. в калмыцком обществе были законодательно закреплены сословия нойонов, зайсангов (аймачных и безаймачных), буддийского духовенства и простолюдинов (албату и шабинеров). Первые три сословия были отнесены к привилегированным, имели право на созыв и деятельность сословных собраний, избирались в органы управления. Нойоны были отнесены к титулованному потомственному дворянству (князья), аймачные зайсанги – к потомственным почетным гражданам, а безаймачные зайсанги – к личным почетным гражданам. Калмыки – члены суда Зарго и органов калмыцкого управления были отнесены к чинам гражданской службы с получением соответствующих чинов.

Положение об управлении калмыцким народом 1847 г. подтвердило указанный статус калмыцких привилегированных сословий, установленный Положением 1834 г. Согласно своду законов Российской Империи (Т.9. Свод законов о состояниях) в разделе 5 «О состоянии инородцев» калмыки были отнесены к российским инородцам и их правовой статус необходимо было определять по Положению 1847 г. (ст.762, 765).

Таким образом, население Калмыцкого ханства, состоявшее из трех крупных этнических групп (торгоуты, дербеты и хошоуты), в социальном

плане подразделялось на привилегированные слои (нойоны и зайсанги) и зависимых от них рядовых кочевников (простолюдинов или албату). Промежуточное положение занимало буддийское духовенство, высшая группа которого относилась к знати, а низшая – к зависимому населению.

Статус нойонов являлся наследственным, как и их владения (улусы). Улусы различались по своим размерам, числу населения и по хозяйству. Как правило, мелкие улусы появлялись в результате деления между наследниками более крупных объединений. В XIX в. эта практика разделов улусов и аймаков прекратилась в связи с введением права майората. Именно тогда появилась группа безулусных нойонов и безаймачных зайсангов.²¹⁶ Права и привилегии института нойонов и зайсангов были установлены калмыцким законодательством и устойчивыми традициями.

Следом за нойонами в структуре сословной иерархии калмыков располагались зайсанги, которые управляли аймаками, административно-территориальными единицами улусов. Как правило, статус зайсанга был наследственным, но в редких случаях мог быть и приобретенным в период Калмыцкого ханства. При этом нойон мог лишить зайсанга в случае серьёзного проступка привилегий и звания.

В категорию привилегированных сословий входило буддийское духовенство, которое было освобождено от налогов, воинского призыва и других обязанностей, хотя низшая его часть исследователями справедливо отнесена к простолюдинам. Высшее духовенство и буддийские монастыри имели во владении большое хозяйство, а также получали от населения различные подношения и подарки.

Полупривилегированное положение в период Калмыцкого ханства занимали дарханы и эркетени.

²¹⁶ Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения ... С.151.

Низшие слои населения Калмыцкого ханства состояли из сословных групп албату, шабинеров, кетченеров, абганеров, цохоров, китадов и мухула. Их относили к «черной кости» (хар ясн).

Основную массу подвластного населения Калмыцкого ханства составляли албату, имевшие самостоятельное хозяйство, а также выплачивавшие подати (налоги) и исполнявшие повинности в пользу нойона и всего ханства. Албату находились в личной зависимости от своего нойона, но такую зависимость можно характеризовать как государственную.

В числе зависимого населения особое место занимали шабинеры, которые обслуживали хозяйственные и бытовые нужды буддийских монастырей. Еще одна особая прослойка простолюдинов – кетченеры, которые согласно закону и традициям не платили налоги. Они были обязаны как личные телохранители хана или нойона сопровождать владельца в военных походах, но в связи с сокращением этих походов становились личной прислугой нойона или приступали к занятию ремеслом.

Самыми угнетенными и бесправными слоями калмыцкого общества периода Калмыцкого ханства были цохоры, китады и мухула. Если цохоры могли принадлежать не только представителям знатных сословий, но иногда и состоятельным простолюдинам, то статус китадов и мухула, которыми могли стать помимо калмыцких албату еще и пленные, сравним с положением рабов.

К середине XIX в. сословная структура калмыцкого общества в значительной мере упростилась: правящий слой составляли нойоны и зайсанги, духовенство заняло, как и прежде, промежуточное положение, к зависимому населению относились простолюдины (албату). Влились в состав простолюдинов все другие зависимые группы дарханов, эркетеней, абганеров, цохоров, китадов и мухула. Что касается эркетеней, абганеров и цохоров, то они сохранились в этнонимии, названиях улуса, родов и аймаков. Сохранились в прежнем статусе монастырских простолюдинов шабинеры, составившие свои шабинеровские аймаки в разных улусах. Подобное упрощение

социальной структуры калмыцкого общества в значительной степени связано с его интеграцией в российскую административно-политическую структуру. Социальная структура калмыцкого общества стала напоминать социальную структуру российского общества. Немалую роль в этом процессе сыграл исход подавляющего большинства калмыков в Джунгарию и ликвидация ханства в 1771 г., продолжительное и непростое становление российских органов управления, значительное сужение функциональной роли традиционных институтов публичной власти до узких рамок деятельности.

2.2. Традиционные институты публичной власти в калмыцком обществе в XVII – XVIII вв.

В период существования Калмыцкого ханства институт ханской власти представлял из себя сравнительно разветвленный штат чиновников, функции которых были разделены на придворные и общеханские. В Великом Уложении 1640 г. имеется перечень некоторых должностей, ведущих начало с общемонгольского и общеойратского прошлого. Отдельные из них в обнаруженных нами источниках и литературе о калмыках не упоминаются.

Сведения о придворных должностях в историко-правовых исследованиях крайне скудны. На наш взгляд, это вызвано тем, что исследователи, как правило, анализировали русскоязычные документы и, в меньшей степени, переведенные на русский язык. Практически мало изучен большой корпус документов на калмыцком языке, в частности, в архиве востоковедов в Санкт-Петербурге, в фонде Ламы калмыцкого народа Национального архива Калмыкии, письма калмыцких ханов, написанных на старокалмыцкой письменности. Отдельные из них в русском переводе опубликованы в книге коллектива авторов в 2013 г.²¹⁷ Старокалмыцкая письменность (тодо бичик) была переведена на кириллицу в 1920-е годы.

²¹⁷ Сусеева Д.А., Котяева Е.С., Олядыкова Л.Б., Ярмаркина Г.М. Русские переводы XVIII в. деловых писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования. Элиста: изд-

Сохранилось описание В.М. Бакунина, упоминавшее некоторые придворные должности, на которые были назначены несколько зайсангов 10 сентября 1735 г. во время приема ханом Церен-Дондуком посланников Далай-ламы, прибывших для вручения ему грамоты на ханский титул. В процессе этой церемонии хан пожаловал нескольким приближенным зайсангам придворные должности: зайсанг Гумеджап был назначен судьей калмыцкого Зарго, зайсанг Черен Норбо получил должность советника хана и также был назначен судьей в Зарго, зайсанг Гедегер-Даши получил звание «шидар кя». М.М. Батмаев справедливо уточняет, что эта должность соответствовала званию приближенного охранника, личного телохранителя.

Далее В.М. Бакунин отмечал, что должность «шидар кя» (калмыцкое слово «шидрк» переводится как «ближайший» или «приближенный») распространена у всех монгольских народов, в том числе у калмыков. Эти телохранители, «имеющие чин шидар кя кочуют близ ханских кибиток и всегда при них бывают, отлучаясь только тогда, когда ханы спят, а при публичных столах они ханам служат». О приближенности титулованных «шидар кя» к ханской власти говорит то обстоятельство, что таковые в отсутствие ханов «не токмо от зайсангов, но и от нойонов в великом почтении бывают».²¹⁸

У В.М. Бакунина упоминается зайсанг Чештор, обладатель титула «алдар кя», в переводе автора «титулярный кя». По нашему мнению, калмыцкое «алдарк» правильнее переводить как «прославленный». Еще один титул, упомянутый у В.М. Бакунина, «олзейту кя», которым обладал некто Санчин, переведен автором как «щасливый» и отнесен к высокой иерархии чинов. Следом В.М. Бакунин называет зайсанга Цаган Доржина, удостоенного титула «шидар кя» и прикрепленного к ханше Черен Дондуковой. Седьмым стал «ханский служитель Аракба, командиром над придверниками

во КалмГУ, 2013. 744 с.; Тепкеев В.Т. Письма хана Аюки как источник по истории русско-калмыцких отношений конца XVII — первой четверти XVIII в. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 10-22.

²¹⁸ Бакунин В.М. Указ. соч. С.146.

(охранниками – авт)».²¹⁹ На наш взгляд, чины «приближенный» (шидар кя), «прославленный» (алдар кя) и «осчастливленный» (олзейту кя) являлись не столько ступенью в чиновной иерархии, хотя и влияли на продвижение по карьерной лестнице, сколько титулами или почетным званием.

По мнению исследователей, при калмыцком хане функционировал особый совет из близких к нему нойонов.²²⁰ Калмыцкие ханы закономерно укрепляли свою власть, что было непросто в условиях существования институтов нойонов и зайсангов, обладавших достаточной полнотой власти для проведения самостоятельной политики в своих улусах и аймаках. О сложностях в централизаторской политике калмыцких ханов свидетельствуют частые откочевки отдельных групп населения в другие регионы. Так, появилось значительное количество калмыков-казаков на Дону, в Среднем Поволжье и на Тереке, а также часть калмыков (10 тыс. чел.) во главе с Чакдоржапом откочевала в Джунгарию в начале XVIII в., другая часть – на территорию Крымского ханства (шеретское поселение). В связи с этими проблемами и для предотвращения конфликтов существование совета при хане из приближенных лиц являлось вполне оправданным. Как правило, членами совета являлись приближенные нойоны – правители улусов, а также некоторые родственники хана. Исследователи называют некоторые из должностных единиц высшего слоя чиновников у калмыцких ханов: «табунангуд», «ямату нойод», «ямату тушимет». В российских архивных документах эти чиновные должности названы «думчими тайшами». По нашему мнению, ряд должностей в чиновном аппарате при калмыцком хане ведут свое начало с периода Монгольской империи: возникновение табунангов (калмыцкое «тавн» означает цифру «пять») связано с введением десятичной военно-административной системы в империи Чингис-хана.

Центральное управление ханства состояло из дарги (управляющие), демчеев (сборщики податей), бичачи (писцы), бодокчеев (посредники в

²¹⁹ Бакунин В.М. Указ. соч. С. 146.

²²⁰ Максимов К.Н. История национальной государственности ... С.25.

урегулировании споров). Следует заметить, что эти же должности дублировались и в чиновном аппарате нойонов-улусовладельцев для реализации административных функций при правителях улусов. Также при хане и при нойонах действовал штат гонцов (элчи), которые осуществляли связь центрального и местных органов управления.²²¹

К.Ф. Голстунский подробно описал должностные обязанности дарги, являвшегося управляющим хозяйством хана или нойонов. Дарга распределял повинности и подати по улусам, вел учет доходов и расходов, обеспечивал сохранность имущества хана или нойона.²²² Кроме того, из архивных материалов мы видим, что дарга выполнял и другие отдельные поручения своего нойона или хана. Так, в 1717 г. правитель одного из улусов, сын Аюки-хана, Чакдоржап назначил даргой Батура и повелел ему быть в Астрахани при российских органах власти в качестве своего представителя. В 1758 г. в одном из своих писем хан Дондук-Даши упоминает, что поручил своему дарге контролировать закупки скота.²²³

К.Ф. Голстунский описывал функции демчея (калм. «демчи»), который являлся помощником дарги. Демчеи назначались из числа зайсангов и являлись ответственными за сбор налогов и исполнение повинностей.²²⁴ При этом в указе Галдана Хун-Тайджи было установлено, что демчеи управляли 40 кибитками, контролировали своих людей и заботились о малоимущих. За невыполнение своих обязанностей демчеи могли быть оштрафованы и лишены должности. В законах Дондук-Даши также упоминается, что в случае совершения кражи скота, если следы приведут в аймак, то ответственность несут зайсанги, а если в то время зайсанг отсутствовал, то ответственность за население несет демчей.²²⁵

²²¹ Очерки истории Калмыцкой АССР ... С.132.

²²² Голстунский К.Ф. Указ. соч. С.109.

²²³ НА РК. Ф.36. Оп.1. Д.307. Л.763.

²²⁴ Голстунский К.Ф. Указ. соч. С.109.

²²⁵ Голстунский К.Ф. Указ. соч. С.48.

Шуленга являлся помощником демчея в сборе податей и повинностей. В некоторых источниках упоминается, что шуленга являлся сборщиком налогов с 20 кибиток. Писцы (бичачи) в аппарате хана вели делопроизводство, осуществляли переписку, записывали ханские указы и др. Тем же занимались писцы и в аппарате нойонов.

Гонцы (элчи) при хане и нойонах, выполняли не только функции гонцов и передавали ханские указания в улусы, но и могли вести переговоры и быть посланниками к российским властям. Элчи могли выполнять отдельные поручения хана в улусах. Должность элчи часто упоминалась в Великом Уложении 1640 г. и в законах хана Дондук-Даши. Элчи, как и обладатели других должностей, получал за свою работу вознаграждение и население было обязано предоставлять ему питание, ночлег и верховых лошадей.²²⁶

Если многие чиновные должности, перечисленные нами, являлись традиционными, ведущими начало еще с общемонгольских времен, то упомянутый новый институт бодокчеев возник уже в Калмыцком ханстве с конца XVII в. С XVII в. с вхождением калмыков в состав многонациональной и поликонфессиональной России значительно усложнились отношения калмыков-буддистов, ведущих кочевой образ жизни, с соседним населением. В этом случае следует считать заслугой института ханской власти введение института бодокчеев для урегулирования споров между калмыками и их соседями. К обязанностям бодокчеев относился надзор за исполнением судебных решений калмыцким населением. Одновременно в соседних российских городах и крупных селах появились приставы с обязанностями, аналогичными бодокчейским, для урегулирования подобных споров и конфликтов.

М.Г. Новолетов отмечал, что должность бодокчея появилась при Аюкехане в связи с участвовавшими спорами и конфликтами калмыков с соседями, доходившими до совершения преступлений. Необходимость введения

²²⁶ Батмаев М.М. Социально-политический строй ... С.168-169.

бодокчеев особенно актуализировалась в связи с тем, что калмыцкие традиции и право существенно отличались от законодательства России. Великое Уложение 1640 г. в качестве уголовных наказаний, в большинстве случаев, предусматривало систему штрафов. Российское уголовное законодательство предусматривало иные наказания. Поэтому стали возникать споры между ханами, которые стремились самостоятельно осуществлять правосудие по традиционным калмыцким нормам, и российскими властями, требующими судить калмыков за преступления по российскому законодательству.²²⁷

Особое место среди традиционных институтов публичной власти у калмыков в изучаемый период занимал институт нойонов. Нойоны владели улусами и с помощью своего чиновного аппарата (в нем практически повторялась та же чиновная структура, бытовавшая при хане) самостоятельно осуществляли управление ими. Первоначально нойоны возглавляли отдельные группы калмыков, были своего рода племенными предводителями, но задолго до вхождения калмыков в состав России превратились в носителей государственной власти. Исследователь Н.Н. Пальмов отождествлял их функции с деятельностью русских воевод.²²⁸

После складывания Калмыцкого ханства для подвластного хану населения, включая знать, власть правителя признавалась верховной. Нойоны и зайсанги составляли круг приближенных хана и занимали высшие должности в чиновной иерархии.

Нижестоящим звеном в административной структуре Калмыцкого ханства являлся институт зайсангов, осуществлявший управление аймаками. При них действовал небольшой аппарат управления, главными действующими лицами которого являлись демчеи. На аймачном уровне демчеи осуществляли руководство 40 кибитками (семьями). Среди других административных обязанностей демчея основным являлся надзор за сбором податей и повинностей. С аналогичными обязанностями помощниками демчея

²²⁷ Новолетов М.Г. Указ. соч. С.48.

²²⁸ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа ... С.58.

являлись шуленги – старосты 20 кибиток. В аппарат управления аймаками входили сборщики налогов: главный албачи (от калм. «албан» - налог) из числа зайсангов и рядовые албачи.²²⁹

Аймаки делились на хотоны, управлявшиеся хотонным старшиной (ахлачи), низшим звеном в административной иерархии Калмыцкого ханства. Зачастую им являлся зайсанг, но, в случае отсутствия таковых в хотоне, старшину избирали из числа простолюдинов.²³⁰ Это осуществлялось по традиции путем сбора мужчин-домохозяев хотона на сход. Естественно, что в каждом кочевом калмыцком хотоне, состоявшем из 5–15 кибиток, существовал албачи для сбора податей.

Основным органом в центральном управлении был традиционный институт суда Зарго. С помощью этого особого судебного и административного органа хан управлял калмыцкими улусами.

В.М. Бакунин писал, что при ставке хана имелась особая кибитка для работы и заседаний Зарго, в состав которого включались назначаемые ханом приближенные нойоны и зайсанги и один-два представителя буддийского духовенства.²³¹ В Зарго входили восемь советников (тусулукчи) и судей (заргачи). Помимо этого, источники упоминают общий для них термин «сеит» (предположительно, «лучшие»), которым называли всех членов Зарго. В некоторых работах исследователи трактуют слово «сеит» как «министры».

В кибитке, где заседало Зарго, хранился текст Великого Уложения 1640г. В аппарат Зарго входили писцы (бичачи), приставы и судебные исполнители (яргучи), гонцы (элчи).²³² Яргучи осуществляли контроль за текущей деятельностью Зарго, вели все делопроизводство, представляли дела на их рассмотрение, а также контролировали исполнение решений Зарго.²³³

²²⁹ Максимов К.Н. История национальной государственности ... С.26.

²³⁰ Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие ... С.86.

²³¹ Бакунин В.М. Указ. соч. С.146.

²³² Там же. С.146.

²³³ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках ... С.80-81.

Зарго, будучи также административным органом, помогал хану в управлении калмыками. В данном центральном учреждении составлялись все письма российскому правительству и местной администрации, а также составлялись все указы нойонам. После ханского утверждения все документы переписывались набело и скреплялись ханской печатью.²³⁴

В Зарго распределялись места кочевий каждого улуса. Это происходило каждую весну и осень в присутствии представителей от улусов. Это решение утверждалось ханом.²³⁵

Центральный суд Зарго являлся общекалмыцким органом. Исследователь П.С. Паллас в своих работах отмечал, что в улусах также были свои улусные Зарго при владельцах улусов. Современный исследователь М.М. Батмаев, основываясь на архивных материалах, заявляет о косвенных свидетельствах существования улусных Зарго.²³⁶ Поэтому, с высокой долей вероятности, мы полагаем, что во владельческих улусах были свои Зарго с похожими функциями. Их отличия от центрального Зарго заключались в меньшем числе судей и советников и их судебные полномочия ограничивались территориальными рамками улусов.

В.М. Бакунин сообщал, что при хане Аюке на заседаниях Зарго могли присутствовать представители нойонов – улусовладельцев. Ими являлись назначенные нойонами зайсанги, представлявшие интересы своих правителей. При последующих ханах такие представители нойонов в Зарго отсутствовали.²³⁷

К числу влиятельных институтов публичной власти в изучаемый период относился новый институт Ламы калмыцкого народа (Шаджин-ламы). Это не удивительно, учитывая, что буддийская церковь являлась консолидированным институтом калмыцкого общества, участвовавшим во всех политических процессах уже в ходе вхождения калмыков в состав России и в процессе

²³⁴ Бакунин В.М. Указ.соч. С.146.

²³⁵ Там же. С.146.

²³⁶ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках... С.82.

²³⁷ Бакунин В.М. Указ.соч. С. 147.

становления и развития Калмыцкого ханства. Следует сказать, что калмыцкое духовенство принимало участие во всех калмыцко-русских контактах XVII в., и все заключенные в их результате договоры, в том числе шерти (присяги) фиксировались совершением буддийских обрядов.²³⁸

Господствующий статус буддизма в ойратском мире, в том числе у калмыков, был закреплён в Великом Уложении 1640 г. На первых порах в буддийской церкви Калмыцкого ханства отсутствовала системная централизация. Параллельно с Ламой калмыцкого народа, назначавшегося Далай-ламой в XVII – XVIII вв., и его приближенными монахами в некоторых улусах ханства могли существовать свои лидеры – главы монастырских комплексов крупных этнополитических объединений (дербетов, хошоутов и др.). Со временем с развитием политической централизации в ханстве утверждалась и централизованная монастырская система под патронажем Шаджин-ламы. Также если в ранний период существования Калмыцкого ханства буддийская церковь не была единой (существовали различные школы тибетского буддизма), то со временем господствующей стала школа Гелуг, приверженцами которой калмыки являются по сегодняшний день. Достаточно активными являлись связи с Тибетом и Далай-ламой, главой школы Гелуг. Это заметно по тибетским названиям калмыцких монастырей, по традиционному для буддийского духовенства его активному участию в дипломатической и просветительской деятельности. Буддийское духовенство во главе с институтом Шаджин-ламы было активно вовлечено во все сферы жизни калмыков. Буддийское духовенство легитимизировало статус торгоутской династии калмыцких ханов, вручая им грамоты Далай-ламы о ханском достоинстве, принимала участие в дипломатических контактах в регионе, с Тибетом и ойратским союзом, в стабилизации политической обстановки в ханстве. Наиболее известными Ламами калмыцкого народа в Калмыцком ханстве являлись Зая-Пандита, создатель калмыцкой письменности и автор

²³⁸ Курапов А.А. Указ. соч. С. 32.

десятков буддийских сочинений, Шакур-лама при Аюке-хане и Лаузан-Джалчин при последних ханах.

Безусловно, при Ламе калмыцкого народа, как и в подведомственных ему монастырских комплексах, имелся аппарат служащих, которыми являлись приближенные монахи. Монашеское сословие, а в буддийской церкви все духовенство являлось монахами, проходили установленную иерархическую лестницу: ученик, гецул, гелюнг. Также в результате обучения в монастыре они получали профессиональную специализацию: бакши (учитель вероучения и философии буддизма), эмчи (врач), зурачи (живописец, иконописец), зурхачи (астролог). Параллельно монахи могли занимать определенные должности в монастырях: бакши (настоятель монастыря), ширету (ответственный за богослужение), гебкуй (управляющий), нирва (казначей), геик, унзат, тахильчи, бурхачи, дунгчи и другие, которые участвовали в процессе богослужения и совершения религиозных обрядов.²³⁹

После ликвидации Калмыцкого ханства и с потерей связи с Тибетом назначение главы калмыцкой церкви Далай-ламой прекратилось. На короткое время в связи с воссозданием Калмыцкого ханства в 1800 г. был назначен Шаджин-ламой рекомендованный калмыцким духовенством Сойбинг-лама. После его смерти в 1806 г. вновь прекратилось назначение главы калмыцкого духовенства. Правила 1825 г. предусматривали включение калмыцкой церкви в государственную административную систему: духовенство должно было регулировать брачно-семейные дела и принимать участие в созданной Комиссии калмыцких дел. Положение 1834 г. восстановило должность Ламы калмыцкого народа с прикрепленным к нему новым учреждением (Ламайское духовное правление из представителей духовенства как совещательный орган), закрепило иерархическую систему в калмыцкой церкви. Положение 1847 г. ликвидировало Ламайское духовное правление по причине его

²³⁹ См. подробнее: Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1887. - 492 с.; Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. - 128 с.

бездействия, и вся полнота церковной власти перешла к Ламе калмыцкого народа, избираемого представителями духовенства от всех улусов и по рекомендации астраханского губернатора, назначаемого российским императором пожизненно. Ламы калмыцкого народа немало способствовали развитию буддийской конфессии в калмыцких улусах до начала XX вв.: по отчетным данным за 1899 г. в Калмыцкой степи насчитывалось 23 больших и 40 малых хурулов (храмов), не считая множества молелен, в которых несли службу около 1300 монахов²⁴⁰.

В целом, в XVII – XVIII вв. в Калмыцком ханстве существовала своя традиционная система институтов публичной власти: институт ханской власти, совет или собрания представителей знати при хане, институты нойонов и зайсангов, институт Зарго, существовавшие с монгольских и общеойратских времен. Новым органом публичной власти, появившимся в калмыцком обществе в XVII в., был институт Ламы калмыцкого народа. Вначале глава калмыцкой буддийской церкви официально являлся представителем Далай-ламы, но позже стал назначаться главой тибетского буддизма в качестве Шаджин-ламы. Институт Шаджин-ламы, как и другие органы центральной власти, безусловно, являлся структурой, стабилизовавшей социально-политическую ситуацию, консолидировавшей общество и укреплявшей систему управления в Калмыцком ханстве. В связи с усложнившейся системой экономических, социальных, политических, конфессиональных и межнациональных связей калмыков в XVII в. возник институт бодокчеев, разрешавший спорные дела. Вместе с тем, по мнению исследователей, существовали у калмыков такие органы, вполне свойственные коллективной организации жизни, как сходы на уровне хотонов и аймаков. Вместе с тем, если центральные институты публичной власти Калмыцкого ханства тяготели к централизации, ханы стремились к абсолютизации своей власти и независимости в принятии всех решений, то на

²⁴⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1291. Оп.85. Д.328. Лл.63-64.

местном уровне нойоны и зайсанги предпочитали традиционное коллегиальное решение важнейших вопросов.²⁴¹

Представляет интерес радикально изменившаяся позиция российской администрации по отношению к полномочиям калмыцких ханов. Если во второй половине XVII — начале XVIII вв. российские власти практически не вмешивались во внутреннюю и внешнюю политику ханов, то после смерти Аюки-хана началось планомерное ограничение их власти. Данный процесс осуществлялся постепенно через астраханского губернатора и российских чиновников при ханах, которые фактически стали контролировать деятельность последних.

Завершая анализ системы традиционных институтов публичной власти в Калмыцком ханстве, следует определить перечень российских административных органов, в разной степени курировавших калмыцкие дела. Центральным органом, ведавшим делами калмыков, являлся Посольский приказ, затем его правопреемник – Коллегия иностранных дел, в компетенцию которой также входили уральские казаки и малороссияне. Местным органом по калмыцким делам являлась служба оберкоменданта Астрахани, подчинявшегося казанскому губернатору, с 1719 г. ситуация в Калмыцком ханстве контролировалась астраханским губернатором.

В период правления первых ханов Дайчина и Мончака российское правительство направляло в их ставку особых чиновников, которые периодически посещали калмыцкие кочевья.²⁴² С 1715 г. российская администрация стала назначать специального чиновника, который постоянно находился в ставке калмыцкого хана и осуществлял наблюдение за ханом, его деятельностью и проводимой политикой. Первым таким чиновником стал стольник Д.Е. Бахметев, который возглавлял отряд казаков, выделенный для охраны хана, и был подчинен Коллегии иностранных дел. На месте его действия регулировались указаниями астраханского губернатора. По

²⁴¹ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков ... С. 18-19.

²⁴² Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках ... С.305.

инструкции Д.Е. Бахметев осуществлял надзор за политикой хана и регулярно сообщал в вышестоящие органы о ситуации в Калмыцком ханстве.²⁴³

С этого времени был создан орган, занимавшийся делами ханства под названием «Калмыцкие дела», функционировавший до 1771 г. Главой учреждения являлся «Состоящий при калмыцких делах», находившийся некоторое время при ставке калмыцкого хана, затем местом его пребывания последовательно стали Саратов (1717–1727 гг.), Царицын (1727–1742 гг.) и Енотаевская крепость (1742-1771 гг.).

Состоящий при калмыцких делах занимался охраной хана и его семьи. На самом деле, он осуществлял надзор за деятельностью хана и докладывал обо всех событиях в ханстве вышестоящему руководству. Постепенно Состоящий при калмыцких делах стал принимать участие во внутривластных делах ханства и даже вмешиваться в некоторые управленческие функции. Например, с 1722 г. Состоящий при калмыцких делах стал разрешать споры калмыков с соседним населением, выступая в данном случае своеобразным посредником. Постепенно Состоящий при калмыцких делах по поручению правительства стал склонять нойонов к выборам того или иного кандидата на ханский престол. После смерти Аюки-хана российское правительство начало активно воздействовать на выбор главы калмыцкого ханства, выбирая на этот пост лояльных к российским властям нойонов.²⁴⁴ О важной роли органа «Калмыцкие дела» свидетельствует то, что некоторое время им руководил генерал-губернатор князь М.М. Голицын.²⁴⁵

Параллельно в Астрахани при губернском управлении действовала контора калмыцких и татарских дел, подчиненная губернатору, для рассмотрения в числе прочего споров между калмыками и соседним населением. От калмыков в данную контору калмыцкий хан назначал двух зайсангов. Таким образом, российская администрация, назначая своих особых

²⁴³ Максимов К.Н. История национальной государственности ... С.39.

²⁴⁴ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках ... С.307.

²⁴⁵ Очерки истории Калмыцкой АССР... С.132.

представителей в Калмыцком ханстве и создавая различные органы по калмыцким делам на местах, проводила политику постепенного ограничения власти и самостоятельности калмыцких правителей. Вместе с тем, для управления национальными окраинами, в том числе калмыцкими улусами, российская администрация использовала традиционные для народов институты власти и правовые обычаи.²⁴⁶

На наш взгляд, здесь также уместно кратко остановиться на территориальном устройстве Калмыцкого ханства. Войдя в состав России, калмыки сохранили свое собственное, традиционное для кочевых монгольских народов, административно-территориальное устройство, изменившееся после ликвидации Калмыцкого ханства сокращением населения на 75% после калмыцкого исхода 1771 г. и существенным сужением территории кочевий.

Наиболее крупными административно-территориальными единицами Калмыцкого ханства являлись улусы, наследственные владения нойонов. Термином «улус» у тюрко-монгольских народов обозначаются административно-территориальные единицы, само же слово «улус» у монгольских народов, в том числе у калмыков, переводится «люди» или «народ». Это отмечал исследователь В.М. Бакунин: «Калмыцкий народ разделяется на разные улусы (а улус на русском языке, как в начале сего описания означено, значит народ), и каждый улус имеет особое свое название и нойона».²⁴⁷ Также академик Б.Я. Владимирцов констатировал, что хотя термин «улус» означает «удел, владение», однако у всех кочевых народов, важнейшее значение имела не территория, а люди. Поэтому термином «улус» необходимо обозначать «народ». Впоследствии данный термин, по мнению Б.Я. Владимирцова, стал пониматься как «народ-государство».²⁴⁸

²⁴⁶ Пашенцев Д.А. Исторический опыт правового регулирования межнациональных отношений в Российской империи // Вопросы истории. 2021. №12-5. С.229-236.

²⁴⁷ Бакунин В.М. Указ. соч. С. 76.

²⁴⁸ Владимирцов Б.Я. Указ. соч. С. 97.

В источниках и законодательных актах неоднократно упоминается понятие «оток», нередко как синоним термина «улус». Понятие «оток», упоминаемое в законодательных актах, имеет древнее происхождение. Ф.А. Бюлер писал, что в Калмыцком ханстве отоки входили в состав улусов. Отоки, по его заключению, являлись частями улусов, своеобразным укрупненным аймаком под управлением нескольких зайсангов.²⁴⁹ Б.Я. Владимирцов полагал, что оток является бывшей «тысячей», известной со времен империи Чингис-хана.²⁵⁰

Известный ученый-востоковед И.Я. Златкин утверждал, что еще до образования Монгольской империи Чингис-хана отоком являлся род - община близких родственников. В период Монгольской империи эта родовая община переросла в сложный социальный институт и приобрела черты государствоподобного образования.²⁵¹ Позднее оток уже не отождествляется с родовой общиной, а становится административно-территориальным образованием. Зачастую оток стал пониматься как родовое владение хана или нойона.²⁵² Отоки упоминаются в статьях Великого Уложения 1640 г. и указах Галдана Бошокту-Хана. Однако в статьях Указов Галдана Бошокту-Хана отоки и аймаки понимаются по-разному. Таким образом, под отоком следует понимать крупный аймак, имевший древнее происхождение, существовавший в Калмыцком ханстве, но в конце XVIII – XIX вв. отождествившийся с аймаком настолько, что сам термин «оток» уже не упоминается в делопроизводственных документах.

Крупные племенные объединения торгоутов и дербетов имели традиционное триадное деление со времен Монгольской империи и связано это с его военной организацией. Торгоутские улусы делились на правых

²⁴⁹ Бюлер Ф. Кочующие и оседло-живущие ... С.21.

²⁵⁰ Владимирцов Б.Я. Указ. соч. С.134.

²⁵¹ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства ... С. 46.

²⁵² Там же. С. 49-50.

(барун), левых (зюн) и центр (запсор), дербетские - на барунов, зюнов и шабинеров. В силу малочисленности хошоуты на три ветви не делились.²⁵³

Для примера можно привести архивные данные о Багацохуровском улусе, использованные в работе М.М. Батмаева. После смерти хана Дондук-Омбо 31 августа 1743 г. был произведен раздел Багацохуровского улуса между его детьми. По описанию наместника ханства Дондук-Даши в Багацохуровском улусе среди прочих 18 родов были упомянуты ики зюны (большие левые) и бага зюны (малые левые), ики и бага запсоры (большие и малые центральные), ики баруны (большие правые).²⁵⁴

Кроме того, улусы могли иметь традиционное деление на больших (ики) и малых (бага). В качестве примера можно назвать существовавшие в XIX – начале XX вв. Икицохуровский и Багацохуровский, Большедербетовский и Малодербетовский улусы.

Калмыцкие улусы были разделены на аймаки. Аймак представлял собой наследуемое владение зайсанга, иногда нойон передавал за верную службу зайсангу какой-либо аймак в управление, а затем и в собственность. В.М. Бакунин сравнивал положение зайсангов со статусом российских дворян и отмечал существенные отличия в размерах аймаков: «В аймаках их бывает по несколько кибиток не по равному числу - в ином – пять, десять и больше, а в ином от несколько сот до тысячи и больше».²⁵⁵

Аймаки состояли из хотонов, управлявшимися хотонными старостами (ахлачи), которые избирались жителями хотона из числа состоятельных простолюдинов, реже им становился зайсанг. П. Небольсин, говоря о составе жителей хотона, писал: «Хотоном называется группа близких родственных семей, сообща, нераздельно живущих на данной местности. Эту купу родственников составляли прадед, дед и отец с сыновьями и внуками».²⁵⁶ К подобному выводу также пришел академик Б.Я. Владимирцов, который

²⁵³ Бурчинова Л.С. Калмыкия в системе государственного управления ... С.49.

²⁵⁴ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках ... С.161.

²⁵⁵ Там же. С.161.

²⁵⁶ Небольсин П. Указ. соч. С.12.

полагал, что: «...ойраты кочевали хотонами..., которые составлялись почти исключительно из близких родичей. Ойратский хотон — это часть рода, группа близких родичей, стоящая и кочующая вместе, во главе со старейшим данной группы».²⁵⁷

Изучение конкретного материала показывает, что административно-территориальное устройство Калмыцкого ханства представляло собой улусы, подразделявшиеся на аймаки, состоявшие из хотонов.²⁵⁸ Следует отметить то обстоятельство, что эти единицы калмыцкого кочевого общества на раннем этапе были привязаны к определенной территории лишь временно, но с установлением территориальных границ Калмыцкого ханства и его улусов уже более точным являлось определение их кочевий. В большей степени улусы, аймаки и хотоны были административно-хозяйственными единицами, в которых главными показателями являлись число семей (кибиток) и поголовье скота.

М.М. Батмаев, крупный специалист по истории Калмыцкого ханства, называет еще одну административно-территориальную единицу у калмыков на этапе вхождения в состав России – сан. Под санями подразумевался тумен, или 10 тыс. чел. Архивные материалы, которые приводит М.М. Батмаев, содержат описание переговоров 16 июня 1607 г. посла от калмыцких правителей Кугоная Тубиева с тарским воеводой, в ходе которого посол сообщил, что под началом 45 калмыцких тайшей кочевали в тот период в южной Сибири 12 санов по 10 тыс. чел.²⁵⁹ На наш взгляд слово «сан» (в переводе на калмыцкий и монгольский языки «тумен») вероятнее всего китайского происхождения, бытовавшее лишь в ойратский период, поскольку уже в Калмыцком ханстве саны не упоминаются.

²⁵⁷ Владимирцов. Б.Я. Указ. соч. С.129.

²⁵⁸ Бембеев В.Ш. О родоплеменных делениях и особенностях улусно-аймачной административной системы калмыков (XVII–XIX вв.) // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984. С.69.

²⁵⁹ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках ... С.164.

Помимо этого, достаточно часто в текстах Великого Уложения 1640 г., в законах джунгарского Галдана Хун-тайджи и калмыцкого хана Дондук-Даши используется деление населения на 10, 20 и 40 кибиток. Подобное деление практиковалось у ойратов и калмыков для удобства при сборе податей и в повседневной жизни.

После трагического ухода большинства калмыков (75%) в 1771 г. в Джунгарию оставшееся в Северном Прикаспии калмыцкое население, за исключением калмыцких казачьих поселений в других регионах России, было введено в состав Астраханской губ. Деление улусов по субэтническому признаку (торгоуты, дербеты и хошоуты) сохранилось в силу устойчивости у калмыков, как и у всех кочевых народов, родоплеменного разграничения, являвшегося идентификационным маркером. В Астраханской губ. в начале XIX в. насчитывалось 8 калмыцких улусов, позже, в 1860 г. один из них (Большедербетовский улус) был отнесен к Ставропольской губ. в силу территориальной близости. Это улусное деление просуществовало в Калмыкии до 1917 г.

Таким образом, анализ конкретного материала показал, что в Калмыцком ханстве функционировали традиционные национальные институты публичной власти, многие из которых вели свое начало с периода Монгольской империи. Институт ханской власти являлся достаточно разветвленной структурой с широким кругом служителей, исполнявших административные, финансово-хозяйственные и придворные обязанности. При хане функционировал совет, состоявший из приближенных нойонов и зайсангов. В рамках улусов действовал институт нойонов со своим штатом чиновников и кругом ближайших зайсангов, в аймаках – институт зайсангов. В низших административно-территориальных единицах – хотонах – руководителями являлись выборные хотонные старосты или старшины (ахлачи).

К центральным органам публичной власти относился традиционный институт суда Зарго – особое судебное-административное учреждение

Калмыцкого ханства, которое имело свои подведомственные суды Зарго в улусах. В центральный Зарго по назначению хана входили в качестве восьми советников и судей приближенные нойоны, зайсанги и представители буддийского духовенства, в улусных Зарго по назначению нойона – представители духовенства и приближенные зайсанги. Помимо судебных обязанностей суд Зарго занимался вместе с ханом распределением зимних и летних кочевий, а также административными вопросами, требующими коллегиального решения.

Конфессиональный институт публичной власти у калмыков - институт Ламы калмыцкого народа (Шаджин-ламы) возник в XVII в. Вначале это было представительство Далай-ламы в Калмыцком ханстве, а затем как самостоятельный Шаджин-лама. Назначение Ламы калмыцкого народа Далай-ламой являлось фактом его легитимизации верховным иерархом буддийской церкви. При этом Шаджин-лама, первым из которых являлся выдающийся просветитель и ученый, создатель калмыцкой письменности на основе старомонгольской Зая-Пандита, являлся не только главным иерархом калмыцкого духовенства, но и советником хана, одним из объединителей калмыцких субэтнотосов на этапе становления Калмыцкого ханства.

Новым органом в калмыцких улусах явился возникший в XVII в. институт бодокчеев, занимавшийся в усложнившихся обстоятельствах калмыцкой повседневности урегулированием взаимоотношений, как правило, споров, между калмыками и соседним, в основном, русским, населением. С другой стороны, в российских городах и крупных селах, соседствовавших с калмыцкими кочевьями, были назначены приставы для разрешения сложных отношений русского населения с калмыками.

Параллельно начала формироваться российская система надзора над Калмыкией. Калмыцкими делами в Москве в XVII в. занимались несколько приказов, пока эти вопросы не централизовал Посольский приказ, с 1718 г. преобразованный в Коллегию иностранных дел. На местном уровне вопросами отношений с Калмыцким ханством занимался астраханский

оберкомендант, подчиненный казанскому губернатору, а с 1719 г. калмыцкими делами поручили ведать астраханскому губернатору.

С 1715 г. начал функционировать новый специальный орган по управлению калмыками – Калмыцкие дела под руководством Состоящего при калмыцких делах, базировавшийся вначале в ставке Калмыцкого ханства, затем в российских городах Саратов, Царицын и в Енотаевской крепости, и действовал до 1771 г. Параллельно в Астрахани при губернском управлении была образована Контора калмыцких и татарских дел, среди прочих занимавшаяся рассмотрением спорных вопросов между русским и калмыцким населением.

С назначением своих особых представителей при калмыцких ханах российское правительство старалось проводить политику постепенного ограничения полномочий калмыцких правителей, в связи с чем деятельность калмыцких институтов публичной власти нередко подпадала под контроль указанных представителей.

Также постепенно совершенствовалось административно-территориальное устройство Калмыцкого ханства. Если вначале улусы претерпевали существенные изменения границ и, в сущности, являлись этнополитическими объединениями под властью крупных нойонов (тайшей), то в ходе становления и развития централизации в Калмыцком ханстве эти образования стали его административно-территориальными единицами. Не желавшие признать централизованную власть хана некоторые нойоны и зайсанги откочевали в другие, преимущественно, казачьи регионы России или же возвратились обратно в Центральную Азию. После трагического калмыцкого исхода 1771 г. из России оставшееся население (25%) распределилось в 8 улусах, состоявших из аймаков, а последние – из хотонов.

2.3. Судоустройство и судопроизводство в калмыцком обществе

Характерной особенностью судебной-правовой системы России являлось на первых порах сохранение традиционных моделей юстиции у различных народов Российской империи.²⁶⁰ Имевшая место унификация судебной системы и государственного управления в России зачастую не касалась национальных окраин, в частности, калмыков, обладавших своими цивилизационно-культурными чертами и сложившейся законодательной и правоприменительной практикой.

В силу сословных обязанностей и привилегий, калмыцкая знать (нойоны и зайсанги) обладала судебными полномочиями, имея при себе для этого специальных чиновников. Система наказаний в монголо-ойратских законах 1640 г. и в последующих их изменениях и дополнениях основывалась в основной массе на штрафах (скотом и иным имуществом). Поэтому калмыцкая знать была заинтересована в осуществлении судебных функций, которые могли приносить им дополнительный доход. Помимо этого, судебные полномочия являлись для них существенным дополнением их политического веса и авторитета. Поэтому ханы и нойоны старались самостоятельно вершить правосудие и рассматривать уголовные дела, приносящие дополнительный доход.²⁶¹

О том, что институт хана обладал высшими судебными полномочиями в Калмыцком ханстве свидетельствует то, что хан утверждал решения Зарго по наиболее важным делам.²⁶² Нойоны, являясь полноправными владельцами улусов, контролировали деятельность улусных Зарго в ранге председателя и, по существу, осуществляли судебную власть в своих улусах. Их судопроизводство основывалось на применении традиционных норм права,

²⁶⁰ Ефремова Н.Н. Указ. соч. С.255

²⁶¹ Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Указ. соч. С.137.

²⁶² Например: Лепехин И.И. Калмыцкие судьи и законы. // Лепехин И.И. Древние записки путешествия по разным провинциям Российского государства. 1768–1769 гг. СПб., 1771. Т.1. С. 448.

установленных Великим Уложением 1640 г. и дополнительными указами джунгарского правителя Галдана Хун-Тайджи и калмыцкого хана Дондук-Даши. По свидетельству российских исследователей, современников описываемых событий, в исполнении нойонами своих судебных полномочий имели место произвол и неэффективность судопроизводства. Так, Ф. Бюлер писал, что нойоны «суд и расправу производили под влиянием обстоятельств, личных выгод, наказания налагали свирепые...».²⁶³

В указе Екатерины II о ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. было определено, что нойоны теперь уже должны самостоятельно управлять своими улусами и осуществлять правосудие по древним калмыцким законам и обычаям. Астраханский губернатор должен был исполнять обязанности арбитра в случае жалоб на решения нойонов.

Согласно законам хана Дондука-Даши зайсанги в своих аймаках могли осуществлять примирительные процедуры между тяжущимися сторонами. Эта их обязанность была сохранена у зайсангов после 1771 г. В научной литературе и имеющихся в нашем распоряжении источниках упоминаний о судебных полномочиях зайсангов не имеется. Вместе с тем, авторитетные родовые зайсанги, наряду с нойонами и представителями калмыцкого духовенства, являлись деятельными членами Зарго.

Буддийское духовенство являлось постоянным участником процесса осуществления правосудия в калмыцком обществе. Во-первых, в конфессиональных рамках рассматривались все дела, связанные с деятельностью духовенства, вопросами вероучения и религиозной жизни. Во-вторых, безусловной прерогативой буддийского духовенства являлось рассмотрение семейно-брачных дел. В этом отношении судебные полномочия духовенства распространялись на все калмыцкое общество. К сожалению, нами не обнаружены сведения о процедуре рассмотрения подобных дел. Лишь в делопроизводственной документации XIX в. являются частыми ссылки

²⁶³ Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие ... С.89.

калмыцкой администрации на необходимость судебного рассмотрения семейно-брачных дел в ведомстве Ламы калмыцкого народа. В-третьих, представители духовенства непременно входили в состав Зарго, что объясняется их авторитетом в обществе и высокой образованностью.

Помимо институтов ханской власти, нойонов, зайсангов, ведомства Ламы калмыцкого народа, осуществлявших среди прочих и судебные полномочия, безусловно, основным особым судебным учреждением в калмыцком обществе являлся суд Зарго, реализовывавший, помимо судебных, административно-хозяйственные функции. Хотя в Великом Уложении 1640 г. Зарго не упоминалось, но в его тексте неоднократно говорится о судьях (заргачи) и их обязанностях.

Все исследователи отмечают, что Зарго занимался рассмотрением только судебных дел, возникавших между калмыками. По свидетельству В.М. Бичурина (отца Иакинфа) в Зарго принимали к рассмотрению как письменные, так и устные заявления истцов. Судебные решения принимались простым большинством голосов. По делам особой важности и по делам, по которым мнения судей расходились, окончательное решение принимал хан.²⁶⁴ Ф. Бюлер дополнил, что все решения и приговоры Зарго выносились в устной форме. Это Ф. Бюлер объяснял тем обстоятельством, что кочевой образ жизни предполагал упрощенное делопроизводство и невозможность перевозки в этих условиях большого архива. Российские чиновники результатом подобного упрощения считали легкомыслие калмыцких судей и чиновников.²⁶⁵

Исследователь калмыцкого права Н.В. Баснин, характеризуя состав и деятельность Зарго, отмечал, что данный институт являлся «правительственным советом», посредством которого «хан совещался со своими советниками (заргачами) по делам внутреннего заведования калмыцкой ордой и по предмету сношений с правительством России». Автор также подтвердил, что Зарго в своей деятельности руководствовался

²⁶⁴ Бакунин В.М. Указ. соч. С.146.

²⁶⁵ Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие ... С.16.

калмыцкими законами и обычаями, «производил словесный разбор тяжб и неудовольствий, возникавших в народе, причем большая часть дел оканчивалась присягою». Также Н.В. Баснин обратил внимание на то, ханы «самовластно» утверждали решения Зарго.²⁶⁶

Центральный Зарго занимался также рассмотрением дел, связанных с конфликтами между нойонами, с их внутрисемейными спорами, а также с претензиями зайсангов к своим нойонам.²⁶⁷ В заседании суда принимали участие сами нойоны или их представители. Для рассмотрения особо важных дел хан мог назначить дополнительно в состав Зарго еще одного нойона. Текущие дела разрешались постоянными членами Зарго.²⁶⁸

Хотя имеющаяся научная литература содержит мало сведений о судебных функциях Зарго, но по немногочисленным приведенным в ней свидетельствам и архивным материалам следует, что в Зарго рассматривались уголовные и гражданские дела калмыков. Осуществляли правосудие в Зарго судьи (заргачи) и советники (тусулукчи). Немногочисленный из-за упрощенного делопроизводства аппарат Зарго составляли приставы (яргачи) и писцы (бичачи).²⁶⁹ В соответствии со статьями Великого Уложения 1640 г. судьи могли быть оштрафованы за недобросовестное исполнение своих обязанностей.

Обязанности приставов (яргачи) были законодательно определены законами хана Дондук-Даши. Приставы должны были надзирать за порядком осуществления правосудия, представлять дела на рассмотрение судей и устанавливать очередность прохождения дел. Яргачи имели в своем распоряжении штат гонцов (элчи), которых направляли с различными поручениями. Элчи были обязаны довести дело до завершения, за что им полагалось вознаграждение. В законах Дондук-Даши была также закреплена обязанность населения в предоставлении подвод и лошадей для элчи.

²⁶⁶ Баснин Н.В. Указ. соч. С.4.

²⁶⁷ Бакунин В.М. Указ. соч. С.146.

²⁶⁸ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках ... С.81.

²⁶⁹ Бакунин В.М. Указ. соч. С.146.

Согласно этим законам элчи не должны были злоупотреблять своими полномочиями и употреблять спиртные напитки. При этом законы Дондук-Даши объявляли невинным того, «кто побьет посланного, поступающего не по закону, несправедливо, и пьющего вино».²⁷⁰

В условиях обширных степей и кочевого уклада жизни калмыков роль гонцов (элчи) была достаточно велика, тем более что порой они исполняли обязанности посланников по особым поручениям. Через них ханы и нойоны управляли подвластными людьми, передавали свои распоряжения. Поэтому в калмыцких законах были предусмотрены соответствующие наказания за препятствование деятельности элчи.

В период существования Калмыцкого ханства Зарго функционировал без изменений. С середины XVIII в. начинается постепенное ограничение власти и независимости калмыцких ханов. Российское правительство решило начать с реформы Зарго, желая тем самым понизить высокий уровень автономии Калмыцкого ханства.

В 1762 г. В.М. Бакунин, принимавший деятельное участие в калмыцких делах, предложил произвести изменения в суде Зарго в целях некоторого ограничения ханской власти и «для содержания в сем народе спокойствия» и «повиновения к их калмыцкому правительству».²⁷¹ Поскольку в том же году наместником Калмыцкого ханства стал Убаши, российская администрация решила использовать молодость и неопытность Убаши для ограничения автономии ханства. Данный процесс был начат с реорганизации Зарго.

В соответствии с грамотой Екатерины II от 12 августа 1762 г. суд Зарго сохранил свои полномочия и прежний состав. Однако был изменен регламент формирования Зарго. Если ранее в Зарго входили в качестве судей и советников зайсанги, представлявшие ханские улусы, то в соответствии с новыми правилами в Зарго назначались судьи, представлявшие все калмыцкие улусы. Их назначение утверждалось российскими властями. Рассмотрение дел

²⁷⁰ Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Указ. соч. С.74-75.

²⁷¹ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках ... С.81.

осуществлялось под контролем наместника ханства, и решения, как и прежде, принимались большинством голосов. В случае расхождения мнений по сложным делам Зарго обращалось ранее только к хану или наместнику ханства, то теперь еще и к российскому чиновнику из ведомства «Калмыцкие дела». Наместник ханства и российский чиновник выносили совместное решение по этим спорным делам. При возникновении разногласий обе стороны должны были обратиться в Коллегию иностранных дел за разъяснениями. Так, суд Зарго становился инструментом для ослабления власти ханов и нойонов.

Наместник ханства и нойоны отнеслись отрицательно к созданию такого порядка в деятельности Зарго. Если наместник ханства был недоволен ограничением своей власти, то нойонов возмущало назначение в Зарго преимущественно зайсангов. Помимо этого, вызывало недовольство калмыцкой знати включение в состав Зарго российского офицера в качестве представителя администрации. При этом зайсанги назначались в Зарго без согласования с их нойонами и наместником ханства. За последним оставалось право ходатайствовать в Коллегию иностранных дел о замене судьи в случае оправданного недовольства его неудовлетворительной работой. Коллегия иностранных дел выносила окончательное решение при назначении судей. Судьям в Зарго назначалось жалованье 100 рублей в год для обеспечения независимости от нойонов. Вступая в должность, судьи приносили присягу.²⁷²

Состав суда Зарго определялся следующим образом: ханские улусы представляли 3 зайсанга, аймаки шабинеров, принадлежавших буддийским монастырям, - один представитель духовенства или зайсанг, по одному зайсангу представляли остальные улусы. Екатерина II своим указом предписала рассматривать дела в Зарго, как и прежде, по законам и обычаям калмыков.²⁷³ Председательствующий в суде Зарго назначался наместником ханства. В случае затруднительности для судей при вынесении решения,

²⁷² Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие ... С.25.

²⁷³ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках... С.368.

особенно по делам, требующим безотлагательного разрешения, то, по новым правилам, было необходимо приглашать дополнительно на заседания нойонов и зайсангов и принимать решение совместно с наместником ханства и российским представителем.

В связи с имевшими место разводами нойонов-улусовладельцев с женами, преимущественно из-за разногласий с родственниками последних, новой компетенцией Зарго стало рассмотрение дел об их разводах, хотя решение всех семейно-брачных дел, в том числе, касающиеся нойонов, традиционно принадлежало калмыцкому духовенству.

После 1771 г. российское правительство в числе прочих административных мероприятий произвело существенное сокращение полномочий Зарго, который был превращен в совещательный орган при астраханском губернаторе в составе трех судей. Наряду с этим астраханский губернатор предлагал провести реформу судеустройства в калмыцких улусах. При этом астраханский губернатор считал необходимым в силу устойчивых цивилизационно-культурных особенностей калмыков сохранить действие Великого Уложения 1640 г., законов джунгарского хана Галдана Хун-Тайджи и калмыцкого хана Дондук-Даши в калмыцких улусах. Вместе с тем представители российской администрации полагали, что калмыцкое национальное законодательство устарело, поскольку в нем не предусматривалось рассмотрение споров между калмыками и соседним населением. В связи с этим российские власти считали необходимым такие дела рассматривать на основании статей российского законодательства.²⁷⁴

Гражданские и уголовные дела, связанные со спорами между калмыками и соседями, предполагалось рассматривать губернатору с помощью калмыцкого Зарго для учета интересов калмыцкого населения. По наблюдению Н.Я. Бичурина, предписывалось, что чиновники и суд Зарго должны рассматривать дела, касающиеся споров между калмыками, согласно

²⁷⁴ Там же.

«здешних законов», но в несложных делах они «от решения ево, губернатора, зависимы будут».²⁷⁵ Таким образом, в последней четверти XVIII в. в связи с упразднением Калмыцкого ханства административно-судебная роль калмыцкого Зарго существенно понизилась.

В 1800 г. Павел I восстановил Калмыцкое ханство, назначив наместником ханства дербетовского нойона Ч. Тундутова. После его смерти ханство прекратило существование, поскольку следующего наместника пришедший к власти Александр I уже не назначил, что было, по всей вероятности, следствием неприятия наместника Ч. Тундутова нойонами других улусов. Однако с воссозданием Калмыцкого ханства был восстановлен суд Зарго в составе восьми судей. При этом было предписано, что суд Зарго должен был рассматривать дела «по правилам и на основании духовного закона и обыкновения». Полномочия Зарго были сокращены по сравнению с полномочиями Зарго в период Калмыцкого ханства. Н.Я. Бичурин отмечал, что Зарго зависел от Коллегии иностранных дел, в которую обращался «по делам, превышающим данную оному власть».²⁷⁶

Будучи главным приставом калмыцкого народа при наместнике ханства и сопредседателем Зарго, наряду с Ч. Тундутовым, Н.И. Страхов в своем докладе 11 декабря 1803 г., посвященном Зарго, астраханскому генерал-губернатору сообщал, что отсутствие постоянного местопребывания Зарго являлось большим неудобством, поскольку обращение в суд и его разбирательство приносило значительные расходы в этих условиях. В зимние сезоны судопроизводство практически не осуществлялось, рассмотрение дел постоянно откладывалось, потерпевшие были вынуждены долгое время до окончания зимы ожидать правосудия.²⁷⁷

Также Н. Страхов отметил беспорядок в текущей деятельности Зарго, бессистемное хранение документов и отсутствие делопроизводства.

²⁷⁵ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С.116.

²⁷⁶ Там же. С.126.

²⁷⁷ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа... С.125-126.

Несовершенными, по его мнению, являлись устные решения суда, нередкими были заседания без предварительного установления срока и времени. Н.И. Страхов отмечал слабый надзор за обвиняемыми в уголовных преступлениях, которые могли скрыться от суда. Также он полагал, что судьи Зарго, избранные калмыцкими владельцами, были, в том числе, материально, зависимы от них и их решение не могло являться беспристрастным.²⁷⁸ По мнению Н.Н. Пальмова, представившего в своем труде сведения об указанном докладе Н.И. Страхова, полагал, что последний считал статьи Великого Уложения 1640 г. устаревшими для изменившихся условий калмыцкой реальности начала XIX в.²⁷⁹ Безусловно, следует учитывать, что мнение Н.И. Страхова было основано на анализе формализованных требований к судоустройству и судопроизводству, а не на содержании калмыцкого законодательства.

После ликвидации института ханской власти в 1803 г. российское правительство вынуждено было сохранить национальный суд Зарго. Главный пристав Н.И. Страхов предложил реформировать суд Зарго и назначать трех судей из нойонов по одному от дербетовского, торгоутовского и хошеутовского улусов. Суд он предполагал разместить в Астрахани. Н.И. Страхов считал полезным привлечение нойонов к службе правительству. По его мнению, так они скорее привыкнут к российскому образу жизни и перейдут к оседлости. Нормы права он предлагал пересмотреть в связи с изменившимися условиями жизни калмыков и создать новый сборник калмыцкого законодательства.²⁸⁰

Однако Н.И. Страхов с 1804 г. был отстранен от должности главного пристава, в связи с чем его планы по реформе института Зарго не имели продолжения. Суд Зарго был оставлен при улусной ставке Малодербетовского улуса и подчинен Астраханскому военному губернатору. Было предписано не

²⁷⁸ Там же. С. 126.

²⁷⁹ Там же. С. 127.

²⁸⁰ Баснин Н.В. Указ.соч.С.5.

рассматривать в Зарго важные дела без согласования губернатора, утверждавшим эти решения.²⁸¹

Решения суда Зарго основывались, как и прежде, на нормах калмыцкого законодательства и обычаев народа. Российские чиновники констатировали, что судебные заседания нередко происходили с нарушением регламента, доказательная база слабо учитывалась при рассмотрении дел, и, как правило, порой, в случае отсутствия прямых улик и недостаточности доказательной базы, решения выносились на основании присяги (шахан): обвинительной – со стороны истца, оправдательной – со стороны ответчика. Решения Зарго по материальным спорам писались на самре - дощечке, выкрашенной в черный цвет краской из золы и намазанной салом. Записанное на самре решение оглашали сторонам конфликта, назначали судебного исполнителя решения (яргачи) и затем стирали решение.²⁸²

В 1816 г., приступивший к исполнению обязанностей астраханского гражданского губернатора С.С. Андреевский попросил высказать свое мнение владельцев и правителей калмыцких улусов по целому ряду его предложений, в том числе по поводу деятельности суда Зарго. Первым в этом ряду вопрос гражданского губернатора, заданный калмыцким владельцам, касался сообщения главного пристава калмыцкого народа Ващенко в Коллегию иностранных дел в 1815 г. с жалобой на частые замены членов калмыцкого суда Зарго. По мнению главного пристава, это «происходит от лености и необузданности калмыков к исполнению обязанностей» судей, в связи с чем он просил Коллегию установить обязательный трехлетний срок службы судей²⁸³. Главы улусов категорически возразили предложению губернатора о введении обязательного трехлетнего срока службы для заседателей Зарго, считая подобное ограничение неверным.

²⁸¹ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа... С.128.

²⁸² Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие ... С.73.

²⁸³ ГААО. Ф.1. Оп.4. Д.2340. Л. 27.

Второй вопрос губернатора к владельцам касался переноса местопребывания Зарго из ставки владельца Дербетовского улуса в более удобное для всех калмыцких кочевий место. Необходимость переноса С.С. Андреевский мотивировал тем, что торгоутовские и хошеутовские калмыки, особенно проживавшие в Мочагах и на р. Волга, из-за отдаленности суда Зарго несут большие расходы на дорогу. Поэтому он признал необходимым перенести суд Зарго, «сблизив оный со всеми кочевьями, дабы из них бедные и неимущие могли туда приходить по своим тяжбам пешком, а другие – приезжать в лодках водою, а богатым жителям нетрудно приехать верхом»²⁸⁴.

При ответе на данное предложение губернатора голоса владельцев и правителей разделились: одни согласились перенести Зарго в «более удобное место» без конкретизации, другие высказались за перевод Зарго в пос. Калмыцкий Базар рядом с Астраханью, третьи предложили оставить на прежнем месте. Однако собрание зайсангов и духовенства Торгоутовского улуса, чей владелец Эрдени Цаган Кичик предложил перевести Зарго в пос. Калмыцкий Базар, сочли это место «более посрамительным, нежели приличным, ибо живущие тут калмыки есть самые беднейшие и пекутся о дневном только пропитании»²⁸⁵. В связи с этим они предложили оставить суд Зарго на территории Дербетовского улуса как месте, избранном императорами Павлом I и Александром I, и являвшимся «средоточием» успешного калмыцкого скотоводческого уклада жизни. По их мнению, «в калмыцком народе несравненно больше таких людей, которые имеют скотоводство и кочуют по степям, нежели бедных, проживающих для единственного пропитания по р. Волга и в чернях Каспийского моря»²⁸⁶. В конечном итоге, суд Зарго так и оставили в ставке Дербетовского улуса. Исследователь Н.Н. Пальмов имел в виду именно это обстоятельство, говоря о том, что «в 1816 г.

²⁸⁴ ГААО. Ф.1. Оп.4. Д.2340. Л. 28.

²⁸⁵ ГААО. Ф.1. Оп.4. Д.2340. Л.108 об.

²⁸⁶ ГААО. Ф.1. Оп.4. Д.2340. Л.108.

группа калмыцких владельцев стала хлопотать о переводе Зарго в Астрахань, но хлопоты не имели успеха»²⁸⁷.

Третьим губернатор поставил вопрос о статусе отошедшей от владельца Санжи Убаши части Яндыковского улуса во главе с зайсангами в связи с деятельностью суда Зарго. Ранее, до отделения этой части, в суде Зарго заседал представитель единого Яндыковского улуса, который в 1816 г. после его распада представлял лишь улус Санжи Убаши. Отделившуюся часть улуса Коллегия иностранных дел предписала считать Яндыковским обществом, а не отдельным улусом. В связи с этим губернатор решил выслушать мнение калмыцких владельцев о необходимости избрать члена суда Зарго от Яндыковского общества²⁸⁸. Все владельцы и правители калмыцких улусов, за исключением Санжи Убаши и правителей Багацохуровского и Эркетеневского улусов, высказались за предоставление членства в Зарго Яндыковскому обществу. Кстати, Эрдени-тайша Тундутов, владелец Дербетовского улуса, хотя и высказался, что «в Высочайше пожалованной калмыцкому народу грамоте изображено: чтоб число членов в Зарго определяемых избиралось с дербетов – 3, с торгутов и хошутов – 5», высказался за добавление одного места в Зарго для Яндыковского общества²⁸⁹.

В последнем вопросе губернатор обратил внимание на несовершенство калмыцкого национального законодательства, которое, по его мнению, «собрано из одних только частных сведений и словесных преданий»²⁹⁰. В связи с этим он обратился к мнению калмыцких владельцев о необходимости составления нового полного и основательного уложения, основанного на калмыцком праве, с введением, помимо уплаты штрафов скотом, различных мер наказания за преступления, в том числе и более строгих²⁹¹. Все владельцы

²⁸⁷ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. С.128.

²⁸⁸ ГААО. Ф.1. Оп.4. Д.2340. Л.33.

²⁸⁹ ГААО. Ф.1. Оп.4. Д. 2340. Л. 54.

²⁹⁰ ГААО. Ф.1. Оп.4. Д.2340. Л.30.

²⁹¹ ГААО. Ф.1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 30.

и правители категорически отвергли предложение губернатора о необходимости составления нового свода калмыцких законов, предпочитая руководствоваться двумя Уложениями, «изданными прежними ханами»²⁹². На наш взгляд, отрицательные ответы владельцев и правителей улусов на этот вопрос наглядно свидетельствуют о их приверженности традиционному укладу калмыцкой жизни и нежелании допускать вмешательство чиновников российской администрации в сложившийся порядок.

По свидетельству Ф.А. Бюлера, с 1806 г. в калмыцкой судебной практике начали постепенно применяться нормы российского законодательства в случаях наличия пробелов в национальных законах.²⁹³ В соответствии с указанием главного пристава калмыцкого народа, суд Зарго должен был рассматривать только имущественные споры с иском до 25 рублей, с 1821 г. полномочия Зарго были сужены исками до 5 руб. Другие имущественные споры и все уголовные дела необходимо было разрешать в российских судебных органах.²⁹⁴

Однако Коллегия иностранных дел указывала, что такое решение является малоэффективным. В калмыцком обществе частым преступлением были угоны скота, традиционно рассматривавшиеся в калмыцком Зарго в соответствии с национальными нормами права и обычаями. При цене овцы в 5 руб. ограничение компетенции Зарго исками до 5 руб. превращало его решения в бесполезную бумагу. А для осуществления правосудия российскими чиновниками, требовались большие расходы для их проезда в калмыцкие улусы, и введение дополнительных сборов с калмыцкого населения на судебные издержки, несомненно, могли вызвать его недовольство.²⁹⁵

В связи с этим Коллегия иностранных дел рекомендовала все имущественные споры между калмыками рассматривать в Зарго.

²⁹² ГААО. Ф.1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 68.

²⁹³ Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие ... С. 72.

²⁹⁴ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С.117.

²⁹⁵ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа. С.134.

Следственные действия по уголовным делам в калмыцких улусах производили частные приставы, обязанные о результатах следствия сообщать главному приставу. Калмыков, подозреваемых в совершении преступлений, и свидетелей рекомендовалось допрашивать по месту их проживания, а не отправлять их для допроса в город.²⁹⁶

«Правила для управления калмыцкого народа» 1825 г. законодательно расширили компетенции суда Зарго. На центральный суд Зарго, как и прежде, возложили обязанности апелляционной инстанции для улусных Зарго и был значительно увеличен состав рассматриваемых в нем гражданских дел, теперь уже с иском до 400 руб. В компетенции улусных Зарго вошло рассмотрение имущественных споров с иском до 200 руб.²⁹⁷ Была наделена судебными полномочиями созданная Комиссия калмыцких дел, которая была обязана рассматривать имущественные споры на сумму более 400 руб. Помимо этого, к подсудности Зарго были отнесены уголовные дела калмыков по нетяжким преступлениям (кражи скота и иного имущества, самовольный уход от владельцев). Тяжкие уголовные преступления полагалось рассматривать в российских судебных органах.

Духовенство по-прежнему занималось семейно-брачными спорами и делами, связанными с вероучением, религиозными канонами и монашеской жизнью. Также представители духовенства приглашались в Зарго в случае необходимости в принесении истцом или ответчиком присяги, которая легитимизировалась священнослужителями, и в случае участия в рассматриваемом деле духовных лиц.²⁹⁸

В структурах Зарго рассмотрение дел и решения по ним регламентировались нормами калмыцкого законодательства и народных обычаев, хотя при рассмотрении уголовных дел в Зарго было рекомендовано руководствоваться российским законодательством.

²⁹⁶ Там же. С. 213.

²⁹⁷ ПСЗ РИ - II. Т. 40. №30290. С.159.

²⁹⁸ ПСЗ РИ - II. Т. 40. №30290. С.151.

Таким образом, наряду с включением калмыцких улусов в общероссийскую систему управления, на калмыцкое общество постепенно стали распространяться в начале XIX в. нормы российских законов. Вместе с тем следует признать, что «Правила для управления калмыцкого народа» 1825 г., установившие частично видоизмененную систему управления в калмыцких улусах и порядок судопроизводства у астраханских калмыков, все-таки сохранили у последних использование национальных обычаев и норм права. В этих Правилах 1825 г. (параграфы 57-58) было определено: «все дела духовного и гражданского суда производятся и решаются по древнему калмыцкому уложению, обычаям и обрядам».²⁹⁹ Однако в Комиссии калмыцких дел в целях усовершенствования калмыцкого законодательства был подготовлен новый сборник законов для калмыков, в котором среди прочего были использованы нормы Великого Уложения 1640 г., дополнений к ним Галдана Хун-Тайджи и Дондук-Даши, а также постановления Зинзилинского совещания калмыцкой знати и представителей духовенства 1822 г. Данный проект, подготовленный в 1827 г., так и не был утвержден центральными органами.

По Положению 1834 г. была утверждена новая структура Зарго, в которую вошло 17 чел. (преимущественно из числа чиновников местных органов управления) во главе с председателем. В этот состав были включены два советника, назначавшихся Министерством юстиции, и два ассессора, избираемых из числа нойонов. Центральный суд Зарго, как и прежде, оставаясь также апелляционной инстанцией для улусных судов, рассматривал гражданские и уголовные дела. Его решения следовало, в случае необходимости, обжаловать в Сенат. Приговоры Зарго по уголовным делам подлежали утверждению астраханским военным губернатором, обеспечивавшим также их исполнение.³⁰⁰

²⁹⁹ ПСЗ РИ - II. Т. 40. №30290. С. 161.

³⁰⁰ ПСЗ РИ - II. Т.10. Прибавл. к Т. IX. №7560. С.19, 26-27.

Уголовные преступления калмыков по Положению 1834 г. квалифицировались и рассматривались в рамках российского законодательства, а решения по гражданским делам основывались на «древних калмыцких постановлениях». Судопроизводство в центральном Зарго проводилось и протоколировалось на русском языке с переводом на калмыцкий язык. Протоколы этих заседаний хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия.³⁰¹

В компетенцию улусных Зарго входили уголовные дела с ущербом до 20 руб. и имущественные споры как между калмыками, так и калмыков с соседним населением. Споры между калмыками, жителями одного улуса, рассматривались нойоном - владельцем улуса согласно нормам калмыцких законов. Уголовные дела подлежали рассмотрению на основании российских законов. Улусные суды принимали к рассмотрению некоторые дела по поручению созданного вместо Комиссии калмыцких дел нового органа, Совета калмыцкого управления, а также общекалмыцкого Зарго и главного попечителя, реже – по ходатайству частных лиц в зависимости от важности дела.

По-новому «Положению об управлении калмыцким народом» 1847 г. общекалмыцкий Зарго был ликвидирован. В улусные Зарго, в которых председателем являлся, как и прежде, нойон-улусовладелец или правитель в казенных улусах, входили два члена суда и два заседателя, избранных на улусных сходах сроком на три года из числа зайсангов, реже – из числа состоятельных и авторитетных простолюдинов. В компетенцию улусных Зарго вошли имущественные споры с иском до 30 руб. и мелкие уголовные дела. Рассмотрение дел в улусных Зарго происходило по-прежнему в рамках статей калмыцкого законодательства. Обжалование решений улусных Зарго было возможно в астраханской палате уголовного и гражданского суда.

³⁰¹ Фонд 45 «Главное Зарго», фонд 23 «Хошеутовский Зарго», фонд 25 «Багацохуровский Зарго», фонд 48 «Большедербетовский Зарго», фонд 14 «Икицохуровский Зарго», фонд 16 «Малодербетовский Зарго», фонд 18 «Манычский Зарго», фонд 20 «Харакхусовский Зарго», фонд 11 «Эркетеневский Зарго», фонд 28 «Яндыко-Икицохуровский Зарго».

В архивных документах мы встречаем факты рассмотрения улусными Зарго дел о наследстве или об установлении опеки над малолетними детьми. Так, в материалах Икицохуровского улусного Зарго имеется решение по делу о смерти зайсанга Сатхалова рода Менко-Цаган Секова от 2 августа 1892 г., определившего сына умершего зайсанга Малу Менкаева признать в наследственных правах на отцовский аймак.³⁰² Также нами обнаружено решение Эркетеневского улусного Зарго 1864 г. о признании наследника по завещанию зайсанга этого улуса.³⁰³

Российская администрация пыталась привести в соответствующий порядок систему судопроизводства у калмыков и распространить на нее действие российского законодательства. Безусловно, в силу устойчивости цивилизационно-культурных особенностей в условиях традиционного уклада жизни кочевников этот процесс происходил постепенно и в наиболее распространенных судебных делах их рассмотрение продолжалось в рамках калмыцких норм права. Неоднократно чиновники астраханской администрации отмечали, что судопроизводство в улусных Зарго проходило с нарушениями требований законодательства. Так, в замечаниях Багацохуровскому улусному Зарго 31 декабря 1906 г. после анализа присланного в Управление калмыцким народом приговора суда вместе с материалами судебного заседания по делу об избиении калмыка Кекеева сородичем Явановым утверждалось: «Не касаясь существа приговора, Управление калмыцким народом считает нужным сообщить Зарго, что как содержание дела, так и внешний его вид поражают невнимательностью и неряшливостью. Дело подлежит просмотру прокурорского надзора».³⁰⁴

Еще ранее в 1844 г. главный Зарго, пересматривая решения улусных Зарго, указывал Малодербетовскому Зарго о затягивании рассмотрения дела на 2 года.³⁰⁵ Интересным и показательным является дело, рассмотренное

³⁰² НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.121. Л.6.

³⁰³ НА РК. Ф.11. Оп.1. Д.59. Л.1.

³⁰⁴ НА РК. Ф.9. Оп.2. Д.160. Л.3.

³⁰⁵ НА РК. Ф.45. Оп.1. Д.1. Лл. 118-133.

главным Зарго 10 января 1844 г. по пересмотру приговора Яндыко-Икицохуровского Зарго, вынесенного 29 ноября 1843 г. о краже у калмыка Каминова 19 верблюдов и ранении Каминова. Из материалов дела видно, что зайсанг сообщил о краже скота улусному попечителю. Были посланы 13 человек для розыска верблюдов по следам. 10 верблюдов были найдены в урочище Яшкуль и следы приводили к кочевью калмыков Икицохуровского улуса Яргачин-Эркетенева рода, к людям аймачного зайсанга Дарбыша. Калмыки Яргачин-Эркетенева рода численностью 60 человек напали на искавших скот, выстрелом в ногу был ранен хозяин угнанного скота. На суде обвиняемый вину отрицал и указывал, что был в это время в пос. Калмыцкий Базар близ Астрахани, где продавал скот. Поскольку бодокчей подтвердил его слова, Яндыко-Икицохуровский Зарго оправдал обвиняемого Гонгу Телеева, а главный суд Зарго оставил решение без изменений.³⁰⁶

В условиях Калмыцкой степи сложно было найти виновных лиц. При этом члены одного рода редко выдавали своих сородичей и свидетельствовали за них или обеспечивали им алиби. Поэтому улусные суды вынуждены были оправдывать подсудимых. Так, Эркетеневский Зарго рассматривал в 1844 г. дело о 4 фактах грабежа на дорогах. Однако подозреваемый калмык умер, остальных виновных найти не удалось и дело было оставлено без заключения. Эркетеневский Зарго был вынужден указать попечителям Эркетеневского и Яндыковского улусов на попустительство и непринятие мер против грабежей, о чем сообщалось в совет калмыцкого управления.³⁰⁷ Например, Малодербетовский Зарго рассматривал дело о грабеже казаков Царицынской казачьей команды Ильи Гончарова и Павла Изрядкова. Подозревались калмыки Эркетеневского улуса Шабинерова рода Джимбе Тапкин, Санжи Шарап Дебегинов и Чонкин Джумолинов. Подсудимые калмыки вину не признали и указывали, что ездили по поручению своего зайсанга собирать албан и свидетели видели их в другом месте. Хотя на очной ставке

³⁰⁶ НА РК. Ф.45. Оп.1. Д.1. Лл. 9-28.

³⁰⁷ НА РК. Ф.45. Оп.1. Д.1. Лл. 61-102.

потерпевшие казаки узнали в подсудимых обидчиков, Малодербетовский Зарго вину подсудимых не признал.³⁰⁸ По многим делам Зарго, освобождая подозреваемых от обвинения за недоказанностью, принимали решения оставить обвиняемых в сильном подозрении и об отдаче их под надежное поручительство.³⁰⁹

По решению Управления калмыцким народом в улусах были созданы казачьи пикеты в целях поиска и конвоирования подозреваемых. Казачьи пикеты, созданные в каждом улусе, состояли из 5–6 казаков во главе с урядником. Эти пикеты содержались за счет средств, собиравшихся с калмыцких аймачных обществ. Между тем этих казачьих пикетов было недостаточно для серьезного противостояния преступности в калмыцких улусах и результативного поиска лиц, совершивших преступления.³¹⁰

В имеющейся научной литературе и источниках не так много сведений о порядке осуществления правосудия у калмыков в период существования Калмыцкого ханства. Больше сведений мы можем найти о судебном процессе в XIX в., когда постепенно вводились российские нормы права и правила делопроизводства.

В традиционном судебном процессе у калмыков не наблюдалось особых различий в рассмотрении гражданских и уголовных дел. Между тем, калмыцкие национальные нормы права больше внимания уделяли порядку рассмотрения уголовных преступлений. В калмыцком законодательстве был установлен состязательный процесс. Стороны, как потерпевшие, так и обвиняемые, должны были самостоятельно представлять доказательства своей правоты. Предусматривались только открытые судебные заседания улусных Зарго.

Великое Уложение 1640 г. установило, что из-за неявки сторон заседание суда должно откладываться. Явка ответчика в суд вменялась в

³⁰⁸ НА РК. Ф.45. Оп.1. Д.1. Лл. 146-175.

³⁰⁹ НА РК. Ф.45. Оп.1. Д.1. Л. 804.

³¹⁰ Смирнов П. Указ. соч. С. 103.

обязанность истца. Если по вызову истца ответчик трижды не являлся на заседание суда, то следовал его принудительный привод в суд с обязательным наложением штрафа. По законам калмыцкого хана Дондук-Даши не являющийся в суд ответчик подвергался более суровой каре: штрафу за первые два случая неявки, а после третьего подобного случая дело решалось в пользу истца.

Калмыцкие нормы права определяли в случаях угона скота необходимость поиска виновных по следам самому пострадавшему. Если следы угнанных животных приводили в какой-либо хотон, то старшина (староста) этого хотона был обязан указать вора или доказать невиновность членов хотона. Как правило, дело завершалось принесением присяги подозреваемым перед нойоном-владельцем или улусной администрацией. При этом действовал принцип круговой поруки однохотонцев по уплате ущерба пострадавшему в случае вины их сородичей. В законах Дондук-Даши правило, по которому наказывали виновных, гласило: «кто, при знатных свидетелях, не отведет следов (пропавшего скота – авт.) на цельном снеге, на цельном песке, на совершенно цельной и свежей грязи, того оштрафовать по закону».³¹¹ Это правило «гонения следа» было распространенным по делам об угонах скота и происходило из народных обычаев. При этом за препятствование в поиске угнанного скота и уничтожению следов полагался помимо возмещения ущерба штраф в размере пяти голов крупного рогатого скота.

В Монголо-ойратских законах (Великом Уложении) 1640 г. была введена особая статья о взыскании долгов. Кредитору необходимо было трижды при свидетелях заявить свое требование должнику, после чего он имел право забрать что-либо из имущества должника в счет погашения долга. При этом кредитор был обязан поставить в известность всех должностных лиц аймака. В Великом Уложении 1640 г. устанавливалось, что «если не будет заявлено шуленге, то взять с кредитора лошадь. Если кредитор, не объявивши,

³¹¹ Законы калмыцкого хана Дондук-Даши // Антология памятников права народов Кавказа. Т.9. Памятники права калмыков. Элиста-Ростов-на-Дону, 2012. С. 168.

возьмет у должника что-либо днем, то долг его пропадает; если, не объявивши возьмет что-либо ночью, то штрафуется девятком и долг пропадает».³¹² Эти правила были подтверждены в законах Дондук-Даши. В случаях, если в суде предъявлялись ответчиком встречные требования, то они должны были подкрепляться свидетельскими показаниями. При отсутствии свидетелей суд не рассматривал подобные дела.

Среди доказательств у калмыков важное место занимали показания свидетелей. Полагалось принимать во внимание показания «хороших свидетелей», то есть лиц, отличавшихся добропорядочностью и пользующихся уважением сородичей. Свидетелем мог являться только очевидец события или имеющий правдивые сведения о деле. Свидетельские показания личных слуг или подвластных людей во внимание не принимались. Но если в показаниях подобных лиц имелись вещественные доказательства, то такие показания принимались судом.³¹³ В судебном процессе практиковались показания «тайного свидетеля». Как правило, к таким относились представители знати, не желавшие раскрывать свое происхождение и социальный статус.

Законы 1640 г. установили вознаграждение свидетелю, которое он получал из штрафа с виновного. Вознаграждение равнялось «девятку» или девяти головам крупного рогатого скота.³¹⁴ В случаях, если свидетель не сообщал о преступлении, он нес ответственность. Также в Великом Уложении наказание было предусмотрено для виновных в воспрепятствовании обыску: «Кто совсем не допустит до обыска, того подвергнуть законному штрафу».³¹⁵ В уголовном процессе калмыков не предусматривалось применение пыток.

³¹² Монголо-ойратские законы 1640 г. // Антология памятников права народов Кавказа. Т.9. Памятники права калмыков. Элиста-Ростов-на-Дону, 2012. С.57.

³¹³ Там же. С.59.

³¹⁴ Монголо-ойратские законы 1640 г. // Антология памятников права народов Кавказа. Т.9. Памятники права калмыков. Элиста-Ростов-на-Дону, 2012.

³¹⁵ Там же.

Вместе с тем, широко использовалось принесение присяги в случаях отсутствия или недостаточности иных доказательств.

Дополнительные законы джунгарского хана Галдана Хун-Тайджи, действовавшие и у российских калмыков, предписывали проведение судебных заседаний в строго определенных местах: «вообще судьи не должны решать дела вне определенного места».³¹⁶ В законах Дондук-Даши вводилась ответственность судьи за неправильное разрешение дела: «Если обнаружится лицепрятание, то такового судью при обществе осмеять и пристыдить; вторично – поступить также; в третий раз – отстранить от суда».³¹⁷

Зайсангам запрещалось скрывать своих людей, обвиняемых в преступлениях. За подобные действия зайсанги могли быть подвергнуты публичному осуждению и «позорящим» наказаниям.

В соответствии с законодательством лицам за поимку вора или за поиск виновных лиц и угнанного скота полагалось вознаграждение. Лица, не сообщившие о преступлении или скрывавшие правонарушения, напротив, подвергались штрафу. Также ответственность несли зайсанги и нойоны за невыдачу преступников из своих владений.

Порядок проведения следствия, поиска доказательств, осуществления суда – все эти действия регулировались калмыцкими традиционными нормами права, которые в описаниях и свидетельствах российских чиновников XIX в. нередко оценивались как архаичный недостаток. Кочевой образ жизни, приверженность к народным традициям и обычаям, особый менталитет калмыков отразились на судебном процессе калмыков. Поэтому система судопроизводства для самих калмыков представлялась вполне эффективной.

Как уже отмечалось нами ранее, во многих судебных разбирательствах у калмыков важное место в случае отсутствия надежной доказательной базы занимало принесение присяги. Необходимость принесения обвинительной

³¹⁶ Повеление и приказ Галдана Хун-Тайджи. // Антология памятников права народов Кавказа. Т.9. Памятники права калмыков. Элиста-Ростов-на-Дону. 2012. С.64-65

³¹⁷ Законы калмыцкого хана Дондук-Даши. // Антология памятников права народов Кавказа. Т.9. Памятники права калмыков. Элиста-Ростов-на-Дону. 2012. С.168

или очистительной присяги (шахан) являлась традиционным у монгольских народов актом и была также обозначена в Великом Уложении 1640 г. и законах Дондук-Даши.³¹⁸

В научной литературе имеется описание нескольких видов присяги. Очевидец событий академик П.С. Паллас в своих «Путешествиях по разным провинциям...» отмечал, что у калмыков «простая клятва в том состоит, что они целуют дуло у ружья, а если сего нет, то прикасаются языком к стреле и острым концом приставляют к голове. В важных делах дают клятву следующим образом: взяв топор или какую-нибудь железную вещь раскаливают, и виноватый принужден несколько сажень нести оную на концах пальцев для оправдания себя».³¹⁹

Очистительная присяга, как правило, использовалась при недостаточности доказательств в серьезных имущественных преступлениях с ущербом более 100 голов скота. К этой присяге прибегали в тех случаях, когда отсутствовали прямые доказательства вины подозреваемого, но, по настоянию потерпевшего, первый был обязан принести очистительную присягу в своей невиновности. В этом случае суд Зарго завершал дело без возможности апелляции. Подобная присяга являлась достаточно сложной процедурой, сопровождавшейся значительными затратами. В этой процедуре принимали участие буддийские священнослужители, которые наблюдали за процессом, растолковывали его результаты и выносили для суда свое решение.

В случае совершения незначительных преступлений с ущербом до 10 голов скота при отсутствии у потерпевшего прямых доказательств вины подозреваемого присяга приносилась перед духовенством в здании хурула (буддийского храма). При разборе мелких преступлений без материального ущерба применялась свидетельская присяга или клятва (андагар). Этот ритуал присяги в хуруле был достаточно прост. Подозреваемый в краже человек был

³¹⁸ Законы калмыцкого хана Дондук-Даши. // Антология памятников права народов Кавказа. Т.9. Памятники права калмыков. Элиста-Ростов-на-Дону. 2012. С.172.

³¹⁹ Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям ... С.409.

обязан в присутствии монахов, читающих молитвы, погасить лампы перед божествами с одновременным произнесением слов из молитвы: «... да прекратится жизнь моя так же внезапно, как я гашу этот светильник...».³²⁰ Принесением этой присяги завершалось рассмотрение дела.

Процедура произнесения свидетельской присяги («андагар») могла также совершаться в присутствии попечителя улуса или его помощника в здании улусного управления либо в калмыцких кочевьях. При этом улусный попечитель или его помощник приглашали калмыцкого гелюнга, который проводил ритуал. Свидетельской присягой участники процесса обязывались говорить на следствии правду без какой-либо заинтересованности. В завершение процедуры присягавшие лица ставили свою подпись на листе с текстом присяги.³²¹

В качестве доказательств в калмыцком судебном процессе принимались различные следы преступлений (кости украденных животных, разорванные вещи, похищенное имущество, найденное у вора, побои у потерпевших и др.).

Калмыцкое традиционное право, отразившееся в статьях Великого Уложения 1640 г. и в дополнениях к ним хана Дондук-Даши, установило свою меру ответственности за уголовные преступления. В российских условиях нередкими стали преступления между калмыками и соседним населением. Безусловно, российские власти и калмыцкие ханы пытались урегулировать подобные конфликты. Однако первоначально калмыки несли ответственность по калмыцкому законодательству и к ним не применялись наказания, предусмотренные российскими законами. Поскольку Великим Уложением 1640 г. за различные преступления преобладающей мерой судебного воздействия являлось наложение штрафов скотом, то подобное наказание российская администрация считала не действенным.

Еще в начале XVIII в. местные чиновники предпринимали меры к распространению на калмыцкое общество норм российского права, но хан

³²⁰ Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям ... С.409.

³²¹ Более подробно описание присяги см.: П. Смирнов Указ. соч. С.135.

Аюка считал необходимым сохранить существовавшую судебную систему наложения штрафов в ханстве. Что касается русско-калмыцких взаимоотношений, он полагал, что следует разработать специальное судопроизводство по таким делам. Сын Аюки-хана Чакдоржап писал астраханскому воеводе М. Чирикову в 1713 г., что «которые люди в воровстве будут уличены, и тех людей смертию казнить худо. И хорошо бы вместо тех пропалых (убитых – авт.) людей вашим и нашим людям чинить платы».³²²

Местные российские чиновники, согласившись с мнением хана, определили, что за убийство «знатного или чиновного» русского или калмыка с виновных взыскивать штраф 100 руб. в пользу потерпевших. За убийство простого человека штраф с виновных в пользу потерпевших составил 50 руб.³²³

По калмыцкому законодательству в случае совершения краж скота или грабежа со стороны калмыков, поиск виновных производился на основании следов угнанных животных. Если поиск по следам приводил в какое-либо калмыцкое поселение, то его жители были обязаны возместить понесенный ущерб хозяину украденного скота и выплатить штраф. Обычай возмещения ущерба за угнанный скот у калмыков именовался «баранта». При определении размера возмещения суд Зарго принимал решение на основании показаний потерпевших.

В тех случаях, когда калмыков задерживали на месте преступления за границами калмыцких кочевий, то российские власти рассматривали такие преступления с участием калмыцких должностных лиц – бодокчеев. Институт бодокчеев явился новым органом, возникшим у калмыков в XVII в. Бодокчеи должны были контролировать справедливость обвинения и установления наказания, а также содействовать исполнению принятого решения.

Однако, на практике было трудно определять виновность калмыков и был также затруднен поиск преступников в калмыцких кочевьях. Нередко

³²² Новолетов М. Указ. соч. С.63.

³²³ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков ... С.93.

нойоны скрывали своих людей, подозреваемых в совершении преступлений. В связи с этим российскому представителю при калмыцком хане В.Беклемишеву была адресована инструкция от 27 декабря 1722 г. В ней чиновник обязывался быть в судебных органах посредником в тяжбах русских и калмыков между собой. Помимо этого, В. Беклемишев мог настоять в поиске и наказании преступников за действия, наносящие ущерб русскому населению.³²⁴

После смерти Аюки-хана российские власти стали постепенно отходить от такого судопроизводства. Виновных калмыков постепенно начали привлекать к ответственности по российскому законодательству, особенно в период междоусобиц и борьбы за ханский престол в 1724–1735 гг. Между тем, калмыки внутри своих улусов продолжали использовать традиционные нормы и придерживаться системы штрафов как основного вида наказаний. В целом, за преступления калмыков в отношении друг друга применялись калмыцкие нормы, а за преступления калмыков против соседнего населения стали иногда использоваться попытки применения российских законов и правил судопроизводства.

Калмыцкие ханы и нойоны, осуществляя правосудие в отношении калмыков, получали дополнительный доход в виде штрафов. Поэтому применение российского законодательства и осуществление суда российскими властями лишало ханов и нойонов этого дохода. В связи с этим калмыцкие ханы предлагали разработать особые нормы для разрешения уголовных дел между русскими и калмыками. Так, хан Дондук-Омбо в 1736 г. ставил вопрос перед российской администрацией о разработке «особливого права, по которым можно было производить суд и расправу в тяжбах между русскими и калмыками».³²⁵

Коллегия иностранных дел поручила В. Беклемишеву рассмотреть это предложение и представить свои предложения. В. Беклемишев предложил

³²⁴ Новолетов М. Указ. соч. С.64.

³²⁵ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков ... С.84.

вести учет преступлений, более детально проводить следствие, устанавливать точные суммы ущерба, для убийц предусмотреть смертную казнь, уголовные дела по обвинению калмыков рассматривать по российским законам в близлежащих городах. Эти предложения не были приняты, как и пожелания калмыцкого хана также оставлены без удовлетворения.

Позже, хан Дондук-Даши также сообщал российскому правительству о необходимости введения единых норм для осуществления суда между калмыками и русским населением. Также хан требовал в своем письме от руководства волжских городов осуществлять рассмотрение дел без промедления.³²⁶

Коллегия иностранных дел рекомендовала управляющему Комиссией калмыцких дел В. Татищеву составить с ханом Дондук-Даши новый свод законов или правил по рассмотрению дел о преступлениях между калмыцким и соседним населением. Эта рекомендация так и не была реализована. Ввиду неясности с подсудностью таких действий постановлением Коллегии иностранных дел от 9 января 1755 г. «калмыков за воровство велено пытаться по силе Соборного Уложения и в чем повинятся, то взыскивать». Более поздними решениями Коллегии иностранных дел от 20 ноября 1762 г. и 10 мая 1763 г. калмыки, признанные виновными в воровстве, даже в первый раз, подвергались обязательной ссылке на каторжные работы.³²⁷ Практика взыскания штрафов в пользу потерпевших в российском законодательстве отменялась, калмыцким властям предписывалось выдавать виновных калмыков. Калмыки, обвиняемые в преступлениях против русского населения, начали привлекаться к уголовной ответственности по российскому законодательству в случае их попадания в руки российских органов правосудия. При этом за преступления между собой калмыки несли ответственность в соответствии с нормами калмыцкого права.

³²⁶ Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Указ. соч. С.85.

³²⁷ Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Указ. соч. С. 86.

В архивном деле из фонда «Главный пристав калмыцкого народа» имеется описание калмыцкого народа, составленное главным приставом Ващенко в 1816 г. По его описанию ситуация в калмыцких улусах в начале XIX в. была крайне сложной: большедербетовские калмыки под руководством вдовы нойона Габун-Шарапа Хапчукова Бакбуш вышли из подчинения владельца Дербетовского улуса Эрдени-тайши Тундутова и откочевали за р. Егорлык в донские пределы, «не повинуются своим зайсангам, кои находятся при сем владельце, но равно и местного начальства не признают, и посылаемых к ним для убеждения к законному повиновению выгнали побоями»³²⁸. Помимо этого, по его мнению, имелись и другие проблемы и недостатки: отсутствовали статистические сведения о населении и поголовье скота, велика нужда в водопоях для домашних животных, неконтролируемые угоны калмыцкого скота донскими казаками, захваты калмыцких земель у р. Кумы помещиком Ребровым, здесь же «остальная часть заселена поселянами Кавказской губернии», «поселяне Саратовской, Астраханской и Кавказской губерний под предлогом пропажи скота захватывают калмыцкий скот или вытравливают травы». Также главный пристав обратил внимание, что по заявлениям этих крестьян калмыков содержат в тюрьмах соседних уездов, где они зачастую умирают³²⁹. Существенным недостатком в деятельности Зарго являлось то обстоятельство, по мнению Ващенко, что вся доказательная база при рассмотрении дел заключается в свидетельских показаниях и присягах ответчика и истца, «но не ответчик присягает, а по выбору противной стороны кто-либо из его рода». Хотя чаще в Зарго заключались мировые соглашения³³⁰.

Позднее с утверждением «Правил для управления калмыцкого народа» и «Положений об управлении калмыцким народом» 1834 и 1847 гг. судопроизводство у калмыков стали приводить в соответствие с российскими законами.

³²⁸ НА РК. Ф. 1, оп. 1, д. 161, л. 11 об.

³²⁹ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Лл. 12-13.

³³⁰ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 20.

В связи с вышеизложенным следует определить, что имеют в виду российские чиновники, упоминая о «калмыцких обыкновениях». Речь идет об обычаях и правовых нормах калмыков. В теории права под обычаем понимается сложившееся в течение продолжительного применения правило поведения, вошедшее в повседневную практику. По справедливому мнению Ю.Н. Сушковой в обычном праве заключаются «общепризнанные юридические воззрения народа, регулирующие те или иные общественные отношения», и сложившиеся в результате многовекового опыта каждого народа, стремящегося к самосохранению и укреплению этнических традиций». ³³¹ Данная система норм была распространена на начальных этапах развития общества, как правило, первые памятники права представляют собой сборники обычного права.

Государственные образования на этапе своего становления нуждались в правовой регламентации, и в этом качестве, естественно, выступали обычаи, санкционированные государством и ставшие источниками права. Со временем они постепенно уступали место нормам, созданным государством. ³³² Следует сказать, что в ряде случаев на современном этапе в процессе поиска самоидентификации народов обычаи могут стать источником права в пределах, установленных государством.

Поскольку становление и развитие государства тесно связано с нормотворческой деятельностью народов для регулирования общественных отношений, нередко нормы отдельных этносов воспринимались другими. В этой связи можно согласиться с мнением М.В. Неметиной, что существует определенная преемственность в праве, следование национальным образцам

³³¹ Сушкова Ю.Н. Методология юридической антропологии // Социально-политические науки. 2017. №1. С. 167.

³³² Муромцев Г.И. Традиции в праве: историко-теоретический аспект // «Правовые традиции». Жидковские чтения. Материалы международной научной конференции. М.: РУДН, 2014. С.13.

правового поведения.³³³ Поэтому исследование источников и институтов права калмыков следует начать с древних монгольских норм и обычаев.

Для исследователей права монгольских народов представляет интерес работа Я.И. Гурлянда «Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетия», изданная в 1904 г.³³⁴ Автор, представил подробную характеристику законодательства монгольских народов, в том числе, калмыков. Его исследование базировалось не только на монголоязычных источниках, но и на использовании китайских летописей и сочинений мусульманских авторов. По его мнению, монголы являются потомками хунну, унаследовавшие от них традиции государственности и правовые нормы.³³⁵

Объединитель всех монголов и основатель Монгольской империи Чингис-хан утвердил общемонгольский сборник законов – Великую Ясу. Несомненно, в этот сборник вошли известные и распространенные нормы народных обычаев, представлявшие из себя древний ясак. Именно этот народный ясак стал главным источником Великой Ясы Чингис-хана.³³⁶ Общеизвестно, что законы Чингис-хана были достаточно суровы, в которых за множество нарушений предусматривалась смертная казнь. Вместе с тем, такая строгость позволила Монгольскому государству утвердить военную дисциплину и порядок в монгольском обществе. Эта Великая Яса, направленная на сплочение монгольских племен вокруг единого хана, была принята и ойратами при сохранении своих племенных обычаев.

В целом, Великая Яса Чингис-хана представляла собой очередную ступень развития кочевого законодательства, которая действовала и после распада Монгольской империи. В XIV в. западные монголы – ойраты также

³³³ Немытина М.В. Интерпретация категории «правовая культура» // «Правовые культуры» Жидковские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: РУДН, 2012. С.35

³³⁴ Гурлянд Я.И. Указ. соч.

³³⁵ Там же. С.3.

³³⁶ Гурлянд Я.И. Указ. соч. С.13.

начинают борьбу за доминирование среди монгольских племен и за создание единого государства на основе правил Великой Ясы.

В начале XVII в. под воздействием ряда причин, в первую очередь, из-за нехватки пастбищ и междоусобиц, часть ойратских этнополитических объединений (торгоуты, дербеты, хошоуты) и других небольших этнических групп откочевали в пределы России в поисках новых территорий для кочевий. В середине XVII в. они заняли приволжские степи и положили начало формированию новой народности – калмыков, считая по-прежнему себя частью монгольского мира.

В сложных условиях первой половины XVII в., когда южная Монголия была захвачена маньчжурами, а у западных монголов (ойратов) формировались собственные государства (Джунгарское, Хошутское и Калмыцкое ханства) актуальным являлось сохранение единства Северной Монголии с ойратским обществом. В итоге в 1640 г. монгольские и ойратские князья собрались на съезд при активном участии буддийского духовенства. От калмыков на съезд прибыл торгоутский тайша Хо-Орлюк с сыном Шукур-Дайчином, основателем династии калмыцких ханов.

На съезде князья, по наблюдению Я.И. Гурлянда, «проявили заинтересованность в аннулировании старых споров и взаимных претензий, расчистив таким образом почву для новых добрососедских и даже союзнических отношений между князьями Халхи и Джунгарии».³³⁷ Монгольские и ойратские князья договорились о прекращении междоусобиц, о союзнических отношениях, о совместных действиях против общего неприятеля. На этом съезде монгольские и ойратские князья приняли важный свод законов – это «Ики Цааджин Бичиг» (Великое Уложение). Я.И. Гурлянд писал, что это Уложение было принято в целях усиления монголо-ойратского союза для борьбы с внешними врагами. Так, монголо-ойратские законы 1640г. много внимания уделяли военным походам и разделу военной добычи, о

³³⁷ Владимирцов Б.Я. Указ. соч. С.175.

борьбе с врагами и защите своих территорий. Естественно, что запрещались набеги на своих соплеменников.³³⁸

Официально приняв буддизм, в монгольском и ойратском обществе принимались меры по защите материальных интересов духовенства. Поэтому в законы 1640 г. были включены нормы, определяющие составы преступлений против буддийской веры и духовенства. Монголо-ойратские законы 1640 г. закрепляли буддизм как официальную религию.

Советский монголовед И.Я. Златкин отмечал обострение социальных противоречий в монголо-ойратском сообществе. Поэтому, по его мнению, законы 1640 г. должны были «укрепить феодальные порядки и власть ханов и князей...».³³⁹ В целом, следует согласиться с тем, что Великое Уложение 1640 г. укрепляло сложившийся в монгольском мире статус социальной организации монгольского общества, в том числе, привилегий и прав знати.

Монголо-ойратские законы 1640 г. были предназначены для монгольских и ойратских племен, в том числе и для калмыков. При этом знать воспринимала территорию Северной Монголии и ойратских государств как единое правовое пространство. Съезд знати воспринимался всеми как высший законодательный и руководящий орган. Многие нормы, зафиксированные в Великом Уложении 1640 г., основывались на обычном праве, систематизировали его и внесли единообразие в осуществление судопроизводства.

Ойратовед А.И. Чернышев полагал, что основной причиной принятия монголо-ойратских законов 1640 г. является ликвидация конфликтов между монгольскими князьями и объединение их сил против внешнего врага, т.е. маньчжурского Китая.³⁴⁰

Подлинник монголо-ойратских законов 1640 г., привезенный Хо-Урлюком на Волгу, не сохранился. Спустя столетие хан Дондук-Даши в ответе

³³⁸ Гурлянд Я.И. Указ. соч. С.56.

³³⁹ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства ... С.173.

³⁴⁰ Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVII в. М., 1990. С. 50.

астраханскому губернатору В.Н. Татищеву на его просьбу прислать копию Великого Уложения сообщил, что полный текст утрачен «во время междоусобия», добавив: «Однако ж оставшееся от него буду отыскивать, отыскав до вас пришлю, половина имеется у Василия Бакунина».³⁴¹

Известно, что съезд монгольской и ойратской знати, утвердивший Великое Уложение 1640 г., состоялся в Джунгарии, в урочище Шибегийон-Улан-Бура. Анонимная летопись «История калмыцких ханов» упоминает, что «в год Темур Лу (1640) Дечин (Монгол) и Дербен (Ойрат) прекратили свою вражду и примирились. Хань и нойоны собрались на сейм и утвердили законы (Ики цаджи). Торгоутовский Хо-Орлюк с сыновьями своими Шукур-Дайчином и Йельденем ездил на этот сейм, заключил дружеские союзы, утвержденные законы привез в свой нутуг и ими стал руководствоваться при управлении своими подвластными».³⁴² Имеются предположения, что проект этого сборника законов был составлен в период с 1635 до 1640 г., а его автором являлся основатель Джунгарского ханства и его первый правитель Батур Хун-тайджи.³⁴³ Однако прямых указаний на этот факт не имеется.

В начале текста монголо-ойратских законов 1640 г. перечислялись участники съезда знати: 4 с титулом «Хун-тайджи», 5 тайшей, 3 хана и 6 нойонов. Титулы многих лиц не назывались, но, несомненно, эти люди были главами родов или вождями отдельных племен.³⁴⁴ Наряду с тем, что одной из основ Великого Уложения 1640 г. являлось обычное право монгольских народов, важным его источником, по мнению Я.И. Гурлянда, были Великая Яса Чингис-хана, а также указы и постановления ханов, изданные потомками Чингис-хана.³⁴⁵

Профессор Ф.И. Леонтович писал, что «можно с достоверностью полагать, что в основу Устава 1640 г. легли два главных источника: йосун или

³⁴¹ Эрдниева К.О. Списки монголо-ойратских законов ... С.33.

³⁴² Рязановский В.А. Указ. соч. С.37.

³⁴³ Баснин Н.В. Указ. соч. С.3; Бичурин Н.Я. (Иакинф) Указ. соч. С.39.

³⁴⁴ Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 24-25.

³⁴⁵ Гурлянд Я.И. Указ. соч. С.55.

юсун (древнемонгольская яса) – племенное обычное право, а затем старые племенные законы, входившие в состав устава взысканий, или уложения, действовавшего у всех ойратских племен еще в XV-XVI вв. Оба источника имеют один корень – одинаковое правовое сознание всех племен монгольской расы».³⁴⁶ Источниками законов 1640 г. Ф.И. Леонтович считал Великую Ясу Чингис-хана, местные обычаи отдельных племен, монгольские ярлыки и пайцзы (нагрудный деревянный или металлический знак, делегирующий полномочия его владельцу монгольским правителями) XIII и последующих веков, каноническое право буддистов.³⁴⁷

Профессор К.Ф. Голстунский, напротив, полагал, что источником монголо-ойратских законов могло быть только обычное право. Он считал, что ни Великая Яса Чингис-хана, ни пайцзы, ни ярлыки, ни каноническое буддийское право не могли быть письменными источниками для законов 1640 г., на принятие которых повлияла общественно-политическая ситуация в монголо-ойратском обществе. Кроме того, он полагал, что на ряд статей этих законов повлияло распространение буддизма.³⁴⁸ Того же мнения придерживался Я.И. Гурлянд, отмечавший, что никаких письменных источников у составителей законов под рукой не было и потому лишь обычное право могло стать источником для создания свода законов.³⁴⁹ А.Ф. Кистяковский также отрицал влияние законодательства Чингис-хана на монголо-ойратские законы 1640 г.³⁵⁰

Нам представляется, что истиной в этой дискуссии дореволюционных исследователей является «золотая середина». Действительно, основным источником монголо-ойратских законов 1640 г. является обычное право монгольских народов. Так, в законах неоднократно упоминается институт

³⁴⁶ Леонтович Ф.И. Указ. соч. С.15-16.

³⁴⁷ Там же. С.188.

³⁴⁸ Голстунский К.Ф. Указ. соч. С.10-12.

³⁴⁹ Гурлянд Я.И. Указ. соч. С.55.

³⁵⁰ Кистяковский А.Ф. К вопросу о влиянии инородческого права на русское. // Юридический вестник. 1880. Т.3. №1. С. 52.

круговой поруки и родовой ответственности; указывается такой вид наказания, как изгнание; разрешается баранта, т.е. самосуд, набег на племя виновного с целью мести или отбоя угнанного скота; решающую роль в судебном процессе играет присяга. Вместе с тем, нельзя отрицать влияния предшествовавшей законодательной традиции, отмеченной выше исследователями, в том числе и Великой Ясы Чингис-хана: об этом свидетельствуют статьи о статусе знати, о сословной структуре, об обязанностях простолюдинов и др.

Законы 1640 г. действовали у всех монгольских и ойратских объединений. Калмыцкая знать принесла данные законы в пределы России, которые в течение всего дореволюционного периода применялись в судебной практике. Великое Уложение 1640 г. было признано российской администрацией в калмыцком судоустройстве и судопроизводстве, но никогда не было официально опубликовано. В силу того, что законы 1640 г. не были известны широкому кругу населения, калмыцкая знать и судьи порой допускали произвол в их толковании.

Если проанализировать содержание всех правовых институтов, закрепленных в Великом Уложении 1640 г., заметно, что они были подчинены основам кочевой жизни, устоявшегося сословного строя и установленного правопорядка.³⁵¹

По мнению правоведа Ф. Леонтовича в законах 1640 г. отражены «институты глубочайшей древности: месть и материальная компенсация, коллективная ответственность родов и улусов, институт древнего потока в форме разорения и грабежа, целый ряд своеобразных начал семейного быта; не менее древние институты судебные – поклеп, институт обвинителей, свод, гонение следа и тому прочее; институт военно-дружинного строя и так далее».³⁵²

³⁵¹ Леонтович Ф.И. Указ. соч. С.17.

³⁵² Там же. С.27.

Великое Уложение 1640 г. было написано на монгольском языке и письменности, которой пользовались тогда все ойратские объединения. После создания калмыцко-ойратской письменности Зая-Пандитой в 1648 г., эти законы были переведены на калмыцкий язык.

Текст Великого Уложения 1640 г. традиционно начинается с преамбулы, в которой содержится обращение к буддийским божествам и перечислены представители знати, присутствовавшие на съезде. Затем изложен текст законов. Вначале следуют статьи, регулировавшие политические отношения между монгольскими и ойратскими племенами. В законах также уделено внимание правовому статусу знати и духовенства. Нашли место и вознаграждения за участие и отличия в военных походах,

Законы 1640 г. регулировали внутренние отношения в монголо-ойратском кочевом обществе, затрагивали вопросы уголовного, гражданского, семейного, наследственного права. Большинство статей были посвящены уголовно-правовым нормам, ряд из них закреплял процессуальные нормы.

Особенностью законов 1640 г. было широкое применение штрафов в качестве наказания. Штрафы устанавливались в виде определенного количества скота. Такой вид наказания был очень распространен в кочевом обществе. Среди наказаний редко встречается конфискация имущества, битье кнутом, позорящие наказания (надевание женской одежды) и дважды встречается смертная казнь: за оставление князя в бою и за несообщение о приближающемся неприятеле.

Позже система наказаний ужесточалась. В дополнениях Галдана Хун-Тайджи к этим законам упоминается отрубание рук, заковывание «в железо». При назначении наказания принимался в расчет сословный статус как виновного, так и потерпевшего.

Только в трех случаях в тексте Великого Уложения 1640 г. упоминается порядок производства следствия: в случае поиска следов угнанного скота, в процессе разрешения встречных исков о долгах и в упоминании о свидетелях

и их показаниях. В законах 1640 г. отсутствуют сведения о судебных органах и порядке рассмотрения дел в суде, хотя судьи упоминаются неоднократно.³⁵³

Таким образом, Великое Уложение 1640 г. является сборником уголовных, военных, гражданских, семейно-брачных и процессуальных норм. Ф. Бюлер обратил внимание на то, что «будучи устроено потребностям времени и кочевого быта племен, кочующих при наклонности к скотоводству и наездам, содержание этого законоположения – преимущественно уголовное».³⁵⁴ Эти законы являлись регулятором отношений в кочевом монголо-ойратском обществе. Хотя данный сборник законов не являлся систематизированным актом, он долгое время оставался основным источником права, на основе которого формировалось правовое сознание калмыков. Монголо-ойратские законы 1640 г., адекватно отражавшие уровень социально-экономического и политического развития монголо-ойратского кочевого общества XVII в., вполне соответствовали потребностям того времени и явились основным источником дальнейшего развития права у калмыков в XVIII – начале XIX вв.

Историк права М.Ф. Владимирский-Буданов в своем предисловии к киевскому изданию книги Ф.И. Леонтовича, отмечая некоторое сходство ряда статей Великого Уложения 1640 г. с русским законодательством XI – XIV вв.,³⁵⁵ полагал, что данный памятник права отражал чисто национальные черты монголов и ойратов. В связи с этим М.Ф. Владимирский-Буданов и А.Ф. Кистяковский отрицали какое-либо влияние Великого Уложения на российское законодательство.³⁵⁶

³⁵³ Монголо-ойратские законы 1640 г. // Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Памятники права калмыков. Элиста-Ростов-н/Д: 2012; Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках ... С.71.

³⁵⁴ Бюлер Ф.А. Калмыки. // Отечественные записки. 1846. №11. С.21.

³⁵⁵ Владимирский - Буданов М.Ф. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). Сочинение Ф.И. Леонтовича. Киев, 1879. С. 11.

³⁵⁶ Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 58.

Как уже отмечалось, в монголо-ойратских законах 1640 г. наибольшее внимание уделено уголовно-правовым нормам. Данный свод законов устанавливал понятия преступного деяния, формы вины, отягчавшие или смягчавшие вину обстоятельства, виды соучастия и виды наказаний. Перечисленные преступления можно было подразделять на преступления против государства и государственной службы, против религии, против личности, имущественные преступления.

Известный синолог и знаток истории центрально-азиатских народов Н.Я. Бичурин, на наш взгляд, дал точную оценку Великому Уложению 1640 г.: «Сие уложение есть зеркало, на поверхности коего со всею ясностью изображаются нравы, обычаи, образ мыслей, способы жизни и степень просвещения у монгольского народа».³⁵⁷ «Ойратские законы – продукт самостоятельного юридического творчества калмыков XVII в. Мы имеем в нем не только документ, обобщающий драгоценные сведения о культуре народа, но имеем дело с жизненной основой, на которой развивалось калмыцкое право в XVIII в. и пыталось развиваться в первой четверти XIX в. Основа эта оказывается настолько прочной и до такой степени соответствует народному правосознанию, что даже в укладе современного калмыцкого быта нередко можно проследить действие юридических норм, принятых в ойратском законодательстве», - утверждал в 1920-е годы Н.Н. Пальмов.³⁵⁸

Джунгарский правитель Галдан Хун-Тайджи (Галдан Бошокту-Хан) утвердил ряд указов, которые стали дополнениями к законам 1640 г. Н.Я. Бичурин отмечал, что имевший духовное образование хан Галдан Хун-Тайджи известен «в истории как просвещенный государь и законодатель. Он пополнил степное уложение».³⁵⁹

Дополнительные указы Галдана Хун-Тайджи были приняты для борьбы с бегством простолюдинов от своих владельцев, для улучшения

³⁵⁷ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Указ. соч. С.39.

³⁵⁸ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа ... С.134.

³⁵⁹ Бичурин Н.Я. (Иакинф) Указ. соч. С.88-89.

судопроизводства и снижения угонов скота. Указы также вводили ответственность должностных лиц за неисполнение своих обязанностей и ответственность за несообщение о преступлениях. При этом поощрялось преследование грабителей и возврат похищенного имущества.

Для обеспечения доступности судопроизводства и повышения его эффективности, в указах устанавливалось, что суд необходимо осуществлять по месту совершения преступления. Неявка в суд три раза вела к проигрышу дела. Вводилась ответственность судьи: за принятие неправильного решения три раза он отстранялся от должности. Также вводилась ответственность за взяточничество и внесудебные сговоры.

Указы Галдана Хун-Тайджи, утвержденные для Джунгарского ханства, также стали применяться и в Калмыкии. Хан Аюка осознавал важность указов Галдана и разрешил их применение в Калмыцком ханстве.³⁶⁰

Ряд исследователей (Ф. Леонтович, И. Златкин) полагали, что правовые нормы, созданные Галданом, составляют один указ и опубликованы одновременно. Однако из анализа текста указов заметно, что они не связаны внутренним содержанием, а также временем принятия. Первый указ Галдана Хун-тайджи преследовал две цели: улучшить административное управление и усилить борьбу с имущественными преступлениями. Второй указ содержит нормы, направленные на улучшение деятельности судов, на борьбу с самовольными передвижениями кочевников и с бегством подвластных от своих князей. Беспорядочное движение масс внутри ханства было вредно для кочевого государства, порождало столкновения и анархию. Поэтому первый указ Галдана Хун-Тайджи был направлен на повышение ответственности низших звеньев аппарата.

Третий указ Галдана Хун-Тайджи содержит ряд процессуальных норм и определяет подсудность дел по искам между ойратами и туркестанцами. Дата издания этого указа известна точно – 1678 г., что указано в тексте. В это время

³⁶⁰ Сергеев В.С. Сергеев Б.В. Указ. соч. С.51.

Галдан покорил Восточный Туркестан и возникла необходимость в таком нормативном документе.

Для калмыков, принявших подданство России, калмыцкий хан Дондук-Даши создал законы (токтолы), которые также являлись дополнениями к монголо-ойратским законам 1640 г. В составе Российского государства к середине XVIII в. появились новые условия жизни, новые отношения, требующие урегулирования. Поэтому принятие законов хана Дондук-Даши было вызвано новыми потребностями жизни калмыков. В калмыцкой летописи «История калмыцких ханов» (Хальмг хаадын туук), на которую ссылается К.Ф. Голстунский, говорится: «Имея в виду, что Великое Уложение ... хотя и было пригодно для монголов и ойратов, но как у калмыков, много лет тому назад отделившихся от них и живущих среди многочисленного и чуждого народа, изменились нравы и привились многие хорошие и дурные качества, прежде у них не бывавшие, то настает потребность в новых постановлениях и законах, а потому Дондук-Даши признал необходимость написать новые законы и пополнить старое уложение».³⁶¹

Хан Дондук-Даши, как дальновидный политик, осознавал важность правовых предписаний и эффективность осуществления правосудия для государства и общества. Также эти правовые предписания представлялись действенной мерой для консолидации общества и прекращения междоусобиц. Нормы Великого Уложения 1640 г. выглядели устаревшими в новых калмыцких реалиях XVIII в.

К середине XVIII в. экономические отношения в Калмыкии претерпели существенные изменения. В составе России калмыки постепенно стали участниками новых торгово-экономических отношений, осваивали иные виды хозяйствования. Так, в отдельных местностях калмыки стали работать на рыбных и соляных промыслах Прикаспия и Нижней Волги. Некоторые представители калмыцкой знати осуществляли земледельческие опыты в

³⁶¹ Голстунский К.Ф. Указ. соч. С.60-61

своих владениях. Поэтому изменения во внутренней жизни калмыцкого общества требовали таковых в нормативном регулировании.

Ф. Леонтович считал законы (токтолы) Дондук-Даши актами, адресованными калмыкам Дербетовского улуса.³⁶² Для своих выводов Ф.Леонтович использовал сведения академика П. Палласа, исследовавшего калмыцкие земли в составе академической экспедиции после исхода 1771 г. П.Паллас скрупулезно изучил статьи Великого Уложения 1640 г. и дополнений Дондук-Даши. Токтолы Дондук-Даши П. Паллас считал функционировавшими лишь у дербетов. Безусловно, это заключение является неверным, поскольку токтолы хана Дондук-Даши действовали для всей Калмыкии.

Точной даты принятия законов Дондук-Даши нет. Профессор К.Голстунский время утверждения этих законов относит на ранние годы его правления: 1741–1753 гг.,³⁶³ хотя оснований для подобного вывода он не приводит. По мнению Ф. Леонтовича, законы Дондук-Даши действовали не у всех ойратов, а только «для одних калмыков, когда они окончательно вступили в русское подданство».³⁶⁴

В преамбуле к законам Дондук-Даши указывалось, что в их создании принимали участие наиболее известные представители калмыцкой знати. Эти законы были обсуждены на собрании нойонов и духовенства.³⁶⁵ Историк Н.Н. Пальмов полагал, что общей направленностью законов калмыцкого хана являлось уважение к достоинству личности, кем бы она не являлась по своему социальному статусу.³⁶⁶

В законах Дондук-Даши была детализирована ответственность за неявки для участия в военном походе, за дезертирство и самовольное нападение. Токтолы устанавливали различные меры взысканий за подобные

³⁶² Леонтович Ф.И. Указ. соч. С.19.

³⁶³ Голстунский К.Ф. Указ. соч. С.13.

³⁶⁴ Леонтович Ф.И. Указ. соч. С.19.

³⁶⁵ Голстунский К.Ф. Указ. соч. С.60-61.

³⁶⁶ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа ... С. 82.

преступления для различных социальных групп. Законы Дондук-Даши вводили ответственность за нарушение границ кочевий, за невыполнение указаний зайсангов, за невыполнение повинностей по предоставлению подвод гонцам (элчи). Отдельно законодатель выделил преступления против порядка судопроизводства и правосудия, к которым относились лжесвидетельство, сокрытие преступлений, тайное примирение потерпевшего с виновным лицом, злоупотребление судьи.

В указанных законах вводилась ответственность буддийских священнослужителей за нарушение религиозных норм и распитие спиртных напитков. За нарушение религиозных правил ответственность вводилась и для светских лиц. Законодатель обратил внимание на необходимость повышения образованности не только для представителей духовенства и знати, но и для простолюдинов.

В законах Дондук-Даши были разграничены понятия кражи, грабежа и разбоя и введены понятия рецидива и отягчающих обстоятельств. Была несколько изменена сложившаяся практика наказаний: в качестве штрафов стали применяться не только уплата скотом, но и денежные взыскания, чаще предусматривались телесные наказания. Штрафы скотом в законах Дондук-Даши существенно снизились по сравнению с Великим Уложением 1640 г. Принятие законов Дондук-Даши явились следствием изменения условий жизни калмыков в России и обновившейся судебной практики. Вместе с тем вышеперечисленная законодательная традиция калмыков сохранила свою преемственность и после ликвидации Калмыцкого ханства.

В 1822 г. в урочище Зинзили состоялось совещание калмыцкой знати и духовенства с присутствием главного пристава калмыцкого народа А.В. Коханова, результатом которого стали «зинзилинские постановления». Эти постановления, по наблюдению Н.Н. Пальмова, существенно изменяли калмыцкое национальное законодательство.³⁶⁷ В личном фонде Н.Н. Пальмова

³⁶⁷ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа ... С. 127.

в Национальном архиве Республики Калмыкия имеется рукопись его неизданной статьи под названием «Обстоятельства, вызвавшие созыв Зинзилинского собрания в 1822 г.». Главной причиной его созыва, по мнению Н.Н. Пальмова, являлось изложенное в прошении членов калмыцкого Зарго на имя Александра I от 17 июня 1816 г. крайне тяжелое положение калмыцкого народа вследствие «лишения прав, полученных от Павла I и подтвержденных Александром I: наместничество уничтожено, главный пристав подчинен губернатору, в дела калмыков вступает посторонняя власть, не считающаяся с Зарго и вообще не соблюдающая калмыцкие интересы»³⁶⁸. К этому члены Зарго добавили другие жалобы: зимой 1811 г. калмыки направили для войск, находившихся в Грузии, продовольствие, потерпев убытки на 60 тыс. руб., от калмыков требуют ежегодно отправлять значительное число кибиток с убранием и прислугой на Кавказские минеральные воды, калмыцкие земли захватываются донскими казаками и русскими крестьянами, межевые работы на выделенных калмыкам землях идут крайне медленно и небрежно и др.³⁶⁹. В качестве некоторых мер для стабилизации положения дел в калмыцких улусах судьи Зарго предложили произвести «как можно скорее» межевание калмыцких земель и тогда «прекратится захват калмыков в русские суды и содержание их в тюрьмах», назначить местопребывание главного пристава при Зарго в ставке Дербетовского улуса, а не в Астрахани, и, главное, «назначить одного из владельцев, с согласия калмыцкого народа, начальником над калмыками». Вывод Н.Н. Пальмова был следующим: если в 1801 г. наблюдалось соперничество между торгутами и дербетами, «когда против Чучея Тундутова восстали Мукукен и Санжи Убаши с их сторонниками – торгутами», то в 1822 г. обнаружилось разногласие другого рода – кто должен стать во главе калмыцкого управления (калмыцкий владелец или представитель русской власти в Астраханском крае).³⁷⁰ Однако, Зинзилинские

³⁶⁸ НА РК. Ф. Р-145, оп. 1, д. 340, л.1.

³⁶⁹ НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 340. Л.2.

³⁷⁰ НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 340. Л.3 об.

постановления явились лишь последней попыткой калмыцкой знати и духовенства по усовершенствованию калмыцких законов. Между тем, результаты Зинзилинского совещания не были утверждены российской администрацией и совершенствование калмыцкого законодательства на этом прекратилось.

11 марта 1825 г. были приняты «Правила для управления калмыцкого народа», в которых утверждалось, что «все дела духовного и гражданского суда производятся и решаются по древнему их калмыцкому уложению, обычаям и обрядам». В связи с этим Правилами 1825 г. указывалось на необходимость фиксации калмыцких законов и обычаев, их перевода, изучения и издания. Комиссия калмыцких дел, следуя этим предписаниям, составила новое Уложение для калмыков, изменив и дополнив Великое Уложение 1640 г., законы Дондук-Даши и с поправками зинзилинского совещания. В 1827 г. указанный проект нового свода законов для калмыков Комиссией калмыцких дел был представлен к утверждению. Однако и он не был утвержден.

Исследователь В.А. Рязановский, оценивая «зинзилинские постановления», справедливо отмечал, что они были основаны на монголо-ойратских законах 1640 г. и дополнительных указах хана Дондук-Даши, на калмыцких обычаях и буддийском каноническом праве. Проект Комиссии калмыцких дел при составлении проекта нового Уложения для калмыков, по его мнению, были основаны преимущественно на нормах российского законодательства.³⁷¹ На наш взгляд, «зинзилинские постановления» и проект Комиссии калмыцких дел не были утверждены: первый документ – за непризнание российских правовых норм, второй – за недостаточный учет традиционного права калмыков.

Необходимо учитывать, что при разработке правовых актов большое значение имеет массовое правосознание народа. По мнению Н.Ф.

³⁷¹ Рязановский В.А. Указ. соч. С.260.

Медушевской, российский правовой менталитет достаточно устойчив, традиционен и отражает консервативные традиции и обычаи русского народа. Но при этом правовой менталитет обладает относительной динамичностью, исторической изменчивостью и связан с социальными, политическими, экономическими и изменяющимися духовными процессами в стране, отражает базовые правовые ценности.³⁷²

Сказанное правомерно отнести и к калмыцкому законодательству. Правотворчество калмыков было обусловлено потребностями кочевой жизни и основано на практике, поэтому национальному законодательству не был известен ряд понятий, конструкций и институтов. Следовательно, и правовые нормы Великого Уложения 1640 г. мы делим на отрасли весьма условно.

Исследователи, изучавшие памятники калмыцкого права едины в признании, что Великое Уложение 1640 г. вполне реально отражало национальный уклад жизни калмыцкого общества XVII – XVIII вв. В этом своде законов были закреплены бытовавшие в народе обычаи. В связи с этим разрешение частых споров внутри знати, проблемы укрепления воинской дисциплины, необходимость охраны имущества, борьба с угонами скота, вопросы регулирования пользования пастбищами и другие общественные нужды требовали правового закрепления. Также основывалась на народных традициях и нравственности калмыков необходимость материального вознаграждения за добрые услуги и дела. В калмыцком правосознании внедрялись и закреплялись представления о мирном общежитии, взаимопомощи, соблюдения полагавшихся запретов и исполнения необходимых обязанностей.

По справедливому заключению М.В. Немытиной, «культура, формируясь в пределах цивилизации на основе этнической, религиозной, языковой и иных идентичностей, находит выражение и отражение и в

³⁷² Медушевская Н.Ф. Особенности правовой ментальности россиян: аксиологический подход // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С.89-90.

правовых формах»³⁷³. Там же автор резонно полагает, что «право во всех его многообразных проявлениях и формах существования является частью цивилизационной культуры».³⁷⁴

Говоря о менталитете калмыцкого общества, следует иметь в виду, что для кочевых обществ на протяжении средневековой истории по ряду причин (рост населения и поголовья скота, нехватка пастбищ, неясность в вопросах престолонаследия, частые конфликты и др.) свойственны центробежные течения и управлять такими обществами гораздо сложнее, чем оседлым населением. Калмыцкие нойоны и ханы всегда рассчитывали на мобильность своих улусов. При возникновении неблагоприятной ситуации, знать предполагала, что можно в любой момент откочевать на другие территории. Такой правовой менталитет, по мнению Н.Ф. Медушевской, является своеобразным культурным кодом в поведении человека. Такое культурное ядро связано с социокультурными традициями, обладающими устойчивостью.³⁷⁵

Калмыки с ранних времен практиковали так называемое «хищничество», то есть угоны скота, что у них считалось проявлением удальства. Государство пыталось противостоять этому принятыми законами и судебной практикой с целью изменения правосознания населения. Осуществить это было нелегко, так как сами представители знати организовывали своих подвластных на нападения с целью угона скота. Калмыцкое общество, с одной стороны, пыталось установить прочный правопорядок, изменить национальное сознание калмыков, а с другой стороны, набеги обогащали самих владельцев. Поэтому, будучи в составе России, калмыки стали совершать набеги на соседние народы, не входившие в состав России.

³⁷³ Немытина М.В. Цивилизационно-культурный подход ... С. 34.

³⁷⁴ Там же. С. 30.

³⁷⁵ Медушевская Н.Ф. Указ. соч. С.92.

Великое Уложение 1640 г. и последующие его дополнения Галдана и Дондук-Даши вполне отразили правосознание и менталитет калмыцкого народа, а также играли важную роль в их дальнейшем формировании и коррекции. В указанных правовых нормах калмыков отражалась ментальность народа, которая является, по справедливой оценке М.В. Немытиной, обобщенным опытом развития нескольких веков.³⁷⁶ Безусловно, влияние правовых норм на общественное правосознание проявляется в том, что юридические акты придают обязательность применения правовым взглядам, зародившимся в общественном сознании. Последние, получив нормативное выражение в государственном правовом акте, обретают авторитет государственной воли, что позволяет им занимать важное место в развитии правосознания. В связи с этим особенности, традиции и обычаи народа прочнее укрепляются в сознании индивидов и становятся нормами поведения.³⁷⁷

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении источники и научная литература позволяют нам прийти к следующим выводам. Калмыцкие ханы или наместники ханства обладали высшей судебной властью у калмыков до ликвидации ханства в 1771 г., поскольку они обладали правом отменять или утверждать решения центрального Зарго по наиболее важным делам. Нойоны-владельцы улусов исторически обладали такими же полномочиями в пределах своих территориальных образований, в которых действовали свои улусные суды Зарго. Представители зайсангов, как правило, являлись судьями и советниками в указанных калмыцких судебных органах и занимали важное место в судебной системе ханства. Вместе с тем, нойоны и зайсанги играли ключевую роль в рамках своих улусов и аймаков в осуществлении процесса исполнения судебных решений. В соответствии с традициями, как и у многих

³⁷⁶ Немытина М.В. Право России как интеграционное пространство ... С. 67.

³⁷⁷ Свечникова Л.Г. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы (на материалах юридической и этнологической наук). // Государство и право. 1998. №9. С.102.

других народов, у калмыков судебные полномочия по религиозным и семейно-брачным делам принадлежали духовенству.

С конца XVIII в. происходило постепенное реформирование центрального Зарго преимущественно по инициативе российской администрации. Для обеспечения большей независимости судей их стали назначать от всех улусов, пропорционально населению. После ликвидации Калмыцкого ханства стал действовать реорганизованный суд Зарго, состоявший теперь уже из трех судей, а его решения имели совещательное звучание для астраханского губернатора. Естественно, из-за этого обстоятельства судебная роль Зарго была значительно снижена. Суд Зарго в составе восьми судей был восстановлен в 1800 г., когда на недолгое время было воссоздано Калмыцкое ханство (до 1803 г.). Зарго, как и прежде, рассматривал дела на основании калмыцкого законодательства и обычаев.

По «Правилам для управления калмыцкого народа» 1825 г. центральный суд Зарго рассматривал дела с иском до 400 руб. и являлся, как и ранее, апелляционной инстанцией по решениям улусных Зарго. Зарго рассматривал имущественные споры до 400 руб., улусные Зарго – до 200 руб. Судебные полномочия получил по правилам 1825 г. образованный на короткое время новый административный орган - Комиссия калмыцких дел. По уголовным преступлениям полномочия суда Зарго ограничились узким кругом наиболее распространенных для калмыков дел: кражи скота и иного имущества, а также самовольный уход от владельцев. Все остальные уголовные дела подлежали рассмотрению российских судебных инстанций. Был также сохранен в правилах 1825 г. традиционный перечень дел, находившихся в подсудности буддийского духовенства.

В соответствии с «Положением об управлении калмыцким народом» 1834 г. роль центрального Зарго существенно повысилась как высшей судебной инстанции для калмыков по всем гражданским, семейным и уголовным делам в силу устойчивости национальных судебных традиций. Теперь уже решения Зарго могли быть обжалованы в Сенате. За Астраханским

военным губернатором было закреплено право утверждения судебных приговоров по уголовным делам, которые было рекомендовано рассматривать по российскому законодательству. Гражданские, религиозные и семейные дела рассматривались Зарго и духовенством на основании «древних калмыцких постановлений».

По «Положению об управлении калмыцким народом» 1847 г., введившего новую, попечительскую форму управления астраханскими и ставропольскими калмыками, центральный Зарго был упразднен с передачей его функций астраханской палате уголовного и гражданского суда. Улусные суды, действовавшие в рамках традиционных калмыцких норм, стали рассматривать имущественные споры с незначительным иском до 30 руб., а также мелкие уголовные дела. В этом значительно сокращенном по функциональным полномочиям институт национального суда Зарго действовал до 1917 г. Таким образом, процесс вовлечения калмыков в орбиту действия российской судебной системы был наиболее активен во второй четверти XIX в., в период утверждения системы попечительской опеки в Калмыцкой степи.

Порядок проведения следствия, поиска доказательств, осуществления суда – все эти действия регулировались калмыцкими традиционными нормами права, которые в описаниях и свидетельствах российских чиновников XIX в. нередко оценивались как архаичный недостаток. Кочевой образ жизни, приверженность к народным традициям и обычаям, особый менталитет калмыков отразились на судебном процессе калмыков. Поэтому система судопроизводства для самих калмыков представлялась вполне эффективной.

Что касается национальных правовых норм, то они в форме утвержденного закона начали свое развитие с Великой Ясы Чингис-хана, обязательного к исполнению на просторах евразийских степей, в том числе у ойратов, входивших в состав Монгольской империи. Дальнейшее развитие калмыцкого законодательства продолжилось утверждением на съезде монгольской и ойратской знати в 1640 г. Великого Уложения 1640 г.,

известного также под разными наименованиями: Ики Цааджин Бичиг, Их Цааз, Степное Уложение, Монголо-ойратские законы. Данные законы были основаны на законотворческом опыте монгольских народов и их народных обычаях и применялись у калмыков до 1917 г. Нормы Великого Уложения 1640 г. были признаны российским правительством в качестве основного закона в судебной практике у калмыков. Этот закон 1640 г. регулировал все внутренние отношения в калмыцком обществе, уголовные, гражданские, семейные и иные правоотношения. Помимо этого, Великое Уложение 1640 г. также определяло отношения у всех монгольских народов, включая ойратов, порядок рассмотрения у них всех уголовных и гражданских дел, семейных и наследственных споров.

Джунгарский правитель Галдан Хун-Тайджи (Галдан Бошокту-Хан) и калмыцкий хан Дондук-Даши утвердили в разное время свои законы, действовавшие в калмыцких улусах, явившимися дополнениями к Великому Уложению 1640 г. и усовершенствовавшие калмыцкое национальное законодательство. Эта законодательная традиция была продолжена в 1822 г.: калмыцкая знать и духовенство собрались на съезд в урочище Зинзили, на котором были приняты новые нормы, призванные дополнить калмыцкое национальное законодательство, именуемые в научной литературе «зинзилинскими постановлениями». Эти предложенные дополнения учитывали произошедшие к данному периоду изменения в калмыцких улусах, однако зинзилинские постановления не были утверждены российским правительством. На этом национальная законодательная традиция в плане разработки своих калмыцких законов прекратилась, однако нормы калмыцкого законодательства устойчиво действовали в повседневной жизни общества и в практике деятельности улусных судов Зарго и судов буддийского духовенства до 1917 г.

2.4. Калмыцкое ханство как государственное образование

Россия издавна являлась многонациональным государством. Различные народы со своей цивилизационной и социокультурной спецификой интегрировались в Российское цивилизационно-культурное пространство и мирно сосуществовали. Россия постепенно инкорпорировала новые территории, используя различные варианты устройства регионов с учетом их общественно-политического, экономического и культурного развития.³⁷⁸ Одним из этих примеров стала часть ойратов, переселившаяся в Россию в начале XVII в. и получившая название «калмыки». При этом в середине указанного столетия сложилась Калмыцкое ханство на юге России, существовавшее до 1771 г. Дата образования калмыцкой государственности является достаточно дискуссионным вопросом. Профессор М.Л. Кичиков, автор монографии «Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование Калмыцкого государства в составе России» (1966 г.), является пионером в этой области, определивший в качестве времени образования Калмыцкого ханства середину XVII в. Это же мнение он повторил во 2-м сокращенном издании этой книги под названием «Образование Калмыцкого ханства».³⁷⁹ М.Л. Кичиков подтверждает свое мнение тезисами об определении территориальных границ Калмыцкого ханства, достижением необходимого уровня централизации власти в руках хана, появлением здесь первых органов власти.³⁸⁰ Основателями Калмыцкого ханства, по его мнению, стали торгоутский тайша Дайчин (Шукур-Дайчин) и его сын Мончак, возглавлявшие наиболее крупную группировку калмыцких улусов.

М.Л. Кичиков отмечал, что в 1655–1657 гг. были подписаны шерти (договоры о подданстве), по которым была установлена территория

³⁷⁸ Красняков Н.И. Интеграция среднеазиатских территорий в систему национально-регионального управления Российской империи (XIX в.) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2022. Т.21. №1: История. С. 65.

³⁷⁹ Кичиков М.Л. Образование Калмыцкого ханства ...

³⁸⁰ Там же. С.65.

калмыцких кочевий: «кочевать по крымской стороне до Царицына, а по ногайской стороне - до Самары». В зимние сезоны калмыкам разрешалось кочевать в мочагах (низменные места в дельте Волги) или «иных местах».³⁸¹

Со ссылкой на письмо астраханского воеводы в Посольский приказ в 1633 г., М.Л. Кичиков привел слова Дайчина, сказанные им во время переговоров с ногайскими и едисанскими мурзами: «А отец ево Урлюк тайша в их землях царь, да и он де Дайчин тайша вскоре учиниться царь же».³⁸² По мнению М.Л. Кичикова, Дайчин стал первым объединителем калмыков.³⁸³

Активная военная деятельность Дайчина позволила калмыкам занять обширную территорию Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья. Находившиеся здесь большинство ногайцев и туркмен были вынуждены переселиться западнее и южнее, частично – войти в состав калмыцких улусов. П.С. Преображенская отметила, что «когда Дайчин был главным тайшой, он действовал более осторожно и предусмотрительно, чем иные тайши, для которых успешный военный набег зачастую был самоцелью. Дайчин не мог не осознавать, что ссора с Россией способна нанести большой вред калмыкам, а дружба и мирные взаимоотношения с сильным пограничным государством сулят определенные выгоды».³⁸⁴

По мнению М.Л. Кичикова, Калмыцкое ханство было легитимизировано признанием российских властей: Мончака они считали руководителем калмыков и наделили его символами власти – «серебряной с позолотой, украшенной яшмами, булавой и белым с красной каймой царским знаменем», а также одарили ценными подарками.³⁸⁵

В отличие от М.Л. Кичикова П.С. Преображенская в указанной выше статье придерживалась иного мнения, считая, что упомянутые символы власти

³⁸¹ Там же. С.88.

³⁸² Там же. С.95.

³⁸³ Там же. С. 101.

³⁸⁴ Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений. // Вопросы истории. 1968. №8. С.58.

³⁸⁵ Кичиков М.Л. Образование Калмыцкого ханства ... С. 110.

являлись не более чем подарком за активные военные действия калмыков против Крымского ханства, а Дайчин и Мончак были всего лишь одними из влиятельных калмыцких тайшей.

Обративший внимание на гипотезы М.Л. Кичикова и П.С. Преображенской о времени становления Калмыцкого ханства М.М. Батмаев придерживается мнения последней о том, что Калмыцкое ханство сформировалось несколько позже, в конце XVII в. или даже в начале XVIII в. при хане Аюке. М.М. Батмаев полагает, что для становления государственности народа важно не только определение внешних границ, но и создание государственного аппарата. В 50-60-е годы XVII в., по его мнению, аппарат государства в калмыцких улусах еще не был сформирован, поскольку все еще происходило заселение калмыками правого берега Волги. Необходимо было определить внутреннее административное устройство, определить места кочевий всем улусам, сформировать аппарат управления. Территория описывалась только в общих чертах и официально не была зафиксирована.³⁸⁶ В связи с этим М.М. Батмаев считал, что внутреннее устройство и аппарат ханства были сформированы только в конце XVII – начале XVIII в.³⁸⁷

Калмыцкие улусы, находившиеся во владении нойонов, можно назвать определёнными государственными образованиями. Эти улусы, или объединения улусов, имели свои традиционные институты публичной власти (институт суда Зарго, институты нойонов и зайсангов, аппарат, осуществлявший руководство аймаками и хотонами, осуществлявшими сбор податей и др.) и правителей в лице тайшей или нойонов с полагающимся советом, состоявшем из приближенных лиц. Поэтому внутренние условия для создания ханства в калмыцких улусах имелись сразу же с определением своей территории в Прикаспии. Что касается правобережья Волги, по мнению М.М. Батмаева, только заселявшегося калмыками в середине XVII в., то этот факт

³⁸⁶ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках ... С. 98-99.

³⁸⁷ Там же. С. 99.

не может отрицать становления ханства в этот период. Основной территорией Калмыцкого ханства, где проживало большинство его населения, являлось междуречье рек Эмбы, Яика и Волги (сегодня это территория западного Казахстана). При этом следует учитывать, что границы государств кочевников, как правило, являлись прозрачными, зачастую без точной фиксации. Поэтому расширение территории кочевников с большей эффективностью происходило в результате запланированных действий государства. Уже в середине XVII в., по нашему мнению, имелись предпосылки для образования государственности. Необходимо было объединить все улусы в одно ханство. Естественно, что такое объединение могло происходить постепенно, тем более, что не все нойоны желали признавать власть единого правителя. Подобное происходило в калмыцких улусах во второй половине XVII – XVIII вв., когда те или иные группировки откочёвывали за пределы Калмыцкого ханства в другие регионы России. Даже в период наибольшей централизации власти в Калмыцком ханстве при Аюкехане откочевал в Джунгарию его сын Чакдоржап со своим улусом, впоследствии вернувшийся обратно. Подобные факты являлись довольно распространёнными в государствах кочевников. Поэтому Дайчин и его сын Мончак, будучи лидерами калмыцкого общества в середине XVII в., не сразу были признаны всеми местными правителями.

Со ссылками на сочинение калмыцкого летописца Габан Шароба М.М. Батмаев привел пример о том, что когда Далай-лама прислал Дайчину грамоту и печать на ханское достоинство, последний проронил: «Подобных мне имеется много и потому мне ханом быть не можно».³⁸⁸ Хотя во многих документах, в том числе своих письмах, Дайчин называет себя ханом.

Образование Калмыцкого ханства в составе России необходимо рассмотреть с позиции анализа социально-экономических и политических

³⁸⁸ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках ... С.101.

условий в калмыцком обществе в XVII в.

Административно-территориальное устройство калмыцких кочевий традиционно состояло из улусов, а улусы – из аймаков. Улусами наследственно владели нойоны, аймаки управлялись, как правило, наследственными зайсангами. Аймаки состояли из хотонов во главе с хотонными старостами, которыми являлись простолюдины, реже – зайсангами. Хотон являлся небольшим объединением кровнородственных семей в количестве не более 15 семей (кибиток). Нойоны являлись владельцами улусов. Некоторые нойоны, владевшие большими по численности населения улусами, назывались «ики нойон» (дословно большой нойон), а также могли иметь титул «тайши» китайского происхождения. Иногда их называли «хошучи», что означало «руководитель хошуна».

В XVII веке наиболее крупные объединения ойратов и монголов назывались «тангч». Этим термином обозначалось «государство». Во главе подобных государственных образований (тангч) находились наследственные правители, носившие титул «хунтайджи» (в русских источниках того времени «контайша»), что означало «хан».

Калмыки, поселившиеся в Поволжье, образовали своё государство в составе России. Калмыцкие владельцы для укрепления своего авторитета и влияния старались создать для себя ореол святости в сознании подвластного населения: хошоутовские нойоны доказывали свое происхождение от Чингис-хана, торгоутские правители – от кереитского Ван-хана, джунгарские и дербетские владельцы считали свое происхождение небесным.

В конце XVI – начале XVII в. монголы и ойраты приняли буддизм, хотя первые факты его принятия относятся к более раннему периоду. Калмыцкая знать являлась инициатором принятия своими подвластными людьми буддизма, способствовала деятельности буддийского духовенства, всемерно увеличивало его ряды привилегиями, освобождая от уплаты повинностей. Духовенство и монастыри получали от калмыцких князей земельные пожалования и зависимых людей - шабинеров. Так образовалось у калмыков

влиятельное сословие буддийского духовенства, которое, по мнению академика В.Я. Владимирцова, легитимизировало высокий статус калмыцкой знати тем, что они стали владельцами за добрые дела в прошлых перерождениях.³⁸⁹

Калмыки-простолюдины находились в личной зависимости от своих нойонов, что являлось естественным для кочевых обществ. Нередкими являлись случаи откочевки подвластных от своих владельцев, в данном случае, с конца XVII в. в другие регионы России, преимущественно к донским казакам.

Скот составлял главное богатство калмыков. Большая часть скота находилась в собственности сравнительно небольшой группы калмыцкой знати (хозяйства нойонов и зайсангов). Нойоны были вправе распоряжаться пастбищными территориями, которые играли важную роль в условиях кочевого скотоводства. Особенность землепользования калмыков, как и всех кочевых народов, заключалась в коллективном владении пастбищами, строгом распределении их на зимние и летние, в установлении порядка пастбищеоборота в аридных степях.

В связи с ростом поголовья скота у ойратов на рубеже XVI – XVII вв. обострилась земельная теснота, что привело к участвовавшим конфликтам между отдельными правителями. Кризисную ситуацию в Джунгарии дополняли военные неудачи в стычках с восточномонгольскими владельцами и тюркскими соседями. Часть ойратских правителей видела выход из этой ситуации в откочевке на новые территории. Их взоры были обращены в сторону малозаселенных российских территорий: иртышские, ишимские и тобольские степи, которые нередко ойратами использовались в качестве летних пастбищ. Постепенно калмыки, пройдя по относительно свободному коридору через степи Приуралья, вытеснив ногайцев, заняли степи Прикаспия и Нижней Волги.

³⁸⁹ Владимирцов В.Я. Указ. соч. С.184-185.

Сам процесс вхождения и принятия российского подданства являлся сложным и продолжительным. Начало переселения калмыков, бесспорно, относится к последней четверти XVI в. Впервые калмыки (так ойратов с самого начала называли в русских документах) были упомянуты в грамоте Ивана IV на имя купцов братьев Строгановых в 1574 г.: он приказывал им осуществлять беспошлинную торговлю с прибывавшими в сибирские крепости торговцами с товарами, в том числе, с калмыками.³⁹⁰ В 1590-е годы калмыки, главным образом, этнополитические объединения торгоутов и дербетов, стали постоянными обитателями западно-сибирских степей.

Возникшие русско-калмыцкие отношения перешли в стадию официальных договоров с 1606 г., когда в г. Тару прибыл посланник торгоутского правителя Хо-Урлюка. Эта миссия К. Бурулдуева закончилась неудачей, так как тарский воевода через своих посланников не смог убедить Хо-Урлюка принять российское подданство. Русско-калмыцкие переговоры 1607-1608 гг., прием калмыцких послов царем В. Шуйским и приведение к шерти (этим тюркским словом, означавшим присягу или клятву, стали именовать присягу о российском подданстве нехристианского населения) ряда ойратских правителей обусловили появление грамоты на имя тарского воеводы в 1609 г., обращенной ко всем калмыцким этнополитическим объединениям, об условиях российского подданства. Этот год признан всеми как дата вхождения калмыков в состав России, хотя процесс упорядочения русско-калмыцких отношений продлился всю первую половину XVII в. и завершился подписанием шертей 1655 – 1657 гг. Калмыкам были пожалованы земли Северного Прикаспия (междуречье Эмбы, Урала и Волги), за что они обязывались участвовать в войнах с внешним врагом на стороне России.

Поскольку калмыки-кочевники нуждались в продукции оседлых народов, требовалось установить торговые отношения с соседними городами и поселениями. На российских рынках калмыки сбывали свою продукцию

³⁹⁰ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С.258.

животноводства. Взамен калмыки приобретали изделия из металлов, зерно, соль и другие товары. Приняв российское подданство, калмыки получили право беспошлинной торговли. Поэтому, почти сразу были установлены торговые связи с российскими городами и селениями.

Создание собственной государственности в результате добровольного вхождения в состав России в советский период трактовалось как следствие определения своей территории, складывания калмыцкой народности и как метод обеспечения власти национальной знати. В целом такая схема становления государственности у кочевников вполне укладывалась в рамки марксистской методологии. Однако такое упрощение многосложного процесса не дает полной картины реального многообразия причин образования Калмыцкого ханства.

Во-первых, к социально-экономическим причинам следует отнести необходимость централизованного регулирования пастбищ во избежание межэтнических конфликтов и столь же централизованной и прочной системы торговых связей с соседями, поскольку монопольное существование единственной отрасли (скотоводство) у кочевников не могло обеспечить удовлетворение жизненных потребностей. Прежняя практика средневековых набегов кочевников на поселения оседлых народов для обеспечения своих потребностей в новое время практически канула в прошлое, иногда возникая в виде рудиментарных случайных явлений. К социальным предпосылкам калмыцкой государственности, на наш взгляд, также можно отнести необходимость стабилизации в отношениях между этнополитическими и социальными группами.

Во-вторых, важное место среди причин образования Калмыцкого ханства занимает необходимость сохранения собственной уникальной идентичности калмыков в окружении народов, совершенно отличающихся от них в расовом, антропологическом, лингвистическом, культурном и конфессиональном отношении. Также следует признать огромную роль имевшихся у калмыков традиционных институтов публичной власти,

сложившихся в монгольскую эпоху и усовершенствованных в ойратский период. Их наличие позволило обеспечить организованное переселение калмыков в Россию и договорные отношения с российскими властями. В конечном итоге, именно эти традиционные институты позволили достаточно быстро создать собственное ханство в российском Прикаспии. Для этого требовалось сосредоточение власти в руках одного деятельного правителя, который представлял бы всех калмыков не только в отношениях с российским правительством, но и с другими государствами. Таким объединителем калмыков являлся Дайчин, сын торгоутского правителя Хо-Урлюка. Решающее значение имела деятельность дербетского нойона Солом-Церена, ставшего сподвижником будущего хана. Дайчин также признал своими вассалами ногайских, едисанских, туркменских, алтыульских и других мурз, присоединившихся к калмыкам. Поскольку имелись прочные связи с другими ойратскими государствами (Хошоутское и Джунгарское ханства), то нельзя исключать резонность небесспорного мнения Б.У. Китинова о создании Калмыцкого ханства в середине XVII в. в рамках третьей ойратской конфедерации.³⁹¹

Процесс формирования калмыцкой государственности в форме ханства поддерживался российскими властями. Российское правительство было заинтересовано в привлечении калмыков к военной службе и обороне южных границ, поскольку в середине XVII в. обострились отношения с Турцией и Крымским ханством. Поэтому российское правительство начинает активнее привлекать калмыков к военной службе. Так в 1650 г. правительство способствовало заключению военного союза донских казаков с калмыками для борьбы с Крымским ханством. Профессор Н.Н. Пальмов отмечал, что Дайчин централизацию власти считал единственным спасением.³⁹² Ф. Бюллер

³⁹¹ Китинов Б.У. Указ. соч. С.35.

³⁹² Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа ... С. 17.

полагал, что «покровительство русского правительства должно было принести Дайчину выгоды и становилось почти необходимостью».³⁹³

Тибет и Далай-лама имели для калмыков-буддистов, безусловно, сакральное значение. В связи с этим нам представляется правильным считать исходной точкой Калмыцкого ханства 1647 г., когда Дайчин-хану была вручена грамота Далай-ламы о ханском достоинстве, и этот титул калмыцкого правителя был признан рядом восточных соседей и ойратскими правителями. Хотя процесс признания ханства российскими властями состоялся гораздо позже.

Добившись единовластия, Дайчин передал своему преемнику Мончаку всю власть и в 1664 г. по причине старости удалился с политической арены. Со временем активное участие первого калмыцкого хана в политической жизни общества прекратилось и все бразды правления перешли к Мончаку. Последний стал активно участвовать в военных походах против недругов России, за что поддерживался российским правительством. За военную службу калмыкам было разрешено кочевать на территории Придонья.

В книге М.Л. Кичикова отмечен следующий факт: «За верную службу России Мончак и его сподвижники получили от правительства России благодарственную грамоту: «А ныне нам, великому государю, ведомо учинилось, что ты ж, Мончак тайша, служа нам, ... послал на Крымского хана и на его улусы своих калмыцких людей войною, и мы, ... за твою к нам ... верную службу и послушанью жалуем тебя, милостиво похваляем».³⁹⁴

В 1664 г. российское правительство официально признало Мончака ханом и наделило его символами государственной власти – «царским знаменем с серебряной с позолотой, украшенной яшмами, булавой и белым с красной каймой», а также ценными подношениями.³⁹⁵ Булава являлась символом власти, а знамя должно было олицетворять общность

³⁹³ Бюллер Ф.А. Кочующие и оседло живущие ... С.15.

³⁹⁴ Кичиков М.Л. Образование Калмыцкого ханства ... С.109.

³⁹⁵ Там же. С. 110.

государственных интересов русских и калмыков. Шертями 1655–1657 гг. были решены и уточнены территориальные вопросы, и с получением царской булавы и знамени процесс образования Калмыцкого ханства официально завершился.

Российское государство признало калмыцкие национальные институты публичной власти и предоставило калмыкам право самостоятельного пользования выделенными землями. Калмыки были обязаны нести военную службу. Все это обеспечило калмыкам автономное существование в российской многонациональной стране.

Неблагоприятно сложившиеся для России международные отношения в середине XVII в. и нехватка вооруженных сил потребовали участия калмыцких войск в борьбе против Османской империи и Крымского ханства. За активное участие калмыков на этом фронте царские власти увеличили территорию калмыцких кочевий за счет придонских степей, разрешили им беспощадную торговлю в городах и широко практиковали выдачу жалованья и подарков калмыцким владельцам.

В торгоутских улусах проживало подавляющее большинство калмыцкого населения. Естественно, что во главе калмыков утвердилась торгоутская династия калмыцких ханов, первым из которых был Дайчин-хан. Третьим ханом после Мончака стал его сын Аюка-хан, которому удалось подчинить некоторые калмыцкие улусы, бывшие до этого самостоятельными. При хане Аюке усовершенствовалась система податей и повинностей, был определен строгий порядок судопроизводства и упорядочено комплектование общекалмыцкого войска и т.д. В период правления Аюки-хана (1672 – 1724 гг.) были упорядочены функции высшего судебного и административного органа Калмыцкого ханства – центрального Зарго.³⁹⁶ В 1690 г. Аюка-хан принял присланную грамоту о признании ханского статуса от Далай-ламы. В связи с этим у калмыков утвердилось мнение, что действительным ханом

³⁹⁶ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках ... С.103-104.

может считаться получивший благословение на этот пост от Далай-ламы. В такой ситуации назначение или признание калмыцкого хана со стороны российского правительства считалось кратковременной и необходимой мерой.³⁹⁷ Хану Аюке удалось также существенно уменьшить имевшую место разобщенность некоторых калмыцких владельцев. Успехи Аюки-хана во внутренней политике в период его долгого правления (1672–1724 гг.) расценивались многими как «блестящий период развития политической жизни калмыков в пределах России».³⁹⁸ Н.Н. Пальмов отзывался об Аюке как талантливом политике и руководителе.³⁹⁹

На самом деле, взаимоотношения российских властей и калмыцкого хана были достаточно сложными. В своих отношениях с калмыцкой правящей знатью российское правительство требовало неукоснительно соблюдать обязательства, указанные в шертях. Эти же требования были предъявлены Аюке во время переговоров 1672–1673 гг. Калмыцкие тайши вместе с Аюкой дали шерть в феврале 1673 г., по которой обязывались «быть в вечном подданстве и послушании», не совершать набеги на русские селения, не заключать союзы с неприятелями России, направлять войска по требованию правительства⁴⁰⁰. Правительство России гарантировало возврат беглых калмыков, выдачу жалованья за военную службу и дополнительное вознаграждение за отправку войск. Всему калмыцкому народу гарантировалось свободное пользование выделенными им территориями.⁴⁰¹

³⁹⁷ Там же. С. 104.

³⁹⁸ Архимандрит Гурий. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Том. 1, часть 1. Калмыки. Казань, 1915. С. 184.

³⁹⁹ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа ... С.29.

⁴⁰⁰ Запись шертная Калмыцкого Таити Аюкая Мончакова с товарищи, данная на съезде за Волгою при речке Соляной, в присутствии Боярина и воеводы Князя Якова Одоевского с товарищи. - О подданстве его Российскому Государю, о бытии ему в походах противу неприятелей России, нечинении разорения Российским городам и людям и непринимании к себе улусы Государевых холопей Нагайских, и Едисакских, и Юртовских Мурз и Татар. Февраля 27, 1673 г. // Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Памятники права калмыков. - Элиста – Ростов/нДону: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. С. 188-194.

⁴⁰¹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С.357.

Вскоре принятые на себя обязательства калмыцкие правители стали нарушать. Временами они совершали набеги на соседние уезды. С 1675 г. участились столкновения с башкирами, донскими и яицкими казаками. Поэтому в 1677 г. Аюка-ханом была подписана новая шерть при участии астраханского воеводы К.О. Щербатова⁴⁰². В шерти повторялись положения прежних договоренностей, при этом делалась попытка установить контроль за внешнеполитической деятельностью калмыцкого правителя. Предписывалось все письма крымского хана отправлять астраханским воеводам. Запрещалось посылать без ведома правительства послов в другие страны и отвечать на их письма.⁴⁰³

Шерти 1673 и 1677 гг. показывают, что правительство России в отношениях с Калмыцким ханством преследовало свои цели: осуществление калмыками военной службы, существенное ограничение внешнеполитических связей калмыцких правителей и отдельных тайшей, установление добрососедских отношений с российским населением.

Поведение калмыцких тайшей до 80-х гг. XVII в. было удовлетворительным и не требовало принятия в их отношении особых мер. Обстановка изменилась с 1680 г., когда отдельные тайши во главе с Аюкой пошли на сближение с Крымским ханством и начали период открытого неповиновения и проведения самостоятельных внешнеполитических акций.

Стремясь укрепить русско-калмыцкие отношения, российское правительство запретило воеводам соседних с калмыками городов, а также казакам, враждовать с калмыками. Управление калмыцкими делами было закреплено за Посольским приказом. Параллельно началась подготовка новой шерти, которую Аюка должен был дать под Астраханью.

Реализация планов правительства облегчалась тем, что Аюка из-за столкновений с башкирами и казаками попал в трудное положение, и сам

⁴⁰² Шертная запись от 15 января 1677 (1677) года // Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Памятники права калмыков. - Элиста – Ростов/нДону: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. С. 194.

⁴⁰³ Колесник В.И. Последнее великое кочевье ... С.104.

обратился к воеводе М.С. Пушкину с предложением дать новую шерть, с помощью которой надеялся урегулировать осложнившиеся отношения. В начале 1681 г. калмыцкие владельцы подписали еще одну шерть, подтвердившую основные условия прежних шертей.⁴⁰⁴

Но и эта шерть не смогла улучшить сложные русско-калмыцкие взаимоотношения. В Москву продолжали слать депеши с жалобами на постоянные конфликты калмыков с соседями. В декабре 1682 г. из-за столкновений с казаками Аюка-хан вступил в переговоры с астраханским воеводой, соглашаясь на очередное шертование. Однако в марте 1683 г. переговоры прекратились, так как на Яике калмыцкие заставы были атакованы башкирами, и Аюка-хан начал собирать войско для похода против башкир.⁴⁰⁵

Российское правительство, обеспокоенное этой ситуацией, направило калмыцкому хану грамоту, по которой вина Аюки-хана в нападениях на казаков снималась и калмыкам было разрешено кочевать без опасений по берегам Волги. Однако нападения на калмыцкие улусы со стороны яицких и донских казаков продолжались. Астраханский воевода А.И. Голицын пытался убедить Аюку, что эти нападения происходят без разрешения правительства.

В январе 1684 г. калмыцкая знать с Аюка-ханом дали новую шерть на «вечное и верное подданство». При этом калмыцкий хан позиционировал себя, как независимый правитель, отказавшись предоставить заложников в качестве гарантии соблюдения договоров, как это было принято раньше, заверив, что будет верно служить и без них. На требование вернуть награбленное и наказать виновных Аюка ответил, что он разыщет виновных, как только российские власти накажут нападавших на его улусы. И так каждое требование российских властей парировалось контрпредложениями калмыцких тайшей. Вместе с тем, Аюка-хан и калмыцкие тайши согласились на предложение возврата пленных и выселения башкир, пришедших на

⁴⁰⁴ Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. С. 70.

⁴⁰⁵ Там же. С.75-76.

территорию ханства во время башкирского восстания 1681–1683 гг.⁴⁰⁶ Надо иметь в виду, что, воспользовавшись этим восстанием, Аюка-хан с многочисленным калмыцким войском пытался принудить башкир к выходу из состава России и присоединению к Калмыцкому ханству. Это свидетельствует о претензиях калмыцкого хана на роль правителя независимого государства. В шертной записи, данной в 1683 г., Аюка-хан фигурирует в качестве сюзерена ряда ногайских образований – едисанских, джамбулукских и др.⁴⁰⁷

В целом в конце XVII в. сложные русско-калмыцкие отношения потребовали принятия четырех шертных грамот, которые все же не стали надежным гарантом в урегулировании этих отношений. На характер русско-калмыцких отношений в это время во многом влияли сложившиеся обстоятельства. Вторая половина XVII в. была отмечена рядом войн России, в том числе с Турцией и Крымом. И здесь калмыцкая конница оказала большую помощь. Несмотря на некоторые трения, калмыцкие тайши исправно посылали на войны своих людей, а это смягчало позиции российского правительства по отношению к ханству.

Правительство учитывало, что по соседству с калмыками проживал ряд народов, которых было желательно принять в русское подданство. В связи с этим российские власти предоставляемыми преимуществами демонстрировали своё лояльное отношение к калмыцкой знати, должное стать примером правящим слоям соседних народов о выгодах в случае вхождения в состав России. Известна грамота Петра I к кабардинским князьям от 4 марта 1711 г., в которой указывалось: «Ежели будете у нас в подданстве, то не токмо с вас никаких податей требовать не будем, но и погодное вам жалованье давать определим, как то получает от нас подданный наш Аюка».⁴⁰⁸ Кстати, именно Аюка-хан взял на себя посредничество в русско-кабардинских переговорах.⁴⁰⁹

⁴⁰⁶ Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках ... С. 140-141.

⁴⁰⁷ Почекаев Р.Ю. Из вассалов в сюзерены: Российское государство и наследники Золотой Орды. СПб.: Евразия. 2017. С. 151.

⁴⁰⁸ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней... С.362.

⁴⁰⁹ Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время ... С. 225-226.

Пограничное положение Калмыцкого ханства также оказывало влияние на русско-калмыцкие отношения, поскольку тайши не раз указывали, что в случае нежелательных действий со стороны российского правительства, они могут уйти в новые земли, либо вернуться в Джунгарию.

А.В. Цюрюмов называл отношения между калмыками и российским правительством отношениями политического сюзеренитета-вассалитета, определенным протекторатом России над калмыцкими улусами.⁴¹⁰ По мере того, как территория калмыцких кочевий превращалась из приграничной во внутреннюю, происходит изменение геополитического положения калмыцких кочевий. Это повлекло за собой изменение государственной политики России в отношении калмыков. Российское правительство взяло курс на унификацию системы управления калмыцким обществом.⁴¹¹

Аюка-хан был талантливым и дальновидным политиком и понимал, что политика конфронтации с российским правительством приведет к большому военному столкновению и существенному ограничению его самостоятельности внутри ханства. Поэтому после шерти 1684 г. Аюка старался не конфликтовать с правительством и местной администрацией, исполняя договоренности. А все свои военные силы он направил в сторону Хивы, казахов, туркмен, а также против некоторых владельцев Северного Кавказа, так как эти народы не входили в состав России.

После 1684 г. хан и тайши перестали давать шерти, которые от них уже не требовали. Их заменили личные встречи с должностными лицами российского правительства и даже с Петром I в период подготовки к Персидскому походу. За отправку войск для взятия Азова Аюке выплачено годовое жалованье и посланы подарки.

Князь Б.А. Голицын, возглавлявший Приказ Казанского дворца, несколько раз встречался с Аюкой по поручению Петра I. Были достигнуты

⁴¹⁰ Цюрюмов А.В., Курапов А.А. Эволюция политического статуса Калмыцкого ханства в составе России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. №1 (66). С.10.

⁴¹¹ Там же. С.11.

договоренности о военной службе калмыков, охране южных границ России.⁴¹² В 1697 г. в российские города были разосланы указы, что калмыкам разрешается кочевать недалеко от городов и их безопасность гарантируется правительством. Такие же указы были отправлены башкирам, донским и яицким казакам. Кроме того, указано, что если калмыки будут совершать военные походы за пределы России (имеется в виду Крым и Кубань), оказывать им всемерную помощь. Не удивительно, что в период наивысшего усиления Калмыцкого ханства активизировались его связи со многими государствами: Аюка-хан отправлял в 1681 г. и позже своих послов в Турцию и Крымское ханство, активно переписывался и направлял посланников к персидскому шаху, имел активные посольские связи с Тибетом, Джунгарским и Хошоутским ханствами, Бухарой. По мнению Е.Л. Беспрозванных, калмыцкое посольство в Тибет во главе с Арабджуром в 1698 г., задержавшееся в Лхасе на четыре года, среди ряда дипломатических задач также могло осуществлять сбор дополнительной информации для Аюки-хана.⁴¹³ К Аюке-хану в 1684-1686 гг. приезжали эмиссары венского и польского дворов, представители римского папы с предложениями союза против Турции, обращался к нему польский король Ян III с просьбой прислать войска. Большую известность приобрели связи Калмыцкого ханства с Китайской империей. Китай в ответ на прибытие третьего посольства от Аюки-хана во главе с зайсангом С. Кулюковым направил в 1713 – 1714 гг. большое посольство во главе с Тулишенем.⁴¹⁴

После победы в Северной войне в 1721 г. взоры Петра I были обращены на юг, с чем и были связаны разведывательные экспедиции в Среднюю Азию и Персидский (Дербентский) поход. В июне 1722 г. Аюка с женой были приняты под Саратовом Петром I. Аюка принял от императора дорогую саблю

⁴¹² Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время ... С. 150-151.

⁴¹³ Беспрозванных Е.Л. Калмыцко-китайские отношения в XVIII в. Волгоград: изд-во ВолГУ, 2008. С. 64.

⁴¹⁴ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России ... С.36, 99; История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С. 374.

и обещал направить ее против врагов России. При этом Аюка послал в Персидский поход отряд из 4 тыс. чел.⁴¹⁵ Когда Петр I возвращался из Персидского похода, Аюка-хан был принят царем в Черном Яру. На этой встрече хан представил своего наследника Церен-Дондука.

В связи с изменением внешнеполитической обстановки для России в лучшую сторону усилилось давление на автономию Калмыцкого ханства. Уже в августе 1722 г. астраханский губернатор тайно встретился с двоюродным племянником Аюки-хана Доржи Назаровым и взял с него обещание, что в случае назначения его ханом после смерти Аюки, он клянется в верности и отдаст сына в заложники.⁴¹⁶

С начала XVIII в. ухудшились отношения калмыцких правителей с Джунгарским ханством, в котором калмыцкие тайши всегда видели надежный тыл. Внутри Калмыцкого ханства не было единства, так как знать время от времени устраивала борьбу за улусы и власть. В 1715 г. Аюка потерпел поражение от кубанских татар, которые совместно с крымским султаном Бахты-Гиреем совершили набег на калмыцкие улусы. В такой ситуации Аюка-хан попросил помощи у русских властей, в результате чего в конце 1715 г. в ханство был направлен отряд из 600 казаков и драгун под командованием стольника Д. Бахметева, в том числе для осуществления контроля за деятельностью хана. Стольник постоянно находился в ближайшем к хану нижеволжском городе.⁴¹⁷ С назначением особого должностного лица при калмыцком хане берет свое начало новый орган - «Калмыцкие дела», который постепенно начал вмешиваться во все дела ханства. Впоследствии этот орган разросся, появилась канцелярия, переводчики, приставы, собственная воинская команда. С некоторыми модификациями «Калмыцкие дела» просуществовали до 1771 г., до ликвидации Калмыцкого ханства.

⁴¹⁵ Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время ... С.312-313; Сусеева Д.А. Письма хана Аюки и его современников (1714-1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: КГУ, АПП «Джангар», 2003. С. 229.

⁴¹⁶ Бакунин В.М. Указ. соч. С.31.

⁴¹⁷ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков ... С.36.

После смерти Аюки в 1724 г. началась борьба за ханский титул. Российское правительство планировало, что калмыцкая знать изберет ханом Доржи Назарова. 16 апреля 1724 г. по этому поводу состоялось заседание Сената. Астраханский губернатор А.П. Волынский доложил в Сенате в присутствии Петра I информацию о положении дел в Калмыцком ханстве. Учитывая его предложения, было выработано решение о сборе всей калмыцкой знати и назначении калмыцким ханом Доржи Назарова. Однако Доржи Назаров, побоявшись возлагаемой ответственности, стремясь сохранить свои улусы и опасаясь за собственную безопасность, отказался от ханского титула⁴¹⁸.

В создавшейся обстановке в сентябре 1724 г. по распоряжению российского правительства Церен-Дондук, второй сын Аюки, был объявлен не ханом, а наместником ханства. С него было взято обязательство верной службы российскому правительству, ликвидации отношений с недружественными государствами, прекращения набегов на соседние уезды, и др. Вдове Аюки-хана Дарма-Бале и наместнику Церен-Дондуку было установлено жалованье в размере 1000 руб. и 2000 четвертей ржаной муки в год на двоих.⁴¹⁹

Однако предполагавшегося спокойствия в калмыцких улусах не состоялось. Начались междоусобные конфликты между детьми и внуками Аюки за власть и улусы. К этой конфронтации подключились другие представители калмыцкой знати, совершая набег друг на друга и заключая между собой союзы. Кроме Церен-Дондука достаточными силами обладали внуки Аюки Дондук-Омбо и Дасанг, которые также боролись за власть.⁴²⁰

В этих условиях российское правительство стало гораздо активнее вмешиваться во внутренние дела Калмыцкого ханства. С этой целью в целях действенного контроля за ситуацией при ставке наместника ханства находился

⁴¹⁸ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России ... С.188.

⁴¹⁹ ПСЗ РИ. Т.VII. №4660.

⁴²⁰ Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время ... С. 323-336.

полковник В.П. Беклемишев, назначенный своего рода приставом при калмыках. При этом правительство не допускало усиления кого-либо из претендентов на ханский престол. Также правительство опасалось и союза оппозиционных нойонов с Крымским ханством и кубанскими татарами, а также откочевки их за пределы России. В этих условиях междуусобиц правительство предпочло поддержать наместника Церен-Дондука, объявив его в 1731 г. калмыцким ханом.

Российское правительство принимало полагающиеся меры для прекращения усобиц, направив для подавления оппозиционных нойонов в калмыцкие степи генерал-поручика И.Ф. Барятинского, подчинив ему полки, стоявшие на Царицынской линии. Также было указано донским и яицким казакам оказывать ему всемерную помощь. Для оказания постоянной помощи в распоряжение И.Ф. Барятинского поступал астраханский губернатор⁴²¹. Но в итоге российская администрация была вынуждена реализовать план о замене хана ввиду неспособности Церен-Дондука стабилизировать внутривосточную ситуацию. Оппозиционным нойонам, откочевавшим на Кубань со своими улусами, была прощена их вина. Необходимость новой войны с Турцией требовала скорейшего возвращения калмыцких улусов с Кубани и стабилизации обстановки в Калмыцком ханстве. Ставка была сделана на нойона Дондук-Омбо, которого в 1735 г. объявили наместником Калмыцкого ханства. Дондук-Омбо в течение 1736–1739 гг. достаточно успешно действовал на кубанско-крымском театре военных действий против Турции, за что грамотой императрицы Анны Ивановны от 3 марта 1737 г. был объявлен ханом.⁴²²

В 1741 г. Дондук-Омбо умер, назначив наследником десятилетнего сына Рандула и опекуном при нем его мать ханшу Джан. В коллегии иностранных дел, ведавшей делами калмыков, не поддержали эту кандидатуру и

⁴²¹ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России ... С. 209.

⁴²² ПСЗ РИ-1. Т.10. №7191. С. 61-62; Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России ... С.227.

провозгласили в ноябре 1741 г. наместником ханства Дондук-Даши. Новый наместник ханства начал принимать меры к централизации ханства, воссоединению разрозненных улусов и закреплению их за прежними владельцами. В этом ему способствовало и российское правительство, стремившееся покончить с междоусобицами.

В.Н. Татищеву, ранее проявившему себя хорошим дипломатом в отношениях с казахскими ханами, было поручено, после наделения Дондук-Даши властью, взять с наместника, нойонов и знатных представителей зайсангов и духовенства публичные присяги в верности российскому правительству, а после этого добавить к его собственным улусам еще и улусы бывшего хана Церен-Дондука⁴²³.

Дондук-Даши обещал верно служить и во всем подчиняться указам правительства; не иметь никаких самостоятельных контактов со всеми неприятелями России, давать знать о них и отвечать им по предписаниям сверху. Как и все бывшие до него ханы, он отказывался от приёма в улусы крещёных калмыков и отдал своего сына в аманаты (заложники). Вскоре после этого В.Н. Татищев был назначен астраханским губернатором с передачей в его ведение «Калмыцких дел» (кстати, недавно опубликована содержательная статья коллектива авторов о деятельности В.Н. Татищева)⁴²⁴. В столице «Калмыцкими делами» ведала Коллегия иностранных дел.⁴²⁵

На протяжении 1742–1745 гг. В.Н. Татищев принимал деятельное участие во внутривластной жизни Калмыцкого ханства. Ему удавалось выполнять правительственные указания путем лавирования между интересами хана, основных нойонов, реальной обстановкой для того, чтобы создать условия для активного вмешательства в дела ханства. Хотя

⁴²³ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России ... С. 249-250.

⁴²⁴ Батмаев М.М., Кольцов П.М., Мургаев С.М., Умгаев С.А. В.Н. Татищев и вопросы улучшения экономического положения калмыцкого народа // *Oriental Studies*. 2021. №5. С.910-918.

⁴²⁵ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках ... С.337

центральное руководство рекомендовало В.Н. Татищеву воздерживаться от мелочной опеки по калмыцким делам.⁴²⁶

Российское правительство продолжало вести двойственную политику по отношению к Калмыцкому ханству. Правительство на протяжении довольно длительного времени пыталось совместить две политические линии. С одной стороны, правительство не допускало усиления кого-либо из нойонов и противопоставляло их друг другу. С другой стороны, правительство в определенные периоды старалось усилить хана, чтобы не допускать своеволия нойонов. В период правления хана Дондук-Даши эта неустойчивость усилилась, что вызывало неприятие наместника ханства и нойонов.

В марте 1757 г. императрицей Елизаветой Петровной был подписан указ об утверждении калмыцким ханом Дондук-Даши, а его сын Убаши был признан наместником ханства.⁴²⁷ Это являлось первым случаем в российской практике утверждения в Калмыцком ханстве наместника, в данном случае, наследника при жизни действовавшего хана, чтобы лишить в будущем возможных претендентов на власть оснований выступать с такими требованиями. Вместе с тем, этот факт был вполне созвучен практике престолонаследия в России со времени Петра I. Однако, это не предотвратило борьбу нойонов за обладание спорными улусами после смерти Дондук-Даши в 1761 г., воспользовавшихся молодостью наместника ханства Убаши.⁴²⁸

Приход к власти Екатерины II существенно повлиял на эти события: нойонам отказали в их праве на спорные улусы, подобные вопросы было предписано разрешать в Зарго и через бригадира А.Д. Бехтеева, находившегося в Енотаевской крепости в должности руководителя «Калмыцких дел». В Коллегию иностранных дел был подан доклад В.М. Бакунина, дипломата и этнографа, длительное время (более 40 лет) работавшего в ведомстве «Калмыцкие дела». Материалы из копии этого

⁴²⁶ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С.403.

⁴²⁷ Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках... С.300.

⁴²⁸ Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках... С. 301-302.

доклада имеются в фонде И-36 (Состоящий при калмыцких делах) в Национальном архиве РК. Автор доклада советовал правительству утвердить Убаши в звании наместника, поскольку порядок в калмыцком обществе поддерживается только властью ханов. Но, по мнению В.М. Бакунина, используя ситуацию, следует реорганизовать Зарго, что поможет несколько ограничить власть наместника ханства.⁴²⁹ Поскольку ранее судьи (заргучи) суда Зарго назначались из числа приближенных хана, то теперь предлагалось на эти должности назначать представителей крупных улусов в зависимости от численности населения. Екатерина II утвердила на основании этих предложений В.М. Бакунина грамоту на имя наместника ханства в августе 1762 г., врученная Убаши астраханским губернатором В.В. Нероновым в урочище Цаган-Аман.⁴³⁰

Эти шаги правительства вызвали недовольство калмыцкой знати, в котором сказались неудовлетворенность наместника и его приближенных ограничением их власти в связи с введением нового положения о Зарго и другими мерами, которые также ущемляли их самостоятельность. Свою лепту в общее беспокойство внесло ставшее уже привычным стремление части владельцев, в первую очередь дербетских, выйти из подчинения центральной власти в ханстве и кочевать особой группой. К этому добавились взаимные иски владельцев по поводу попыток незаконного передела собственности на отдельные улусы в период наместничества Убаши и отказа российской администрации в утверждении их претензий на собственность. За этими настроениями, побуждениями и действиями калмыцкой знати просматривалось ее недовольство все нарастающим ограничением ее самостоятельности.⁴³¹

⁴²⁹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С.408; НА РК. Ф. И-36. Д.346. Лл. 98-115.

⁴³⁰ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России ... С. 296.

⁴³¹ Курапов А.А., Цюрюмов А.В. Эволюция политического статуса Калмыцкого ханства в составе России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 1 (66). С. 9-15.

Калмыцкий исход 1771 г. из России на свою историческую родину в Джунгарию всегда вызывал не ослабевающий до сих пор интерес исследователей.⁴³² Дореволюционные авторы среди причин, приведших к этому исходу, отметили ограничение прав наместника ханства (Нефедьев Н.), притеснения калмыков со стороны российской администрации и их стремление к возвращению на родину для ее освобождения из-под власти Китая и воссозданию Джунгарского (Ойратского) ханства (Бюлер Ф.А.). М.Г. Новолетов и Н.Я. Бичурин к этому перечню причин откочевки калмыков добавили интриги калмыцкой знати. Лишь такой знаток этнической психологии как архимандрит Гурий (Степанов) обратил внимание на цивилизационно-культурные различия: «Все русское было для калмыков ненациональным и чуждым»⁴³³.

В 1920-е годы продолжатель либеральной историографии Н.Н. Пальмов присоединялся к тезису о недалёковидности и ошибках российского чиновничества и произволе калмыцкой знати как основной причине калмыцкого исхода.⁴³⁴ В русле советской историографии известный историк В.В. Мавродин пришел к выводу, что уход Убаши-хана с народом явился «своеобразной формой протеста против гнета царизма»⁴³⁵. Авторы «Очерков истории Калмыцкой АССР» комплексно обозначили вышеприведенную сумму причин и добавили к этому перечню роль в этих событиях 1771 г. иерархов буддийской тибетской церкви и правительства Цинского Китая, а также постоянно присутствовавшую среди калмыцкой знати и духовенства идею возвращения в Джунгарию, поводом для реализации которой стала гибель Джунгарского ханства в 1755 г.⁴³⁶ Историк М.М. Батмаев среди комплекса причин ухода калмыков отметил структурный кризис

⁴³² Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках ...; Дорджиева Е.В. Исход калмыков в Китай ...; Колесник В.И. Последнее великое кочевье... М., 2003.

⁴³³ Гурий, архимандрит (Степанов). Указ. соч. С. 159.

⁴³⁴ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа ... С. 92-98

⁴³⁵ Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 гг. Т. 1. Л.: Изд-во Ленинградского гос. университета, 1961. С. 501.

⁴³⁶ Очерки истории Калмыцкой АССР ... С.212-221.

традиционного уклада жизни: изменения в кочевом образе жизни, новые хозяйственные явления (опыты земледелия, рыболовства, оседлости).⁴³⁷ В современной отечественной историографии Е.В. Дорджиева указала среди этих причин стойкую для калмыков самоидентификацию как части ойратского единства⁴³⁸ и В.И. Колесник – цивилизационное противостояние.⁴³⁹

Зарубежная историография калмыцкого исхода 1771 г. представлена историческим трудом Карла Дитриха Баркмана, голландского дипломата, писателя и историка, хорошо знавшего китайские источники⁴⁴⁰ и монографией американского историка М. Ходарковского, в которой автор обратил внимание на цивилизационно-культурные особенности калмыков⁴⁴¹. Особый взгляд на уход калмыков из России в 1771 г. демонстрируется в современной китайской историографии. Их трудами история ойратов рассматривается как органическая часть истории многонационального Китая. В связи с этим образование ойратских государств, в том числе, переход калмыков в Россию и создание Калмыцкого ханства, рассматриваются как временные сепаратистские проявления. Вполне укладываются в эту концепцию оценка событий 1771 г. как вполне ожидаемое возвращение заблудившихся подданных к своим историческим истокам – в Китай, к тому же Джунгарское ханство было разгромлено, джунгары подверглись физическому истреблению, а их территория была включена в Цинскую империю.⁴⁴² «Брести тысячи ли,

⁴³⁷ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках... С.351-352.

⁴³⁸ Дорджиева Е.В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д: изд-во СКНЦ ВШ, 2002. 210 с.

⁴³⁹ Колесник В.И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. Автореферат дис. ... доктора исторических наук. Волгоград: ВолГУ, 2003. С. 41-42.

⁴⁴⁰ Barkman C.D. The return of the torhuts from Russia to China (Возвращение торгоутов из России в Китай) // *Journal of Oriental Studies*. 1955. Vol. II. N. 1. P. 89-115.

⁴⁴¹ Khodarkovsky M. Where two World met: The Russian State and the Kalmyk Nomads. 1600–1771 (Где встретились два мира: Русское государство и калмыки-кочевники). Ithaca; London: Cornell. Univ. Press, 1992. 278 p.

⁴⁴² Гуревич Б.П., Моисеев В.Н. Взаимоотношения Цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII-XVIII вв. в китайской историографии. // *Вопросы истории*. 1979. №3.

всей душой стремиться к родине»⁴⁴³ - под подобными названиями выходили статьи китайских ученых о калмыцком исходе 1771 г. в 1980-е годы.

Таким образом, суммируя все обозначенные нашими предшественниками причины откочевки большинства калмыков в Джунгарию, мы приходим к мнению о справедливости суждений по этому поводу, высказанных в отечественной и западной историографии. Действительно, одной из главных причин калмыцкого исхода 1771 г. явилась неудовлетворительная политика российского правительства: расширявшееся вмешательство во внутренние дела Калмыцкого ханства, ограничившего его автономные права, политика российской администрации по изъятию относительно плодородных земель в пользу российской знати и для целей русской колонизации, начавшиеся мероприятия по переводу кочевников в православие, непомерные требования по поставкам калмыцких войск на нужды войны с Турцией 1768-1774 гг.

Наряду с этим, к числу важнейших причин калмыцкого исхода следует отнести различия цивилизационно-культурных миров: традиционный уклад жизни, осознание общеойратского единства калмыками, постоянные связи с Джунгарией и Тибетом и роль идеи буддийского единства и др. В связи с этим посольские связи Калмыцкого ханства с Китаем способствовали возрастанию возникшей еще в начале XVIII в. у калмыцкой знати и представителей духовенства идеи возвращения народа в Центральную Азию. В эту схему вполне укладывается произвол и интриги калмыцкой знати. Интерпретация китайскими учеными указанных событий и их оценка нами не признается, поскольку в идее возвращения на родину под родиной у калмыков понимались степи независимой Джунгарии, а не Китая.

Также следует иметь в виду мнение В.И. Колесника, исследовавшего трансконтинентальные миграции калмыков, о том, что у ойратских кочевников был распространен метод «сегментации», то есть им было

⁴⁴³ Колесник В.И. Указ. соч. С. 13; Чернышев А.И. Указ. соч. С. 13-15.

свойственно в определенных обстоятельствах (как правило, при достижении демографического порога в 300 тыс. чел.) отделение какой-либо части и ее откочевка в другие места.⁴⁴⁴ Хотя для калмыков прикаспийские степи являлись родными, вместе с тем, калмыцкая знать была убеждена, что они могут обеспечить незыблемость привычного уклада жизни подвижностью своих улусов, предоставлявшую им возможность сменить территорию обитания и уйти из сферы влияния российского правительства в неблагоприятных обстоятельствах. По мнению знати, эти неблагоприятные обстоятельства, то есть ограничение автономии ханства начали складываться с середины XVIII в. Помимо этого, важным поводом к уходу калмыков в 1771 г. явился состоявшийся в 1755 – 1758 гг. разгром Джунгарского ханства и уничтожение его населения.

В январе 1771 г. в результате тайных переговоров и согласования действий большинство калмыцких улусов, кочевавшие в заволжских степях, начали откочевывать из пределов России. Всего с Убаши-ханом откочевало из России более 30 тыс. кибиток или 210 тыс. чел. В России остались находившиеся на правом берегу Волги калмыцкие улусы (дербетские и часть торгоутских). Помимо этого, с Яика удалось вернуть находившихся в арьергарде уходящих калмыков Эркетеневского и Багацохуровского улусов. Всего в России осталось более 11 тыс. кибиток, не считая калмыков, проживавших вне Калмыцкого ханства в других регионах: донские, терские и ставропольские калмыки-казаки.⁴⁴⁵

В итоге, отрицательные и трагические последствия ухода большинства калмыков очень велики: пресеклось развитие самостоятельной калмыцкой государственности, многократно сократилась территория калмыцких кочевий, чрезвычайно уменьшилась численность калмыцкого населения не только в России, но и в Центральной Азии (в Джунгарию, ставшей частью Китая, дошла

⁴⁴⁴ Колесник В.И. Последнее великое кочевье ... Автореферат дис. ... доктора исторических наук. Волгоград: ВолГУ, 2003. С. 43-45.

⁴⁴⁵ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С.431.

в 1771 г. лишь треть от ушедших из России калмыков, поскольку большинство погибло в постоянных военных столкновениях по пути следования преимущественно с казаками и из-за тягот суровой зимы), снизилась военная роль калмыцкого войска на юге страны. Если в XVII – XVIII вв. Калмыцкое ханство выставляло в зону военных действий России войско в несколько десятков тысяч чел., то уже в Отечественную войну 1812 г. – лишь три калмыцких полка. В результате исхода 1771 г. был значительно снижен экономический потенциал калмыцких улусов и прерваны прежние торгово-экономические связи с соседним населением и порядок пастбищеоборота, затормозилось развитие новых хозяйственных явлений. Также велики моральные и культурные потери: были увезены архивы и текущие документы, произведения калмыцкой литературы как оригинальные, так и переводы с других восточных, многие другие ценности калмыцкой национальной культуры религиозного и светского происхождения.

Анализ процесса развития Калмыцкого ханства в составе России будет неполным без характеристики военной службы калмыков, традиционно являвшейся одной из основных обязанностей населения в государственных образованиях кочевников. Уже на стадии оформления российского подданства калмыков, правительство приняло решение взамен уплаты податей возложить на них несение военной службы. В обязанности калмыков вменили службу на границах и, в случае войны, калмыцкие ханы должны были направлять войска по требованию правительства.

С момента прихода калмыков в пределы России и до ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. каждый взрослый мужчина, способный носить оружие, являлся воином. В случае сбора людей для военного похода объявлялась раскладка по улусам, учитывавшая общее количество требуемых войск и количество кибиток-семей в улусе. Получив указание хана, каждый нойон объявлял покибиточный военный сбор в своем улусе. Один воин выставлялся от одной, двух или трех кибиток в зависимости от требуемой численности войска.

Чаще всего призванные на военную службу должны были явиться в назначенное место сбора в полном боевом снаряжении, на двух (реже на трех) лошадях и с запасом пищи. Например, весной 1729 г. наместник ханства Церен-Дондук объявил сбор войск для военного похода и приказал каждому воину иметь по три лошади, для питания иметь кобылу и три барана живьем, по сумке пшена и сушеного мяса.⁴⁴⁶ Если у призванных на службу не было необходимого числа лошадей или снаряжения, члены хотона или аймака должны были оказать ему помощь.

Если собранное войско было достаточно большим, оно разделялось на сотни и тысячи, возглавляемые сотниками и тысячниками. Командирами, как правило, являлись нойоны и зайсанги. Сотни и тысячи распределялись традиционно на три части войска: центр (завср), правое (барун) и левое (зюн) крылья. На марше или при длительных остановках со всех сторон выставлялись сторожевые группы.

Для охраны калмыками границ своих улусов от соседних кочевых народов всегда наличествовали военные заставы. Получив от них известие о приближении неприятеля, нойоны оперативно собирали войска для охраны улуса. Остальное население улусов, которым угрожало нападение, откочевывали вглубь своей территории.

В этом случае войска зачастую не выходили навстречу неприятелю, а следовали, как это было традиционно принято у кочевников, в арьергарде уходящего населения для защиты людей и имущества, тем более что в условиях степи с неприятелем можно было просто разминуться либо он мог обойти калмыцкие войска и разграбить улус.⁴⁴⁷ Прямая атака неприятеля в подобных случаях осуществлялась при максимальных шансах на успех.

Эта тактика была выработана в течение многовековой кочевой жизни и была достаточно рациональной. Если неприятель уходил в свои земли, калмыки уже смело преследовали его и нападали, так как войска неприятеля

⁴⁴⁶ НА РК. Ф.И-36. Оп.1. Д.36. Л.80.

⁴⁴⁷ Бакунин В.М. Указ. соч. С. 59.

часто уже были утомлены от похода, а к калмыкам постоянно прибывала помощь из их улусов.⁴⁴⁸

Законы Дондук-Даши устанавливали требование для войска выступать сразу же при получении объявления о походе. За неявку на сборный пункт в установленные сроки полагался штраф.

С принятием российского подданства калмыцкие войска постоянно участвовали в войнах России против всех неприятелей. Уже с середины XVIIв. калмыки совместно с донскими казаками и самостоятельно начали совершать набеги на Крымское ханство, а также оказывали военную помощь гетманам левобережной Украины. С конца XVII в. калмыцкие войска постоянно участвовали в войнах России с Турцией и Крымским ханством, а также охраняли юго-восточные границы страны. С началом Северной войны по указу Петра I хан Аюка регулярно направлял войска на театр военных действий: в 1709 г. - 3000 воинов, в 1710 г. – 10000 воинов, в 1711 г. – 20000.⁴⁴⁹

После смерти Аюки-хана калмыки продолжали нести военную службу по указанию российского правительства. Кроме того, самостоятельно организовывали набеги на соседей: крымских и кубанских татар, а также казахов. Так, в 1728 г. 25-тысячная армия калмыков во главе с наместником ханства Церен-Дондуком совершили поход на Кубань.⁴⁵⁰ Калмыцкие войска приняли участие во всех русско-турецких войнах XVIII в., в русско-шведской войне 1741–1743 гг. и в Семилетней войне. Совместно с казаками действовала легкая конница калмыков: вели разведку, совершали вылазки в тыл, преследовали отступающего неприятеля, отвлекали противника неожиданными нападениями, прикрывали фланги и тыл.

Оставшиеся после откочевки в 1771 году калмыки уже не могли играть роль значительной военной силы на Северном Кавказе. По сведениям К.П. Шовунова, если до 70-х годов XVIII века только волжские калмыки могли во

⁴⁴⁸ Бентковский И.В. Военные законы монголов и их влияние на кочевую культуру калмыков и вообще на дух народа. // Ставропольские губернские ведомости. 1877. №8.

⁴⁴⁹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С. 384.

⁴⁵⁰ Там же. С.412.

время войны снарядить от 20 до 40 тысяч снаряженных всадников, вооруженных и на двух лошадях, то теперь же они могли с большим трудом комплектовать не более 5 тыс. чел.⁴⁵¹

Калмыки также привлекались к охране российских границ. В XVII в. для охраны западных границ в Слободской Украине были поселены калмыки в Чугуеве, в результате Дербентского (Персидского) похода с той же целью возникли Кизлярское и Терское поселения калмыков. Все они позже были причислены к казакам.⁴⁵² В XVIII в. обязанность охраны границ, наряду с казаками, стало обязательной практикой для населения Калмыцкого ханства. Население приволжских улусов несли службу на Каспийской, Ахтубинской и Эльтонской кордонных линиях. Три калмыцких полка и донские калмыки-казаки приняли участие в Отечественной войне 1812 г. и в заграничном походе русской армии. Последние также участвовали в Бородинском сражении.⁴⁵³ После войны 1812 года к военной службе привлекали только калмыков-казаков и, в первую очередь, калмыков-казаков Области Войска Донского.

Важным вопросом в процессе становления государственности у калмыков являлась институализация верховной власти, носителями которой первоначально были племенные вожди, выполнявшие роль военных предводителей. Войны и миграции служили важным стимулом централизаторских усилий племенных вождей.

Подобная ситуация возникла у калмыцкого народа в XVII в. Прикочевав из Центральной Азии на юго-восток Европы, калмыки очутились в окружении народов, совершенно им чуждых в расовом, антропологическом, лингвистическом, конфессиональном и отчасти в социально-экономическом плане. В этих условиях создание собственной государственности превращалось в одну из главных причин как инструмента защиты

⁴⁵¹ Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков ... С. 169.

⁴⁵² См. подробнее: Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков ...; Он же. Калмыки в составе российского казачества ...

⁴⁵³ См. подробнее: Максимов К.Н., Очиров У.Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: ФГБУН Калмыцкий ин-т гуманитарных исслед., 2012. 518 с.

национальной идентичности калмыков в условиях непростого соседства с другими народами.

Миграция ойратских племен хошоутов, дербетов и торгоутов с востока на запад растянулась на десятилетия и возглавлялась многими тайшами, часто действовавшими на свой страх и риск и не склонными признавать верховенство одного из своей среды над всеми остальными. Поэтому первоочередной задачей развития публичной власти становилось выделение одного бесспорного лидера. И здесь успех в борьбе за лидерство зависел от многих факторов, в том числе, от знатности происхождения тайши или нойона, численности населения в его улусе, а также от его личных качеств.

Дербетские и хошоутские тайши не уступали по родовитости торгоутским. Однако первыми в приволжские степи пришли торгоуты и по численности они многократно превосходили дербетов и хошоутов. Этот фактор оказался решающим. Торгоутские тайши основали династию калмыцких ханов и первый шаг в этом направлении сделал Хо-Орлюк в первой половине XVII в.

Лидерство, основанное на личной незаурядности, военных успехах и поддержке соплеменников, было достаточно хрупким и неустойчивым для того, чтобы в течение одного поколения превратиться в настоящую верховную власть. Причем, главная угроза для верховной власти племенного лидера исходила из амбиций его ближайших родственников. Стоило одному из его братьев, сыновей, дядей или племянников подхватить из его рук военную удачу, как он начинал претендовать, если не на первенство, то, по крайней мере, на равенство и независимость. Сохранение ведущего положения требовало от племенного лидера постоянных усилий, предприимчивости, удачных военных походов. Потому действия Хо-Орлюка во взаимоотношениях с российским правительством (отказы давать шерти, нарушение шертей, самовольное занятие территорий и т.п.) могли бы показаться импульсивными действиями, осложняющими русско-калмыцкие отношения. Между тем, калмыцкие тайши и нойоны по преимуществу

оправдывали подобные действия текущими обстоятельствами.⁴⁵⁴ Нойоны не должны были вести себя пассивно и вели активную военную и политическую деятельность.

Укрепление позиций первенствовавшего тайши было возможно при соблюдении нескольких условий, первым из которых являлось существование освященной традиции, еще лучше узаконенной процедуры наследования власти. В этом случае еще при жизни верховного вождя становился известен его преемник, который был заинтересован в легитимном восприятии власти и был готов ждать естественного ухода из жизни своего предшественника, довольствуясь ролью соправителя или фактического властителя при престарелом, номинальном владыке. Между тем, определенного правила наследования сыновьями собственности и власти отцов ойраты в XVII в. еще не знали, что засвидетельствовано в «Сказании о Дербен-Ойратах».⁴⁵⁵

Ойратские тайши определяли порядок наследования, придерживаясь большей частью патриархальной традиции равного наделения всех сыновей людьми и властью, что препятствовало институционализации верховной власти. Батур Убаши Тюмень, автор летописи «Сказание о Дербен-Ойратах» оставил следующее сообщение о равном разделе подвластных торгоутскому тайше Хо-Урлюку кибиток (семей): «Хо Орлек, разделивши между (шестью) сыновьями тысячу кибиток, сказал им: "Кто хорош, тому нет нужды — много ли, мало ли у него народу. Дети! Вы сами ведайте — быть ли хорошим или дурным".⁴⁵⁶ Между тем, у торгоутских тайшей в XVII в. в приволжских степях на основе прецедента утверждался принцип майората, поскольку верховная власть наследовалась в четырех поколениях по прямой нисходящей линии от отца к

⁴⁵⁴ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках... С. 112.

⁴⁵⁵ Тюмень Батур-Убаши. Сказание о Дербен-Ойратах. // Бадмаев А.В. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. НИИ яз., лит. и истории, 1969. С. 13-48; Тюмень Батур-Убаши. Сказание о Дербен-Ойратах, составленное нойоном Батур-Убаши Тюменем. Перевод с калм. Г. Лыткина. Астрахань: губ. тип., 1860. 57 с.

⁴⁵⁶ Тюмень Батур-Убаши. Сказание о Дербен-Ойратах, составленное нойоном Батур-Убаши Тюменем. Перевод с калм. Г. Лыткина. Астрахань: губ. тип., 1860. С.29.

старшему сыну - от Хо-Орлюка к Дайчину, от Дайчина к Мончаку, от Мончака к Аюке. Такой порядок подготавливал единовластие, усиливая одну прямую старшую линию, устраняя и ослабляя боковые младшие.

Другим важным условием институционализации верховной власти являлось закрепление фактического первенства вождя в особом юридическом статусе, освященном религией. В представлениях знати пожаловать ханский титул мог Далай-лама. Так, Дайчин получил титул хана от Далай-ламы в 1647 г., Аюка, фактически став правителем волжских калмыков с 1672 г., удостоился титула хана от Далай-ламы лишь в 1690 г. И последовательно этого титула были удостоены правители Калмыцкого ханства в XVIII в.

Третьим важным условием институционализации верховной власти являлось международное признание первенствовавшего вождя. Начиная с 1607 г., калмыцкие тайши неоднократно давали шерты (присяги) на подданство России. Шертные договоры создавали правовую основу для экономического, политического и военного сотрудничества сторон. Их смысл заключался в признании вассальной зависимости калмыцких тайшей от Российского государства. Известно с какой легкостью и постоянством тайши нарушали свои шертные обязательства, что обычно расценивалось как проявление политической недалекости.

На наш взгляд, речь скорее должна идти о трезвой оценке калмыцкими тайшами реально существовавших исторических условий. Зависимость калмыков от России была весьма прозрачной. Возможностями для жесткого контролирования ситуации в приволжских степях с опорой на силовые методы русское правительство не обладало, и калмыцкие вожди прекрасно это сознавали. Тем не менее, с тем же постоянством, с каким шерты нарушались, они шли на их подтверждение и возобновление. Причем, наиболее значительные шерты были даны как раз в период стремительного усиления у калмыков центральной власти: в 1655, две в 1661, 1673, 1676 и 1683 гг. Разумеется, шертование диктовалось целым комплексом причин, но главная из них, как нам представляется, состояла в том, что признание зависимости от

России являлось необходимым для формировавшегося калмыцкого государства. Так, калмыцкая знать получала официальное признание своей власти в глазах соплеменников. Сам факт официальных контактов с сильным сопредельным государством поднимал авторитет того, от чьего имени давалась шерть, в глазах его собственных подданных. Процедура подписания и формулировки, в которых составлялись шертные грамоты, способствовали закреплению особого статуса первенствовавшего тайши среди прочей знати.

Несмотря на очевидный прогресс, институт ханской власти у калмыков не обладал достаточной прочностью, что показали события, произошедшие в 1701 г. В том году Чакдоржап, старший сын хана Аюки, застал отца в кибитке своей жены при обстоятельствах, которые заставили его схватиться за нож. Хотя приближенные не дали свершиться тяжелым последствиям, Чакдоржап разгласил поступок Аюки-хана. Некоторые владельцы со своими людьми отошли от своего властителя. Это обстоятельство может свидетельствовать о недостаточной прочности и патриархальной природе ханской власти, в том смысле, что она была еще в очень незначительной степени отчуждена от общества. В обществах с развитой государственностью, социальной базой власти являлись, как известно, элитные группы, обладавшие собственной моралью, которая допускала снисходительное отношение к нарушениям правителем норм общечеловеческой нравственности. Во всяком случае, поведенческое отклонение в личной жизни не могло стать решающим основанием для отстранения правителя от власти. Иное дело – кочевые общества с недостаточно дифференцированной социальной структурой, в которых социальной базой верховной власти является весь народ как этническая общность, а власть правителя еще во многом сохраняла черты одной из форм народоправства. Здесь прочность власти хана находилась в зависимости от соблюдения ими ценностных ориентаций, главенствующих в менталитете народа. Однако, устои ханской власти у калмыков на рубеже XVII – XVIII вв. были уже устойчивы, и кризис 1701 г. был преодолен. Чакдоржап примирился с отцом и последний восстановил во всей полноте свою власть.

Естественно, что последним договором Аюки-хана с российской администрацией о подданстве России явился его договор с князем П.М. Апраксиным 6 сентября 1710 г.⁴⁵⁷ Позже уже договоры с калмыцкими ханами о российском подданстве не заключались, что свидетельствовало об утвердившемся здесь статусе института ханской власти и российском статусе Калмыцкого ханства. Позже лишь следовали царские грамоты о пожаловании наместнического или ханского достоинства калмыцким правителям: Церен-Дондуку, Дондук-Омбо и др.⁴⁵⁸

В 1713 г. произошло достаточно важное событие, о котором сообщил В.М. Бакунин. Аюка-хан в присутствии высшего духовенства и знати объявил наследником своего старшего сына Чакдоржапа и передал ему ханскую печать Далай-ламы, а сам он стал пользоваться другой печатью.⁴⁵⁹ Значение этого акта трудно переоценить, поскольку впервые калмыцкий хан в присутствии главы духовенства и знати торжественно и официально объявил народу о своем преемнике. Тем самым создавался прецедент законной процедуры передачи власти и сводилась до минимума возможность борьбы за власть между родственниками и потомками хана после его смерти.

Однако это событие 1713 г. так и осталось единичным случаем и ему не суждено было стать постоянной практикой. Поэтому заложенный в нем потенциал так и не был реализован. 19 февраля 1722 г. скончался наследник калмыцкого престола Чакдоржап. Перед смертью он, оставив себе 4 тыс. кибиток, разделил свой улус между сыновьями: каждому из восьми взрослых сыновей он выделил от 200 до 1000 кибиток, оставшимся малолетним детям – оставшуюся часть улуса. С заботой о судьбе династии Чакдоржап завещал своим детям сохранять единство и подчиняться старшему брату Дасангу, которому передал присланную Далай-ламой печать на ханство. По сообщению В.М. Бакунина, после сожжения тела Чакдоржапа его дети дали клятву о

⁴⁵⁷ ПСЗ РИ-I. Т. IV. № 2291. С. 547-550.

⁴⁵⁸ ПСЗ РИ-I. Т. VIII. №5699. С. 382; Т. IX. №6705. С. 490-491; Т.Х. № 7191. С. 61-62.

⁴⁵⁹ Бакунин В.М. Указ. соч. С.30.

соблюдении воли отца и обратились к своему деду – хану Аюке – с просьбой подтвердить их присягу.⁴⁶⁰

Однако, не без влияния своей последней жены, джунгарской княжны Дарма Балы, хан принял решение передать престол в обход Дасанга старшему из своих живых сыновей Церен-Дондуку, матерью которого она являлась. Следом он обратился за поддержкой своих планов к российскому правительству. Во время знаменитого свидания с Петром I в 1722 г. хан Аюка, как свидетельствует В. Бакунин, просил императора не оставлять своей заботой его жены и сыновей, а также о признании его наследником сына Церен-Дондука. Петр I его в этом обнадежил.⁴⁶¹

Посеянные Аюка-ханом зерна раздора между наследниками выросли в междоусобные конфликты, в самом начале которой 19 февраля 1724 г. калмыцкий правитель умер. Российская администрация предпочла воспользоваться ситуацией и предложила калмыцкий престол, по ее мнению, самому лояльному к России двоюродному племяннику Аюки тайше Доржи Назарову. Доржи Назаров отклонил это предложение, вполне осознавая будущие риски для себя в условиях междоусобиц. Чтобы хоть как-то стабилизировать ситуацию, астраханский губернатор А.П. Волынский объявил Церен-Дондука наместником Калмыцкого ханства и принял у него присягу на верность России.⁴⁶² Это решение устраивало российское правительство, поскольку верховный правитель калмыков превращался в должностное лицо империи. Но без малого семь лет спустя ханский титул был восстановлен.

Весной 1731 г. в Москву прибыло посольство из Китая с целью переговоров с калмыцким правителем Церен-Дондуком о создании союза Калмыцкого ханства с Китаем против Джунгарского государства. Помимо этого, посольство привезло грамоту Далай-ламы о пожаловании Церен-

⁴⁶⁰ Бакунин В.М. Указ. соч. С.34-35.

⁴⁶¹ Там же. С. 35.

⁴⁶² Бакунин В.М. Указ. соч. С. 44.

Дондуку ханского титула. Поскольку возникли у царской администрации предположения о возможном провозглашении ханом Церен-Дондука по указу китайского императора, по предложению Коллегии иностранных дел астраханский губернатор И.П. Измайлов в мае 1731 г. срочно совершил процедуру возведения Церен-Дондука в ханское достоинство с вручением традиционной атрибутики. Поэтому китайское посольство в сентябре того же года было принято Церен-Дондуком в ранге хана, назначенного Российским государством. В связи с этим миссия китайского посла ограничилась вручением хану Церен-Дондуку грамоты Далай-ламы с ханским титулом.⁴⁶³

Все эти инициативы российского правительства не имели особой ценности в глазах калмыцкого общества. В лучшем случае они могли рассматриваться как дополнительное основание для обретения Церен-Дондуком ханской власти, но сама эта власть на законной основе могла быть ему делегирована только самим калмыцким обществом и согласно калмыцким традициям. В этой связи Дондук-Омбо, племянник и главный соперник Церен-Дондука, писал в Москву, что в соответствии с калмыцкими нормами ханами бывают те, кто получил особое благословение от Далай-ламы, а в соответствии со светскими обычаями ханом достоин быть тот, кто лучше справляется с делами ханства⁴⁶⁴. Лучше других шаткость своего положения понимал Церен-Дондук, который в 1729 г. отправил посольство в Тибет к Далай-ламе в надежде получить от него санкцию на занятие ханского престола. Посольство оказалось результативным и 10 сентября 1735 г. в урочище Цаган-Цоло в сорока верстах от г. Царицына состоялась торжественная церемония принятия Цереном-Дондуком ханского титула от Далай-ламы.

Однако к этому моменту окончательно выявилась несостоятельность Церен-Дондука в качестве политического лидера. Было ясно, что ханский титул реальной власти ему уже не даст. Между тем, как сами калмыки, так и российское правительство были крайне заинтересованы в восстановлении

⁴⁶³ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России ... С. 207.

⁴⁶⁴ Бакунин В.М. Указ. соч. С.128.

единства и внутривластической стабильности Калмыцкого ханства. Без смены политического лидера достижение этой цели было невозможно. Российские власти остановили свой выбор на внуке Аюки-хана от сына Гунжепа по имени Дондук-Омбо, доказавшем в ходе междоусобиц свое безусловное превосходство над остальными калмыцкими владельцами. С ханом Церен-Дондуком уже не церемонились: российская администрация пригласила калмыцкого хана в Царицын и 22 октября 1735 г. ему объявили об императорском указе об отрешении его от ханской власти, после чего он был сразу же с семьей удален в Санкт-Петербург. Сразу же после этого Дондук-Омбо был приведен к присяге и объявлен Главным управителем калмыцкого народа.⁴⁶⁵ На самом деле, указ Анны Ивановны о назначении наместником ханства Дондук-Омбо был ею утвержден гораздо раньше – 7 марта 1735 г.⁴⁶⁶ Грамота о ханском достоинстве Дондук-Омбо была утверждена императрицей 3 марта 1737 г.⁴⁶⁷

В связи с тем, что приход к власти Дондук-Омбо был, по существу, ее узурпацией при активном участии российской администрации, то он был вынужден постоянно доказывать справедливость такого поворота событий своим подданным. В критические моменты своей деятельности он старался демонстрировать свою независимость от российского правительства, часто нарушал взятые на себя обязательства, совершал неоднократные набеги на соседей и порой творил произвол, перекраивая улусы между разными владельцами.

После его смерти российская администрация решительно вмешалась в события во избежание серьезных междоусобиц и астраханский губернатор В.Н. Татищев провозгласил новым наместником ханства Дондук-Даши, сына Чакдоржапа и внука Аюки-хана. В период правления своего предшественника он был вынужден проживать за пределами Калмыцкого ханства, скрываясь от

⁴⁶⁵ Бакунин В.М. Указ. соч. С.151.

⁴⁶⁶ ПСЗ РИ-I. Т. IX. №6705. С. 490-491.

⁴⁶⁷ ПСЗ РИ-I. Т. X. № 7191. С. 61-62.

своих недругов в Петербурге, Астрахани и Царицыне. В 1751 г. Дондук-Даши был объявлен ханом, а его сын Убаши провозглашен наместником ханства для предотвращения междоусобиц при очередном переходе власти. После смерти отца в 1761 г. Убаши унаследовал ханский титул без каких-либо серьезных осложнений.⁴⁶⁸

Таким образом, окончательно утвердилась практика передачи ханской власти по нисходящей линии и была обеспечена внутривосточная стабильность калмыцкого общества. Ценой этой стабильности стала все более усиливающаяся зависимость калмыцких ханов от Российской империи. Очевидно, эта зависимость весьма болезненно воспринималась калмыцкой знатью и, наряду с другими, стала одной из причин, которые заставили хана Убаши с большей частью подданных откочевать в 1771 г. на родину предков в Джунгарию. С уходом Убаши-хана Калмыцкое ханство, основанное торгоутской династией, было упразднено.

Таким образом, становление института ханской власти у калмыков, на наш взгляд, происходило традиционным образом в соответствии с теми закономерностями, которые наблюдались в аналогичном процессе у всех кочевых народов в период становления и развития государственности. Однако, становление этого института у калмыков в XVII в. отличалось особой стремительностью. Своя национальная государственность сформировалась в калмыцком обществе менее чем за столетие и, что важно подчеркнуть, практически совершенно независимо. Это объясняется тем, что у калмыков при создании ханства был полностью использован имевшийся и апробированный исторический опыт прежних государственных образований. В период становления и развития Калмыцкого ханства решающую роль сыграли традиционные калмыцкие институты, свойственные всем монгольским народам: ханская власть, советы знати, нойоны и зайсанги, суды Зарго, административный аппарат, законодательные и родовые традиции и др.

⁴⁶⁸ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках.... С.335-337.

К этому добавились новые институты, возникшие уже в XVII в. (институт Ламы калмыцкого народа и институт бодокчеев (посредников в отношениях калмыков с соседями). К быстрому становлению калмыцкой государственности в составе России в значительной мере подтолкнуло совершенно новое и, во многом чуждое в социальном, экономическом, расовом, антропологическом, конфессиональном, языковом и, в целом, цивилизационно-культурном отношении окружение.

Калмыцкое ханство являлось монархией, которая имела свои особенности. Главой Калмыцкого ханства являлся хан или наместник ханства. Титул наместника ханства появился в связи с конфликтами претендентов на престолонаследие, которые зачастую в прежние времена разрешались силой у кочевых народов, но теперь в новых условиях - постепенным вмешательством российского правительства в определение главы ханства. Так, после смерти Аюки-хана стало правилом назначение наместника с последующим наделением его ханским статусом. Наместник ханства по представлению российской администрации являлся своеобразным должностным лицом, назначаемым правительством и легко сменяемым в случае необходимости.

Безусловно, быть ханом являлось более престижным, нежели наместником, хотя их функциональные обязанности не отличались. Помимо этого, назначение российским правительством воспринималось калмыцкой знатью как временная и неустойчивая мера. В калмыцком обществе сложилось мнение, что легитимность калмыцкому правителю придавала грамота Далай-ламы о его ханском статусе. Такие грамоты получили калмыцкие ханы Дайчин, Аюка, Церен-Дондук, Дондук-Даши.

Между тем, ханская власть у калмыков российской администрацией была признана сравнительно поздно, только через 50 лет после признания хана Дайчина Далай-ламой, признанием правителями соседних и восточных государств, в том числе ойратских. Это можно объяснить сложным характером русско-калмыцких отношений, что подтверждается большим количеством договоров (шертей) с калмыцкими правителями и отдельными владельцами –

несколько десятков в XVII в. Нередко после подписания шерти владельцы отдавали своих ближайших родственников (зачастую сыновей) в качестве заложников, но и это не останавливало их от нарушения договоренностей. На наш взгляд, калмыки предпочитали устные договоренности и к подписанию письменных обязательств относились крайне отрицательно как к выражению недоверия и унижению их достоинства.

В калмыцком законодательстве компетенция калмыцких ханов не закреплялась, поскольку его власть являлась традиционной и, по преимуществу, регулировалась обычаями.

Помимо административных функций хан являлся предводителем всего калмыцкого войска, которое организовывал вместе с приближенными и нойонами-владельцами. Так, по законам хана Дондук-Даши вопросам организации войска придавалось достаточно большое внимание. Законы Дондук-Даши, в частности, повторяли правило Великого Уложения 1640 г., что при приближении неприятеля необходимо незамедлительно сообщить об этом в ставку князя и готовиться к походу. Если пришло сообщение о предстоящем походе, нойоны должны собрать войско. Не явившиеся в указанный срок или вернувшиеся из похода раньше срока подвергались штрафу, а совсем не явившиеся – двойному штрафу. Хан занимался разрешением конфликтов между нойонами, а также утверждением решений суда Зарго.

При хане функционировал штат чиновников, на которых были возложены как придворные, так и административные обязанности не только в ханском улусе, но и на всей территории ханства. Однако, власть хана была ограничена институтами нойонов и зайсангов – владельцами улусов и аймаков. Последние были относительно самостоятельны в решении некоторых административно-хозяйственных вопросов в рамках своей подведомственной территории.

Таким образом, в составе Российского государства калмыки получили территорию для проживания, свободу торговых связей, сохранили

традиционную систему управления и национальные нормы права. Оформляя российское подданство калмыкам, правительство отказалось взимать с них подати. Калмыки, в свою очередь, обязывались нести военную службу и принимать деятельное участие в войнах России. Это сыграло огромную роль: Калмыцкое ханство и его войско обеспечили российское преобладание на юге страны и способствовали включению в состав России целого ряда территорий. Наличие собственных традиционных институтов публичной власти, собственных правовых норм, религии, культуры, языка, уникального быта и менталитета обеспечило калмыкам автономное существование в российском многонациональном обществе.

ГЛАВА 3. СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ КАЛМЫЦКИМИ УЛУСАМИ В КОНЦЕ XVIII – XIX ВВ.

3.1. Правовой статус калмыцких кочевий в конце XVIII – XIX вв.

Территория Калмыцкого ханства составляла 32 миллиона десятин в степях Нижнего Поволжья, Северного Прикаспия и Предкавказья. После ухода подавляющего большинства калмыцкого населения из России обратно в Центральную Азию в 1771 г. Калмыцкое ханство было ликвидировано, и территория калмыцких кочевий, введенная в состав Астраханской губ. под названием «Калмыцкая степь», была значительно сужена и ограничилась степным пространством между Волгой и Доном. На обоих берегах Волги располагался Хошеутовский улус и на левобережье была отведена территория для летних кочевий калмыков всех улусов. Калмыцкая степь, улусы которой управлялись нойонами-улусовладельцами, в Астраханской губ. фактически получила статус уезда.⁴⁶⁹ Большедербетовский улус нойонов Гахаевых, располагавшийся на юго-западе калмыцких кочевий, в середине XIX в., наряду с ногайцами и туркменами Ставрополя, в административном отношении находился в ведении Главного пристава кочующих народов Ставропольской губ.

Наибольшие земельные потери калмыки понесли на левобережье Волги. В 70-е годы XVIII столетия правительство сознательно ограничивало их пребывание на левой стороне Волги, и казахи Букеевской орды стали активно осваивать опустевшие степи Волго-Уральского междуречья.

Астраханская администрация под давлением обстоятельств решила вернуть калмыков на левобережье Волги, чтобы использовать их против казахов. Летом 1782 года астраханский губернатор М. М. Жуков разрешил улусу Тюменя (400 кибиток) и 200 кибиткам из улусов нойонов Маши и Цаган-

⁴⁶⁹ Максимов К.Н. История национальной государственности Калмыкии ... С. 50.

Кичика перейти для постоянного кочевания на луговую сторону Волги на условии несения ими кордонной службы. На следующий год к М.М. Жукову с просьбой пропустить на левый берег Волги своего сына Бодогоя с 1000-ю кибитками на тех же условиях обратился дербетовский правитель Ценден-Доржи.

В 90-е годы XVIII века кавказский наместник генерал-губернатор И.В. Гудович сумел убедить в полезности размещения калмыков в степях между Волгой и Уралом руководителей центральных ведомств. Но малочисленное калмыцкое население, не смогло сдержать натиск более многочисленных казахов. Постепенно казахи освоили волго-уральское междуречье, и властям пришлось смириться с этим фактом. После того, как в 1802 году, Букей Нуралиев со своими подвластными принял подданство России, казахи окончательно закрепились в междуречье Волги и Урала.⁴⁷⁰

Дербетовские улусы кочевали от Царицынской линии и далее вниз по Дону и его левым притокам вплоть до устья Маныча, а также по Ергеням, речке Сарпе. Иногда летом они переправлялись на луговую сторону Волги, но осенью обязательно возвращались в район основных кочевий. В 1783 году правительство окончательно запретило дербетам находиться на левобережье.⁴⁷¹

В последней трети XVIII века донские казаки приступили к активному освоению земель, прилегающих к левому берегу Дона и его притоков. После установления в 1781 году административной границы между Донской областью и Астраханской губернией и завершения генерального межевания приграничных территорий положение калмыков ещё более осложнилось.

Задонские степи официально были закреплены за Донской областью и поступили в казачий земельный фонд, в результате чего калмыки были ограничены в пользовании ими. Предгорья Ергеней стали крайним западным

⁴⁷⁰ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С. 452.

⁴⁷¹ ПСЗ РИ-I. Т. XXI. №15813. С. 993.

пределом кочевий астраханских калмыков и одновременно административной границей между Астраханской губ. и областью Войска Донского.

После принятия решения о строительстве Моздокско-Азовской укрепленной линии и в результате его реализации произошли значительные территориальные изменения на южных границах расселения калмыков.⁴⁷² Новая укрепленная линия была призвана обеспечить безопасность довольно протяженной (500 верст) южной границы Астраханской губ. и области Войска Донского от набегов адыгов и черкесов, а также предоставляла возможность донским казакам для безопасной торгово-хозяйственной деятельности.

В результате колонизации земель Предкавказья калмыки вынуждены были вскоре отодвинуть свои кочевья от реки Терек к низовьям Кумы и бассейну Маныча. Земли, расположенные между реками Большой Егорлык, Калаус и озером Маныч, стали местом постоянного кочевания Большедербетовского улуса. Степи к востоку от Калауса закрепились за Малодербетовским улусом, чьи зимние кочевья в низовьях Кумы соприкасались с зимними кочевьями торгоутских улусов: Икицохуровского, Эркетеневского, Харахусовского и Яндыковского. Первые три из перечисленных торгоутских улусов большую часть года занимали центральную, а Яндыковский улус – восточную часть Калмыцкой степи.

К исходу XVIII столетия ареал расселения калмыцкого народа значительно сократился, во-первых, из-за последствий откочёвки в Джунгарию, приведшей к уменьшению численности калмыков, во-вторых, из-за начавшейся колонизации края. С этого времени на жизнь калмыцкого народа начинают оказывать сильное влияние колонизационные процессы в регионе.

Заселение астраханской окраины российского государства началось сразу же после присоединения к российскому государству. Первыми поселенцами стали «служилые люди», возводившие городки-крепости вдоль

⁴⁷² ПСЗ РИ-I. Т. XX. №14607. С. 518.

реки Волги, под прикрытия которых потянулись купцы, ремесленники, чиновники и другие разночинцы, составившие посадское население городов.⁴⁷³ В крае появляются первые, основанные беглыми людьми рыбацкие посёлки, расположенные недалеко от г. Астрахани, в прилегающей к ней приморской полосе и в устье Волги.

В 1765 году помещикам предоставили право покупать земли в крае на условиях их заселения. Однако, по свидетельству П. Любомирова, «помещичье заселение дало ничтожные результаты, хотя земли покупались активно». Помещики вкладывали средства в более прибыльное рыболовство, а не в освоение пустующих земель.

С 1765 по 1785 год на участке Царицынско-Астраханского тракта были образованы 7 казачьих станиц и две напротив г. Астрахани для обслуживания дорог общероссийского значения, которые связывали центр с Астраханским краем и с Северным Кавказом. Задачи экономического освоения находились на втором плане переселенческой политики.

Через калмыцкие улусы пролегал Кизлярский тракт, начинавшийся в Москве, и, проходя через Тамбов, Царицын, Астрахань, Кизляр, заканчивался в Моздокской крепости. Общая протяженность этого пути составляла без малого 2 тыс. верст, из которых свыше 500 верст приходилось на калмыцкие кочевья. По Кизлярскому тракту происходило передвижение воинских соединений и снабжение войск Кавказской линии и гражданского населения Северного Кавказа.

Основание Кавказской укрепленной линии связано с основанием в 1735г. Кизлярской, а затем в 1763 г. – Моздокской линий. В связи с этим большое значение придавалось заселению Кизлярского тракта, поскольку от его состояния и обустройства зависела судьба Кавказской укрепленной линии. Значительная часть этой дороги пролегла по безлюдной, безводной и засушливой степи. Это обстоятельство серьезно ограничивало пропускную

⁴⁷³ Любомиров П. Заселение Астраханского края в XVIII в. // Наш край. 1926. №4. С. 53.

жизнедеятельность дороги и нередко являлось препятствием для планомерного и стабильного снабжения кавказской армии.

В 1763 году астраханский губернатор Бекетов предложил учредить вдоль Кизлярского тракта несколько населённых пунктов и поселить в них до одной тысячи семей донских казаков, однако, на это не дал разрешения Сенат. В 1777 году было положено начало строительству Моздокско-Азовской укрепленной линии. Заселение Кизлярского тракта тогда не состоялось, поскольку в калмыцких степях от Астрахани до Кизляра отсутствовали оседлые поселения. Калмыцкие степи не привлекали переселенцев из-за неблагоприятных почвенно-климатических условий, недостатка пресной воды и случавшихся набегов горцев.

Инициатором заселения дорог, ведущих на Кавказскую линию, стал генерал-поручик П.С. Потёмкин, ставший в 1785 году кавказским наместником. В качестве административного центра Кавказского наместничества была определена станица Екатерининская, преобразованная в город Екатериноград. В связи с этим встал вопрос о наиболее удобных путях сообщения. Выбор пал на Черкасский и Царицынский тракты, последний называли ещё Маджарским, и проходил он по Ергенинской возвышенности через калмыцкие степи, где не было ни одного населённого пункта.

Майским указом 1785 г. было определено расстояние между вновь образуемыми поселениями на Кизлярском тракте в 15–30 вёрст и установлено пособие в размере 20 руб. на семью для желающих поселиться в этих сёлах. Планировалось расселение в них семей отставных солдат и укрепление этих селений в целях безопасности земляными валами. Поселиться в них также приглашали калмыков с обещанием награды и помощи в обустройстве жилищ и хозяйственными постройками. По упомянутому указу рекомендовалось селить на Кизлярском тракте «татар, калмыков и тому подобных для поселения и заведения всякого хозяйства и промыслов».⁴⁷⁴

⁴⁷⁴ ПСЗ РИ-I. Т. 22. №16194. С. 392.

Сразу же выразили желание селиться на Черкасском и Царицынском трактах около одной тысячи татар из Пензенского наместничества и 800 однодворцев из разных местностей. В целях их обустройства было выделено 50 тыс. руб. Вдоль Царицынского тракта пожелали селиться в основном татарские семьи Казанской и Вятской губерний, а на Черкасском тракте – жители Харьковской губ.⁴⁷⁵ Однако Царицынский тракт длительное время продолжал оставаться малозаселенным и, в связи с этим, было не обеспечено надежное сообщение между центром и Северным Кавказом. Что касается Кизлярского тракта, то здесь удалось организовать заселение только тех участков дороги, которые примыкали к городам. В остальных местах этой дороги заселение оказалось малоуспешным.

Таким образом, российская колонизация земель Кавказского наместничества во второй половине XVIII в. охватывала в основном места, находившиеся вблизи водных бассейнов. Маловодные и малопродуктивные земли между Каспием, Волгой, Манычем и Кумой переселенцев не привлекали, и на них по-прежнему продолжали кочевать калмыки. Переселенцы занимали лучшие земли вдоль водных артерий. А это приводило к обострению отношений с кочевавшими рядом калмыками. Калмыки были вынуждены углубляться в безводные степи и постепенно терять богатые родниками и растительностью кочевья. Оттеснение калмыцкого населения от водных мест вело к сокращению скотоводческого хозяйства. К началу XIX в. ситуация обострилась настолько, что потребовалось государственное вмешательство для урегулирования взаимоотношений калмыков с оседлым населением.

В начале XIX в. были приняты важные законодательные акты, которые закрепляли земельное устройство калмыков и официально определяли границы их кочевий.

⁴⁷⁵ Бентковский И.В. Первоначальное устройство административных учреждений в Кавказской губернии // Ставропольские губернские ведомости. 1886. №39. С. 67.

Последовавший в сентябре 1800 г. указ Павла I «Об отводе калмыкам Малого и Большого Дербета всех земель от Царицына по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморью»⁴⁷⁶ положил начало установлению земельного статуса калмыков. По этому указу было определено, что калмыкам принадлежат все те земли, на которых они кочевали до 1771 г. Однако оговаривалось, что если некоторые земли уже пожалованы кому-либо, то они не поступают во владение калмыков. Данный законодательный акт призван был упорядочить землепользование в Астраханской губ. и разрешить земельный вопрос калмыков, так как ранее юридически нигде не закреплялись точные границы калмыцкой территории.

Калмыцкое ханство занимало территорию в 32 млн дес. Но, поскольку точные границы калмыцких земель не были определены, некоторые земли, ранее занимаемые калмыками, были заселены переселенцами.⁴⁷⁷ Калмыки, оставшиеся в России после 1771 г., были немногочисленны и это обстоятельство повлияло на решение российского правительства сократить территорию их кочевий.

В апреле 1802 года граф В.П. Кочубей, руководитель коллегии иностранных дел, известил Главного пристава калмыцкого народа Н.И. Стрехова об отсутствии необходимости отдавать калмыкам всю территорию бывшего Калмыцкого ханства. В.П. Кочубей объяснял это решение тем, что император Павел I издавал указ о восстановлении Калмыцкого ханства в надежде о возврате ушедших в Джунгарию калмыков, но в настоящее время уже нет необходимости выделять калмыкам такую большую территорию.

В 1802 г. калмыкам было отведено количество земли, необходимое для кочевий.⁴⁷⁸ Главноуправляющий Грузией князь П.Д. Цицианов указом от 12 июня 1803 г. «О распоряжениях для отвода земли в Астраханской губернии калмыкам и киргиз-кайсакам» получил распоряжение о подготовке проекта

⁴⁷⁶ ПСЗ РИ-I. Т.26. № 19575.

⁴⁷⁷ ПСЗ РИ-I. Т. 29. №22135. С. 283.

⁴⁷⁸ ПСЗ РИ-I. Т. 29. №22135.

земельного устройства калмыков и казахов. Для этого требовалось установить точное количество населения и их скота. Земли, перешедшие ранее в частную собственность, а также земли севернее Царицына калмыкам отводить не предполагалось.⁴⁷⁹ К калмыцким кочевьям планировали отнести территорию по правой стороне Волги и небольшие территории по левому берегу. Итогом этих мероприятий явился указ Александра I от 19 мая 1806 г.,⁴⁸⁰ который устанавливал калмыкам вдоль Волги прогоны для водопоев скота и перекочевки на летние пастбища. В остальное время калмыки кочевали на правой стороне Волги. Земли вдоль Волги фактически заняло оседлое население, которому предоставлялось право совместно с калмыками пользоваться 10–15-верстной полосой. Таким образом, калмыки занимали территорию вдоль Волги от Царицына до р. Кумы и оз. Маныч, от побережья Каспия до Области Войска Донского.⁴⁸¹

Эти территории объявлялись общим кочевьем для всех калмыков. Помимо этого, калмыки Малодербетовского и Большедербетовского улусов получили право кочевать на землях за Манычем. На левом берегу Волги располагалась часть кочевий Хошеутовского улуса. Помимо этого, часть левобережья Волги предназначалась для летних кочевий и называлась «Общим очередным летним кочевьем всех улусов, кроме Хошеутовского». В калмыцкие земли входил расположенный на правом берегу Волги в 6 верстах от г. Астрахани (ныне в черте г. Астрахани) пос. Калмыцкий Базар, являвшийся местом постоянной торговли скотом.

На отведенной территории калмыкам разрешалось заниматься своим традиционным хозяйством кроме добычи соли и основывать поселения. Указом 1806 г. предписывалось сносить все незаконно образованные хутора в Калмыцкой степи и выселять их владельцев.⁴⁸² На основании этого указа

⁴⁷⁹ ПСЗРИ-I. Т. 29. №20793. С. 654.

⁴⁸⁰ ПСЗРИ-I. Т. 29. №22135.

⁴⁸¹ Борисенко И.В. Очерки исторической географии Калмыкии: дореволюционный период. Элиста: КИОН РАН, 1991. С. 67.

⁴⁸² ПСЗ РИ-I. Т. 29. №22135. С. 286-287.

разрешалось находиться на территории, отведенной калмыкам, юртовским татарам и кавказским туркменам, издавна кочевавшим по соседству с калмыками.

В Астрахани была создана особая комиссия по наделению земельными участками кочевых народов. В состав данной комиссии, которую возглавлял астраханский гражданский губернатор, вошли старший губернский землемер, предводитель губернского дворянства и советник казенной палаты губернии. В помощь им были присланы четыре землемера.

Комиссия начала работу 1 сентября 1806 года и завершила её в 1833 году. До 1827 года было проведено межевание калмыцких земель. Границы каждого улуса были четко определены с участием представителей от улусов и соседних поселений.

Комиссия отвела в пользование калмыков чуть более 10 млн дес. удобной и неудобной земли. Места для кочевий каждого улуса определялись с общего согласия всех нойонов-владельцев и правителей улусов. Кроме того, калмыкам были выделены места для прогонов скота в правобережье Волги и к р. Большой Егорлык, а также предоставлены займища для зимовки. Оседлое крестьянское и казачье население получило в совместное пользование с калмыками 10-вёрстную полосу вдоль правого берега Волги.

Также калмыцкие земли были защищены от незаконного использования указом от 3 апреля 1828 г., который запрещал «армянам и прочим людям» пасти скот на калмыцких землях и позволял им пользоваться для этого свободными казенными участками в Астраханской губ. и Кавказской области.⁴⁸³

Указ 19 мая 1806 г. стал важным документом, который на законодательном уровне относительно точно установил калмыцкое земельное пространство. Российская администрация предоставила исключительное право калмыцкому населению в пользовании этими землями для ведения

⁴⁸³ ПСЗ РИ-II. Т.3. №1912. С. 346.

своего традиционного хозяйства. В составе Астраханской губ. и определилась особая административно-территориальная единица под названием «Калмыцкая степь». В основном указанные земли, за исключением приволжских земель и дельты Волги, составили территорию современной Республики Калмыкия.

Однако, крестьянская колонизация калмыцких земель продолжалась. Первоначально крестьяне заселяли окраинные участки Калмыцкой степи, недалеко от населённых пунктов и водных артерий. Больше всего пострадали жители Малодербетовского, Большедербетовского и приволжской части Багацохуровского улусов, лучшие по природно-климатическим условиям. Калмыков постепенно вытеснили из 10-вёрстной полосы, земли совместного пользования заняло оседлое население и основало там хутора. Поэтому уже к середине XIX в. у калмыков произошли значительные земельные потери.

В «Положении об управлении калмыцким народом» 1834 г. земельному вопросу было уделено особое внимание. Специальный раздел этого Положения запретил представителям некалмыцкого населения создавать самовольные поселения в степи и заниматься хозяйствованием на калмыцких землях.⁴⁸⁴

Таким образом, были четко определены административные границы калмыцких кочевий. Однако в первой половине XIX века так и не было установлено точное количество калмыцкого населения. Российские власти пользовались данными, которые предоставляли владельцы улусов. Эти данные были занижены. Косвенная информация, добытая приставами и попечителями в улусах, не всегда соответствовала действительности.

В 1803 г. калмыцкие нойоны сообщали главному приставу калмыцкого народа Н.И. Страхову о 14198 кибиток простолюдинов. По мнению главного пристава, эта цифра была занижена и составляла около 20 тысяч кибиток. В среднем считали в кибитке 3 человека мужского пола. Исходя из этого, была

⁴⁸⁴ ПСЗ РИ-II. Т.10. Отд.2, прибавление к 9 тому. №7560а. Глава XIV. №224–225.

установлена примерная численность населения калмыцких улусов - 60 тыс.чел.⁴⁸⁵ Российская администрация обращала внимание на неточность статистических данных в отношении калмыцкого населения. Главный пристав Ващенко в своем «Описании калмыцкого и трухменского народов» отмечал о наличии инструкции Коллегии иностранных дел о том, что при подсчете калмыцкого населения следует «довольствоваться списками, подаваемыми владельцами». Отсюда, по его мнению, происходила значительная разница между официальным и реальным состоянием дел в подсчетах: «в прежних ревизских сказках показаны аймаки в 20-30 кибиток, а при тяжбах открывается, что оные состоят из 100 и более кибиток»⁴⁸⁶.

Калмыцкие улусы существенно различались между собой как по занимаемой территории, так и по количеству населения. Российское правительство последовательно переводило калмыцкие улусы в разряд казенных в случае, если умерший нойон-улусовладелец не имел прямых наследников, хотя ранее в этом случае наследниками становились представители боковой ветви. Также российские власти имели эффективный способ воздействия на таких представителей калмыцкой знати, как правители улусов, назначавшиеся из состава наиболее влиятельных родовых зайсангов в случае отсутствия прямых наследников умершего нойона – это лишение права управлять улусом или аймаком. Хотя к владельцам улусов, получившим свое право по наследству, эта мера не применялась. В случае, если получивший в наследство нойон-улусовладелец являлся малолетним, временно до его совершеннолетия улус передавался в опекуновское управление близким родственникам или авторитетным зайсангам.

«Положение об управлении калмыцким народом» 1834 г. закрепило имевшееся административно-территориальное устройство Калмыцкой степи: 7 улусов (5 владельческих и 2 казенных).

⁴⁸⁵ Страхов Н.И. Указ. соч. С. 17-19.

⁴⁸⁶ НА РК. Ф. 1. Оп.1. Д. 161. Л.12 об.

Наиболее крупным по территории и населению являлся Малодербетовский улус, принадлежавший нойону Чучею Тундутову. Он, его сын Эрдени и внук Деджит являлись авторитетными политическими фигурами, к мнению которых прислушивались представители российской администрации. Поскольку территория улуса была очень большой по протяженности (от Царицына до оз. Маныч) в 1835 г. у попечителя улуса были введены должности двух помощников.

Большедербетовский улус нойонов Гахаевых находился в пределах Кавказской области, но подчинялся Совету Астраханского калмыцкого управления (САКУ).

Имя калмыцкой племенной группы носил ещё один улус – Хошеутовский, который в середине XIX века насчитывал около 2 тысяч кибиток. В первой половине XIX века улусом владел нойон Серебджаб Тюмень. Население улуса кочевало на обоих берегах Волги в ее низовье вблизи г. Астрахани. Поскольку калмыки Хошеутовского улуса имели тесные связи с соседним оседлым населением, они занимались также рыболовством, заготовкой кормов для скота на зиму, в пригодных участках пытались заниматься земледелием, небольшая часть населения Хошеутовского улуса переходила к полуоседлому образу жизни.

Два торгоутских улуса – Багацохуровский и Эркетеневский – ещё в 1784 году перешли в разряд казённых и управлялись правителями улусов, назначаемыми из зайсангов астраханским военным губернатором на три года. К середине XIX века Багацохуровский улус по официальным данным состоял из 2 тысяч кибиток (семей), Эркетеневский – из полутора тысячи кибиток.

Икицохуровский, Эрдниевский, Харахусовский и Яндыковский улусы, расположенные восточнее Малодербетовского улуса, принадлежали нойону Церен-Убаши. После смерти его сына Церен-Арши в 1838 г. династия икицохуровских нойонов прервалась и было учреждено управление над улусами из родовых зайсангов. По официальным, но заниженным данным в 1839 г. в Яндыковском улусе насчитывалось 1762 кибитки, в Икицохуровском

улусе – 1170, но фактически в обоих улусах проживало не менее 4 тыс. семей (кибиток). Объединённый Харахусо-Эрдниевский улус состоял из 815 кибиток.⁴⁸⁷

В конце 1820-х годов в дельте Волги вдоль Каспийского моря образовалась новая административно-территориальная единица Калмыцкой степи – Мочаги. Поскольку в Мочагах существовало множество рыболовных промыслов, местное население составляли обедневшие калмыки, пришедшие из различных улусов на заработки. В связи с этим 1 марта 1827 г. правительство приняло специальное «Положение об определении частного пристава при калмыках, от улусов их отделившихся».⁴⁸⁸ По данному Положению для мочажных калмыков вводилась должность специального пристава.

Ордынское отделение палаты государственных имуществ Астраханской губ. полагало, по не подтвержденным данным, что за калмыками Астраханской и Ставропольской губерний числилось более 10 млн. дес. земли. Отсутствие точных сведений о населении, их хозяйственном положении и состоянии калмыцких земель создавали трудности в управлении калмыцким обществом.

В июне 1852 года началась новая перепись земель в калмыцкой степи, которая продолжалась до 1858 года. Были составлены точные карты, описания калмыцких земель и населения⁴⁸⁹. Согласно переписи 1852–1858 годов площадь калмыцких земель составила 11 296 614 десятин.

Однако, позднее территория калмыцких кочевий была сокращена. Наибольшие земельные потери понесли калмыки Малодербетовского и Большедербетовского улусов. В 1860 году была упразднена Кавказская линия, и эта территория была разделена на Ставропольскую губ., Кубанскую и

⁴⁸⁷ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С. 481.

⁴⁸⁸ ПСЗ РИ-II. Т.2. №936.

⁴⁸⁹ Бурчинова Л.С. Первые рекогносцировочные обследования Калмыцкой степи в XIX в. // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста, 1981. С. 63-65.

Терскую области. В результате существенно изменилась граница между Ставропольской и Астраханской губерниями.

Калмыки, кочевавшие в теперь уже Ставропольской губ., перешли под управление Ставропольской администрации. Большедербетовский улус, состоявший из 5123 чел., был введен в состав Ставропольской губ. с сохранением статуса особой административно-территориальной единицы и своим управлением.⁴⁹⁰ При этом калмыки занимали довольно большую территорию достаточно плодородных земель, значительную часть которой администрация стала изымать в пользу крестьян-переселенцев в ходе реализации программы по заселению калмыцких дорог.

В начале 80-х годов была проведена новая съемка калмыцких земель Астраханской губ. Данные сведения содержали более точные сведения о калмыцких землях, их границах, дорогах, поселениях. По данным этой съемки территория Калмыцкой степи составляла 7401679,5 десятин земли. По сведениям 1892 г. площадь калмыцких улусов Астраханской губ. составила 5602127,03 дес. удобной и 512079,21 дес. неудобной земли, всего – 6114206,24 дес.⁴⁹¹ В целом, за 1806-1892 гг. было изъято у калмыков более 5 млн десятин земли, то есть около 40% от земельной площади, отведённой калмыцким улусам российским правительством в начале XIX в., что объясняется постоянно возрастающим притоком переселенческого населения в Астраханскую губ. как в процессе реализации программы заселения калмыцких дорог по Царицынско-Ставропольскому, Крымскому и Кизлярскому трактам, так и в результате стихийной крестьянской колонизации после отмены крепостного права в России.

⁴⁹⁰ Лебединский А. Большедербетовский улус во второй половине XIX в. // Калмыцкая область. Астрахань, 1925. №2. С.109.

⁴⁹¹ Материалы статистико-экономического и естественноисторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии. Астрахань, 1910. Ч.1. С. 4.

Перепись калмыцкого народа 1868 г. установила, что в Астраханской губ. насчитывалось 119598 чел., в том числе, простолюдинов - 114912 чел., представителе других сословий – 4685.⁴⁹²

Более точные, но также неполные, сведения о численности калмыков были получены в процессе проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. По этим данным в Астраханской губ. насчитывалось более 143 тыс. калмыков, из которых 128573 чел. проживало в Калмыцкой степи и 14618 калмыков – за пределами калмыцких улусов.⁴⁹³ Заниженность подобных цифр о численности калмыцкого населения объяснялась трудностями единовременных переписей кочевого населения.

Российское правительство, устанавливая новую систему управления калмыцкими улусами, на протяжении XIX в. и, особенно, во второй половине XIX в. старалось создать систему школ и медицинской помощи в Калмыцкой степи. К концу XIX в. в каждом улусе функционировали 2-классные улусные школы на средства общественного калмыцкого капитала, созданного в 1830-е годы и пополняемого за счет арендной платы с земельных и рыболовных участков, за счет многочисленных штрафов и др. В начале XX в. были открыты начальные «народные» школы в некоторых аймаках на средства местного населения. Становление и развитие врачебно-фельдшерской медицинской помощи и организация врачебных мероприятий также финансировалась из средств калмыцкого общественного капитала.

Таким образом, после упразднения Калмыцкого ханства оставшиеся в составе России калмыцкие улусы были подчинены астраханскому губернатору как самостоятельные административно-территориальные единицы, во главе которых находились нойоны-улусовладельцы. В 1860 г. земли Большедербетовского улуса были отнесены к Ставропольской губ.

⁴⁹² Костенков К.И. Результаты переписи калмыцкого народа, произведенной в декабре месяце 1868 года // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань, 1869. Вып. 1. С. 150-158, 160.

⁴⁹³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1899. Вып. 6. С.2.

Территория калмыцких кочевий существенно сократилась из-за откочевки 75% калмыков в Центральную Азию, а также в XIX в – из-за значительных крестьянских переселений в регион. Российская колонизация земель во второй половине XVIII века охватывала в основном места, находившиеся вблизи водных бассейнов и пригодные для оседлой жизни. Маловодные и малопродуктивные земли между Каспием, Волгой, Манычем и Кумой переселенцев не привлекали, и на них по-прежнему продолжали кочевать калмыки.

Несколько правительственных указов начала XIX в. положили начало земельному устройству калмыков. Степи между Каспием и землями Войска Донского, от Царицына и Волги до озера Маныч были закреплены в пользование калмыцкого народа. К территории калмыков относился пос. Калмыцкий Базар в 6 верстах от г. Астрахани, в котором осуществлялась торговля калмыков. На отводимых землях калмыкам разрешалось создавать поселения и заниматься различными видами хозяйства. Однако в XIX в. земельные потери калмыков составили более 5 млн. десятин земли, что связано с отводом земли под 10-верстную (местами 15-верстную) полосу вдоль Волги, переданной оседлому крестьянско-казачьему населению, под крестьянские поселения в ходе реализации программы заселения калмыцких дорог и в результате стихийных крестьянских переселений после реформы 1861 г.

3.2. Управление калмыцкими улусами в конце XVIII – первой трети XIX вв.

Российское правительство начало вмешиваться уже в первой половине XVIII в. в назначение главы Калмыцкого ханства и в урегулирование споров между нойонами. Далее с укреплением и разветвлением чиновничьего аппарата абсолютной монархии в Российской империи нередкими стали ограничения самостоятельности калмыцких улусовладельцев и ханов.

Постепенно полномочия местных институтов власти и управления начинают заменяться российскими службами, которые стали иногда вмешиваться в перераспределение улусов и аймаков между нойонами и зайсангами, в рассмотрение судебных дел и др.

Характерной в этом смысле являлась реорганизация суда Зарго в 1762 г. с целью ввести его деятельность в надзорное поле российской администрации, что явилось серьезным ограничением полномочий калмыцкого хана. В связи с этим представители калмыцкой знати стали пассивно бойкотировать разбирательство дел в Зарго и заменять его самостоятельным разрешением взаимных конфликтов.⁴⁹⁴

Калмыцкая знать была недовольна начавшимися попытками перевода калмыков в православие, поскольку крещеные калмыки выходили из системы обязательных отношений с нойонами и зайсангами. Помимо этого, нередко обедневшие калмыки стали заниматься отходничеством за пределы своих улусов в поисках заработка, тем самым снижая численность податного населения и разрушая устои своей зависимости от знати. Нередкими стали конфликты калмыков с оседлыми соседями из-за пастбищных угодий. В числе других причин также эти обстоятельства повлияли на откочевку большинства калмыцких улусов в Джунгарию в 1771 г.

После ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. оставшиеся в Нижнем Поволжье калмыцкие улусы были включены в состав Астраханской губ. С этого времени калмыцкий народ стал постепенно вводиться в единое правовое пространство России и российское правительство приняло меры по их устройству.

Около 5 тыс. оставшихся кибиток, принадлежавших ушедшим нойонам, астраханский губернатор Н.А. Бекетов распорядился передать оставшимся нойонам Замьяну, Яндыку, Теке и А.Ф. Дондукову временно в особое

⁴⁹⁴ Небольсин П. Указ. соч. С.21.

управление до особого распоряжения. Позднее в начале 1773 г. эти 5 тыс. кибиток были разделены между упомянутыми нойонами.⁴⁹⁵

Астраханский губернатор 17 февраля 1771 г. предлагал руководству провести ряд мероприятий по управлению калмыками. В своем донесении он предложил создать специальный исполнительный орган, который мог бы заниматься делами калмыков с согласия всех нойонов-владельцев. Татар и туркмен, ранее проживавших в Калмыцком ханстве, решено было перевести в ведение астраханских властей.

Коллегия иностранных дел не возразила предложениям губернатора Н.А. Бекетова, сообщив, что их разрешение зависит от Екатерины II. Было поручено Н.А. Бекетову добиться от калмыцких нойонов подчинения российским властям. По предложению коллегии была предложена губернатору кандидатура нойона А.Ф. Дондукова в качестве советника и в будущем старшего из калмыцких нойонов. Как следовало из письма коллегии, А.Ф. Дондукову «препоручено быть может безприметное над прочими владельцами надзирание, а потом и явное, с учреждением его и главным над ними начальником».⁴⁹⁶

Исходя из этой рекомендации, губернатор Н.А. Бекетов назначил А.Ф. Дондукова временно главным среди калмыцких нойонов, что встретило возражения других улусовладельцев. В связи с этим Н.А. Бекетов писал влиятельному в среде калмыцкой знати нойону Яндыку, «что князь (А.Ф. Дондуков – авт.) поставлен не таким главным, чтобы сам собою мог что-либо предпринять, а лишь потому, что самому ему, губернатору, из-за занятости нет возможности вникать во все мелкие дела, которые и будут в ведении А.Ф. Дондукова».⁴⁹⁷ При этом к нойону Яндыку был послан представитель губернатора с разъяснениями. Данный факт, скорее всего, повлиял на принятие решения о дальнейшем устройстве управления калмыцкими улусами

⁴⁹⁵ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ...С. 445.

⁴⁹⁶ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках ... С.365.

⁴⁹⁷ Там же. С.366.

без назначения первенствующего из нойонов, поскольку это предпочтение могло вызвать недовольство других нойонов-улусовладельцев.

По решению губернатора функции по руководству калмыками ликвидированного органа «Калмыцкие дела» были переданы созданной калмыцкой экспедиции при Астраханской губернской канцелярии. Все улусы, кроме дербетовских, должны были постоянно кочевать на правом берегу Волги. Дербетам было предложено кочевать на левой, луговой стороне Волги для защиты низовьев Волги от возможных нападений казахов. Также было утверждено распоряжение астраханского губернатора о необходимости проведения переписи оставшихся калмыков.

В указе Екатерины II 19 октября 1771 г. о ликвидации Калмыцкого ханства устанавливалось право нойонов-улусовладельцев на самостоятельное управление улусами с административным подчинением астраханскому губернатору. В каждом улусе учреждалась должность пристава, находившегося при нойоне-улусовладельце, на которую назначались представители российской администрации. В губернском центре было создано Зарго, именовавшееся «общенародным калмыцким правлением», поскольку ему вменялись помимо судебных полномочий некоторые административные функции. Зарго состояло из трех судей, назначаемых из зайсангов, по одному от каждого этнополитического объединения: торгоутов, дербетов и хошоутов. Судьи Зарго должны были исполнять свои обязанности на постоянной основе и высказывать свое определение по всем делам, касающимся калмыков. Их решение являлось рекомендацией и могло быть учтено, отклонено или доработано по предложению губернатора.⁴⁹⁸ Этим судьям было установлено жалованье в размере 100 руб. в год в целях обеспечения их относительной самостоятельности от нойонов. Помимо этого, они с членами семей освобождались от штрафов, которые назначались калмыцкими владельцами.

⁴⁹⁸ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках ... С.366.

По распоряжению астраханского губернатора П.С. Потемкина калмыцкий суд Зарго в 1786 г. был ликвидирован.⁴⁹⁹ Калмыцкая экспедиция как административный орган была преобразована в Калмыцкую войсковую канцелярию при губернской канцелярии.⁵⁰⁰ Эта калмыцкая войсковая канцелярия должна была заниматься не только административными и хозяйственно-финансовыми вопросами, но и организацией военной службы.

В результате упразднения в 1796 г. Кавказского наместничества Астраханская губерния стала самостоятельной административно-территориальной единицей со своей структурой управления. Здесь в 1797 г. было создано специальное Калмыцкое правление, в ведении которого находились три группы улусов (торгоутов, дербетов, хошоутов), в составе 13 059 кибиток, в которых насчитывалось около 60 тыс. чел.⁵⁰¹

Часть населения Большедербетовского улуса во главе с Екремом Хапчуковым перешла на земли Войска Донского и в 1798 г. была причислена к казакам. Для управления их делами (всего 3764 кибитки с населением 9 525 человек) при войсковой канцелярии указом императора Павла от 16 февраля 1799 г.⁵⁰² было образовано правление. В состав правления входили два чиновника от Донского Войска и владелец Большедербетовского улуса. Основными задачами правления были перепись калмыцкого населения, организация военной службы калмыков, разрешение споров, жалоб, исков. Это правление подчинялось канцелярии Области Войска Донского.⁵⁰³

Поскольку после исхода 1771 г. в России калмыков осталось лишь 25 % от прежней численности, они уже не могли представлять значительной военной силы. В конце XVIII в. южные границы России отодвинулись еще на юг и калмыки, за исключением донских, ставропольских (на Волге) и оренбургских калмыков-казаков, не принимали прежнего активного участия в

⁴⁹⁹ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа ... С.115.

⁵⁰⁰ Там же. С.91-93.

⁵⁰¹ Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике ... С.154.

⁵⁰² ПСЗ РИ-I. Т.25. №18860.

⁵⁰³ ПСЗ РИ-I. Т.25. №18860.

обороне южных рубежей. При этом территория калмыцких степей обладала большим экономическим потенциалом: калмыцкий скот давал большое количество мяса, шерсти и кожи, калмыцкие лошади шли в ремонт кавалерийских войск. Хотя эти земли были малопригодны для ведения земледелия, но отдельные места с водными источниками можно было заселять оседлым населением. Поэтому правительство России рассчитывало установить полный контроль за территориями, где кочевали калмыки.

Российское правительство осторожно и постепенно проводило политику введения калмыков в общероссийскую систему управления. В начале XIX в. по указу императора Павла I было восстановлено Калмыцкое ханство, хотя и на непродолжительный срок. По двум Высочайшим указам Павла I произошли изменения в правовом статусе Калмыкии и начался новый этап в развитии здесь самоуправления. Также изменились взаимоотношения региона с центральными органами власти. После организованной встречи императора с представителями калмыцкой знати и ознакомления с положением калмыков, император постановил воссоздать Калмыцкое ханство. Н.Я. Бичурин отмечал, что «в 1801 г. Калмыцкий народ получил новые знаки царского к нему благоволения. Дурботский Тайдзи Чучей возведен в достоинство Калмыцкого наместника и при грамоте получил знаки достоинства: знамя, саблю с надписью, соболью шубу и шапку».⁵⁰⁴ После того, как указом Павла I от 14 октября 1800 г. нойон Малодербетовского улуса Чучей Тундутов был назначен наместником Калмыцкого ханства, был восстановлен суд Зарго.⁵⁰⁵ Однако восстановить реальные полномочия, которыми обладали калмыцкие ханы до 1771 г., наместнику ханства Ч. Тундутову не удалось.

Таким образом, вместо калмыцкого правления создавался коллегиальный орган управления – Зарго. Члены Зарго должны были получать жалованье. В случае разногласий в Зарго спорный вопрос окончательно разрешался в Коллегии иностранных дел, в исключительных случаях –

⁵⁰⁴ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С.115.

⁵⁰⁵ ПСЗ РИ-I. Т.26. №19599.

императором. Зарго имел право руководствоваться указаниями центральной власти, а также законами и обычаями калмыцкого народа.

Одновременно с первым указом Павел I подписал еще один Указ (Жалованная грамота) «О свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков».⁵⁰⁶ Императором также был утвержден глава калмыцкого духовенства (Шаджин-лама) с жалованьем 600 руб. серебром в год, что закрепилось в процедуре его назначения в будущем.

Указом Александра I от 26 октября 1801 г.⁵⁰⁷ был подтвержден статус Калмыцкого ханства, определенный Павлом I, однако наместник ханства был подчинен астраханскому военному губернатору. Этим же указом были обозначены функциональные полномочия наместника Калмыцкого ханства. В сферу его функций входили регулирование дел в улусах, надзор за деятельностью Зарго и соблюдение законности его решений, сбор в случае необходимости общекалмыцкого войска и исполнение решений суда. Содержание наместника, членов его семьи и родственников происходило за счет доходов, полученных только со своего собственного улуса. Наместник не имел права устанавливать дополнительные сборы и налоги с населения ханства. Для него были установлены соответствующие атрибуты власти (знамя, сабля, панцирь), а также были предусмотрены подарки от императора.

Калмыцкое ханство находилось в ведении Коллегии иностранных дел. Астраханский губернатор имел возможность принимать участие в калмыцких делах лишь в случае обращения к нему самих калмыков и по согласованию с Коллегией иностранных дел.⁵⁰⁸

При наместнике Калмыцкого ханства была учреждена должность главного пристава, который являлся представителем российской администрации. В его полномочия входило, в первую очередь, посредничество между Калмыцким ханством и российской администрацией.

⁵⁰⁶ ПСЗ РИ-I. Т.26. №19600.

⁵⁰⁷ ПСЗ РИ-I. Т.26. №20037.

⁵⁰⁸ ПСЗ РИ-I. Т.26. №20037.

Помимо этого, он осуществлял надзор за происходившими в ханстве событиями и в ряде случаев находился на страже калмыцких интересов. Местом постоянного пребывания главного пристава являлась ставка Калмыцкого ханства в летний период, в зимнее время – этот вопрос согласовывался с ханом.⁵⁰⁹ Была утверждена достаточно подробная инструкция для главного пристава по надзору за калмыцким населением, в том числе было предписано осуществлять наблюдение за поступками и деятельностью наместника ханства и представителей калмыцкой знати. Главный пристав находился в подчинении коллегии иностранных дел.⁵¹⁰ В каждый калмыцкий улус были назначены частные приставы, подчинявшиеся главному приставу, и выполнявшие полицейские обязанности.

В итоге наместник Калмыцкого ханства Чучей Тундутов не получил ту полноту власти, которой обладали калмыцкие ханы и наместники ханства в прежнее время. Все свои действия и решения он обязан был согласовывать с представителями российской администрации в лице главного пристава, астраханского губернатора и Коллегией иностранных дел. При этом российскому правительству также не удалось достигнуть желаемых результатов, на которые оно рассчитывало при воссоздании Калмыцкого ханства. Ввиду отсутствия достаточного авторитета и влияния в среде калмыцких нойонов Чучей Тундутов не смог реализовать свои властные полномочия, в связи с чем ему не удалось стать надежным проводником российской политики в регионе. Также не получил требуемого влияния калмыцкий Зарго, чьи решения нередко саботировались и не исполнялись. Рядовое население зачастую страдало от произвола нойонов-улусовладельцев.

В политике российского правительства на рубеже XVIII – XIX вв. просматривается желание организовать управление калмыцкими улусами согласно основным принципам управления губерниями по «Губернскому учреждению 1775 г.» с учетом национальной специфики и традиций, и опыта

⁵⁰⁹ Бурчинова Л.С. Калмыкия в системе государственного управления ... С. 51.

⁵¹⁰ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С. 463.

взаимоотношений с центральными органами власти. Согласно этим положениям, Калмыцкое ханство вполне соответствовало признакам губернии с назначаемым императором наместником, при котором функционировал традиционный институт публичной власти – Зарго.

Что касается главного пристава, то он являлся высшим должностным лицом, представлявшим орган центральной власти – Коллегию иностранных дел. Он ведал текущими делами в Калмыцком ханстве в качестве посредника между ним и центральными органами власти. Институт приставства в России возник в соответствии с губернской реформой Екатерины II⁵¹¹. В основные функциональные обязанности приставов входили наблюдение и обеспечение охраны общественного порядка, а также исполнение в регионах российских законодательных актов. В связи с этим главный пристав и частные приставы в Калмыцком ханстве осуществляли эти полномочия, а также принимали участие в судебных разбирательствах. Обо всех происходивших в ханстве событиях приставы ставили в известность свое руководство.⁵¹²

Вместе с тем, представители российской администрации отмечали, что система управления калмыками являлась недостаточно эффективной по причине «необразованности калмыков и привычке их к буйной свободе».⁵¹³ Исходя из этого, российское правительство в поиске более результативных форм управления калмыками пришло к мнению о необходимости распространения на калмыцкие улусы общероссийской схемы управления.

Такую политику российское правительство проводило и в отношении других окраинных регионов страны. В начале XIX в. российские власти стояли перед выбором: унифицировать управление окраинами или предоставить отдельным регионам некоторую автономию⁵¹⁴. Вновь присоединяемые

⁵¹¹ Учреждения для управления губерний 7 ноября 1775 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т.5. М: Юридическая литература, 1985.

⁵¹² ПСЗ РИ-I. Т.26. №20037.

⁵¹³ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С.116.

⁵¹⁴ Красняков Н.И. Оптимизация властеотношений в Сибири по реформе 1822 года. // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т.15, Вып. 1: История. С. 72-84.

окраинные территории, населенные различными народами, зачастую сохраняли местное самоуправление и собственное судоустройство,⁵¹⁵ сохраняли «этноконфессиональную самобытность».⁵¹⁶ По мнению Д.А. Пашенцева, в Российской империи отношения между центром и регионами строились на основе единого общегосударственного правового пространства с учетом региональных и национальных особенностей.⁵¹⁷

В мае 1803 г. наместник Калмыцкого ханства Чучей Тундутов умер. По его завещанию наместничество должно было перейти к его сыну Эрдени-тайши. Однако российская администрация не утвердила последнего наместником, а само ханство фактически было упразднено. Суд Зарго был сохранен только как судебный орган по гражданским делам и лишен административных полномочий. Таким образом, главный пристав стал высшим должностным лицом в калмыцких улусах. По представлению Министерства иностранных дел в 1803 г. Александр I подписал указ «О подчинении Главного пристава при калмыцком народе и суда их Зарго астраханскому военному губернатору».⁵¹⁸ Теперь уже все должностные лица в Калмыкии должны были осуществлять связь с центральными органами власти через астраханского губернатора. Решение наиболее существенных вопросов губернатор согласовывал с Коллегией иностранных дел. Поскольку новый наместник не был утвержден, теперь уже улусные владельцы по согласованию

⁵¹⁵ См.: Коновалов И.А. Местное государственное управление и самоуправление в Степном генерал-губернаторстве в XIX – начале XX в. // Материалы Международной научно-практической конференции «Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР)», Омск, 20-22 октября 2022 г. С. 204-209.

⁵¹⁶ См.: Красняков Н.И. Теория и практика автономизации в системе национально-регионального управления имперской России // Материалы Международной научно-практической конференции «Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР)», Омск, 20-22 октября 2022 г. С. 210-214.

⁵¹⁷ Пашенцев Д.А. Правовые основы управления окраинными и присоединяемыми территориями в условиях расширения Российского государства: историческая ретроспектива // Материалы Международной научно-практической конференции «Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР)», Омск, 20-22 октября 2022 г. С. 252.

⁵¹⁸ ПСЗ РИ-І. Т.27. №21011.

с Зарго утверждались императором. Так, именным указом Александра I от 19 октября 1803 г. нойон Санджи-Убаши был утвержден владельцем Яндыковского улуса.⁵¹⁹

19 марта 1822 г. в урочище Зинзили состоялся съезд калмыцкой знати и буддийского духовенства. Зинзилинское совещание составило новый свод законов, который, однако, не был утвержден российским правительством. Зинзилинское совещание предлагало усовершенствовать систему управления калмыцкими улусами. Представители калмыцкой знати предлагали утвердить Зарго в качестве центрального органа управления калмыками. Ими также было предложено избирать в Зарго представителей от нойонов, зайсангов и духовенства. Его деятельность предполагалась без участия представителей российской администрации.⁵²⁰ Таким образом, решения зинзилинского совещания показали, что калмыцкая знать предпочитала введение в калмыцких улусах системы коллегиального управления с сохранением некоторой автономии. Однако российская администрация планировала реализовать свой план по изменению системы управления калмыками. Политика российского правительства по введению различных народов в систему общероссийского управления была уже ранее апробирована в ряде национальных районов, в частности, у сибирских народов.

Таким образом, в начале XIX в. сложился определенный порядок управления калмыцкими улусами с помощью особых должностных лиц – приставов. Роль приставов заметно возросла после смерти наместника ханства и окончательной ликвидацией Калмыцкого ханства. Введение должности главного пристава явилось важным шагом на пути введения калмыков в общеимперское управление. При этом сохранялись некоторые национальные институты публичной власти, в частности, суд Зарго. Попытки калмыцкой знати сохранить автономию не увенчались успехом. Хотя авторитет нойонов и зайсангов среди населения все еще был велик. Однако, официально

⁵¹⁹ ПСЗ РИ-I. Т.27. №20991.

⁵²⁰ Очерки истории Калмыцкой АССР ... С.243.

приставы считались посредниками между нойонами и российским правительством и защитниками интересов калмыцкого народа. Параллельно центральные власти занимались поиском оптимальных методов управления калмыцкими улусами, в связи с чем к этому процессу было допущено с момента своего создания Министерство внутренних дел.

В марте 1825 г. были утверждены «Правила для управления калмыцкого народа»,⁵²¹ в соответствии с которыми калмыцкие улусы были полностью переданы в ведение Министерства внутренних дел. Калмыцкие улусы в составе Астраханской губ. при сохранении имевшихся институтов публичной власти обрели областной статус.

В целом, за МВД закреплялись общий надзор и координация деятельности органов управления калмыцкими улусами, реализация в случае необходимости изменений в административно-территориальном делении, разрешение споров между нойонами и конфликтов между калмыцким населением и его соседями. МВД также регулировало финансирование расходов на содержание аппарата управления.⁵²²

«Правила» 1825 г. установили областной, окружной и улусный уровень управления калмыками. В связи с этим были утверждены соответствующие органы власти в лице Комиссии калмыцких дел, судов Зарго и улусных управлений.

Комиссия калмыцких дел была создана при астраханском губернаторе, в компетенцию которой входили функции по надзору за улусными управлениями, за сбором налогов и выполнением повинностей, рассмотрение апелляций по гражданским делам с иском более 400 руб. Кроме губернатора в Комиссию калмыцких дел входили вице-губернатор, главный пристав калмыцкого народа, прокурор и два депутата от калмыков: один – от калмыцкой знати, другой – от буддийского духовенства.⁵²³ Местом

⁵²¹ ПСЗ РИ-I. Т.40. №30290.

⁵²² ПСЗ РИ-I. Т.40. №30290.

⁵²³ ПСЗ РИ-I. Т.40. № 30290. С.156.

нахождения данной комиссии была определена Астрахань. «Правилами» 1825 г. был установлен порядок делопроизводства и практической деятельности Комиссии калмыцких дел.

Главный пристав калмыцкого народа с двумя помощниками представлял интересы Министерства внутренних дел и был подчинен его главе. Параллельно он в своей деятельности подчинялся также астраханскому губернатору, а по целому ряду вопросов - Главноуправляющему Кавказским краем. К ведомству последнего были отнесены судебные и военные вопросы и охрана правопорядка.

Главный пристав был обязан представлять в МВД ежемесячные отчеты о состоянии дел, ежегодно объезжать все улусы с целью рассмотрения сложных вопросов на месте. Комиссия калмыцких дел обладала полномочиями по надзору за деятельностью главного пристава, который был обязан согласовывать с ней все свои действия и решения.

Окружное управление составлял суд Зарго. Зарго в судопроизводственной деятельности руководствовался статьями калмыцкого законодательства. Суд Зарго преимущественно рассматривал имущественные споры с иском от 200 до 400 руб., реже - имущественные преступления с иском более 400 руб. Духовенство, как и прежде, рассматривало духовные и семейные дела. Центральный Зарго имел право пересматривать решения улусных Зарго. Членами общекалмыцкого Зарго являлись 8 чел.: два – от буддийского духовенства, остальные – от калмыцкой знати (по одному от каждого улуса).⁵²⁴

Улусные управления были низшим звеном в управлении калмыками. Улусное управление возглавлял нойон-улусовладелец или правитель в казенном улусе в лице авторитетного родового зайсанга. Улусное управление занималось вопросами регулирования внутренней жизни улуса, споров и

⁵²⁴ ПСЗ РИ-И. Т.40. № 30290. С.158.

конфликтов между аймаками и хотонами, разрешением мелких правонарушений.

При владельце или правителе улуса постоянно находился улусный частный пристав с полицейскими обязанностями.⁵²⁵ Частный пристав обеспечивал общественный порядок, осуществлял надзор за деятельностью владельца или правителя улуса, а также наблюдение за зайсангами. К обязанностям частных приставов относился контроль за правильностью назначения и уплаты сборов и исполнения полагающихся повинностей. Пристав обязан был предупреждать преступления и осуществлять розыск виновных в преступлениях лиц. Частный пристав разбирал споры между калмыками и их соседями, рассматривал имущественные споры с суммой иска до 200 руб. ассигнациями.

Таким образом, с упразднением Калмыцкого ханства была ликвидирована государственность калмыцкого народа, и Калмыкия стала составной частью Астраханской губ. В административном отношении калмыцкие улусы были подчинены астраханскому губернатору. По указу Екатерины II от 19 октября 1771 г. о ликвидации Калмыцкого ханства канули в прошлое ханы и его наместники. Нойоны стали самостоятельными улусовладельцами и находились в непосредственном подчинении астраханскому губернатору. При правителях улусов были назначены приставы из числа российских чиновников.

В 1800 г. указом Павла I было восстановлено Калмыцкое ханство во главе с наместником ханства, которое просуществовало до 1803 г. При наместнике ханства продолжал действовать суд Зарго и была учреждена должность главного пристава, на которую назначался представитель российской администрации. Правительственными инструкциями подробно были определены полномочия наместника ханства, которые были заметно сокращены по сравнению с властью ханов до 1771 г.

⁵²⁵ ПСЗ РИ-I. Т.40. № 30290. С.159.

Однако, новому наместнику ханства Ч. Тундутову не удалось стать ни самостоятельным правителем, ни успешным проводником политики российского правительства, так как он не имел достаточного авторитета у калмыцких владельцев и не пользовался влиянием среди них. Поэтому ликвидация Калмыцкого ханства была predetermined, что было осуществлено в 1803 г. после смерти Ч. Тундутова. Все калмыцкие улусы были подчинены астраханскому военному губернатору. Непосредственно делами калмыков занимался главный пристав. Зарго, лишившись административных полномочий, выполнял только судебные функции по гражданским делам. Введение должности главного пристава калмыцкого народа явилось первым шагом по интеграции калмыцких улусов в общероссийскую систему управления. Однако на исходе второго десятилетия XIX в. членами суда Зарго было подано прошение Александру I с жалобой на астраханского губернатора, которого они обвиняли в игнорировании интересов калмыков и в излишнем вмешательстве в их дела.⁵²⁶ В 1817 – 1818 гг. последовали безрезультатные ходатайства в Коллегию иностранных дел вначале от правителей казенных улусов, затем от всех улусов с просьбой о восстановлении Калмыцкого ханства⁵²⁷.

Утвержденными в 1825 г. «Правилами для управления калмыцким народом» калмыцкие улусы под названием «Калмыцкая степь» получили областной статус в составе Астраханской губ. и были переданы в ведение МВД. Управление Калмыкией разделилось на областное, окружное и улусное с соответствующими органами власти.

Министерство внутренних дел, будучи высшим административным органом для калмыцких улусов, обеспечивало общее руководство Калмыкией. Комиссия калмыцких дел в составе высших должностных лиц Астраханской губ. и двух представителей от калмыцкой знати и буддийского духовенства

⁵²⁶ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С.487.

⁵²⁷ Деев С.Ю. Организация управления калмыцким народом после упразднения Калмыцкого ханства (1771-1825). // Вестник института. Элиста, 2002. Вып.17. С.99.

занималась решением текущих вопросов по управлению Калмыкией. «Правилами» 1825 г. были подробно расписаны делопроизводственная процедура и регламент деятельности комиссии калмыцких дел. Комиссии калмыцких дел были даны полномочия по надзору за деятельностью главного пристава.

Суд Зарго, представлявший окружное управление, осуществлял судопроизводство по статьям калмыцкого законодательства. За буддийским духовенством традиционно сохранялось рассмотрение религиозных и семейно-брачных дел. Зарго являлся апелляционной инстанцией, имеющей право пересмотра решений улусных Зарго.

Улусное управление возглавлял нойон-владелец улуса, а в казенных улусах - правитель из состава авторитетных родовых зайсангов. Улусное управление занималось вопросами внутренней жизни улуса, регулированием возникавших споров (главным образом, земельных) между родами и хотонами, разрешали мелкие правонарушения.

В ставке улусного владельца или правителя находился частный пристав, в обязанности которого входило обеспечение общественного порядка, надзор за деятельностью улусного управления, контроль за уплатой сборов и исполнения повинностей. Пристав по преимуществу выполнял полицейские функции, в том числе, профилактика преступлений, расследование и розыск преступников.

3.3. Установление системы протекционизма (попечительства) в Калмыкии в середине XIX в.

«Положения об управлении калмыцким народом» 1834 и 1847 гг.⁵²⁸ явились важнейшей вехой в процессе вовлечения калмыцких улусов в общероссийскую систему, утвердив систему попечительства над калмыками.

⁵²⁸ ПСЗ РИ-II. Т.10. Прибавл. к. т.9 №7560а; ПСЗ РИ-II. Т.22. №21144.

Утвержденное в ноябре 1834 г. и опубликованное через месяц, «Положение об управлении калмыцким народом» было введено в действие с 1 января 1835 г. В соответствии с этим «Положением» Калмыкия, как и прежде, объявлялась самостоятельной административно-территориальной единицей Астраханской губернии, подведомственной Министерству внутренних дел. В калмыцком регионе несколько видоизменилась система общекалмыцкого и местного управления во главе с астраханским военным губернатором, при котором был создан отдел по калмыцким делам. Согласно Положению 1834 г. основными институтами власти для калмыцкого населения помимо губернатора являлись Главный попечитель калмыцкого народа, суд Зарго и Ламайское духовное правление. На уровне калмыцких улусов продолжали функционировать улусные управления. Пять улусов (Хошоутовский, Малодербетовский, Большедербетовский, Яндыковский, Харахусовский) являлись владельческими, в которых нойоны-владельцы возглавляли улусные управления, в двух казенных улусах (Багацохуровский и Эркетеневский) улусные управления возглавлялись правителями улусов, назначавшиеся из состава влиятельных родовых зайсангов астраханским губернатором.⁵²⁹

Астраханский военный губернатор в качестве высшего должностного лица в регионе осуществлял общее руководство калмыцкими улусами, общекалмыцкими и местными органами управления, контролировал административную и делопроизводственную деятельность всех должностных лиц, наблюдал за общественным порядком в калмыцких улусах. К полномочиям губернатора относились все кадровые назначения, а также утверждение решений Зарго и обращение в Сенат по поводу рассмотрения некоторых дел. Помимо этого, губернатор утверждал представления о возведении в духовные звания буддийских священнослужителей. Также астраханский военный губернатор должен был представлять в Министерство

⁵²⁹ ПСЗ РИ-II. Т.10. Прибавл. к. т.9 №7560а. С. 19.

внутренних дел ежегодный отчет о состоянии дел в калмыцких улусах, в том числе, о бюджете. В период отсутствия астраханского военного губернатора его полномочия переходили гражданскому губернатору.

Существовавшая с 1825 г. Комиссия калмыцких дел по Положению 1834 г. была преобразована в Совет калмыцкого управления, который действовал в 1836 – 1848 гг. В 1848 г. после перевода калмыков, как и многих инородцев, в ведение созданного Министерства госимуществ, Совет был реорганизован в отделение ордынских народов астраханской палаты государственных имуществ. В 1867 г. на основе указанного отделения было создано Управление калмыцким народом при той же палате государственных имуществ.⁵³⁰

По Положению 1834 г. должности главного и улусных приставов были упразднены и их полномочия в значительно расширенном виде были возложены соответственно на главного попечителя калмыцкого народа и улусных попечителей, созданных по указанному законоположению. Наряду с этим, Положение 1834 г. предусмотрело определенные новшества в калмыцких улусах, отсутствовавшие в предыдущих законах. Положение 1834г. установило порядок наследования улуса или аймака только старшему сыну с запретом дробления этих владений между детьми. В результате в калмыцком обществе значительно расширился слой безулусных нойонов или владельческих родственников и безаймачных зайсангов. Судебную систему Калмыкии безальтернативно возглавлял традиционный суд Зарго.

В целях управления буддийским духовенством было образовано Ламайское духовное правление, принявшее на себя организационные и делопроизводственные функции.

Главный попечитель и Лама калмыцкого народа, чьи полномочия как института власти существенно сократились в связи с созданием Ламайского духовного правления, назначались императором по представлению Министра внутренних дел. Председатель калмыцкого суда Зарго назначался также

⁵³⁰ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С.117-118.

императором по представлению Министерства юстиции. В основе всех этих представлений на имя императора находилось мнение астраханского военного губернатора.⁵³¹

В Положении 1834 г. была предусмотрена выборность ряда членов совета калмыцкого управления и суда Зарго от калмыцкой знати. Членов (ассессоров) данных институтов власти на 3 года избирали на собраниях высшей калмыцкой знати (нойонов). На этот же срок собрания зайсангов осуществляли выборы своих заседателей в те же органы. Общие собрания буддийского духовенства избирали членов Ламайского духовного правления на 3 года. Правом участия в выборных сословных собраниях обладали несудимые и не находившиеся под следствием лица старше 25 лет. Избранные члены совета калмыцкого управления и суда Зарго утверждались решением астраханского военного губернатора.

Аппарат управления главного попечителя в Астрахани составляли 10 служащих. В улусных управлениях были заняты чуть более 20 чел. Служащие указанных учреждений обеспечивали делопроизводство и порядок управления, наблюдали за общественным порядком, осуществляли надзор за законностью и поиск лиц, совершивших преступления, регулировали назначение и сбор податей и повинностей.⁵³²

Что касается служебных обязанностей главного попечителя калмыцкого народа, находившегося в прямом подчинении Астраханского военного губернатора, то они заключались в руководстве всеми органами калмыцкого управления, в наблюдении за состоянием дел в калмыцких улусах, в контроле за уплатой налогов и повинностей, в общем надзоре за судами Зарго. При этом главный попечитель не мог вмешиваться в деятельность судов по уголовным делам.

В целом попечительская система управления была направлена на решение экономических и социальных вопросов в калмыцких улусах. На

⁵³¹ Максимов К.Н. История национальной государственности ... С.59.

⁵³² ПСЗ РИ-II. Т.10. Прибавл. к. Т.9 №7560а. С. 39.

должностных лиц возлагалось улучшение экономического состояния региона, обеспечение населения продовольствием и развитие здравоохранения.

В штате совета калмыцкого управления, который возглавлялся главным попечителем калмыцкого народа, числилось 18 чел. В это количество входили ассессор, избранный от нойонов, и два заседателя от зайсангов.

Функциональные обязанности данного органа были определены Положением 1834 г. и являлись достаточно широкими: надзор за системой управления на местах, за деятельностью улусных Зарго, правильностью уплаты налогов и сборов, контроль за торгово-экономическим развитием. Поскольку за советом калмыцкого управления было закреплено Положением 1834 г. рассмотрение жалоб на нойонов и зайсангов, а также на чиновников калмыцкой администрации, совет назначал должностных лиц, осуществлявших разбирательство как по этому вопросу, так и по ряду других важных дел. К ним относились, помимо жалоб на действия чиновников и представителей калмыцкой знати, уголовные дела по тяжким преступлениям, согласие на проезд по калмыцким улусам, контроль за расходованием денежных поступлений по штрафам и от казенных улусов. Общий контроль был возложен на губернатора.⁵³³

Калмыцкий Зарго был высшей судебной инстанцией в калмыцких улусах Астраханской губ. и по статусу был равнозначен губернской палате уголовного и гражданского суда. Приговоры Зарго утверждал губернатор. Апелляционной инстанцией для судебных решений Зарго являлся Сенат Российской империи.

Аппарат Зарго составляли 17 чел. В состав самого Зарго, помимо избранных нойонами и зайсангами ассессоров и заседателей, входили два советника из числа служащих администрации, назначаемые министром юстиции по представлению астраханского военного губернатора. Председатель данного судебного органа назначался указом императора.

⁵³³ ПСЗ РИ–II. Т.10. Прибавл. к. Т.9 №7560а. С. 19, 24-25.

Рассмотрение уголовных дел Зарго регламентировалось положениями и статьями российского законодательства, а решение имущественных споров опиралось на калмыцкие национальные нормы права.

Членами Ламайского духовного правления, возглавляемого Ламой калмыцкого народа (Шаджин-ламой), являлись 4 человека, избранные из числа калмыцкого духовенства. К полномочиям Ламайского духовного правления относились назначения по службе представителей калмыцкого духовенства, надзор за их религиозной деятельностью, контроль за расходованием финансов в буддийских хурулах, рассмотрение судебных дел, связанных с религиозной жизнью и деятельностью духовных лиц, а также семейно-брачные дела. Ламайское духовное правление в административном отношении было подведомственно астраханскому военному губернатору.⁵³⁴

Положение 1834 г. также определяло полномочия должностных лиц в улусах и калмыцких владельцев. Нойоны-улусовладельцы, аймачные (родовые) зайсанги и выборные хотонные старосты должны были обеспечивать покровительство и заботу о своих подопечных, осуществлять контроль за их перекочевками и передвижениями.⁵³⁵ Им вменялось в обязанность наблюдать за правильностью и рациональным использованием пастбищных территорий, передвижениями кочевого населения, обеспечивать общественный порядок. В случае необходимости нойоны должны были оказывать материальную помощь нуждающимся. Нойоны и зайсанги несли ответственность за преступления, совершенные в подвластных им улусах и аймаках за недостаточный надзор.

Нойоны и аймачные зайсанги, являясь ответственными за порядок и внутреннюю жизнь в собственных улусах и аймаках, руководствуясь национальными законами и обычаями, регулировали все возникавшие между простоллюдинами споры. Положение 1834 г. ввело принцип майората в порядок наследования улусов и аймаков. Также данный закон приравнивал

⁵³⁴ ПСЗ РИ–II. Т.10. Прибавл. к. Т.9 №7560а. С. 27-28.

⁵³⁵ ПСЗ РИ–II. Т.10. Прибавл. к. Т.9 №7560а. С. 29-30.

калмыцкую знать, имевших чины и звания, к дворянам и потомственным гражданам.

В Положении 1834 г. было утверждено традиционное административно-территориальное деление Калмыкии: пять владельческих улусов и два казенных улуса делились на аймаки, состоявшие из хотонов.

По Положению 1834 г. несколько изменили структуру улусных управлений. Правителями казенных улусов сроком на три года назначались распоряжением астраханского военного губернатора нойоны, избранные Советом нойонов, не владевших улусами. К числу главных обязанностей правителей относилось обеспечение сбора налогов.

В статье М.С. Горяева имеются сведения о статусе и полномочиях улусных Зарго: «Согласно Положению были организованы улусные управления, в состав которых входили улусные суды, являвшиеся судами первой инстанции. Они рассматривали мелкие уголовные дела, гражданские дела, дела об опеке. Гражданские и семейные дела разрешались в соответствии с калмыцкими законами, уголовные – на основании российского законодательства».⁵³⁶ Членами улусных Зарго являлись нойон-улусовладелец (председатель), его помощник и два человека, избранные из зайсангов.

Улусный попечитель, назначаемый Министром внутренних дел, был наделен административно-полицейскими полномочиями в целях обеспечения общественного порядка, а также производил следствие по уголовным делам совместно с нойоном – владельцем улуса. Помимо этого, он был обязан контролировать уплату налогов и повинностей в степи, установленных главой XIII «О повинностях калмыков» Положения 1834 г. Улусные попечители были обязаны принимать участие в заседаниях улусных Зарго и осуществлять исполнение его приговоров. В их распоряжении имелись помощники и команда из астраханских казаков для осуществления полицейских обязанностей. В Мочагах, низменной части заливаемой весной дельты Волги,

⁵³⁶ Горяев М.С. Установление системы попечительства в Калмыкии по Положениям 1834, 1847 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. №5 (21). С. 36.

и в пос. Калмыцкий Базар близ Астрахани, где проживали совместно калмыки из разных улусов, назначались смотрители с функциями, соответствующими попечительским.

Положение 1834 г. установило кибиточный налог с простолюдинов в размере 28 руб. 50 коп., из которых 25 руб. поступали владельцу улуса, 2 руб. – аймачному зайсангу, 1,5 руб. - на содержание калмыцкого управления. В казенных улусах из суммы кибиточного налога 2 руб. поступало аймачному зайсангу, остальная часть (26 руб. 50 коп.) предназначалась на содержание органов управления. Помимо этого, калмыки должны были осуществлять кордонную службу на границе с киргиз-кайсаками (казахами) и предоставлять подводы для нужд администрации.⁵³⁷

Положение 1834 г. узаконило традиционные полномочия буддийского духовенства и существенно ограничило произвол калмыцкой знати в части определения размеров податей и повинностей.

«Положение об управлении калмыцким народом» 1834 г. законодательно определило привилегии и права представителей калмыцкой знати. Калмыцкие нойоны, родовые зайсанги и высшее буддийское духовенство были отнесены к привилегированным российским сословиям. По данному Положению они обладали правом избрания и участия в работе административных органов. Представители знати, достигшие на гражданской службе чина 8 класса, или имевшие офицерские чины, или награжденные орденами, были приравнены к российским потомственным дворянам. Нойоны и зайсанги, имевшие гражданские чины ниже 8 класса, были отнесены к личным дворянам. Чины 5-8 классов получали председатель и члены Зарго, а также ассессоры совета калмыцкого управления.

После создания Министерства госимуществ было утверждено «Положение об управлении государственными имуществами в губерниях»⁵³⁸. Согласно этому Положению, должностные обязанности Главного попечителя

⁵³⁷ ПСЗ РИ – II. Т.10. Прибавл. к. Т.9 №7560а. С. 36.

⁵³⁸ ПСЗ РИ – II. Т.13. Ч.1. №11189.

калмыцкого народа возлагались на управляющего астраханской палатой государственных имуществ, так как калмыцкие земли были отнесены к казенным, что неоднократно оспаривалось как представителями калмыцкой знати, так и аймачными и хотонными обществами в связи с развернувшимися в XIX в. переселениями крестьянского населения в южнороссийские степи. Тем не менее, калмыцкие кочевья находились в двойном подчинении: Министерство внутренних дел осуществляло фактический контроль, но в административном отношении органы управления подчинялись Министерству госимуществ. Данное обстоятельство было связано с тем, что Астраханская губерния, в составе которой находились калмыцкие улусы, относилась к ведению Министерства внутренних дел. В то же время калмыки, как относящиеся к инородцам, в Российской империи были подведомственны Министерству госимуществ.

Окончательное оформление системы попечительской опеки над калмыцкими улусами состоялось с утверждением «Положения об управлении калмыцким народом» 1847 г., в ряде фрагментов аналогичное по содержанию с «Положением об управлении государственными имуществами в губерниях» от 30 апреля 1838 г.⁵³⁹, выработанным в Министерстве госимуществ под руководством министра графа П.Д. Киселева для государственных крестьян, и в котором нашла свое воплощение система попечительства.

Положение 1847 г. в значительной степени дополнило предыдущее Положение 1834 г. в части оформления правовых основ для более активной интеграции калмыцкого народа в общероссийскую общественно-экономическую систему. Оно внесло существенные изменения в административную систему Калмыкии, которая продолжала оставаться самостоятельной административно-территориальной единицей Астраханской губ.

⁵³⁹ ПСЗ РИ – II. Т.13. Ч.1. №11189.

По «Положению об управлении калмыцким народом» 1847 г. калмыцкий народ переходил в полное ведение Министерства государственных имуществ. Наряду с тем, что общее руководство регионом осуществлял астраханский губернатор, делами, связанными с калмыцкими улусами, непосредственно занимался управляющий астраханской палатой государственных имуществ, по должности становившийся главным попечителем калмыцкого народа.

Имея самый высший должностной статус в административной лестнице Калмыкии, главный попечитель назначал правителей в улусах, переведенных в разряд казенных. Для него даже было установлено право в чрезвычайных случаях смещать нойонов от управления улусами. За ним был закреплен общий надзор за распределением пастбищных угодий, за общественным порядком, за своевременным сбором налогов и др.⁵⁴⁰ В числе новых задач к обязанностям главного попечителя были отнесены забота о переводе кочевников на оседлость и устройство оседлых поселений вдоль дорог по указу 1846 г. «О заселении калмыцких дорог».

На смену совета калмыцкого управления было образовано при астраханской палате государственных имуществ отделение ордынских народов, занимавшееся в числе других дел управлением калмыками. В состав этого административного органа под руководством управляющего губернской палатой госимуществ и по должности главного попечителя калмыцкого народа, входили советник, чиновник по особым поручениям, два столоначальника, бухгалтер, служащие канцелярии. Кроме них, в отделении ордынских народов была учреждена должность особого депутата от калмыцкого народа из числа нойонов и зайсангов, который избирался на собрании представителей калмыцкой знати и утверждался в должности министром госимуществ сроком на три года. Он обладал равным с другими чиновниками голосом и являлся представителем интересов калмыцкого

⁵⁴⁰ ПСЗ РИ – II. Т.22. №21144. С.358.

народа. Помимо них к этому отделению относились ветеринар и врач с двумя фельдшерами.

В структуру отделения ордынских народов входило 3 стола во главе со столоначальниками и их помощниками. К функциям первого стола относился широкий спектр полномочий: кадровые назначения, надзор за делопроизводством, учет населения и проблемы перехода калмыков к оседлости и в другие сословия, вопросы землепользования и экономического развития, организация медицинской помощи и образования. Служащие второго стола были заняты обеспечением общественного порядка и организацией судебно-следственной деятельности в улусах, вопросами статусных прав калмыцких привилегированных сословий, разрешением проблем, связанных с опекой над улусами и аймаками. Бухгалтерия во главе с бухгалтером являлась самостоятельным столом, обеспечивавшим финансирование системы управления и осуществлявшим контроль всех доходов и расходов, связанных с жизнедеятельностью всех административных, медицинских, образовательных и других структур Калмыкии. В аппарате канцелярии под руководством делопроизводителя работали письмоводитель, 7 писцов и 2 переводчика.⁵⁴¹

Все учреждения, относившиеся к астраханской палате государственных имуществ, до конца XIX в. находились в ведении Министерства государственных имуществ. Утвержденная система управления с некоторыми изменениями сохранялась до перевода Калмыкии в ведение Министерства внутренних дел в начале XX в.

Отделение ордынских народов Астраханской губ. просуществовало до перевода губернских палат госимуществ, в том числе астраханской, в 1867 г. в статус Управления. На основе отделения ордынских народов было образовано Управление калмыцким народом в составе астраханского управления государственными имуществами. Постановление об этом

⁵⁴¹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С.532.

преобразовании было принято Министерством государственных имуществ в феврале 1867 г. Управление калмыцкими улусами продолжало осуществляться на основании Положения 1847 г.

В начале 1880-х годов в кадровой структуре Управления калмыцким народом произошли изменения по инициативе Н. Осипова, занимавшего должность главного попечителя, который обнаружил некоторые недостатки в деятельности Управления и выдвинул ряд предложений.

Н. Осипов предложил заменить коллегиальный принцип работы Управления на принцип единоначалия. По его мнению, в системе центрального калмыцкого управления наблюдается избыток чиновников, в то время как в улусных управлениях ощущается их нехватка. В связи с этим главный попечитель предложил увеличить оклады служащим, на которых была возложена вся тяжесть работы с одновременным сокращением аппарата Управления калмыцким народом и увеличением числа работников улусных управлений. Министерство государственных имуществ, приняв некоторые предложения Н. Осипова, предпочло сохранить коллегиальность работы Управления калмыцким народом.⁵⁴²

В 1881 – 1882 гг. в штате Управления калмыцким народом с упразднением должности советника была введена должность чиновника по особым поручениям, архитектор был введен взамен гражданского инженера. Его заработная плата возросла более чем в 2 раза по сравнению с окладом инженера. В целом должностные оклады служащих Управления существенно возросли. В 1892 г. штат аппарата Управления калмыцким народом составляли: главный попечитель с помощником, депутат от калмыцкого народа, делопроизводитель, бухгалтер, два столоначальника с помощниками. В число служащих Управления также входили помимо трех чиновников особых поручений, переводчика, архитектора и врача, восемь писцов и надзиратель Астраханского калмыцкого училища.⁵⁴³

⁵⁴² История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С.532.

⁵⁴³ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С.533.

Улусные управления размещались в административных центрах улусов, располагавшиеся на зимних и летних пастбищах. Зимние улусные ставки, как правило, имели стационарные постройки: помимо служебных и жилых помещений для служащих управления в них располагались улусные школы и казачьи казармы. Летние ставки размещались в калмыцких войлочных кибитках.

В семи улусах Калмыцкой степи Астраханской губ. действовало в середине XIX в. пять улусных управлений. Это объяснялось тем, что иногда для упрощения управленческих структур в сравнительно малочисленных улусах создавалось одно управление на два улуса. В частности, во второй половине XIX в. существовало объединенное управление на два улуса – Багацохуровский и Хошеутовский (Александровский). При этом в первом улусе руководителем администрации являлся попечитель, во втором – заведующий улусом. Икицохуровским улусом некоторое время также руководил заведующий. В северной части Малодербетовского улуса в с.Тундутово располагалась ставка во главе с попечителем, в южной части этого же улуса (в начале XX в. эта южная часть была преобразована в самостоятельный Манычский улус) в ставке Элиста располагался заведующий. Хотя нам не встречались документы или литературные сведения о различиях между этими должностями (фактически функциональные обязанности лиц, занимавших эти должности, были одинаковыми), но после анализа делопроизводственной документации мы полагаем, что в улусах с попечителем во главе действовал суд Зарго, в улусах с заведующим улусного Зарго не было. Население второго улуса включалось в судопроизводственное пространство соседнего улусного Зарго. Границы улусов не были строго определены и указывались в общих чертах по ориентирам, в качестве которых выступали географические объекты: балки, озёра, речки, лощины, курганы, родники и др. Все они наносились на карты для служебного пользования калмыцкой администрации.

Согласно Положению 1847 г. улусное управление совместно возглавляли нойон-улусовладелец или правитель в казенных улусах с улусным попечителем, который имел помощника. Фактически ведущую административную роль в улусном управлении стал играть попечитель улуса. Все распоряжения, согласованные с нойоном или правителем, исходили от попечителя улуса. Назначения улусных попечителей утверждались по предложению главного попечителя астраханским губернатором.

Попечитель улуса исполнял административно-полицейские обязанности, а также осуществлял контроль за уплатой налогов. Кроме того, попечители выписывали свидетельства на отлучку из улусов калмыкам-отходникам или билеты для найма в работы с оплатой 15 коп. серебром в общественный калмыцкий капитал. В этих документах также фиксировалось денежное поручительство владельца улуса, правителя или аймачного зайсанга за нанимавшегося.

В аппарат улусного управления помимо попечителя и его помощника входили три демчая (сборщики налогов), переводчик, толмач (переводчик разговорной речи) и письмоводители. Все документы визировались улусным попечителем, нойоном-улусовладельцем или правителем казенного улуса. В случае разногласий между ними документ для окончательного решения высылался в губернскую палату государственных имуществ, с 1867 г. в Управление госимуществ. На служащих улусных управлений были возложены функции нотариата. В распоряжении улусного попечителя находилась военная казачья команда, исполнявшая полицейские обязанности.

Осуществление правосудия в Калмыцкой степи начало постепенно интегрироваться в общероссийскую судебную систему. В 1848 г. была прекращена деятельность общекалмыцкого Зарго и его судебные компетенции передали губернской палате уголовного и гражданского суда, в которую также вошел депутат от калмыцкого народа.

По Положению 1847 г. улусные Зарго стали соответствовать в правах и полномочиях российским волостным расправам. В состав улусного Зарго под

председательством нойона-улусовладельца или правителя в казенном улусе входили в качестве членов улусный попечитель со своим помощником, два заседателя, избранных на три года улусным сходом из числа безаймачных зайсангов, в исключительных случаях из числа простолюдинов. Улусный суд Зарго принимал к производству уголовные и гражданские (с иском до 30 руб.) дела и рассматривал вопросы об опекунстве. Деятельность улусного суда осуществлялась под контролем улусного попечителя и была подведомственна губернской палате уголовного и гражданского суда с представлением ежемесячного отчета.

Улусы были поделены на аймаки, являвшимися административными частями улуса. При этом как территориально, так и по количеству населения они различались в зависимости от состоятельности родового зайсанга. Малочисленные аймаки появились у калмыков в результате бытовавшей ранее традиции дробления наследства между детьми. Раздробленный между наследниками аймак, как правило, сохранял статус единого аймака, но были нередкими случаи создания наследниками отдельных аймачных единиц. Автор, знакомясь с архивными делами, содержащими приговоры аймачных сходов, обращал внимание на существование аймаков в количестве менее 10 семей или же, напротив, более нескольких сот семей. В связи с тем, что иногда у некоторых аймачных зайсангов в случае их смерти не оставалось прямых наследников, этот аймак переходил в разряд казенных или мог по традиции передаваться по желанию нойона другому зайсангу. Нередко в литературе встречаются упоминания таких территориальных единиц как отоки, каковых в конце XIX в. в калмыцких улусах насчитывалось 86. Отоки являлись хозяйственной и общественной единицей, состоявших из членов одного рода, в то время как аймаки могли состоять из нескольких родов. Члены отока равномерно распределяли между собой налоги и платежи.⁵⁴⁴ На наш взгляд,

⁵⁴⁴ Деев С.Ю. Административные реформы в национальных окраинах Российской империи в конце XIX – начале XX вв.: на материалах Калмыкии. Дисс... канд. ист. наук. Элиста, 2004. С. 55.

отоки, в сущности, являлись единицами, равнозначными хотонам, но сохранившими традиционное наименование.

Аймаки состояли из хотонов, которые представляли собой сообщество 10–15 близкородственных семей (кибиток), принадлежавших к одному роду. Исключение могли составлять хотоны, располагавшиеся в мочажной части Калмыцкой степи (дельта Волги), куда прибывали калмыки разных улусов для найма в работы на рыболовных промыслах. Реже в некоторых аймаках и хотонах появлялись прибывшие калмыки со стороны, как правило, нанимавшиеся пастухами к богатым скотоводам. Их в калмыцком обществе называли орудями, то есть пришельцами. Количество хотонов в изучаемый период постепенно возрастало в связи с ростом населения. По данным 1890 г. в Калмыцкой степи Астраханской губ. насчитывалось 819 хотонов.⁵⁴⁵

Аймаком управлял родовой зайсанг, а в аймаках без родовых зайсангов (в документах такие аймаки были отнесены к казенным) руководителем являлся аймачный старшина из состава безаймачных зайсангов, реже из состоятельных простолюдинов. Главой хотона являлся зайсанг или простолюдин в статусе старосты, рекомендуемого хотонным сходом и избираемого, как и других хотонных старост, на аймачном сходе. Все избранные старосты утверждались в должности астраханской палатой (с 1867г. Управление) государственных имуществ.⁵⁴⁶

Главой калмыцкого духовенства являлся Лама калмыцкого народа (Шаджин-лама). Этот институт Ламы калмыцкого народа являлся традиционным с момента полного утверждения буддизма у калмыков. Глава калмыцких буддистов назначался Далай-ламой до 1771 г., впоследствии его избирало калмыцкое духовенство, с середины XIX в. эти выборы стали курироваться администрацией. Избранный на съезде духовенства Лама калмыцкого народа по представлению Главного попечителя, затем – Министра госимуществ, утверждался пожизненно указом императора. Этот

⁵⁴⁵ Там же. С.30-31.

⁵⁴⁶ Максимов К.Н. История национальной государственности... С.60.

традиционный институт публичной власти у калмыков являлся весьма важным. Институт Шаджин-ламы в XVII – XVIII вв. был наряду с институтом ханской власти, институтами нойонов и зайсангов влиятельной политической и административной структурой. В ходе постепенной интеграции калмыцких улусов роль института Ламы калмыцкого народа постепенно подпадала под надзор российской администрации в лице приставов, затем Ламайского духовного правления, а с середины XIX в. его деятельность контролировалась главным попечителем с Управлением калмыцким народом. В обязанности Шаджин-ламы входил надзор за содержанием хурулов (монастырей и молельных домов), а также за деятельностью и нравственным поведением духовенства. Лама присваивал духовные звания и осуществлял передвижения монахов по службе, наблюдал за порядком совершения религиозных обрядов, контролировал правильность проведения служб. Институту Ламы калмыцкого народа принадлежали важные судебные полномочия не только в отношении духовенства, но и по семейно-брачным вопросам у калмыков. Важной являлась его роль в развитии и сохранении нравственных и мировоззренческих основ в калмыцком обществе. Об авторитете института Шаджин-ламы свидетельствует то обстоятельство, что несмотря на то, что в Калмыцкой степи развернули деятельность православные миссионерские станы, в случае перехода к оседлости и принятия православия предлагались различные льготы, калмыки остались устойчивыми приверженцами традиционного образа жизни.

По Положению 1847 г. в калмыцких улусах было официально введено местное самоуправление в виде улусных, аймачных и хотонных сходов, на которых избирали должностных лиц, рассматривали вопросы, связанные с хозяйственной и общественной жизнью, занимались распределением налогов и повинностей.⁵⁴⁷ Институт местного самоуправления у калмыков строился по образцу общественного управления у государственных крестьян Российской

⁵⁴⁷ ПСЗ РИ-II. Т.22. № 21144. С. 352-353.

империи. Эта мера была призвана сблизить традиционные общественные институты с общероссийскими. Улусные сходы собирались через каждые три года для избрания представителей в Зарго и, по существу, их роль на этом заканчивалась. Значение улусных сходов в XIX в. на повседневную жизнь кочевников не оказывало особого влияния по причине незначительных хозяйственных связей в улусах между аймаками, к тому же явка на них затруднялась для представителей отдаленных от улусных ставок аймаков. Несколько расширилась роль улусных сходов в начале XX в., когда в эпоху социально-политической нестабильности в стране происходили выборы в Государственную Думу, решались вопросы противостояния эпидемическим заболеваниям, создавались новые политические институты и др.

Аймачные сходы, на которых избирались аймачные старшины и хотонные старосты, обсуждали важные вопросы распределения налогов и натуральных повинностей, решали хозяйственные и социальные проблемы, созывались чаще, иногда несколько раз в год. Нередко на аймачных, а чаще на хотонных сходах вставал вопрос о снижении для бедных семей и повышении для состоятельных семей налогов по принципу круговой поруки. Отсутствие на сходе без уважительных причин наказывалось наложением штрафа в 1 руб. в пользу общества. Для кандидатов в члены улусных и аймачных сходов был установлен возрастной и имущественный цензы. Избираемый для участия на сходах должен владеть собственным хозяйством, быть не судимым, его возраст должен быть не менее 25 и не более 60 лет. Участниками улусного схода, на котором обязательно присутствовал нойон-улусовладелец, являлись зайсанги, должностные лица органов самоуправления (аймачные старшины и хотонные старосты), а также простолюдины (по одному от 20 кибиток). На аймачном сходе присутствовали аймачный старшина, зайсанги и простолюдины – владельцы собственного хозяйства (один от 5 кибиток). Хотонные сходы, участниками которого являлись все домохозяева решали текущие вопросы, связанные с покибиточной раскладкой налогов и повинностей и общественными работами. Решения улусных и аймачных

сходов утверждались Главным попечителем калмыцкого народа, после чего они вступали в силу. Последнее обстоятельство в некоторой степени снижало авторитет института местного самоуправления у калмыков. Эти калмыцкие органы самоуправления таким образом владели полномочиями, сходными таковым у волостных и сельских сходов у государственных крестьян. Вместе с тем, они являлись органичным продолжением традиционных собраний калмыков-кочевников для коллективного принятия решений.

Положение 1847 г. подтвердило ограничения власти привилегированных сословий над простолюдинами, установленные прежним Положением 1834 г. Нойонам и зайсангам было запрещено продавать, дарить и закладывать своих подвластных.⁵⁴⁸ Положение 1847 г. также подтвердило традиционное общинное право пользования калмыками своими землями. Калмыкам было предоставлено право перехода в казачье сословие и им разрешалась свободная торговля скотом и животноводческой продукцией. Во многом эти пункты имели риторическое звучание, поскольку переход отдельных частей калмыков в Ставропольское, Донское, Оренбургское, Терское и Астраханское казачьи войска уже состоялся в XVII – XVIII вв., торговые отношения с соседним населением также были установлены.

После реализации финансовой реформы Е.Ф. Канкрин Положением 1847 г. был установлен новый размер албана (налога) с калмыцкой семьи: 8 руб. 15 коп. серебром в год. Также были сохранены все существовавшие повинности: подводная повинность для проезжавших чиновников, предоставление жилья для работников калмыцкого управления, несение кордонной службы и выполнение работ по устройству дорог. Сборы с населения сверх установленной нормы запрещались.⁵⁴⁹

Российское правительство было заинтересовано в принятии калмыками православия. Это могло существенно ускорить интеграцию кочевников в российское цивилизационно-культурное пространство. По Положению 1847г.

⁵⁴⁸ ПСЗ РИ-II. Т.22. № 21144. С. 349-350.

⁵⁴⁹ ПСЗ РИ-II. Т.22. № 21144. С. 354.

калмыки-простолюдины, перешедшие в православие, получали возможность быть причисленными к государственным крестьянам или к казачеству, уйдя со своим домашним скотом и имуществом от своего нойона и зайсанга. За это правительство обязалось компенсировать калмыцким владельцам денежную сумму, равную пятикратному албану, за потерю ушедших от них зависимых простолюдинов.⁵⁵⁰

Таким образом, «Положение об управлении калмыцким народом» 1847г. завершило формирование системы «попечительства» и установило институты публичной власти в калмыцкой степи. Система попечительства, установленная Министерством государственных имуществ для государственных крестьян, была распространена на калмыков и призвана была систематизировать и унифицировать управление калмыцким обществом. Однако ни создание православных миссионерских станом, ни пропаганда, ни государственные льготы не дали желаемого результата. Калмыки в подавляющем большинстве остались устойчивыми приверженцами буддизма и традиционного уклада жизни: доля принявших православие астраханских калмыков на всем протяжении XIX – начала XX в. была небольшой – не более 1,5 – 2,0 тыс. чел. При этом многие крещеные калмыки к святому крещению относились формально, продолжая оставаться буддистами. Так, в отчете Управления калмыцким народом за 1871 г. говорится: «По собрании в 1869 г. подробных сведений о калмыцком народе, крещеные калмыки оказались только в одном Малодербетовском улусе 59 семейств, по Эркетеневскому же улусу, где приняли православие 8 семейств, ни одно семейство крещеных калмыков не вошло в перепись. Из 59 кибиток, вошедших в последнюю перепись, оказалось только одно семейство окрещенных, а остальные составляют смесь крещеных с некрещеными». И далее в отчете дается объяснение этому: «Калмыки по восприятию святого крещения возвращаются

⁵⁵⁰ ПСЗ РИ-II. Т.22. № 21144. С. 352.

в свой улус к семьям, и священник, совершивший над ними обряд крещения, не может иметь над ними наблюдения»⁵⁵¹.

Положение 1847 г. в связи с возросшей ролью калмыцких улусов, как транспортной артерии в Предкавказье и Кавказ, существенно расширило обязанности чиновников российской администрации. На Управление калмыцким народом во главе с главным попечителем помимо его прежних полномочий (вопросы управления и обеспечения общественного порядка, учет населения, хозяйственное развитие калмыцких улусов) были возложены «попечительские» обязанности: организация медицинской и ветеринарной помощи, создание школьной системы, забота об обеспечении «народного продовольствия», контроль за традиционной системой общественного призрения у калмыков. Дополнительной задачей по Положению 1847 г. являлся перевод калмыков-кочевников на оседлость в связи с реализацией указа о заселении калмыцких дорог. Центральное и улусные управления были обязаны принимать меры по созданию оседлых поселений. При главном попечителе была учреждена должность специального помощника по вопросам заселения калмыцких дорог. Однако усилия администрации в насаждении оседлого образа жизни у калмыков и заселении кочевниками запроектированных поселений на узловых путях сообщения оказались напрасными. Поэтому, в конечном итоге, эти села были заселены крестьянским населением. К тому же чиновники администрации из-за непривычных условий кочевой жизни калмыков, засушливого климата, и отсутствия дорожной инфраструктуры предпочитали руководить жизнедеятельностью региона, находясь в Астрахани. Об этом упомянул в своих «Путевых записках» священник-миссионер Пармен Смирнов.⁵⁵²

Часть средств общественного калмыцкого капитала, куда поступали средства от штрафов, плата за билеты на отлучку из улусов, плата за аренду калмыцких оброчных статей, шла среди прочих расходов на финансирование

⁵⁵¹ НА РК. Ф. 9, оп. 1, д. 14, л. 17.

⁵⁵² Смирнов П. Указ. соч. С.104.

социальных задач: заготовка запасов хлеба для выдачи нуждавшимся калмыкам за умеренную цену, предоставление денежных ссуд в случае падежа скота в неблагоприятные сезоны и от эпизоотий, расходы на борьбу с песками и травосеяние, на борьбу с эпидемиями и инфекционными заболеваниями и др.

Попечительская система предусматривала организацию медицинской помощи калмыцкому населению. У калмыков лечением занимались представители буддийского духовенства – эмчи (врачи), получившие специальное образование в буддийских монастырях, которые пользовались большим авторитетом у населения. Калмыцкие эмчи при лечении использовали методы традиционной тибетской медицины и народные знания. Наиболее опасной болезнью у калмыков являлась оспа. Калмыцкая администрация обеспечивала создание немногочисленных кадров оспопрививателей, организовала в Калмыцкой степи два телятника для обеспечения раствора для прививок. Безусловно, главной проблемой являлась нехватка медицинского персонала. По штату, утвержденному в 1863 г., в калмыцких улусах должно было быть 3 врача, 10 фельдшеров, 46 оспопрививателей. Однако в 1860-1870-е гг. в Калмыцкой степи врачи отсутствовали.⁵⁵³

Калмыцкая администрация была обязана принять меры по развитию грамотности среди калмыков. В целях реализации предписаний Положения 1847 г. при Управлении калмыцким народом в 1849 г. было открыто калмыцкое 3-классное училище на 50 учеников, в основном, для подготовки переводчиков для органов управления в улусах. В 1860-е годы в этом училище были созданы отделения для поступления в гимназию и для подготовки

⁵⁵³ Команджаев Е.А. Становление государственной системы здравоохранения в Калмыкии в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Элиста, 1998. С. 90.

фельдшерских учеников⁵⁵⁴. В 1870-1880-е годы были открыты школы при улусных ставках и уже в 1885 г. в них насчитывалось 125 учеников⁵⁵⁵.

Правовой статус калмыцкой знати, установленный Положением 1834 г., был сохранен в новом Положении 1847 г. Нойоны-владельцы относились к потомственным дворянам (нойоны Тюмени, Тундутовы и Гахаевы были удостоены позже княжеских титулов). Также к потомственным дворянам были отнесены некоторые знатные аймачные зайсанги (Дондуковы, Талтаевы). В основном аймачные зайсанги удостоились потомственного, а безаймачные зайсанги – личного почетного гражданства. Были поощрены безаймачные зайсанги, занимавшиеся земледелием: им предоставлялось потомственное почетное гражданство.

В целом Положение 1847 г., устанавливая систему попечительской опеки над калмыками, было нацелено на ускоренную интеграцию калмыцких улусов в общественно-экономическую систему России.

Таким образом, после трагического ухода подавляющего большинства калмыков из России в Центральную Азию в 1771 г. и ликвидации Калмыцкого ханства продолжительное время решался вопрос по определению территории калмыцких кочевий. Опустевшие заволжские степи были заселены казаками Буковской Орды. Исследователь А.В. Очиров отметил: «В пределы калмыцких земель вошла часть левобережья Волги, где располагался кочевьями Хошеутовский улус и специально выделенный под летнее кочевье всех улусов земельный участок от озера Баскунчак до пределов Хошеутовского улуса. Данный участок позже получил название «Общего очередного летнего кочевья калмыков всех улусов, кроме Хошеутовского».⁵⁵⁶ В 1781 г. в ходе размежевания границ между Астраханской губ. и Областью Войска Донского в пользование донского казачества была отведена часть

⁵⁵⁴ НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.14. Л.18.

⁵⁵⁵ НА РК. Ф.9. Оп.1 Д.83. Л.5 об.

⁵⁵⁶ Очиров А.В. Политика российского правительства после ухода калмыков в Китай в 1771 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия гуманитарные науки. 2012. Вып. 8 (112). С. 24.

земель на левобережье Дона, которую занимали калмыки Дербетовского улуса. Таким образом, кочевья калмыков значительно сократились на западе и главным образом на востоке.

Претерпели существенные изменения и южные границы калмыцких улусов. Они были сдвинуты на север в связи с оборудованием Моздокско-Азовской укрепленной линии и начавшейся колонизацией Предкавказья. Параллельно продолжались переселения в станицы Астраханского казачьего войска по правому берегу Волги и создавались оседлые поселения вдоль Царицынско-Ставропольского и Кизлярского трактов и в дельте Волги. Поскольку переселенческое население занимало относительно благоприятные земли вдоль водных артерий и источников калмыки были вынуждены ограничивать свои кочевья маловодными и засушливыми степями.

В начале XIX в. рядом законодательных актов, утвержденных Павлом I и Александром I, были определены более точные границы калмыцких кочевий. Несмотря на то, что 10-верстная полоса вдоль правого берега Волги была предназначена для совместного пользования кочевников и оседлого населения, фактически она была занята крестьянским и казачьим населением с предоставлением калмыкам лишь нескольких прогонов для скота к Волге. Также в начале XIX в. определились межулусные границы. Все улусы составили особую административно-территориальную единицу под названием «Калмыцкая степь» Астраханской губ. В 1860 г. в результате размежевания земель между Астраханской и Ставропольской губерниями Большедербетовский улус был отнесен к последней под управлением улусного попечителя и, наряду с ногайцами и местными туркменами, был подчинен Главному приставу кочующих народов Ставропольской губ.

В начале XIX в. был определен правовой статус калмыцких земель, как находившиеся в «пользовании», а не в собственности. Это позволяло администрации регулярно производить отводы земельных участков крестьянам-переселенцам на всем протяжении XIX – начале XX в. в ходе заселения калмыцких дорог по указу 1846 г. и в период реализации

стольпинской аграрной реформы. Подобный статус калмыцких земель был сохранен до 1917 г., хотя постоянно вызывал административное разбирательство этого вопроса в ходе не прекращавшихся земельных конфликтов между переселенческими и калмыцкими обществами.

Параллельно с определением территории и статуса калмыцких кочевий происходил сложный процесс включения региона в общероссийскую административную систему. Вначале была произведена попытка подчинить все улусы одному из влиятельных калмыцких нойонов А.Ф. Дондукову, но это встретило возражения других представителей калмыцкой знати. Поэтому было принято решение о децентрализации: все улусовладельцы стали управлять своими улусами самостоятельно под наблюдением астраханского губернатора. Вместо существовавшего в Астрахани в период Калмыцкого ханства административного органа «Калмыцкие дела» по решению губернатора на его основе была создана калмыцкая экспедиция при губернской канцелярии. Наряду с этим, в Астрахань был переведен калмыцкий суд Зарго в качестве «общенародного калмыцкого правления», но в конце XVIII в. он был на короткое время ликвидирован. Калмыцкая экспедиция была преобразована в калмыцкую войсковую канцелярию, а затем в калмыцкое правление. Безусловно, столь частые преобразования в системе управления калмыками порождали нестабильность административной системы и являлись свидетельством поиска российской администрацией путей ее оптимизации. Весьма показательным в этом плане явилось восстановление в 1800 г. Калмыцкого ханства во главе с наместником ханства Ч. Тундутовым, но после его смерти через три года оно было вновь упразднено.

Вместе с тем, нельзя считать период конца XVIII — начала XIX века временем безвластия в калмыцких улусах. Продолжали функционировать традиционные институты публичной власти в калмыцком обществе: суд Зарго как высший административный и судебный орган, нойоны и зайсанги как властные институты в улусах, аймаках и хотонах. К традиционным относился институт Ламы калмыцкого народа (после потери связи с Тибетом его стал

назначать с 1800 г. император), как стержневой элемент духовного единства общества и важный административно-судебный орган. К этому перечню следует добавить собрания и советы калмыцкой знати, традиционно существовавшие при каждом нойоне-улюсовладельце, и, наконец, на низовом уровне, в аймаках и хотонах действовали устойчивые традиции коллективной жизни. Регламентирующим калмыцкую жизнь обстоятельством являлись как статьи калмыцкого законодательства, так и нормы обычного права.

Со стороны российской администрации в калмыцких улусах был введен институт приставства во главе с главным приставом. В 1822 г. в урочище Зинзили состоялось совещание калмыцкой знати и духовенства, на котором был составлен новый свод законов. В этом проекте деятельность Зарго как высшего административно-судебного органа предусматривалась без участия российской администрации. Решения этого собрания показали, что калмыцкая знать склонна к организации коллегиального управления с элементами национальной автономии. Эти предложения зинзилинского совещания не были приняты.

В 1825 г. были утверждены «Правила для управления калмыцким народом», согласно которым, как уже нами сказано выше, калмыцкие улусы были переданы в ведение МВД и приобрели областной статус в составе Астраханской губ. во главе с Комиссией калмыцких дел и судом Зарго. На местах были созданы улусные управления во главе с улусовладельцем и улусные Зарго. Также были сохранены приставы в улусах.

«Положениями об управлении калмыцким народом» 1834 и 1847 гг. была утверждена система попечительства в Калмыкии во главе с главным попечителем. Управление улусами осуществляло улусное управление, где главную роль играл улусный попечитель. Данная система с небольшими изменениями сохранилась до 1917 г. Комиссия калмыцких дел была преобразована в совет калмыцкого управления, затем в 1847 г. в отделение ордынских народов. Последнее в 1867 г. преобразовалось в Управление калмыцким народом. В 1834 г. было создано Ламайское духовное правление,

но затем оно было упразднено и все полномочия перешли к Ламе калмыцкого народа, назначаемого пожизненно императором. Позиции Зарго несколько возросли в связи с тем, что его председатель стал назначаться указом императора. В улусных Зарго рассмотрение гражданских дел регламентировалось нормами калмыцкого законодательства. Положение 1847 г., окончательно оформившее систему попечительской опеки над калмыками, перевело управление ими в ведение Министерства государственных имуществ. Бытовавший у калмыков традиционный обычай коллективного решения многих вопросов получил официальное оформление в виде улусных, аймачных и хотонных сходов. Этот институт местного самоуправления у калмыков был наделен полномочиями, сходными с таковыми у сельских и волостных сходов у государственных крестьян России. Продолжили свою деятельность собрания нойонов и зайсангов, но их полномочия значительно сократились, ограничившись выборами своих представителей в Зарго, Управление калмыцким народом и в некоторые губернские учреждения.

Положение 1847 г. возложило на органы калмыцкого управления решение ряда «попечительских» задач: устройство быта калмыков, создание ветеринарной службы и системы здравоохранения, организация школьной сети, социальной помощи населению и общественных работ в случае чрезвычайных ситуаций и др. В связи с этими и другими обстоятельствами на Калмыцкую степь было распространено действие общероссийских органов власти и управления. Реализация указанных законоположений значительно ускорила включение Калмыкии в общероссийскую административную систему.

ГЛАВА 4. ИНСТИТУТЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В КАЛМЫКИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

4.1. Подготовка проектов судебного устройства для калмыков во второй половине XIX – начале XX вв.

Сложившиеся по «Положению об управлении калмыцким народом» 1847 г. институты публичной власти в Калмыцкой степи по форме, структуре и содержанию деятельности не изменились, равно как и их взаимоотношения с центральными и губернскими органами власти и управления. На Калмыкию не распространилось действие великих реформ Александра II. Однако, наблюдалось их опосредованное воздействие. Отмена крепостного права в России послужила, во-первых, основным поводом для разработки проектов по ликвидации личной зависимости калмыков-простолюдинов от национальной знати и, во-вторых, освобождение крестьян явилось дополнительным импульсом для их переселения в пригодные для земледелия и оседлого животноводства места, расположенные на трактах, проходящих через калмыцкие улусы. Земская реформа способствовала становлению системы врачебной помощи и открытию 1-2-классных школ в улусных ставках. Этому также способствовала либеральная реформа школы в России, предусматривавшая реализацию принципов ее бессловности и доступности. Справедливости ради следует упомянуть, что ранее создание сети начальных школ декларировалось еще реформой Киселева в государственной деревне, в связи с чем первые шаги в этом направлении в Калмыкии наблюдались в середине XIX в., поскольку управление калмыками было передано в ведение Министерства государственных имуществ. Что касается судебной реформы 1864 г.⁵⁵⁷, то она, в силу устойчивости у калмыков традиционного уклада

⁵⁵⁷ Высочайше утвержденное «Учреждение судебных установлений» от 30 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ-П. Т. 39.Ч. 2. №41475; Высочайше утвержденный «Устав уголовного судопроизводства» от 30 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ-П. Т. 39.Ч. 2. №41476; Высочайше утвержденный «Устав гражданского судопроизводства» от 30 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ-П.

жизни и традиционных форм судопроизводства, не затронула Калмыцкую степь. Однако администрация как на местном губернском, так и на центральном уровне признавала необходимость реформирования архаичной, на ее взгляд, национальной калмыцкой системы судов Зарго.

Вполне признавая прогрессивность либеральных реформ Александра II, М.В. Немытина предостерегает от их идеализации: «Во-первых, реформы были проведены «сверху», самим самодержавием, движимым не только необходимостью переустроить Россию, но и стремлением к самосохранению, поэтому в ходе реформ в стране оставался сословный строй с его привилегиями и ограничениями, продолжала действовать форма правления в виде абсолютной монархии. Во-вторых, реформы проводились в стране, только что освободившейся от крепостного права, пережитки которого сохранялись и в экономике, и в политике, но, главное, в правосознании людей. Следует отметить, что самое сложное в ходе реформ в государственно-правовой сфере – это изменить правосознание людей, развить восприятие ими своих прав и законных интересов».⁵⁵⁸

В связи с этим необходимо отметить главное обстоятельство, задерживавшее проведение судебной реформы в Калмыкии. Это сохранение личной зависимости калмыков-простолюдинов от власти нойонов и зайсангов, не дававшее возможности становления в регионе хотя бы декларируемого бессословного судоустройства и судопроизводства.

Совершенствование сложившейся системы управления Калмыкией являлось постоянной задачей местных и центральных административных органов в пореформенное время. Все разрабатывавшиеся проекты неизменно включали в себя необходимость реформирования общественного управления, судебной системы и налогообложения. Данные проекты, даже если они были

Т. 39.Ч. 2. №41477; Высочайше утвержденный «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» от 30 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ-II. Т. 39.Ч. 2. №41478.

⁵⁵⁸ Немытина М.В. Реформы второй половины XIX в. в России: опыт модернизации государственно-правового порядка // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2012. №4. С. 10.

готовы, проходили долгую и сложную процедуру согласования между министерствами и ведомствами, в той или иной мере имевших отношение к калмыцкому вопросу: Министерства государственных имуществ, внутренних дел, юстиции, финансов, военного и второго отделения императорской канцелярии. Прохождение подготовленных проектов через строго регламентированные процедуры переписок и согласований в указанных министерствах продолжалось в течение многих лет. Но даже не эта долгая процедура являлась главной причиной безуспешности административных и судебных преобразований в Калмыцкой степи. Основная причина этого заключалась в нерешенности базовых позиций для либерального реформирования, а именно, создания условий для установления бессловных отношений в калмыцком обществе. Следует оговориться, что указанный процесс в начальных формах стал развиваться лишь после реформы 1892 г., отменившей личную зависимость (так называемые «обязательные отношения») калмыков-простолюдинов от национальной знати. Помимо этого, еще одной существенной причиной незавершенности попыток реформирования являлась устойчивая приверженность калмыцкого общества своим цивилизационно-культурным основам: традиционный кочевой уклад жизни, сословные взаимоотношения с патриархально-родовыми элементами, традиционные институты публичной власти и их подавляющая роль в общественной жизни, господство обычаев и обычного права в повседневной жизнедеятельности, роль буддийской церкви и др.

Первоначально проблема преобразования органов публичной власти у калмыков возникла в 1860 г., когда в Министерство госимуществ поступили проекты главного попечителя калмыцкого народа В.Н. Струкова и астраханского губернатора Б.В. Струве.⁵⁵⁹

Если предложения В.Н. Струкова заключались в общих рассуждениях о необходимости административных реформ без детализации, то в проекте Б.В.

⁵⁵⁹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С. 23.

Струве содержались конкретные предложения по радикальному изменению судеустройства и судопроизводства в калмыцких улусах. По его мнению, необходимо было ликвидировать улусные суды Зарго, а его полномочия передать в уездные суды Астраханской губ. Для представления интересов калмыцкого народа Б.В. Струве предложил ввести в уездные суды по одному выборному представителю от калмыков. Помимо этого, по его проекту, следовало при улусных управлениях ввести улусные расправы по примеру волостных расправ у государственных крестьян⁵⁶⁰. Таким образом, Б.В. Струве предлагал привести к некоторому единообразию судебной системы у населения, подведомственного Министерству госимуществ.

В Министерстве государственных имуществ была создана комиссия, в которой проект Б.В. Струве, пройдя необходимую по регламенту процедуру экспертизы и обсуждения, был признан неудовлетворительным. В качестве причины для этого решения стали высказывавшиеся в тот период предложения по отмене личной зависимости калмыцких простолюдинов. Предполагалось, что после реализации последнего предложения станет вполне актуальным вопрос о реформировании калмыцкой судебной системы.

Однако уже в феврале 1863 г. на имя Министра госимуществ поступила служебная записка главного попечителя калмыцкого народа К.И. Костенкова, продублированная начальнику полиции и прокурору Астраханской губ. Данная записка содержала предложения К.И. Костенкова по реформированию судебной системы в Калмыцкой степи⁵⁶¹. Автор записки обратил внимание на существенные, по его мнению, недостатки в деятельности улусных Зарго. Во-первых, Зарго был единственным судебным органом в улусе, а иногда и на два улуса. При этом, Зарго собирался на судебные заседания нечасто и нерегулярно. Из-за этого обстоятельства рассмотрение дел затягивалось, жители отдаленных урочищ не получали быстрого и желаемого решения. К тому же огромная распределенность улусных земельных пространств

⁵⁶⁰ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С. 24.

⁵⁶¹ ГААО. Ф.1. Оп. 11. Д. 505. Л. 35.

превращала указанный недостаток улусных Зарго в неразрешимую проблему. Также К.И. Костенков указал на отсутствие у калмыков местных судебных органов, которые могли бы выносить решения по мелким делам, распространенным в обыденной жизни. Во-вторых, по мнению К.И. Костенкова, большим недостатком улусных Зарго, как традиционного у калмыков института публичной власти, являлось сочетание в нем административных и судебных полномочий. В связи с этим данный орган оказывался зачастую несостоятельным, поскольку административные функции более качественно выполняло улусное управление во главе с попечителем, что делало фактически излишней административную роль Зарго.

В продолжение своей идеи К.И. Костенков предложил ввести в Калмыкии местные суды для скорого рассмотрения мелких дел или реорганизовать улусные Зарго. Главный попечитель предусматривал в перспективе создание мировых судов в улусах. При этом на должности мировых судей К.И. Костенков предложил выбирать и назначать именно калмыков, поскольку, по его мнению, для их плодотворной деятельности крайне необходимо полное доверие со стороны калмыцкого кочевого населения. Это предложение являлось вполне логичным, поскольку его автор учитывал традиционность калмыцкого общества, многовековые условия местной жизни, приверженность национальным обычаям и традициям. Наряду с этим, гражданские дела у калмыков (такowymi являлись подавляющее большинство судебных дел) зачастую имели частный «калмыцкий» характер, иногда не имевшие аналогов в российской правовой системе. Поэтому К.И. Костенков считал, что в этом случае наиболее компетентным мировым судьей, знающим местную специфику, является представитель коренной национальности. Подобное признание о важности выдвижения и подготовки калмыков на должности учителей, врачей, среднего медицинского персонала и других специалистов являлось характерным для русских чиновников калмыцкой администрации, и К.И. Костенков – не исключение. Как правило,

они вполне демократично для пользы дела ставили во главу угла не только профессиональную, но и общественную значимость специалистов из числа калмыков.

Следует учитывать то обстоятельство, что в калмыцком обществе укоренился старый обычай – передавать усложненные споры и тяжбы между собой на судебное рассмотрение уважаемым и заслуживающим доверие членам хотонного или родового сообщества⁵⁶². В этом случае многовековой калмыцкий обычай стал бы законодательной нормой, что могло бы привести к гармоничному сочетанию национальных традиций с российским курсом преобразований в системе судопроизводства.

В связи с этим логичным выходом являлось понижение образовательного ценза для кандидатов в калмыцкие мировые судьи, поскольку, по мягкому выражению К.И. Костенкова, калмыки не имели «глубокого юридического образования». На самом деле калмыки в большинстве своем не имели даже начального общего образования. К тому же для той стадии традиционного калмыцкого судоустройства и судопроизводства, господствовавшей до 1917 г., профессионального юридического образования и не требовалось. Для этого времени характерной явилась судьба первого профессионального юриста из калмыков Кичика Эрдениева, зачисленного в штат Управления калмыцким народом в 1875 г. после завершения обучения на юридическом факультете Казанского университета⁵⁶³. Так и не найдя применения своим профессиональным знаниям и навыкам и не пройдя в своей служебной карьере дальше должности переводчика, он был вынужден уволиться. Позже он был помощником улусного попечителя, переводчиком при Управлении калмыцким народом, но после продолжительной болезни рано ушел из жизни. Показательна деятельность выдающегося калмыцкого просветителя Номто Очирова,

⁵⁶² ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 505. Л. 36.

⁵⁶³ Команджаев А.Н., Мацакова Н.П., Оконова Л.В. Имена в истории: Наймин Бадмаевич Бадмаев. // Вестник Калмыцкого университета. 2020. №4 (48). С.15.

выпускника юридического и восточного факультетов Петербургского университета. Проработав короткое время адвокатом в предреволюционный период, он стал известен не как юрист, а как ученый-востоковед, открывший миру калмыцкий героический эпос «Джангар», как автор книги по экономике Калмыкии в годы Первой мировой войны, как один из лидеров калмыцкого национального движения в революционную эпоху, как калмыцкий журналист, как государственный и общественный деятель в первые советские годы, с конца 1920-х годов подвергшийся репрессиям.

Возвращаясь к предложениям К.И. Костенкова, следует заметить, что, по его мнению, функциональными обязанностями предлагавшихся мировых судей из калмыков являлось бы разбирательство относительно простых незатруднительных гражданских дел. Таким образом, их деятельность сводилась бы к максимально скорому разрешению распространенных в калмыцком обществе гражданских дел. Тем самым их функции могли вполне отражать потребности калмыков в суде по совести, в котором примирение сторон являлось бы актом высшей справедливости. В связи с этим существовавшая в реальности деятельность улусных судей могла бы получить, по мысли главного попечителя, формальное утверждение в лице мировых судей из калмыков.⁵⁶⁴

Рассмотрение уголовных дел К.И. Костенков предлагал возложить на мировых судей, назначаемых из состава русского населения Калмыкии. Предполагалось, что они будут решать дела не в соответствии с калмыцкими обычаями и традициями, а руководствуясь статьями общероссийского Свода законов. Русские мировые судьи, по мнению главного попечителя, должны были назначаться по одному в каждом из семи улусов Астраханской губ. При этом претендент на должность мирового судьи обязан был завершить обучение в общеобразовательном учреждении и предъявить справку о безупречной предыдущей работе. Данный регламент был основан на том, что

⁵⁶⁴ ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 505. Л. 37.

жители Астраханской губ., как правило, не соответствовали по ряду критериев (в основном, по имущественному состоянию) требованиям, установленным к мировым судьям. По мнению К.И. Костенкова, подавляющее большинство возможных претендентов на предполагаемые должности мировых судей в пределах региона были бедными людьми.

Следовательно, если бы образование и предыдущая безупречная и добросовестная служба стали непременным атрибутом в требованиях к мировым судьям, то, согласно местным условиям, этого было бы вполне достаточно. Мировых судей предлагалось назначать сроком на один год. В случае признания их работы удовлетворительной, им могло быть предоставлено право ходатайствовать о продлении срока их службы. Состав кандидатов в мировые судьи формировался бы вместе с главным попечителем калмыцкого народа, а также председателем судебного заседания. После чего список мог быть направлен губернатором на утверждение в Сенат. К.И. Костенков предложил назначить каждому мировому судье заработную плату в размере 1500 рублей и 300 рублей на ведение канцелярии. Их полномочия и функциональные обязанности должны были оставаться такими же, как и в Положении о реформировании судебной власти в России. В виде исключения к рассмотрению русскими мировыми судьями подлежали бы дела о воровстве скота, в случае если его стоимость не превышала 500 рублей без присутствия насилия. Это предложение было основано на том, что воровство скота у калмыков носило характер удальства, хотя в Положении 1825 г. кража скота считалась преступлением.

В связи с этим, распространенным явлением калмыцкой жизни являлось то обстоятельство, что официальное следствие и судебные заседания, как правило, не приводили к раскрытию преступлений данного вида и, соответственно, отсутствовали судебные приговоры по ним. Это объяснялось тем, что в калмыцком обществе стороны предпочитали заключать миролюбивое соглашение с материальной компенсацией пострадавшим и не подвергать виновных судебному наказанию по юридическим нормам. По

предложению К.И. Костенкова новые мировые судьи из числа русского населения при рассмотрении подобных дел обязаны были приглашать двух калмыцких мировых судей с правом совещательного голоса.

По мнению К.И. Костенкова, должности мировых судей из состава калмыцкого населения должны были вводиться в улусах для разрешения только гражданских дел в случае взаимного обращения к ним истца и ответчика. Эти мировые судьи должны были избираться на улусном сходе жителей без сословных различий из расчета один судья на 600-700 калмыцких семей.⁵⁶⁵ По проекту К.И. Костенкова калмыцкие мировые судьи, избранные на улусном сходе и соответствующие необходимым требованиям, утверждались на годичный срок главным попечителем калмыцкого народа.⁵⁶⁶ К.И. Костенков полагал, что утвержденные калмыцкие мировые судьи должны получить права и привилегии государственного служащего. Те же из них, кто проявлял усердие по службе, могли быть награждены. Жалованье для мировых судей из числа калмыков К.И. Костенков в своем проекте не предусматривал⁵⁶⁷. Это обстоятельство было вызвано тем, что все финансовые расходы на содержание системы управления, сферы образования, медицинской помощи и др. в калмыцкой степи производились из средств калмыцкого общественного капитала, формировавшегося из налогов, прибыли от сдачи в аренду земельных и рыболовных участков, от многочисленных штрафов. Установление жалованья для мировых судей из калмыков принесло бы дополнительные расходы из калмыцкого общественного капитала с возможным введением дополнительного налога. Следует учитывать то, что жизнь калмыков-простолюдинов была отягощена наличием большого числа «мирских» сборов: на содержание хотонной и аймачной администрации в лице старост и старшин, на постой и проезд чиновников и другие расходы. С учетом того, что калмыцкие мировые судьи

⁵⁶⁵ ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 505. Л. 39.

⁵⁶⁶ ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 505. Л. 39.

⁵⁶⁷ ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 505. Л. 40.

вели бы судопроизводство, не выходя за пределы ареала кочевания и имея возможность постоянного наблюдения за своим родом, для них не планировались служебные расходы. Тем более, что судопроизводство мирового судьи носило устный и гласный характер.

Следующей судебной инстанцией в калмыцких улусах по проекту К.И. Костенкова становились съезды мировых судей⁵⁶⁸. К.И. Костенков считал целесообразным в данной инстанции равное представительство русских и калмыцких мировых судей (не менее чем по три человека). К.И. Костенков в своем проекте предлагал в период работы съезда мировых судей последним выплачивать суточные из расчета по 50 коп. в день. Сфера деятельности и полномочия мировых съездов по его проекту должны были определяться на основании «Положения о преобразовании судебной части в России».

В развитие своей идеи реформирования судоустройства в Калмыцкой степи К.И. Костенков логично подошел к мысли о ликвидации традиционного института улусных Зарго. Поскольку их руководителями являлись улусные попечители, то последним К.И. Костенков делегировал, помимо административных, полицейские полномочия. На помощников улусных попечителей возлагались по проекту функции судебных следователей, чем в действительности они и занимались в рамках деятельности улусных Зарго. Высшей судебной инстанцией для калмыцких улусов в этом случае становился Астраханский окружной суд с небольшой поправкой в делопроизводстве, учитывающей особенности региона. В проекте К.И. Костенкова имелись определенные недостатки: принцип назначения русских мировых судей губернатором и отсутствие образовательного ценза для мировых судей из калмыков.

В сентябре 1866 г. министр государственных имуществ П.А. Валуев поручил К.И. Костенкову составить комплексный проект реформирования административной системы в калмыцких улусах⁵⁶⁹. Еще ранее в своей записке

⁵⁶⁸ ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 505. Л. 40 об.

⁵⁶⁹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С. 25.

главный попечитель планировал сопоставить свои предложения по реформе судоустройства и судопроизводства у калмыков с законоположениями других инородцев России.

Следом, после поручения П.А. Валуева, в Министерстве государственных имуществ начала деятельность специальная комиссия при Департаменте общих дел в целях обсуждения имеющихся проектов. На заседаниях этой комиссии участниками был поднят ряд вопросов, касающихся реформирования судебной системы в калмыцких улусах. Стороны разошлись во мнении о будущем улусных Зарго: одни предлагали ликвидировать этот традиционный у калмыков институт, другие – предлагали их сохранить в реформированном виде. Если первые мотивировали свои предложения необходимостью быстрого введения калмыков в рамки общероссийской судебной системы, то вторые аргументировали свое мнение необходимостью гармоничного сочетания калмыцкой и общероссийской судебных структур на переходный период. Также членами комиссии был поставлен вопрос о преждевременности лишения улусных попечителей судебных полномочий при введении института мировых судей в калмыцких улусах.⁵⁷⁰ В итоге работа этой комиссии завершилась безрезультатно.

Деятельность новой комиссии, созданной в сентябре 1870 г. при Министерстве государственных имуществ под председательством статс-секретаря Д.А. Оболенского для обсуждения вопроса об административной реформе в Калмыкии, также оказалась малорезультативной. Члены комиссии сочли неоправданным введение института мировых судей у калмыков, мотивируя это тем обстоятельством, что у кочевников в условиях коллективного землепользования практически отсутствуют земельные тяжбы, разрешаемые мировой юстицией. Была принята декларативная рекомендация о необходимости распространения на калмыков общероссийских законов.

⁵⁷⁰ Там же. С. 26.

Следующая комиссия, созданная в 1873 г. при Министерстве государственных имуществ под председательством князя А.А. Ливена, должна была обсудить окончательный вариант проекта «Положения по управлению калмыцким народом»⁵⁷¹. Комиссия в ходе своей работы пришла к выводу о необходимости ликвидации института Зарго и введения мировых судей в калмыцких улусах. При этом члены комиссии, признавая целесообразность института мировых судей у калмыков, объясняли это такими преимуществами мировой юстиции, как скорое делопроизводство, простоту форм, устность и гласность. Согласно их видению, это могло содействовать более скорому приобщению калмыцкого народа к единой общероссийской системе судоустройства. Несмотря на видимые преимущества, этот проект не получил продвижения и, в итоге, не был реализован⁵⁷².

Очередной виток интереса к судебной системе региона возник в связи с мероприятиями по введению мировых судов в Астраханской губ. в конце 1870-х годов. Следует иметь в виду, что судебная реформа 1864 г. не распространялась на территории, занятые кочевыми народами: Калмыцкая степь и Внутренняя Киргизская орда Астраханской губ.⁵⁷³ Губернские власти по преимуществу были заняты мероприятиями по подготовке к открытию окружного суда и органов мировой юстиции.⁵⁷⁴ Параллельно с этим шла подготовка проектов по отмене личной зависимости калмыков-простолюдинов от власти нойонов и зайсангов. В связи с этим реформа судебной власти калмыков в очередной раз была отложена.

1892 год был ознаменован важным событием: принятием закона об освобождении калмыков-простолюдинов от собственнической зависимости. В закон вошли 3 главных положения. Во-первых, отменялись владельческие

⁵⁷¹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С. 29.

⁵⁷² Деев С.Ю. Проекты общественного, административного и судебного устройства калмыков Астраханской губернии // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2003. № 1. С. 164-173.

⁵⁷³ ПСЗ РИ-II. Т. 53. Ч.1. № 58458. СПб., 1880. С. 305-309.

⁵⁷⁴ История Астраханского края. Астрахань, 2000. С. 365.

права калмыцкой знати. Во-вторых, утверждалось частичное переустройство системы управления калмыцким народом и судопроизводства. В-третьих, налогообложение всего калмыцкого населения определялось в пользу государства.⁵⁷⁵ Обязанности нойонов-собственников по руководству в улусных Зарго, согласно этому закону, возлагались на улусных попечителей.⁵⁷⁶ Однако реформа 1892 г. не коснулась вопросов землепользования и судоустройства у калмыков.

Следующее обращение к обсуждению вопроса о возможности введения института мировых судов на территории Калмыцкой степи состоялось в 1899г. При Министерстве юстиции начала свою работу комиссия, которая подготовила проект Правил об устройстве судебной части в калмыцких кочевьях Астраханской губернии, а также во Внутренней Киргизской орде.⁵⁷⁷ Главной целью проекта стало рассмотрение возможности введения в Калмыцкой степи мирового суда. На данном этапе – без земской реформы. Ее проведение планировалось осуществить позже. Чиновниками комиссии в рамках предлагаемого проекта предлагалось создать аймачные суды. В эти суды судьи должны были избираться из числа калмыков. Предполагалось, что брачные дела при этом должен был рассматривать Лама калмыцкого народа. Споры имущественного характера между заинтересованными лицами должны были рассматриваться по существующим национальным обычаям и традициям. В случае их недостатка применялись бы российские законы. С целью исследования местных особенностей организации судопроизводства Министерством юстиции было принято решение о выезде в калмыцкие улусы астраханского губернатора М.А. Газемкампа.⁵⁷⁸

По проекту комиссии при Министерстве юстиции предполагалось в Калмыцкой степи создать шесть участков мировых судей и два добавочных. Что касается земельных споров в улусах, то предполагалось передать их на

⁵⁷⁵ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней ... С. 37.

⁵⁷⁶ ПСЗ РИ-III. Т. 12. № 8429. СПб., 1895. С. 174.

⁵⁷⁷ РГИА. Ф.1405. Оп. 93. Д. 10951. Л. 241-243.

⁵⁷⁸ РГИА. Ф.1405. Оп. 93. Д. 10953. Л.143-157.

рассмотрение органам калмыцкого управления. Улусным попечителям по проекту передавались все гражданские дела, а также проведение следствия и исполнительное производство судебных решений.

Заключительный вариант проекта был направлен в 1900 г. на согласование астраханскому губернатору М.А. Газемкампу. В свою очередь, Газемкамп представил заключение, в котором он сделал замечание членам комиссии, что при разработке проекта ими не были учтены ряд важных аспектов, в частности, платежеспособность и низкая грамотность среди калмыков. Особое внимание он обратил на вопрос финансирования нового суда. Губернатор был решительно против предложенного механизма содержания суда за счет введения новых сборов с населения, что стало бы огромной финансовой нагрузкой для местных жителей.⁵⁷⁹ В связи с таким отрицательным выводом губернатора очередной проект судебной реформы в Калмыцкой степи не был утвержден.

Еще один проект судебной реформы в калмыцких улусах был разработан в Министерстве юстиции в 1901 г. Принципиальное отличие нового проекта – отказ от идеи создания народных судов, которая признавалась неудовлетворительной. Для рассмотрения всего многообразия незначительных дел, разбирательств и споров предлагалось ввести институт мирового суда, исключив из сферы его полномочий рассмотрение земельных вопросов. Вместе с тем, по данному проекту мировой судья должен был проводить следствие по рассматриваемым им вопросам.⁵⁸⁰ Однако этот проект так и не дошел до серьезного обсуждения и утверждения в связи с предложением Астраханского окружного суда об усилении требований к личному составу мировых судей и прокурорского надзора из-за предполагавшегося к рассмотрению в мировом суде большого числа калмыцких дел. В этот же период началась длившаяся до 1907 г. переписка между Управлением калмыцким народом и Министерством юстиции о

⁵⁷⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 10951. Л. 253.

⁵⁸⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 10951. Л. 253 об.

состоянии преступности в калмыцких улусах, ее количественной и содержательной характеристике, после чего вопрос о судебной реформе у калмыков был отставлен. Это было вызвано не только консервативной устойчивостью калмыцкого судопроизводства и сложностью его интеграции в общероссийскую судебную-правовую систему. Во многом откладывание этого вопроса было связано с социально-политическими потрясениями 1905-1907 гг., в ходе которых встал вопрос о будущем национальном развитии калмыцкого народа и необходимости упразднения системы попечительства. Поэтому было решено судебную реформу у калмыков связать с административной реформой в Калмыцкой степи.⁵⁸¹

Поводом для еще одной попытки судебной реформы в калмыцких улусах явилась ревизорская поездка в Калмыцкую степь чиновника по особым поручениям МВД И.И. Крафта.⁵⁸² Собранный им материал позволил министерским работникам выйти за рамки судебного вопроса и разработать комплексный проект о преобразовании административного, общественного и поземельного устройства калмыков, в котором была обозначена целесообразность реформирования суда Зарго.

Министр В.К. Плеве отмечал, касаясь суда Зарго, что на практике его деятельность не отвечает базовым условиям деятельности правосудия⁵⁸³. Он считал, что улусные попечители со своими помощниками были преимущественно заняты решением множества административных обязанностей, а не возложенными на них судебными полномочиями. Это предопределяло невозможность стабильного исполнения ими постоянного и оперативного судопроизводства. Значимое влияние на качество судебного делопроизводства оказывала большая распределенность территории Калмыцкой степи. Суды находились в ставках при улусных управлениях в десятках и сотнях верст от отдаленных аймаков и хотонов кочевников. Это

⁵⁸¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 10951. Л. 305.

⁵⁸² Плюнов Ф.И. Правительственные законопроекты о реформах административно-общественного устройства калмыков и суда // Ойратские известия. 1922. № 3. С. 59.

⁵⁸³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 10952. Л. 25.

зачастую не соответствовало определению суда Зарго как суда близкого населению. Многие дела, находившиеся на рассмотрении в Зарго, прекращались из-за отсутствия доказательной базы и невозможности найти виновных из-за территориальной разбросанности. Эти факты говорили о некачественности и присутствующем формальном подходе, допускаемом в калмыцком судебном делопроизводстве.

Вопрос о реорганизации административной системы в Калмыцкой степи поднимался неоднократно, но его практическое воплощение в жизнь в виде создания новых улусных Зарго последовало лишь 10 марта 1906 г.⁵⁸⁴ Это имело существенное значение, поскольку именно наличие улусных Зарго отличало по статусу, функциям и обязанностям должность попечителя улуса от должности заведующего улусом. Заведующими улусами являлись главы южной части Малодербетовского, Александровского (Хошеутовского) и Икицохуровского улусов, не имевших своих Зарго, жители которых относились по подсудности к Зарго соседних улусов: южная часть – к Зарго северной части Малодербетовского улуса, Икицуровский улус – к Яндыко-Мочажному Зарго и Александровский улус – к Багацохуровскому Зарго. Император, утверждая доклад Министра внутренних дел по этому поводу, объявил о создании улусных Зарго во всех восьми улусах Астраханской губ.: в Александровском, Икицохуровском и Манычском улусах – новые Зарго, в Малодербетовском, Яндыко-Мочажном и Багацохуровском улусах – Зарго в обновленном составе без представителей первых трех улусов, Эркетеневский и Харахусовский улусные Зарго - в прежнем виде. Примечательно, что впервые в официальном документе, утвержденном императором, южная часть Малодербетовского улуса была именована Манычским улусом. Как прежде, так и новое наименование этого улуса и Зарго сосуществовали некоторое время. В конечном итоге, в циркуляре астраханского губернатора генерал-лейтенанта Соколовского всем улусным попечителям и заведующим улусами

⁵⁸⁴ НА РК. Ф.9. Оп. 1. Д.288. Л.1.

было решено: «В Высочайшем Указе 10 марта 1906 г. об открытии улусных Зарго южная часть Малодербетовского улуса названа «Маньчским улусом». Ввиду этого предлагаю именовать южную часть Малодербетовского улуса Маньчским»⁵⁸⁵. О новом наименовании улуса были оповещены все административные учреждения Астраханской и соседних губерний⁵⁸⁶. Следует иметь в виду, что главы Икицохуровского, Александровского и Маньчского улусов продолжали именоваться заведующими, а не попечителями.

Далее последовали мероприятия по выборам и утверждению заседателей улусных Зарго (по 2 чел. в каждом улусе), по передаче гражданских, уголовных, а также опекунских дел из прежних в новые Зарго. Среди прочих заседателем Александровского улусного Зарго был избран на улусном сходе зайсанг Бадма-Ара Шонхоров и 2 кандидата к нему, в Маньчское улусное Зарго – зайсанги Эренджен Шарапов и Гаря Балзанов, в Икицохуровское Зарго – зайсанги Церен Бадмаев и Менке-Насун Джоджиев с соответствующими кандидатами и др.⁵⁸⁷

Однако территории улусов, подведомственные новым Зарго, также оказались чрезмерно большими. Это отметил состоявшийся в 1908 г. съезд улусных попечителей Калмыцкой степи, созванный для обсуждения широкого спектра вопросов устройства быта калмыков и их судов. По мнению улусных попечителей, «Зарго, действующие на правах дореформенных уездных судов первой инстанции и волостных расправ бывших государственных крестьян, функционируют крайне медленно».⁵⁸⁸ Данную медлительность в работе калмыцких судов участники съезда объяснили тем, что «калмыки, удаленные от Зарго, не обращаясь к нему, пользуются согласно старому обычаю, в лучшем случае, судом зайсангов или судом почетных стариков, не облаченных правительством никакой судебной юрисдикцией. В большинстве случаев, в

⁵⁸⁵ НА РК. Ф.9. Оп. 1. Д.288. Лл.27-29,31.

⁵⁸⁶ НА РК. Ф.9. Оп. 1. Д.288. Лл.32-38.

⁵⁸⁷ НА РК. Ф.9. Оп. 1. Д.288. Лл.6,8-9, 13.

⁵⁸⁸ НА РК. Ф.9. Оп. 1. Д.288. Л.44.

степи господствует самосуд в виде самоуправления и угона скота».⁵⁸⁹ Далее улусные попечители констатировали, что заседания столь удаленных от населения Зарго проводятся лишь раз в месяц, а не еженедельно, как следует по закону. В связи с этим съезд попечителей рекомендовал проводить выездные сессии Зарго в отдаленных местах улуса с присутствием трех, а не всех пяти членов (попечитель, два его помощника и два заседателя от калмыков) Зарго. В качестве судебных помещений для выездных сессий рекомендовалось использовать жилые здания в буддийских хурулах. Эти рекомендации съезда попечителей были приняты администрацией и по согласованию с Министерством юстиции астраханский губернатор приказал проводить в Калмыцкой степи выездные заседания улусных Зарго.⁵⁹⁰

Очередная идея о судебной реформе в Калмыкии возникла в 1909 г., которая была инициирована Министром юстиции в его предложении астраханскому губернатору рассмотреть возможность принятия временных правил о применении основ судебной реформы 1864 г. в регионах кочевых народов – калмыков и казахов Астраханской губ.⁵⁹¹ В разработанных по указанному вопросу предложениях его авторы признавали наличие сложившихся особенностей в судопроизводстве калмыков. Председатель Астраханского окружного суда предложил упразднить улусные Зарго и взамен ввести в Калмыцкой степи институт мировых судей-следователей. Улусные управления сохраняли свои административные полномочия, но лишались права рассмотрения судебно-следственных дел. Министерство юстиции, соглашаясь с данным предложением, приступило к более детальной разработке вопроса, так и не получившей реальных очертаний в последующие годы.

Продолжение этой инициативы Министерства юстиции ограничилось сообщением его Первого департамента председателю Астраханского

⁵⁸⁹ НА РК. Ф.9. Оп. 1. Д.288. Л.44.

⁵⁹⁰ НА РК. Ф.9. Оп. 1. Д.288. Лл.44 об. 47.

⁵⁹¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 10952. Л. 1.

окружного суда в октябре 1910 г. о продолжающейся разработке законопроекта об устройстве судебной части в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орде Астраханской губ. В связи с этим председатель окружного суда обратился 31 октября 1910 г. к губернатору с предложением Министерства юстиции о необходимости создания условий для работы предполагавшихся по проекту 4 мировых судей и 3 судебных следователей в Калмыцкой степи. Было рекомендовано построить при ставках Малодербетовского, Манычского, Яндыко-Мочажного улусов и в пос. Калмыцкий Базар близ Астрахани в одном дворе по 3 двухэтажных дома: один для квартиры и служебных помещений мирового судьи, другой – для судебного следователя и его аппарата, третий – для выездных сессий Астраханского окружного суда и командированных товарища прокурора, ревизора, судебных приставов и членов окружного суда. У каждого мирового судьи и судебного следователя в штате работников должны были быть переводчики, письмоводители, рассыльные и стражники. Было необходимо также все помещения снабдить соответствующими бытовыми условиями: мебель, освещение, топливо, колодцы с насосами, бани-прачечные, куб для приготовления калмыцкого чая, запасы продовольствия, «пекарь из калмыков, как это делается на рыбных промыслах», заборы и деревья во дворах, сад и огород, расположенные поблизости сенокосы для домашних животных, оборудование для тушения пожара и прочее.⁵⁹² Эти конкретные предложения Министерства юстиции так и не были реализованы, поскольку проект так и не получил законодательного разрешения.

К вопросу о судебной реформе в калмыцких улусах обратились вновь в 1913 г., когда Министерством внутренних дел был разработан проект «О преобразовании административного, судебного и земельного устройства Внутренней Киргизской орды и Калмыцкой степи Астраханской губернии»⁵⁹³. По данному проекту предлагалось введение в Калмыкии института мирового

⁵⁹² ГААО. Ф.1. Оп. 2. Д. 1109. Лл.1-4.

⁵⁹³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 10953. Л.92.

суда, но в значительно урезанном виде, без съездов мировых судей. Однако развернувшаяся Первая мировая война, а также события во внутриполитической жизни страны, воспрепятствовали комплексному рассмотрению и обсуждению данных предложений.

Таким образом, подводя итоги 50-летней разработки и обсуждений проектов судебного переустройства калмыцких улусов, мы пришли к выводу, что устойчивость традиционного уклада жизни калмыков со своими судебно-правовыми элементами не позволили распространить у них хотя бы базовые принципы российской судебной реформы 1864 г. В результате традиционные институты публичной власти у калмыков, дополненные государственными органами управления по «Положению об управлении калмыцким народом» 1847 г., остались без существенных изменений, равно как и их взаимоотношения с центральными и губернскими органами управления. Несмотря на неоднократные попытки преобразования калмыцкой системы судоустройства и судопроизводства с 1860-х годов до начала Первой мировой войны, создания ряда комиссий в центре и в регионе и разработки нескольких проектов по данному вопросу, судебная реформа в Калмыцкой степи не состоялась. Судебная власть осталась в ведении традиционной системы улусных Зарго и попытки внедрения хотя бы отдельных элементов судебных уставов 1864 г. оказались безрезультатными.

В решении вопроса о судебных реформах на территории калмыцкой степи следует выделить два направления, противоположных по своей сущности. С одной стороны, обеспечить постоянство государственного надзора за судебной властью, с другой – введение мировых судебных установлений, предусматривавших минимальные изменения основных принципов судебной реформы 1864 года. Следует признать, что проекты, разработанные в комиссиях при центральных органах управления, в меньшей степени признавали калмыцкие особенности, в отличие от таковых, подготовленных губернскими чиновниками. Тем не менее, ни местные, ни министерские проекты не были реализованы.

Также осталась незавершенной реорганизация местной системы управления. Одной из важных причин такого итога явилось долгое согласование проектов между местными и центральными органами власти, в результате которого проект зачастую терял свою актуальность или не получал согласие одной из сторон. Государство оказалось не способным отказаться от системы попечительства, хотя и признавало необходимость проведения реформ на территории калмыцких улусов.

4.2. Реформа 1892 г. в Калмыкии и последующая реорганизация управления калмыцким обществом

В научной литературе личная зависимость простолюдинов от нойонов и зайсангов в калмыцком обществе, существовавшая до реформы 1892 г., именовалась «обязательными отношениями». Этот термин в российских официальных документах появился во второй половине XIX в. в связи с вниманием общества и власти к этим вопросам в ходе проведения реформы 1861 г. и других либеральных реформ Александра II. Официальный взгляд на содержание этих обязательных отношений у калмыков отразился в проектах как официальных лиц, так и различных комиссий, разрабатывавших проекты ликвидации личной зависимости простолюдинов и реформирования калмыцкой системы управления.

Внимания заслуживают работы руководителя Кумо-Маньчской экспедиции, упомянутого выше, К.И. Костенкова, который при разработке ряда своих проектов по системе калмыцкого управления и, в частности, судебной реформы, был вынужден обратиться к анализу истории калмыцкого народа. В своем подробном историческом очерке о калмыках он выделил два основных этапа в политике Российского правительства в Калмыкии. Первый этап, продолжавшийся до 1771 г., он характеризовал как время самодержавной власти ханов и нойонов без административных и иных органов управления. Российское правительство вынуждено было в этих условиях лишь

маневрировать в своей политике между собственными интересами и интересами правящей калмыцкой верхушки. Вторым этапом после ликвидации ханства оценивается К.И. Костенковым как период создания российской административной системы управления в Калмыкии, завершившейся установлением попечительской опеки над калмыцким народом.⁵⁹⁴

Обращает на себя внимание то, что К.И. Костенков в своей работе, характеризуя сословный строй у калмыков и отношения зависимости между людьми «белой» и «черной» кости, отметил существенные изменения в них в процессе эволюции. На ранних этапах в период древней истории знатные люди у монгольских народов являлись предводителями или правителями, позже они получили статус частных владельцев. По мнению К.И. Костенкова, калмыцкие зайсанги, в отличие от нойонов, были неверно отнесены к знати: «Сословие зайсангов, установленное первоначально частными лицами и имевшее значение надзирателей или управителей известной части народа, подвластного нойонам, было утверждено правительством в таких правах, для получения которых это сословие не имело никакого повода и основания».⁵⁹⁵

Анализ российской правительственной политики по отношению к калмыцкой знати в период существования Калмыцкого ханства привел К.И. Костенкова к выводу о «неумеренном поощрении калмыцких ханов и нойонов в их жестких методах правления и эксплуатации простолюдинов». В конфликтных ситуациях российская администрация, по К.И. Костенкову, неизменно оправдывала произвол улусовладельцев. По мнению автора, подобная политика еще более усилилась после ликвидации Калмыцкого ханства, когда по указу 27 июня 1785 г. калмыцким владельцам было дано право продавать и дарить своих подвластных простолюдинов. Это незамедлительно вызвало произвол нойонов в назначении и сборе податей с подвластного населения. Таким образом, К.И. Костенков в своей работе пришел к выводу, что методы эксплуатации калмыцких простолюдинов со

⁵⁹⁴ Костенков К.И. Исторические и статистические сведения ... С. 42-43.

⁵⁹⁵ Там же. С. 46.

стороны знати были порождены неверной политикой их поощрения российской администрации.

По мнению К.И. Костенкова, «Правилами об управлении калмыцким народом» 1825 г. были формально установлены владельческие права калмыцких нойонов без достаточного анализа их реальных взаимоотношений с простолюдинами. В то же время К.И. Костенков отметил, что последующими «Положениями об управлении калмыцким народом» 1834 и 1847 гг. нойоны-улусовладельцы были именованы лишь «управителями».⁵⁹⁶

Далее К.И. Костенков, признавая наличие крепостного права у калмыков, считал его происхождение «незаконным», навязанным сверху российскими властями. Будучи недостаточно компетентным в вопросах сословных взаимоотношений у кочевников, он безусловно ошибочно полагал, что калмыцкие нойоны получили права улусовладельцев из рук российского правительства. В связи с этим введение крепостного права у калмыков являлось безосновательным, по его мнению. К.И. Костенков считал, что зависимые отношения у калмыков не соответствовали основным принципам кочевой военной жизни, в условиях которой нойоны находились в роли «военачальников и родоправителей без права владеть землей, а тем менее людьми»⁵⁹⁷.

Это мнение К.И. Костенкова о неясном положении знати в калмыцком обществе легло в основу деятельности различных министерских комиссий, которые имели прямое отношение к подготовке предложений и проектов по отмене личной зависимости рядовых кочевников. Должно полагать, что взгляды К.И. Костенкова соответствовали правительственной оценке характера социальных отношений в калмыцком обществе. Правительственные чиновники того времени, признавая «обязательные отношения» у калмыков, переросшие в условиях российской действительности в крепостное право, считали возможным его ликвидацию по образцу российской реформы 1861 г.

⁵⁹⁶ Костенков К.И. Исторические и статистические сведения ... С. 48.

⁵⁹⁷ Там же. С. 43.

В результате деятельности комиссий по разработке проектов по отмене зависимых отношений у калмыков все сходились в единодушном мнении о том, что содержание обязательных отношений у кочевников заключается в исключительном праве калмыцкой знати на сбор подати (албана) с подвластных простолюдинов. Естественно, по их мнению, за счет этих средств происходило личное обогащение калмыцких нойонов и зайсангов, в то время как изначально они планировались как расходы на общественные нужды и управление. С принятием калмыками российского подданства положение калмыков-простолюдинов еще более усугубилось, поскольку российская администрация своими нормативными актами превратила сбор этой подати в законное право знати. Тем самым, как считали члены комиссий, владельческие права были признаны наследственными и нераздельными, хотя и заключались в сборе албана. В результате следовал логичный вывод комиссий о необходимости компенсации калмыцким собственникам за потерю указанного дохода и отказа от своих прав по управлению улусами и аймаками.

Это мнение легло в основу окончательного проекта реформы, подготовленного в 1891 г. комиссией под руководством Министра государственных имуществ М.Н. Островского. Главным выводом комиссии явилось утвердившееся в российской администрации мнение о том, что содержательной базой обязательных отношений у калмыков является исключительное право нойонов и зайсангов на податный сбор с простолюдинов. По мнению членов комиссии М.Н. Островского, калмыцкие простолюдины за исключением указанной подати во всех остальных вопросах пользовались такими же правами, что и свободные сельские обыватели после реформы 1861 г. В частности, они пользовались одинаковыми с освобожденными крестьянами избирательными правами на выборах в органы местного самоуправления (улусные и аймачные сходы) и при избрании своих представителей в органы государственного управления. На своих сходах калмыцкое население решает вопросы о способах сбора и покибиточных размерах податей и повинностей, о призрении сирот, престарелых сородичей

и инвалидов, о других экстраординарных общественных делах. В наследственных правах калмыки в XIX в. были подчинены регламенту общероссийского законодательства. По мнению главы комиссии Министра государственных имуществ М.Н. Островского различия в правах калмыцких простолюдинов от прав освобожденных от крепостного права крестьян после реформы 1861 г. заключаются лишь в уплате рядовыми калмыками подати своим владельцам и в полном отсутствии необходимости у кочевников-калмыков регламентации поземельных отношений. Последнее обстоятельство объяснялось тем, что у калмыков отсутствовала частная собственность на землю и вся территория Калмыцкой степи находилась в общем пользовании кочевого населения. Таким образом, отношения между простолюдинами и знатью были признаны российской администрацией взаимно-обязательными. Нойоны и зайсанги обладали обязанностями по управлению подвластными людьми, а простолюдины уплачивали албан (подать).⁵⁹⁸

Действительно, в основе зависимости калмыков-простолюдинов не было поземельных отношений, поскольку у калмыков отсутствовала частная земельная собственность. Земли находились в распоряжении аймачных обществ, что являлось гарантией их общего использования всем калмыцким населением. Сословное неравенство, подсудность владельцам, общинное землепользование – черты в равной степени характерные как для российского крестьянства, так и для калмыков-простолюдинов. И те, и другие вели собственное хозяйство, имели свое жилье, орудия труда и домашний скот. Обращает на себя внимание наличие дворовых людей в помещичьих усадьбах, сходных по обязанностям и роду занятий с кетчинерами при нойонах или зайсангах.

В своих трудах М.М. Батмаев отмечает, что при характеристике крепостнического характера зависимости калмыков-простолюдинов чаще всего упоминают право знатных сословий продавать своих подвластных.

⁵⁹⁸ Команджаев А.Н., Мацакова Н.П. Реформа 1892 года в Калмыкии. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2011. С. 58.

Такие случаи были редки в калмыцком обществе и, как правило, объяснялись срочной необходимостью.⁵⁹⁹ На наш взгляд, стремясь к унификации в определении статуса сословий у различных народов, Российское государство личную зависимость калмыков-простолюдинов, установленную ранее и закрепленную в Великом Уложении 1640 г., продолжило юридическим оформлением владельческих прав калмыцкой знати. Поэтому не удивительно, что отношения между нойонами, зайсангами и подвластными им простолюдинами исследователи нередко отождествляют с таковыми у русских помещиков с их крепостными.⁶⁰⁰

Исследователь Г.З. Минкин полагал, что предоставление калмыцкой знати прав и привилегий русских помещиков являлось выражением признательности государства тем нойонам и зайсангам, которые остались в России после исхода подавляющего большинства калмыков на историческую родину в Центральную Азию. Будучи частью российского дворянства, калмыцкая знать ужесточила эксплуатацию рядовых кочевников и, по мнению Г.З. Минкина, «правительство не только не стремилось ограничивать произвол нойонов, но даже поощряло их»⁶⁰¹.

Законы, утвержденные в XVIII в., свидетельствуют о роли российских властей в формализации прав калмыцкой знати на владение простолюдинами. Ноябрьский закон 1737 г. позволял представителям привилегированных сословий приобретать калмыков, использовать их в качестве домашних слуг, крестить, не выплачивая за них подушную подать⁶⁰².

Указом от 12 мая 1744 г. определялось наказание за своеволие, если калмык, ставший по закону 1737 г. собственностью представителей знатных сословий, то есть крепостным, начинал просить свободу. Закон от 27 июня

⁵⁹⁹ Батмаев М.М. Социально-политический строй ...

⁶⁰⁰ Команджаев А.Н., Мацакова Н.П. Указ. соч. С. 61.

⁶⁰¹ Минкин Г.З. Об общественном строе Калмыкии ... С. 24.

⁶⁰² ПСЗ-И. Т. X. № 7438.

1785 г. позволял калмыцким нойонам продавать или дарить подвластных им простолюдинов⁶⁰³.

Меры, которые могли в какой-то степени ограничивать права высшей калмыцкой знати приобретать и продавать подвластное население, были определены указом от 23 мая 1808 г. В этом указе для калмыков назначался обязательный срок службы. Указом от 13 февраля 1819 года были введены ограничения на возраст продаваемых и покупаемых инородцев – не моложе 25 лет. Запрет на приобретение калмыков путем обмена или покупки был введен Государственным советом с 8 октября 1825 года⁶⁰⁴.

Последовательное ограничение прав калмыцкой знати отражало общегосударственный курс на постепенное подчинение калмыков российской администрации. Эта тенденция, связанная с интеграцией инородческого населения в общероссийскую административную систему, определившаяся в начале XIX в., развивалась по нарастающей в течение всего столетия.

Уже в период подготовки реформы 1861 г. в обществе и в административных структурах обращалось внимание на вопрос о необходимости изменений в хозяйственной и социальной жизни калмыков. Однако реальные действия в этом направлении были предприняты после принятия реформы. Уже в 1861 г. была создана при Министерстве государственных имуществ специальная комиссия по изучению вопроса о пересмотре российского законодательства в отношении калмыков. Члены комиссии, в том числе генерал-майор П.Б. Струков и главный попечитель калмыцкого народа К.И. Костенков, под руководством генерал-майора В.М. Норова среди прочих обсуждали вопрос о возможности ликвидации личной зависимости калмыков-простолюдинов от знати.

Комиссия приняла к обсуждению два проекта по указанному вопросу. Проект, подготовленный П.Б. Струковым, ограничивался общими рассуждениями о необходимости пересмотра российских законов по

⁶⁰³ ПСЗ-I. Т. XII. №8941; Т. X. №3517.

⁶⁰⁴ ПСЗ-II. Т. 40. № 30528.

Калмыкии. Проект Б.В. Струве уже был более конкретен и предполагал ликвидацию обязательных отношений у калмыков с необходимостью собственного выкупа простолюдинов. Автор наделял улусные управления обязанностями волостного правления со всей полнотой хозяйственной и исполнительной власти. Согласно проекту, улусные попечители становились судебными приставами с полицейскими и судебно-следственными функциями. Таким образом, в Калмыцкой степи предполагалось наличие 9 судебных приставов. Работа указанной комиссии под председательством В.М. Норова завершила свою работу с рекомендацией продолжить работу над проектами в отношении калмыков.

Следующая комиссия под руководством князя Д.А. Оболенского была сформирована для решения следующих задач:

- обсуждение разработанных проектов, направленных на модернизацию институтов публичной власти калмыков;
- пересмотр существующего законодательства о калмыцком народе в связи с общими преобразованиями в российском государстве.

Членами указанной комиссии являлись чиновники центральных министерств: государственных имуществ, внутренних дел, юстиции, народного просвещения и военного ведомства. В состав комиссии были также включены К.И. Костенков и член астраханского губернского присутствия по крестьянским делам К.А. Лебедев. В ряде заседаний комиссии участвовал астраханский губернатор Н.Н. Бишпен⁶⁰⁵. Членами комиссии было проведено тридцать заседаний в течение двух лет. Ход и результаты этой работы были запротоколированы в семи журналах. Итогом деятельности этой комиссии явился подготовленный проект по отмене обязательных отношений у калмыков. Помимо этого, члены комиссии высказали пожелания по землеустройству кочевого народа и изменениям в системе налогообложения.

⁶⁰⁵ ПСЗ-П. Т. 40. № 30528. С. 91.

Перед созданной по распоряжению министра П.А. Валуева следующей комиссией под руководством князя А.А. Ливена, состоявшей из чиновников Министерства государственных имуществ, была поставлена задача в результате детального анализа материалов комиссии князя Д.А. Оболенского разработать окончательный вариант реформы у калмыков. Члены комиссии пришли к выводу, что отмена личной зависимости у калмыков невозможна без соответствующей денежной компенсации нойонам и зайсангам за потерю ежегодного албана (подати). Свое решение комиссия мотивировала тем, что право получения албана калмыцкими владельцами относится к категории вотчинного права и его отмена должна предполагать определенную компенсацию. Следующий проект, созданный группой во главе с главным попечителем калмыцкого народа Н.О. Осиповым, также был положен в копилку предложений по планировавшейся реформе.

Новая комиссия под руководством В.И. Вешнякова, заместителя министра государственных имуществ, используя опыт подготовки предложений своими предшественниками, достаточно быстро, в течение 1884 г., завершила работу и представила очередной проект министру М.Н. Островскому. Перед М.Н. Островским стояла сложная задача выбора окончательных предложений по отмене обязательных отношений у калмыков. Безусловно, министр понимал необходимость скорейшего решения этой проблемы, поскольку калмыки оставались единственным народом в России, у которого сохранялась личная зависимость простолюдинов от знати. В связи с этим он выразил мнение о необходимости ликвидации владельческих прав калмыцкой знати, не связывая это с завершением подготовки реформы управления, суда и налогообложения. По ходу длительного согласования подготовленного проекта ликвидации обязательных отношений у калмыков в центральных органах управления параллельно были начаты подготовительные действия в Калмыцкой степи. В целях реализации предстоящей реформы необходимы были подсчет реальной численности калмыцкого населения, точное установление границ землепользования

кочевников и определение возможности организации новых форм общественного устройства. Этому были подчинены меры по комплексному изучению хозяйственного состояния и местных особенностей калмыцких улусов.

Вначале (с 1886 г.) Управлением калмыцким народом была собрана информация об оседлом калмыцком населении, к каковому относились жители пос. Калмыцкий Базар, поселков крещеных калмыков Бислюрта, Кегульта и немногочисленный состав калмыков-служащих низшего звена в улусных управлениях и проживавших в улусных ставках. Помимо этого, в 1890 г. управление занялось сбором близкой к действительности информации о количестве казачьих станиц, переселенческих крестьянских сел и хуторов в 10-верстной полосе. Сложность сбора этой информации заключалась в том, что в 1806 г. 10-верстная полоса вдоль правого берега р. Волга была изъята из территории Калмыцкой степи и была передана в совместное пользование калмыцкого, крестьянского и казачьего населения. Со временем русско-украинское крестьянство произвело захват этих земель в свое пользование, образуя многочисленные «самовольные» хутора и села, тем самым фактически выдавив калмыков с 10-верстной полосы, местами превратившейся в 15-верстную. В 1890 г. эти самовольные поселения крестьян стали свершившимся фактом и стало необходимым установить точное количество этих поселений и численность их жителей для отвода земли в Калмыцкой степи⁶⁰⁶.

Невероятно сложным вопросом для администрации являлось установление точной численности калмыцкого кочевого населения, крайне необходимого для подготовки реформ в управлении и налогообложении. Эта сложность объясняется рядом причин. Во-первых, у калмыцкого населения в силу буддийского мировоззрения (буддизм предполагает перерождение, а не смерть) исторически не было правила вести учет людей и домашнего скота. Поэтому все подсчеты являлись приблизительными. Во-вторых, возникали

⁶⁰⁶ Деев С.Ю. Подготовка и проведение реформы 1892 г. // Вестник КИГИ РАН. 2003. Вып. 18. С. 184, 193.

трудности при подсчете кочевого населения, тем более, если учет являлся единовременным. В-третьих, даже подсчеты населения по количеству кибиток (семей) были неполными, поскольку калмыки, как правило, уменьшали это число с целью снижения кибиточного налога (албана). Даже такая крупномасштабная и подготовленная первая всеобщая перепись населения 1897 г. установила заниженную численность всего населения Калмыцкой степи Астраханской губ. – 128,5 тыс. чел. (калмыков вместе с так называемыми «посторонними» лицами: торговцами, служащими, полицейскими стражниками, казаками и др.).⁶⁰⁷ Однако, по мнению исследователей, в 1890-е годы по данным ежегодных отчетов Управления калмыцким народом средняя численность только калмыцкого населения здесь составляла 134 тыс. чел.⁶⁰⁸ Перед администрацией постоянно стоял вопрос о необходимости введения метрических книг. Как правило, в Управлении калмыцким народом принимали решения о том, чтобы метрический учет населения возложить на буддийские монастыри, поскольку именно калмыцкое духовенство по примеру православных священников играли активную роль в повседневной жизни мирян. Это решение было принято в 1873 г. по настоянию главного попечителя М.И. Тагайчинова, но оно оказалось безрезультатным. К подобным предложениям несколько раз возвращались и в начале XX в., но они не были приняты. По буддийским канонам земное существование человека, как и всего живого, начинается не с момента появления на свет, а с момента зачатия и включает в себя внутриутробное развитие. Отсюда и возникали трудности в регистрации новорожденных. Следует сказать, забегая вперед, что в связи с этим являлась довольно распространенной путаница в дате рождения калмыцких детей до 1960-х годов.

Равным образом по буддийским правилам у калмыков даже в первой половине XX в. семейная фамилия в общепринятом смысле отсутствовала, как и отчество. При идентификации калмыка указывалась принадлежность к отцу

⁶⁰⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи ... С.43.

⁶⁰⁸ Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии ... С.30.

и собственное имя, а также принадлежность к роду, аймаку и улусу. Имели место попытки совершенствования покибиточного учета населения в ходе переписей 1868 и 1876 гг. с указанием всех членов семьи, но и они оказались малоэффективны. Накануне реформы 1892 г. в Калмыкии производилась новая перепись, уже более подготовленная: с полагающейся инструкцией, формулярными бланками, с перечнем вопросов. Но она не была завершена, в связи с чем при принятии и реализации реформы пришлось ограничиться данными переписи 1876 г. Параллельно калмыцкая администрация собирала сведения о сборе в 1884-1889 гг. ежегодной подати (албана) с простолюдинов в пользу владельцев в целях определения суммы денежной компенсации последним за потерю собственности. Собранные сведения показали значительное возрастание в эти годы владельческих доходов, что чиновники объясняли улучшением материального благополучия простолюдинов за счет роста поголовья скота.

Окончательный проект отмены обязательных отношений у калмыков, подготовленный в 1891 г., включал в себя следующие основные положения: ликвидация личной зависимости без реформы общественного управления, унификация управления в бывших владельческих и казенных улусах (в каждом улусе по попечителю с двумя помощниками с полицейскими обязанностями), упразднение должностей правителей в казенных улусах, возложение функций местного управления на аймачных старшин. Управление калмыцким народом было решено по проекту сохранить в неизменном виде до окончательного утверждения более совершенной системы административного управления.

Указанный проект поступил из Министерства госимуществ в Государственный Совет и был рассмотрен 23 ноября 1891 г. на объединенном заседании отделов Госсовета. В обсуждении вопроса об отмене обязательных отношений у калмыков приняли деятельное участие руководители заинтересованных министерств и ведомств: госимуществ, финансов, внутренних дел, юстиции, государственного контроля и главного управления

казачьих войск, представлявшего интересы военного министерства. Обсуждение облегчалось тем, что вначале был заслушан обстоятельный доклад по вопросу министра госимуществ М.Н. Островского, в котором докладчик познакомил участников заседания с историей вопроса, кратко охарактеризовал правительственный взгляд на сущность обязательных отношений у калмыков и необходимость их отмены, обозначил основные положения представленного проекта⁶⁰⁹.

Руководствуясь изложенным материалом, участники заседания в целом одобрили проект реформы. Это заключение по проекту после небольшой доработки поступило на рассмотрение общего собрания членов Госсовета и утверждено им 3 марта 1892 г. Это мнение Государственного Совета «Об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа» было подписано Александром III 16 марта 1892 г.⁶¹⁰.

Действие этого закона распространялось на жителей Калмыцкой степи Астраханской губ. и Большедербетовского улуса Ставропольской губ. Согласно указанному закону, упразднялись владельческие права калмыцких нойонов и зайсангов и отменялся денежный сбор (албан) с простолюдинов в их пользу. Калмыцким простолюдинам были предоставлены личные и имущественные права, права по состоянию, дарованные свободным сельским обывателям Российской империи.

Нойоны-улусовладельцы, родовые (аймачные) зайсанги и мелкие собственники (речь идет о безаймачных зайсангах) по закону получали денежное вознаграждение за потерю ежегодного албана. Денежная сумма для выплаты бывшим владельцам устанавливалась в размере, равном пятикратному албану. Для мелких собственников и родовых зайсангов, которые имели небольшую численность зависимых простолюдинов, единовременная выплата устанавливалась по договоренности между Министерством финансов, внутренних дел и госимуществ. Все выплаты

⁶⁰⁹ Команджаев А.Н., Мацакова Н.П. Указ. соч. С. 129.

⁶¹⁰ ПСЗ РИ-III. Т. XII. № 8429.

должны были производиться из средств калмыцкого общественного капитала, который пополнялся за счет денежного сбора с калмыков, не принадлежавших родовым зайсангам (их количество было небольшим), доходов от сдачи в аренду земельных и рыболовных оброчных статей, многочисленных штрафов (незаконная распашка земли, выпас «постороннего» скота на калмыцких землях, от продажи билетов и свидетельств на отлучку из улусов и др). Следует сказать о том, что из сумм калмыцкого общественного капитала финансировалась вся система управления в Калмыкии, школьное образование, здравоохранение, полицейская стража и все другие, в том числе непредвиденные, расходы.

Теперь уже все крупные собственники (нойоны и родовые зайсанги) были лишены права на управление улусами и аймаками. В тех улусах, которые не имели своих нойонов, были упразднены должности правителей. Последние оставались на внештатном содержании, которое назначалось из остатков расходного бюджета на структуры калмыцкого управления.

В законе определялось, что обязанности по управлению улусами взамен нойонов и правителей (как правило, ими являлись наиболее знатные родовые зайсанги) переходят к улусным попечителям и их помощникам. Эта мера предусматривалась как временная до решения вопроса о преобразовании системы управления и судоустройства. В документе однозначно указывалось, что управление родовыми аймаками теперь уже должны осуществлять выборные аймачные старшины взамен родовых зайсангов. Следует отметить, что выборные аймачные старшины ранее существовали только в тех аймаках, которые не имели родовых зайсангов. Председателями улусных судов Зарго в бывших владельческих улусах взамен нойонов становились улусные попечители.

В связи с этим в калмыцких улусах Астраханской губ. был расширен штат помощников улусных попечителей на 10 чел. с годовым окладом 600 руб. в год каждый, включая 200 руб. столовых денег. На ведение канцелярии устанавливалась сумма в размере 100 рублей в год. Распределение

должностных лиц по улусам и их содержания оставалось за министерством государственных имуществ. Равно как и распоряжение средствами калмыцкого общественного капитала оставалось в этом ведомстве до будущего преобразования административного, земельного и общественного устройства калмыков.

Реформой 1892 г. в Калмыкии был установлен новый налог в размере 6 рублей в год с кибитки или иной равнозначной семье единицы. В Калмыцкой степи Астраханской губ. распределением сумм кибиточного налога занималось Управление калмыцким народом, в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии – главный пристав кочующих народов. Их решение по этому вопросу обязательно утверждалось соответствующим губернатором. Покибиточную раскладку налога по хотонам внутри аймака осуществлял аймачный сход по принципу круговой поруки: можно было уменьшать его или вовсе освобождать от него бедные семьи, но с обязательным распределением этой суммы на другие более состоятельные семьи. При этом максимальный размер надбавки не должен был превышать 20% от установленной суммы налога на кибитку. Постановления аймачного схода по этому вопросу, как и по другим, обязательно утверждались улусным попечителем. Сборщики налога (демчеи) осуществляли свою работу дважды в год – весной, в апреле, и осенью, в сентябре. В случае осложнений со сбором налога, а они возникали постоянно, демчеям оказывали помощь аймачные старшины и хотонные старосты. Собранный налог из аймаков демчеи сдавали улусному попечителю, который затем передавался в уездное (Черноярское или Енотаевское – в Астраханской губ., Медвеженское – в Ставропольской губ.) казначейство дважды в год: в апреле и сентябре. Несостоятельные калмыки-простолюдины по представлению демчея могли определяться в работы по найму до погашения недоимка. Налоговый сбор с калмыков 1892 г. был предоставлен в распоряжение министерства госимуществ на восстановление расходов по управлению калмыками.

Таким образом, содержание реформы 1892 г. у калмыков заключалось в осуществлении трех главных положений:

- отмена личной зависимости простолюдинов от нойонов и зайсангов за денежную компенсацию последним;

- некоторые изменения в местном управлении и судебной системе, заключающиеся в расширении полномочий местной администрации (на попечителей были возложены административные и судебные функции нойонов-улусовладельцев или правителей улусов);

- осуществление налогового сбора с калмыков в пользу государства.

Мероприятия по реализации закона 16 марта 1892 г. начались сразу же после его опубликования. Действительный статский советник В.Л. Башкиров, назначенный накануне принятия реформы, 17 февраля 1892 г., управляющим палатой госимуществ Астраханской губ. и главным попечителем калмыцкого народа, прибыл к месту службы через два месяца и произвел ревизию делопроизводства органов калмыцкого управления. В своем отчете о проведенной проверке он отметил плохое ведение бухгалтерского делопроизводства в калмыцком управлении.

Своим циркуляром на имя В.Л. Башкирова Министр госимуществ приказал принять меры по обнародованию в калмыцких улусах закона 16 марта 1892 г. При этом Министр поручил во избежание недоразумений объяснить нойонам-улусовладельцам, что они не имеют права собирать с простолюдинов задолженность по налогам за прежние годы. Далее в указанном распоряжении Министра на Управление калмыцким народом возлагалась обязанность осуществления денежных расчетов с нойонами-улусовладельцами в размере 5-кратной суммы ежегодного налога (албана), исходя из количества кибиток (семей), находившихся в их владении. Управление также должно было составить подробный список родовых зайсангов и мелких собственников, которым также полагалась единовременная выплата, размер которой определялся по согласованному решению министерств госимуществ, внутренних дел и финансов.

Этим же распоряжением Министра необходимо было провести передачу управления улусами и аймаками от бывших калмыцких владельцев и правителей с выплатой жалованья последним к представителям улусной администрации и аймачным старшинам. На калмыцкое управление возлагалась обязанность по подготовке всех документов по новому налогообложению калмыков без различия сословий: в министерском предписании указывалось, что новый кибиточный налог в размере 6 рублей в год обязаны уплачивать представители всех сословий, включая нойонов, их родственников, родовых и безаймачных зайсангов, буддийского духовенства и простолюдинов. Указывалось, что налог должен взиматься «с кибитки и всякого заменяющего ее помещения для жилья».⁶¹¹

После того как предписания Министра госимуществ, поступившие в Управление калмыцким народом, были разосланы 27 мая 1892 г. улусным попечителям начался процесс обнародования закона об отмене обязательных отношений у калмыков. Было напечатано в типографии необходимое для раздачи на улусных сходах количество объявлений с текстом закона и торжественный акт обнародования состоялся в пос. Калмыцкий Базар близ Астрахани 7 июня 1892 г. Параллельно текст закона 16 марта 1892 г. был опубликован во всех астраханских газетах: «Астраханские губернские ведомости», «Астраханские епархиальные ведомости», «Астраханский справочный листок» и др. После этого были совершены поездки губернатора, главного попечителя калмыцкого народа и других чиновников Управления калмыцким народом в улусы, в ходе которых разъяснялись положения реформы и вопросы их практической реализации.

Меры по реализации плана по проведению реформы 1892 г. осуществлялись одновременно, хотя первостепенным мероприятием для органов калмыцкого управления являлась скорейшая выплата денежной компенсации калмыцким нойонам, родовым зайсангам и мелким владельцам

⁶¹¹ Команджаев А.Н., Мацакова Н.П. Указ. соч. С. 142-143.

(безаймачным зайсангам) за потерю ежегодного налога (албана). Этот процесс являлся наиболее сложным для служащих улусных управлений: необходимо было составить точные расчеты компенсации в размере 5-кратной суммы ежегодного албана и установить сумму недоимок за прежние годы. Также осуществлялся ими сбор точных сведений о количестве кибиток (семей) простолюдинов, бывших во владении у нойонов и зайсангов. Принималось в расчет также то обстоятельство, что некоторые калмыцкие владельцы уже успели получить часть албана за 1892 г. до 16 марта. Полученные сведения были проверены и уточнены на заседаниях соответствующих аймачных сходов и отправлены в Управление калмыцким народом.

Уже в июле 1892 г. на основании сведений, полученных из улусов, Управлением калмыцким народом была составлена сводная ведомость калмыцких владельцев в Калмыцкой степи Астраханской губ. из 124 чел. В этом документе указывались фамилия и имя нойона или зайсанга, количество принадлежавших им кибиток (семей), ежегодная сумма получаемого албана, сумма к выдаче в размере 5-кратного албана и др.⁶¹² Список получателей денежной компенсации по указанной ведомости оказался неполным, поскольку на эту выплату рассчитывали 152 чел., включая не попавших в список по ряду причин некоторых безаймачных зайсангов или их наследников. В итоге для выдачи денежной компенсации калмыцким владельцам или их наследникам, утвержденных в этих правах, министерство госимуществ разрешило калмыцкому управлению выделить из калмыцкого общественного капитала 121,8 тыс. руб., в том числе 7,9 тыс. руб. были запланированы к выдаче тем наследникам, права которых находились в стадии рассмотрения⁶¹³. К концу 1892 г. все полагающиеся выплаты калмыцким владельцам были осуществлены.

Безотлагательными для калмыцкой администрации являлись меры по организации новой системы местного управления в улусах. После того как

⁶¹² НА РК. Ф. 24. Оп.1. Д. 126. Лл. 17-18.

⁶¹³ Команджаев А.Н., Мацакова Н.П. Указ. соч. С. 149.

было объявлено всем нойонам-улусовладельцам и родовым зайсангам об освобождении их от управления улусами и аймаками уже в мае 1892 г. эти полномочия были переданы улусным попечителям, их помощникам и заведующим отдельными частями улусов. В тех аймаках, которые ранее принадлежали родовым зайсангам, обязанности по управлению передавались аймачным старшинам, которых необходимо было избирать на аймачных сходах. Приговоры аймачных сходов об избрании аймачных старшин и двух кандидатов к каждому из них утверждались подписью улусного попечителя и печатью, а затем списки избранных лиц по представлению Управления калмыцким народом утверждались в должности астраханским губернатором. Здесь необходимо обратить внимание, что у калмыков также были аймаки, не имевшие родовых зайсангов, к которым относились аймаки калмыков-шебенеров, принадлежавших буддийским монастырям, и те аймаки, у которых родовые зайсанги умерли, не оставив наследников. Этими аймаками уже до реформы 1892 г. управляли избираемые на аймачных сходах аймачные старшины. В связи с этим подобная практика была распространена на бывшие владельческими калмыцкие аймаки. Поэтому в изучаемый период понятие «родовой зайсанг» являлось идентичным понятию «аймачный зайсанг».

В июне 1892 г. приказом главного попечителя В.Л. Башкирова правители тех улусов, которые не имели нойонов-улусовладельцев, родовые зайсанги Ц. Онкоров (Багацохуровский улус), Э. Оргечкиев (Яндыко-Мочажный улус), В. Леджинов (Харахусовский улус), Б. Убушиев (Эркетеневский улус) и Н. Натыров (управляющий Икицохуровским улусом) были освобождены от должностей и переведены в заштатный статус с выплатой полагающегося содержания. В этом же документе было объявлено, что освобожден от управления Александровским (Хошеутовским) улусом опекун наследников нойона Б. Тюменя⁶¹⁴.

⁶¹⁴ Команджаев А.Н., Мацакова Н.П. Указ. соч. С. 155.

Все нойоны, родовые (аймачные) зайсанги, а также бывшие правители улусов обязательно давали подписку в том, что улусные попечители им объявили о приказе главного попечителя об отстранении их от управления улусами и аймаками, и эти документы пересылались в Управление калмыцким народом.

В течение июня-сентября 1892 г. в улусах состоялись аймачные сходы для избрания старшин и двух кандидатов к каждому. Содержание этих приговоров было одинаковым: «29 июня 1892 г. мы, нижеподписавшиеся хотонные старосты и выборные Яндыковского улуса Барунова рода, бывших аймаков зайсангов Лиджи Дорджиева, Окон Бадмаева и Саранга Оконова, собрались на аймачном сходе и, выслушав предложения попечителя нашего улуса о выборе аймачного старшины, с общего нашего согласия избираем старшиною для управления нашими аймаками однородца нашего Муртаза Гаряева, кандидатами к нему: Убуши Джирганова и Убуши Зунгруева, - как лиц хорошего поведения, в чем подписуемся...»⁶¹⁵ Подобный текст по форме и содержанию был во всех просмотренных нами аймачных приговорах в Большедербетовском улусе Ставропольской губ.⁶¹⁶ Эти приговоры аймачных сходов Калмыцкой степи были направлены в Управление калмыцким народом и после согласования с астраханским губернатором главный попечитель утвердил в должности аймачных старшин более 140 чел. В их числе были утверждены 38 зайсангов, избранные на сходах аймачными старшинами.

Двумя годами позже, в 1894 г., император утвердил форму и описание должностных знаков для аймачных старшин Калмыцкой степи, обязательных для ношения во время исполнения должностных обязанностей. Вместе с этими должностными знаками избранным старшинам выдали и подготовленную для старшин и старост инструкцию. Из текста данной инструкции следует, что аймачные старшины наделялись определенными административно-надзорными функциями: объявлять по распоряжению улусных попечителей и

⁶¹⁵ НА РК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 98. Лл. 10-38.

⁶¹⁶ НА РК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 130. Лл. 183-196.

заведующих улусами (эта должность утверждалась в улусах, в которых не было Зарго, в связи с чем в судебном отношении такой улус объединялся с соседним, составляя единый судебный округ) хотонным обществам своего аймака законы и постановления вышестоящих административных органов, сообщать в улусное управление о чрезвычайных происшествиях в аймаке (преступления, пожары, эпидемические заболевания, эпизоотии, др.), осуществлять «первоначальные меры к прекращению дальнейшего распространения болезней..., наблюдать, чтобы калмыки не вступали ни в какие сделки по земельным вопросам с посторонними лицами...». ⁶¹⁷

Аймачные старшины также выдавали жителям своих аймаков удостоверения на временный выезд («отлучку») за пределы своего улуса. На основании этих удостоверений улусные управления выдавали просителям свидетельства на отлучку из улуса сроком на один месяц или билеты для найма в работы до полугодия. Как правило, речь шла о найме в работы на рыболовные или соляные промыслы Прикаспия или на сельскохозяйственные работы (пастухами) в соседние русско-украинские переселенческие села. О распространенности калмыцкого отходничества на заработки в рассматриваемый период свидетельствуют цифры: в 1890-е годы в Калмыцкой степи более 18 тыс. чел. ежегодно получали билеты для найма в работы. ⁶¹⁸ Помимо этого, аймачные старшины выдавали своего рода ветеринарные справки на отправляемый из аймака скот в том, что животные направляются из благополучной местности без эпизоотий.

Одной из основных обязанностей старшин являлась помощь демчечам (сборщикам налогов) в осуществлении сбора казенных и «мирских» денежных и натуральных податей и повинностей. Они также решали вопросы об отдаче в работы до полного погашения долга лиц, уклоняющихся от уплаты или не имеющих средств для этого. Помимо этого, аймачные старшины

⁶¹⁷ НА РК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Лл. 252-257.

⁶¹⁸ Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии ... С.171.

контролировали демчеев, «чтобы демчеи выдавали калмыкам квитанции о получении с них денег».⁶¹⁹

Им поручались также полицейские функции, учитывая малочисленность полицейских стражников в калмыцких улусах: обеспечивать безопасность жителей аймака и их имущества, задерживать беглых и лиц без определенного места жительства, контролировать и не разрешать продажи калмыкам спиртных напитков и др. Аймачным старшинам рекомендовалось осуществлять частые поездки по хотонам и кочевьям в своем аймаке для наблюдения и обеспечения порядка и спокойствия. В их обязанности вменялось содействие рассыльным улусных управлений и полицейским стражникам в своевременном исполнении своих поручений, в частности, в предъявлении ими судебных повесток жителям аймака и обеспечении их явки.

К числу ограничений в их деятельности относилось запрещение на выезд из улуса без официального разрешения улусного управления, а также они не имели права самостоятельно принимать решения о созыве аймачного схода и принимать на них постановления, приговоры, составлять жалобы или прошения. Разрешалось обсуждать на аймачных сходах лишь те вопросы, которые предложены к обсуждению улусным управлением или предварительно согласованы с ним.

В подчинении аймачных старшин находились хотонные старосты, которых избирали на хотонных сходах. У калмыков хотон в исследуемый период – это постоянно менявшее место расположения в зависимости от сезона и состояния пастбищ поселение кочевников, состоявшее из 5-15 кибиток близкородственных семей. У хотонных старост были сходные с аймачным старшиной должностные обязанности и ограничения, только спроецированные в рамках хотона и его пастбищной территории. Старостам разрешалось лишь в экстренных случаях, касающихся своего хотона,

⁶¹⁹ НА РК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Лл. 252-257.

связываться с улусными управлениями, в остальных случаях – только через аймачных старшин.

Закон 16 марта 1892 г. установил новый кибиточный налог с калмыцкого населения без различия сословий в пользу казны в размере 6 руб. в год. В связи с этим главный попечитель калмыцкого народа уже в мае 1892 г. обязал всех улусных попечителей и заведующих отдельными частями улусов представить в Управление калмыцким народом уточненные сведения о количестве кибиток (семей), принадлежавших ранее нойонам, зайсангам и духовенству.

Отмена личной зависимости калмыков-простолюдинов, оказавшая большое влияние на экономический рост региона (об этом свидетельствуют показатели постоянного роста поголовья домашних животных, приводимые в историко-экономических трудах), в значительной степени преобразовала социальную структуру калмыцкого общества, усилив степень его социальной поляризации в условиях развивающейся рыночной экономики. Вместе с тем, как это отмечают исследователи, калмыцкая знать в кочевом обществе сохраняла свое влияние и авторитет не только в социально-экономической сфере, но и сознании простолюдинов.⁶²⁰

Реформа 1892 г. была подчинена также политике российского правительства по ограничению или замене калмыцких национальных институтов публичной власти. Вместе с тем, произведенные изменения в системе управления у калмыков не смогли привести к коренным преобразованиям в этой сфере в силу устойчивости традиционного уклада жизни и, соответственно, традиционных институтов публичной власти (институты нойонов, зайсангов, буддийского духовенства, Зарго и др.). Производимые преобразования в управлении калмыками, являясь продолжением апробированной в России политики управления инородцами в форме отстранения нойонов и зайсангов от управления улусами и аймаками, коснулись лишь конкретизации и дополнений ряда полномочий служащих

⁶²⁰ Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии... С. 153.

калмыцкой администрации. Обязанности улусных попечителей были существенно дополнены с передачей им административных полномочий калмыцких владельцев. В целом, попечительская система управления калмыками, сложившаяся «Положением об управлении калмыцким народом» 1847 г., оставалась неизменной.

Следующим административным шагом в политике российского правительства в Калмыкии стало возложение обязанностей главного попечителя калмыцкого народа в 1897 г., ранее принадлежавших руководителю губернской палаты государственных имуществ, на астраханского губернатора. В этой связи Управление калмыцким народом было переподчинено губернскому правлению и представляло собой своеобразное отделение канцелярии губернатора по калмыцким вопросам во главе с заведующим калмыцким народом. Этому Управлению, как и прежде, были подчинены все улусные органы управления во главе с попечителями. Оно же утверждало по представлению улусных управлений все решения органов самоуправления Калмыцкой степи.⁶²¹

Вполне логичным действием в 1890-е годы явилась подготовка к переводу управления Калмыкией из Министерства земледелия и госимуществ в ведение Министерства внутренних дел. Последовательно были выделена ветеринарная служба из состава Управления калмыцким народом и передана в соответствующее отделение губернского правления, школьная система калмыцких улусов была переведена под надзор губернской инспекции народных училищ, улусные управления в части судебно-следственных дел попали под контроль прокурора губернии, общественный калмыцкий капитал – под регламентацию контролирующих организаций Астраханской губ. Эти меры завершило принятие закона 23 декабря 1902 г. о переводе управления калмыками в ведение земского отдела МВД.⁶²² Таким образом, система

⁶²¹ Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике ... С. 222.

⁶²² ПСЗ РИ-III. Т. 22. №24747.

управления Калмыкией была полностью переведена в подчинение губернского правления.

Из общего числа калмыцких улусов ранее всех был разработан в 1904 г. проект преобразования Большедербетовского улуса Ставропольской губ. По мнению исследователей, у калмыков этого улуса уже в конце XIX в. утвердился оседлый образ жизни, земледельческое производство, наблюдались коренные изменения в культурно-бытовом укладе. Во-многом, произошедшие изменения были связаны с почвенно-климатическими условиями улуса, сходными со Ставрополем. По разработанному проекту было предложено преобразовать Большедербетовский улус в 6-й земский участок Медвеженского уезда с введением здесь общероссийского административного деления на волости и села и распространить на местных калмыков действие Общего положения о крестьянах. Этот проект не стали реализовывать по целому ряду причин, к числу которых относилась необходимость доработки устаревших разделов Общего положения о крестьянах, определенная радикальность проекта в связи с тем, что речь шла о народе с устойчивыми обычаями, традициями и институтами публичной власти. Наконец, на откладывание процесса принятия и реализации проекта, по мнению исследователей, повлияли события революции 1905 – 1907 гг. с приоритетом проблемных аграрных вопросов. Все это вызывало отрицательное отношение некоторой части калмыцкого населения к преобразованиям.⁶²³

Подобную административную реформу предполагалось также реализовать в Калмыцкой степи Астраханской губ. В этих целях был подготовлен проект преобразования Калмыцкой степи в Павловский уезд Астраханской губ. с центром в пос. Яшкуль (ставка Икицохуровского улуса) или в с. Элиста (ставка южной части Малодербетовского улуса). В этом случае центр будущего уезда планировалось переименовать в г. Павловск. В 1910 г.

⁶²³ Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии ... С. 59-60.

проект получил одобрение в Министерстве внутренних дел и было решено после окончательной доработки направить его на рассмотрение в законодательные инстанции России. Вначале долго решался вопрос о выборе центра будущего уезда. В конечном итоге было решено остановиться на с.Элиста. В тот момент это родниковое урочище с поселением русских и украинских крестьян-переселенцев, основанном в 1865 г., являлось ставкой улуса с развитой сетью торгово-промышленных заведений и регулярно проводившейся ярмаркой. Немаловажным являлось то обстоятельство, что с.Элиста находилось в географическом центре Калмыцкой степи. Забегая вперед, можно заметить, что эти же обстоятельства явились основанием в 1920-е годы для перевода областного центра Калмыцкой автономной области из г. Астрахани в Элисту. Затем властные органы были отвлечены реализацией столыпинской аграрной реформы. Калмыкии в этом процессе была отведена роль относительно свободной территории для переселений и отведения хуторов, чему немало способствовало проведенное в 1909 г. статистико-экономическое и естественно-географическое обследование калмыцкой степи, обнаружившее земельные излишки у калмыков.⁶²⁴ В конечном итоге было решено ограничиться административной реформой 1910 г.

Вопрос об укрупнении аймаков и хотонов в Калмыцкой степи был поставлен в 1905 г., когда на улусных сходах было решено объединить множество мелких аймаков и хотонов у астраханских калмыков. Увеличение количества аймаков и хотонов являлось постоянной категорией в Калмыкии в связи с практиковавшимся их разделом между наследниками. Эта практика разделов была прекращена к середине XIX в. введением права майората в калмыцких аймаках. Так, единое сословие зайсангов разделилось на аймачных (родовых) и безаймачных. Численность последних непрерывно возрастала и большая часть из них стали так называемыми «мелкими владельцами». В известной степени это роднило их с «мелкопоместными» владельцами в

⁶²⁴ Материалы статистико-экономического и естественноисторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губ. Астрахань: Губ. тип., 1910. 1154 с.

России, правда, без земельной собственности. В 1908 г. уже на съезде улусных попечителей был вновь затронут вопрос об укрупнении мелких аймаков и хотонов ввиду сложности управления ими и имевшихся как внутренних перекочевок населения, так и участвовавших фактов отходничества в соседние уезды. Наконец, в 1910 г. это укрупнение состоялось. Оно у исследователей получило название «административная реформа», в ряде случаев «административно-политическая реформа» с учетом снижения административной роли калмыцких зайсангов, как носителей публичной власти. 198 аймаков, в которых насчитывалось 772 хотона, были сведены в 34 аймака с 180 хотонами. Это не повлияло на территориальные границы и количество улусов. Укрупненные аймаки и хотоны, приравненные соответственно к волостям и селам, были образованы с учетом численности населения (до 2 тыс. семей в аймаке) и территориальной близости. Немаловажным являлось то, что в ходе указанной реформы было произведено значительное сокращение административного персонала. Ведь по примерным подсчетам в указанный период в Калмыцкой степи, где проживало 142 тыс. жителей (31372 кибитки), приходился на 150 чел. одно должностное лицо из когорты аймачных старшин и хотонных старост, не считая служащих системы управления калмыцким народом. Естественно, что указанная реформа 1910 г., существенно сократив их численность, уменьшила материальные расходы на общественное управление.⁶²⁵

Профессор К.Н. Максимов, подробно анализировавший эту реформу, несколько преувеличил ее содержание: «...кроме всего прочего, были положены принципы столыпинской аграрной реформы – окончательный подрыв вековых устоев феодальных отношений, разрушение сельской общины и круговой поруки, курс на развитие экономических отношений (рынка)».⁶²⁶ На наш взгляд, реформа 1910 г. не затрагивала экономических вопросов, были также сохранены коллективные обычаи и элементы круговой

⁶²⁵ Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии ... С. 57.

⁶²⁶ Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике ... С. 222-223.

поруки при сборе различных податей и повинностей и др. Осталась неизблемой и система попечительского управления калмыцким обществом.

Выше нами было сказано, что полномочия главного попечителя калмыцкого народа были возложены с 1897 г. на губернатора Астраханской губ. На уровне улусов руководство административно-полицейскими и исполнительными вопросами, надзор за аймачными старшинами и хотонными старостами, контроль за сбором налогов, отбыванием повинностей, назначение улусных, аймачных и хотонных сходов, регулирование обсуждаемых вопросов на них, председательствование на улусных сходах и Зарго, решение хозяйственных вопросов и др. находились в руках улусных попечителей и заведующих улусами.

Реформа 1892 г. оставила судебную систему в калмыцких улусах без изменений, но с оговоркой, «впредь до преобразования...»⁶²⁷. Возникновение полицейской службы в калмыцких улусах произошло еще до реформы 1892 г. после утверждения 19 декабря 1886 г. «Временного положения о полицейской страже в Калмыцкой степи». Согласно этому Положению в калмыцких улусах создавалась взамен прежних казачьих команд вольнонаемная полиция.⁶²⁸ В связи с передачей полномочий главного попечителя губернатору и с готовившимся переводом управления калмыками из Министерства госимуществ в ведение Министерства внутренних дел уже в 1897 г. было ликвидировано представительство от калмыков в астраханской палате госимуществ и в следственных органах соседних с калмыцкими улусами Енотаевского и Черноярского уездов, занимавшихся уголовными и гражданскими делами, касавшихся калмыцкого населения.⁶²⁹

В марте 1901 г. полицейская стража была введена у кочевых народов Ставропольской губ., находившимся под управлением Главного пристава кочующих народов, в том числе в Большедербетовском улусе. В 1906 г. была

⁶²⁷ ПСЗ РИ-III. Т. 12. № 8429.

⁶²⁸ ПСЗ РИ-III. Т. 4. № 4110.

⁶²⁹ ПСЗ РИ-III. Т. 17. № 13696.

одобрена и введена «Инструкция полицейским стражникам Калмыцкой степи».⁶³⁰

Решение земельного вопроса в калмыцких улусах, как и многих других задач, было отодвинуто «впредь до преобразования... поземельного устройства калмыков»⁶³¹. Обострение аграрного вопроса, произошедшее в России в период революции 1905 – 1907 гг., отчасти затронула и Калмыкию. Однако обсуждение этого вопроса затянулось, а затем завершилось лишь дальнейшим обострением в ходе проведения аграрной реформы Столыпина.

Направленность правительственной политики в отношении калмыцких привилегированных сословий в рассматриваемый период была очевидной: закон 16 марта 1892 г. предусматривал постепенное отнесение их к податному населению. Следующим действием на пути реализации этой политики явилось утвержденное 11 июня 1893 г. Положение, по которому представители калмыцкой знати должны были выплачивать налог на содержание полицейской стражи в калмыцких улусах.⁶³²

В июне 1900 г. был утвержден очень значимый закон «О замене у калмыков Астраханской губернии кибиточной подати сбором с принадлежащего им скота». Этот закон предусматривал введение нового налогообложения. Согласно ему вводился новый налог в расчете с одной головы скота в год: верблюда - 75 коп., лошади и крупного рогатого скота - 40 коп., мелкого скота - 5 коп. Этот налог устанавливался для всех калмыков «без различия сословий»⁶³³. Переписи домашнего скота для установления налога стали производиться через каждые два года. Результаты этих переписей фиксировались в окладных книгах, по которым демчеи собирали указанный налог. Принятие и реализация данного закона означали признание администрацией полного несоответствия прежнего одинакового для всех семей кибиточного налога реальному состоянию дел. Для одних экстенсивное

⁶³⁰ Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии ... С. 52.

⁶³¹ ПСЗ РИ-III. Т. 12. № 8429.

⁶³² ПСЗ РИ-III. Т. 13. № 9794.

⁶³³ ПСЗ РИ-III. Т. 20. № 18791.

кочевое хозяйство было чревато разорением из-за погодных условий (летняя засуха или зимние снегопады и др.), для других – рыночные отношения усиливали социальную поляризацию простолюдинов. И в том, и в другом случае обедневшее население было не в состоянии уплачивать кибиточный налог, в то время как для состоятельных скотоводов 6-рублевый сбор являлся символической суммой. Введение в 1900 г. налога с имеющегося скота в этих условиях являлось вполне закономерным итогом. Помимо этого, администрация введением этого налога пыталась не допустить снижения доходной части бюджета. Вместе с тем, служащие органов калмыцкого управления резонно полагали, что «самая цифра обложения головы скота слишком высока и непосильна к уплате»⁶³⁴. Наряду с основным налогом, калмыцкое население уплачивало многочисленные местные сборы и выполняло различные «мирские» повинности.

Важным результатом реформы 1892 г. явились положительные сдвиги в экономическом развитии Калмыкии, главным содержанием которых было определенное развитие рыночного хозяйства. Наметился переход к товарности скотоводческого производства: развитие крупных хозяйств, рост поголовья скота, товарность животноводства, стационарные постройки для жилья и скота, попытки внедрения селекции скота и др. В пригодных для земледелия местах возникли очаги зернового производства, огородничества, садоводства, табаководства. Возникли сдвиги в социальной структуре, менявшие традиционный сословный строй калмыцкого кочевого общества: тысячи обедневших простолюдинов становились наемными рабочими на рыбных и соляных промыслах Прикаспия, занимались отходничеством на сельскохозяйственные работы в соседних переселенческих селах.

Помимо этого, закон 16 марта 1892 г. явился важнейшим шагом правительственной политики по ограничению власти нойонов и зайсангов в калмыцком обществе и по замене калмыцких национальных институтов

⁶³⁴ Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии ... С. 68.

публичной власти общероссийскими органами управления. В конце XIX – начале XX в., наряду с переводом калмыцких улусов в ведение Министерства внутренних дел, произошла дальнейшая конкретизация системы административного управления калмыками, уточнены и дополнены полномочия чиновников администрации в связи с изменившимися в результате реформы 1892 г. и рядом последующих действий социально-политическими реалиями. Важная роль придавалась административно-политической реформе 1910 г. в Калмыцкой степи, поскольку она приблизила аймачно-хотонное административно-территориальное деление региона к общероссийской сельско-волостной структуре. В начале XX в. в административных органах власти и управления обсуждались, уточнялись и разрабатывались проекты об административном, поземельном и общественном устройстве Калмыкии, как и предусматривалось реформой 1892 г., однако устойчивость цивилизационно-культурных черт калмыцкого общества даже на пороге новейшей истории не позволила реализоваться этим планам. В силу очевидных особенностей калмыцкого кочевого буддийского общества с давней государственной и законодательной традицией, с национальными институтами старописьменной культуры и др. не предоставила возможности распространить на калмыцкие улусы действие «Степного положения» 1891 г. для кочевых народов Степного генерал-губернаторства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, следует отметить, что калмыцкое общество в составе дореволюционной России оставалось приверженным традиционному укладу жизни: кочевая экономика, социальные отношения, устоявшиеся с общемонгольских времен, национальная государственность, основанная на традиционных институтах публичной власти, национальное законодательство, ведущее начало с Монгольской империи, обогащенное Великим Уложением 1640 г. и законами калмыцкого хана Дондук-Даши, институты старописьменной культуры (летописание, литература, научные знания, школа, традиционная медицина и др.). Важное место в калмыцком обществе занимал буддизм, гармонично вплетаясь в его кочевую жизнь, развивая в номадах нового времени особое мировоззрение, нацеливая их на толерантность, довольствование малым и следование судьбе. С другой стороны, вполне созвучным калмыцкой многотрудной кочевой реальности стал буддийский постулат о перерождении, утешавшим и дававшим надежду на лучшую жизнь в будущем.

Неослабевающее до сих пор внимание исследователей к истории калмыцкого общества, в том числе к истории национальной государственности и права, объясняется прежде всего уникальностью калмыцкого народа. По признанию дореволюционных исследователей, калмыки являлись самым известным азиатским народом дооктябрьской России. Эту известность калмыки заслужили по ряду обстоятельств. Во-первых, калмыки осуществили последние во всемирной истории трансконтинентальные переходы кочевников в XVII – XVIII вв., существенно изменив этническую карту Центральной Азии, Нижнего Поволжья, Северного Прикаспия, Предкавказья и Причерноморья. По мнению некоторых исследователей, эти переходы калмыков имели всемирно-историческое значение, знаменуя собой конец средневековья. Во-вторых, калмыки сыграли важную роль в становлении Российской империи и расширении ее границ,

поскольку являлись одной из важнейших сил, обеспечивших российское преобладание в громадном регионе Юга страны. В-третьих, калмыки являлись особым народом России со значительной долей дороссийской законодательной традиции и своим опытом государственности. И эти традиционные черты были основой формирования автономного Калмыцкого ханства в составе России.

Более чем двухвековой опыт изучения проблем развития калмыцкого общества и государственности в составе России показал, что исследователи на разных этапах отмечали их своеобразие. Большинство дореволюционных авторов, среди которых были как чиновники российской администрации, так и представители научно-образовательной интеллигенции, обращали внимание на различные стороны калмыцкой кочевой жизни, системы управления, быта и менталитета народа. Будучи современниками тех событий, они внесли весомый вклад в дело сбора и накопления материалов по истории традиционных институтов публичной власти в калмыцком обществе, об особенностях судостройства и применения норм обычного права калмыков.

Советский период историографии изучаемой проблемы характеризуется утверждением единой марксистско-ленинской схемы политогенеза и государствогенеза у народов России, в связи с чем анализ своеобразия государственно-правового развития этих народов был отодвинут на второй план. Особенность этого периода историографии выражается в появлении обобщающих трудов по истории и этнографии Калмыкии. Специальные же работы, посвященные изучаемой проблеме, стали издаваться лишь в 70-е годы прошлого века в виде отдельных статей.

Современная историко-правовая и историческая наука рассматривает институты публичной власти в калмыцком обществе с точки зрения новых методологических подходов. Наряду с социально-экономическими и политическими, признается влияние цивилизационно-культурных факторов на общественные отношения у калмыков. В большей степени это относится к исследованиям в таких научных областях, как история и этнография, тогда как

в историко-правовой науке региона этот подход до настоящего времени не получил развития. Впервые проводится комплексное историко-правовое исследование становления, развития и функционирования публично-правовых институтов в калмыцком кочевом обществе в XVII – начале XX вв.

Становление, развитие и функционирование институтов публичной власти в калмыцком дореволюционном обществе исследуется на широкой источниковой базе. Источниками в изучении институтов публичной власти в Калмыкии дореволюционного периода стали как законодательные акты Российского государства, так и нормативные правовые акты ойрат-монгольского сообщества и Калмыцкого ханства. Если последние устанавливали в период перехода калмыков из Центральной Азии в Россию и существования Калмыцкого ханства традиционную для калмыков-кочевников систему управления и права, то после ликвидации ханства была создана схема постепенной интеграции региона в административно-правовую систему России на основе сочетания традиционных калмыцких институтов с общероссийской структурой управления. Документы калмыцкого законодательства были переведены и опубликованы дореволюционными исследователями в научных трудах, законы Российского государства изданы в Полном собрании законов.

К числу основных источников по изучаемой проблеме относятся делопроизводственные материалы, преимущественно архивные, хранящиеся в центральных и региональных архивах Российской Федерации. Непреходящую источниковую ценность имеют многочисленные заметки, наблюдения и описания событий калмыцкой жизни в работах современников. Большой объем сведений о калмыках и Калмыкии содержится в материалах академических исследовательских экспедиций в калмыцкие степи в XVIII в. и в опубликованных результатах комплексных обследований, организованных министерствами и ведомствами в XIX – начале XX века. Многие экспедиции в Калмыкию были обусловлены практическими целями укрепления Российского государства и расширения его границ и влияния. Калмыкия,

особенно в XVII – XVIII вв., в этом смысле являлась основой российского преобладания в Нижнем Поволжье, Северном Прикаспии, Предкавказье и Причерноморье. Другие – были вызваны потребностью страны в колонизации окраинных территорий. Третьи экспедиции обусловлены развитием научной и общественной мысли: калмыки в этом понимании являлись уникальным народом России со своим образом жизни, буддийским мировоззрением, солидной историей государственности и законодательной традиции, антропологической принадлежностью, языком, национальной письменностью и всеми элементами письменной культуры.

Безусловно, в исследовании историко-правовых проблем Калмыкии дореволюционного периода важное место занимают труды отечественных и зарубежных правоведов, историков, культурологов и философов. Концепции, факты, методологические и методические идеи, опубликованные в их работах, оказали существенную помощь в реализации поставленных целей и задач.

Калмыки, пришедшие в Нижнее Поволжье, будучи яркими представителями кочевой цивилизации, обладали своей спецификой в общественной и государственной организации и развивались по собственному цивилизационно-культурному пути. При этом калмыки уже имели свои традиционные институты публичной власти, которые были привнесены в пределы Российского государства. Наличие самостоятельного центрального и местного управления в виде сложившейся традиционной структуры с общемонгольских времен, национальной системы правовых норм, военной десятичной структуры общества, свойственной монгольским народам и обеспечивавшей успешную реализацию властных решений, мобильного войска, являвшегося гарантом российского преобладания в сложном регионе от заволжских степей до Черного моря, самостоятельной буддийской церкви со своей иерархией духовных лиц, монастырями и молельнями, развитых институтов калмыцкой культуры (языка, письменности, научных знаний, летописания и литературы, школы и др.), уникального быта и менталитета – все это обеспечило калмыкам образование и существование Калмыцкого

ханства в Российском многонациональном государстве. Правители Калмыцкого ханства обладали самостоятельностью в управлении внутренними делами и сохраняли определенную свободу внешних сношений, если таковая не противоречила интересам России. Российское правительство признавало данный своеобразный статус Калмыцкого ханства. Как только мироустройство калмыков пришло в несоответствие с общероссийскими тенденциями развития государственности периода просвещенного абсолютизма, их подавляющее большинство ушло в 1771 г. из России назад в Центральную Азию, в свой «кочевой мир».

Кочевая цивилизация – это особый мир, существенно отличавшийся от оседлых цивилизаций. Рассматривая кочевое общество, большинство исследований, независимо от их методологической направленности, единодушны в том, что для кочевого общества не характерна высокая степень специализации и структурной дифференциации социально-экономического строя, что не дает им возможности конкурировать по темпам технологического развития с индустриальными обществами. В то время как ряд исследователей подчеркивают самобытную природу кочевничества и невозможность описания его терминами, полученными на материале эволюции оседлых земледельческих обществ, другие ученые пытаются вписать номадов в общую картину всемирного исторического процесса. Все социальные конфликты между кочевниками разрешались в рамках традиционных институтов поддержания внутренней социальной и политической устойчивости. Военное и политическое давление на кочевников могло способствовать их откочевке на другие территории.

Калмыцкое общество XVII в. имело много общих традиционных черт с кочевыми цивилизациями XII – XIII вв., однако Калмыцкое ханство XVII – XVIII вв. являлось государственным образованием нового времени в составе России, имеющим свою территорию, население, бюрократический аппарат, который достаточно эффективно выполнял свои функции, систему налогов и

податей, систему права, сильное и многочисленное войско, свою конфессиональную структуру, развитые институты национальной культуры. В ханстве самостоятельно решали свои внутренние вопросы и имели внешние сношения с другими государствами, хотя и под контролем России.

Калмыцкое кочевое общество имело собственные институты публичной власти. При этом Калмыцкое ханство основывалось на племенном единстве и традиционном укладе жизни. Калмыцкое общество XVII в. было кочевым и нуждалось в продукции оседлых цивилизаций. Прикочевав в пределы России, калмыки оказались соседями оседлой цивилизации, так необходимой кочевому обществу для дальнейшего поступательного развития. Именно на территории Российского государства калмыцкое кочевое общество получило новый импульс развития при сохранении традиционного уклада жизни. В свою очередь, особенностью Российской империи являлось то, что она формировалась как многонациональное государство путем включения в свое пространство народов, обладавших иной цивилизационной и социокультурной спецификой, в том числе своей государственно-правовой традицией.

На территории России калмыки с традиционным укладом жизни и полным набором уникальных антропологических, языковых, конфессиональных и других цивилизационно-культурных черт оказались в совершенно ином цивилизационном окружении. Это позволило некоторым дореволюционным исследователям считать данное обстоятельство признаком отсталости калмыков по сравнению с населением соседних территорий. В действительности уникальность калмыцкого этноса послужила одной из основных причин формирования национальной государственности как средства защиты своей национальной идентичности. Российская империя как многонациональное государство формировалась путем включения в российское пространство народов, обладавших иной цивилизационной и социокультурной спецификой, в том числе своей государственно-правовой традицией.

В составе Российского государства калмыки при сохранении традиционного многовекового уклада жизни внесли значительный вклад в развитие кочевой цивилизации монголо-ойратского типа: взамен прежних грабительских войн были созданы условия для взаимовыгодных торговых отношений с соседями, получило дальнейшее развитие национальное законодательство (Великое Уложение 1640 года, дополнения к ним хана Дондук-Даши), сложилась упорядоченная организация буддийской церкви с традиционными связями с Тибетом, войско Калмыцкого ханства стало надежной основой российского преобладания от Каспийского моря до Черного и в Предкавказье.

Вместе с развитием традиционных институтов публичной власти (институты ханской власти, институты нойонов, зайсангов, советы и собрания знати, институт Ламы калмыцкого народа), в Калмыцком ханстве был создан аппарат управления. После ликвидации ханства в условиях интеграции региона в общероссийскую административную систему продолжали действовать институты нойонов и зайсангов, их собрания, институты Зарго и бодокчеев, деятельность Ламы калмыцкого народа стала более регламентированной и в определенной степени была подчинена Управлению калмыцким народом. Наряду с этим, были созданы российские органы областного и улусных управлений, а также органы местного самоуправления в виде улусных, аймачных и хотонных сходов, вполне созвучных коллективизму и родовым традициям кочевников. В этот период в условиях усиленной интеграции региона в общероссийскую общественно-экономическую и политико-правовую систему калмыцкое общество продолжало сохранять традиционный уклад и национально-культурную идентичность.

Калмыки в изучаемый период продолжали вести кочевой образ жизни и оставались консервативными приверженцами традиционного уклада. Следует также иметь в виду, что кочевой уклад калмыцкой жизни являлся единственно возможным способом существования в засушливой зоне. Суровые условия

кочевой жизни и полная зависимость человека от природно-климатических явлений явились основой коллективизма и взаимопомощи, свойственных всем кочевым народам, в том числе и калмыкам. Отсюда – безусловная ценность равенства и справедливости в калмыцком правосознании, отложившейся в обычаях и в культуре народа.

К числу нравственных качеств калмыков российская администрация относила их честность, верность договоренностям, уважение к старости, призрение вдов и сирот, отсутствие враждебных чувств к людям, готовность помогать бедным, уважение к духовным лицам и представителям власти, законопослушание. Эти качества, безусловно, явились следствием коллективизма, выработанного калмыками, как и многими евразийскими народами. Отсюда – безусловная ценность равенства и справедливости в калмыцком правосознании, отложившихся в обычаях и культуре народа.

На нравственный облик калмыков большое влияние оказал буддизм, в соответствии с которым для буддиста характерна удовлетворенность имеющимися материальными и духовными ценностями. Все вышеуказанные так и ряд других обстоятельств способствовали устойчивости норм обычного права у калмыков, как и у многих кочевых народов.

В культурном отношении калмыцкое общество представляло собой носителя другой культуры с собственными социальными институтами и ценностями: языком, своей письменностью, национальной литературой и фольклором, системой буддийского образования, религией. Лишь с середины XIX в. калмыцкое общество стало включаться в систему российского образования и в силу необходимости коммуникаций с другими народами России приступило к изучению русского языка.

Калмыкия в период существования ханства являлась самостоятельным цивилизационно-культурным пространством с определенным набором составлявших его структурных элементов: государственность с традиционными институтами публичной власти; право, основанное на традициях и нормах калмыцких законов и общепринятых в монгольском мире

норм; кочевая экономика; коллективное и традиционное землепользование; социальные отношения, регулировавшиеся как обычным правом, так и письменными правовыми актами; традиционная система морально-нравственных ценностей, базировавшаяся на реалиях кочевой жизни, добуддийских и буддийской религиозных верованиях; старописьменная культура и др.

После ухода большей части калмыков в Джунгарию и ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. оставшиеся в России калмыцкие улусы были включены в конце XVIII – начале XX вв. в состав Астраханской и Ставропольской губерний. К середине XIX в. сложились новые институты публичной власти в калмыцком обществе. Калмыкия в XVII – начале XX вв. представляла собой особое цивилизационно-культурное пространство в составе России, и даже на этапе усиленной интеграции региона в общероссийскую общественно-экономическую систему калмыцкое общество сохраняло традиционный уклад и национально-культурную самостоятельность.

Население Калмыцкого ханства делилось на три большие этнические группы: торгоутов, дербетов и хошоутов, что нашло отражение в административно-территориальном делении. В социальной структуре калмыцкого общества отчетливо выделялись две основные группы населения – господствующая группа владельцев улусов и зависимые от них простолюдины.

Нойоны и зайсанги представляли привилегированное сословие Калмыцкого ханства, так называемую «белую кость» (цаган ясн). Нойоны владели улусами – крупными объединениями населения. Улусы могли отличаться по размерам и количеству входящих в него кибиток (семей) с принадлежащими им скотом и имуществом. Звание нойона было наследственным. Власть нойонов над принадлежащими им улусами была формально регламентирована правом и традициями. За нойонами в структуре общественной иерархии калмыков располагались зайсанги, которые

управляли аймаками, административно-территориальными единицами улусов. Статус зайсанга чаще всего был наследственным, но в редких случаях мог быть и приобретенным. При этом нойон мог лишиться звания зайсанга.

Определенными привилегиями было наделено буддийское духовенство, которое освобождалось от налогов, воинского призыва и других обязанностей. Буддийские монастыри имели во владении людей и скот в довольно большом количестве, а также получали от населения различные подношения и подарки.

Низшие слои населения Калмыцкого ханства состояли из различных сословных групп (не менее 8). Их относили к «черной кости» (хар ясн). Основную массу подвластного населения Калмыцкого ханства составляли албату, которые вели свое самостоятельное хозяйство, а также платили подати (албан) и исполняли разные повинности в пользу своих зайсангов и нойонов и всего ханства. Албату находились в личной зависимости от своего нойона.

Шабинеры составляли довольно большую группу зависимого населения Калмыцкого ханства. В их число входили люди, отданные ханом или нойонами буддийским монастырям (хурулам), высшим священнослужителям, которые обладали правами владения для обслуживания хозяйственных и бытовых нужд хурула или завещанные Далай-ламе. Шабинеры состояли из представителей разных улусов и были объединены в особые аймаки. В составе шабинеров была также часть представителей духовного сословия, которые служили в хуруле.

В российских реалиях нового времени произошло рациональное сокращение множества сословных групп в калмыцком обществе с определением их правового статуса в Российской империи. С конца XVIII – начала XIX века в калмыцких улусах практически исчезло сословие наиболее крупных представителей знати – тайшей (глав этнополитических объединений) вследствие централизации власти в руках хана, а также произошло объединение множества зависимых сословных групп в два – албату и шабинеров, объединенных в категорию простолюдинов по российской классификации.

Такое состояние калмыцкого общества просуществовало до принятия российским правительством «Положения об управлении калмыцким народом» в 1834 г. Данное Положение определило социальную структуру калмыцкого общества: нойоны, родовые зайсанги, духовенство, зависимые простолюдины. Все нойоны и часть зайсангов, получивших чин 8-го класса или офицерские звания, награжденные орденами, были отнесены к потомственным и личным дворянам, аймачные и безаймачные зайсанги получили потомственное и личное почетное гражданство. Калмыки-простолюдины были приравнены к владельческим или государственным крестьянам. При этом калмыкам-простолюдинам разрешалось принимать христианство и переходить в казачье сословие. Столь значительное «упрощение» социальной структуры калмыцкого общества во времена ханства и в послеханский период было связано с централизацией власти в руках хана, падением роли прежних военных походов и в дальнейшем интеграцией региона в российскую административно-политическую структуру. Таким образом, социальная структура калмыцкого общества стала напоминать общероссийскую.

Анализ конкретного материала показал, что в Калмыцком ханстве функционировали традиционные национальные институты публичной власти, многие из которых вели свое начало с периода Монгольской империи. Эти властные институты полностью соответствовали нуждам кочевого общества. Институт ханской власти являлся достаточно разветвленной структурой с широким кругом служителей, исполнявших административные, финансово-хозяйственные и придворные обязанности. При хане функционировал совет, состоявший из приближенных нойонов и зайсангов. В рамках улусов действовал институт нойонов со своим штатом чиновников и кругом ближайших зайсангов, в аймаках – институт зайсангов. Если же центральные органы Калмыцкого ханства тяготели к централизации, ханы стремились к абсолютизации своей власти и независимости в принятии всех решений, то

нойоны и зайсанги предпочитали традиционное коллегиальное решение важнейших вопросов.

К центральным органам публичной власти относился традиционный институт суда Зарго – особое судебно-административное учреждение Калмыцкого ханства, которое имело свои подведомственные суды Зарго в улусах. В центральный суд Зарго по назначению хана входили в качестве восьми советников и судей приближенные нойоны, зайсанги и представители буддийского духовенства, в улусных Зарго по назначению нойона – представители духовенства и приближенные зайсанги. Помимо судебных полномочий суд Зарго занимался наряду с ханом распределением зимних и летних кочевий, а также административными вопросами, требующими коллегиального решения.

Конфессиональный институт публичной власти у калмыков – институт Ламы калмыцкого народа (Шаджин-ламы) возник в XVII в. Вначале это было представительство Далай-ламы в Калмыцком ханстве, затем сформировался самостоятельный институт Шаджин-ламы. Назначение Ламы калмыцкого народа Далай-ламой являлось фактом его легитимизации верховным иерархом буддийской церкви. При этом Шаджин-лама был не только главным иерархом калмыцкого духовенства, но и советником хана, одним из объединителей калмыцких субэтносов на этапе становления Калмыцкого ханства.

Новым органом в калмыцких улусах стал возникший в XVII в. институт бодокчеев, занимавшийся в усложнившихся обстоятельствах калмыцкой повседневности урегулированием взаимоотношений, как правило, споров, между калмыками и соседним, в основном русским населением. С другой стороны, в российских городах и крупных селах, соседствовавших с калмыцкими кочевьями, были назначены приставы для урегулирования отношений русского населения с калмыками.

Параллельно начала формироваться российская система надзора над Калмыкией. Калмыцкими делами в Москве в XVII в. занимались несколько приказов, пока эти вопросы не централизовал Посольский приказ, с 1718 г.

преобразованный в Коллегию иностранных дел. На местном уровне вопросами отношений с Калмыцким ханством занимался астраханский оберкомендант, подчиненный казанскому губернатору, а с 1719 г. калмыцкими делами поручили ведать астраханскому губернатору.

С 1715 г. начал функционировать новый специальный орган по управлению калмыками – Калмыцкие дела под руководством состоящего при калмыцких делах. базировавшийся вначале в ставке Калмыцкого ханства, затем в российских городах Саратове, Царицыне и в Енотаевской крепости, и действовавший до 1771 г. Параллельно в Астрахани при губернском управлении была образована Контора калмыцких и татарских дел, среди прочих обязанностей занимавшаяся рассмотрением спорных вопросов между русским и калмыцким населением.

С назначением своих особых представителей при калмыцких ханах российское правительство стремилось проводить политику постепенного ограничения полномочий калмыцких правителей, в связи с чем деятельность калмыцких традиционных институтов нередко подпадала под контроль указанных представителей.

Также постепенно совершенствовалось административно-территориальное устройство Калмыцкого ханства. Если вначале улусы претерпевали существенные изменения границ и в сущности являлись этнополитическими объединениями под властью крупных нойонов (тайшей), то по мере развития централизации в Калмыцком ханстве эти образования стали его административно-территориальными единицами. Не желавшие признать централизованную власть хана нойоны и зайсанги откочевали в другие, преимущественно казачьи, регионы России или же возвратились обратно в Центральную Азию. После трагического калмыцкого исхода 1771 г. из России оставшееся население (25%) распределилось в 7 улусах, состоявших из аймаков, а последние – из хотонов.

Таким образом, в период существования Калмыцкого ханства большинство институтов публичной власти у калмыков являлись

традиционными: институт ханской власти, собрания знати, административно-судебный институт Зарго, институты нойонов и зайсангов как существенные звенья сословной иерархии. Усложнился бюрократический аппарат хана и нойонов-улусовладельцев, который также являлся продолжением бытовавшей с общемонгольских времен чиновничьей структуры.

Обладая сословными привилегиями, калмыцкая знать (нойоны и зайсанги) была наделена судебными полномочиями, имея для этого специальных чиновников. Система наказаний в монголо-ойратских законах 1640 г. и в последующих их изменениях и дополнениях основывалась в основной массе на штрафах (скотом и иным имуществом), поэтому калмыцкая знать была заинтересована в осуществлении судебных функций, которые приносили бы дополнительный доход. В Калмыцком ханстве хан обладал высшими судебными полномочиями, он утверждал решения общекалмыцкого суда Зарго по наиболее важным делам. Нойоны-владельцы улусов исторически обладали такими же полномочиями в пределах своих территориальных образований, в которых действовали свои улусные суды Зарго. Представители зайсангов, как правило, являлись судьями и советниками в указанных калмыцких судебных органах и занимали важное место в судебной системе ханства. Вместе с тем, нойоны и зайсанги играли ключевую роль в рамках своих улусов и аймаков в осуществлении процесса исполнения судебных решений. В каждом улусе действовал свой суд Зарго. В соответствии с традициями духовенство рассматривало религиозные дела и брачно-семейные дела.

С конца XVIII в по инициативе российских властей происходило постепенное реформирование общекалмыцкого Зарго. Для большей независимости судей их стали назначать от всех улусов, пропорционально населению, представители российской администрации. После ликвидации Калмыцкого ханства суд Зарго был реорганизован и стал состоять из трех судей. При этом решения Зарго являлись совещательными для астраханского

губернатора. Таким образом, после ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. роль Зарго значительно снизилась.

Суд Зарго в составе восьми судей был воссоздан в 1800 г., когда на недолгое время было восстановлено Калмыцкое ханство (до 1803 г.). Зарго рассматривал дела на основании калмыцких законов и обычаев.

В соответствии с «Правилами для управления калмыцкого народа» 1825 г. была четко определена компетенция Зарго. Суд рассматривал имущественные споры до 400 руб., улусные Зарго – до 200 руб. Иски на сумму более 400 руб. разбирались в Комиссии калмыцких дел. Все уголовные дела рассматривались в российских присутственных местах. Представители духовенства в Зарго по-прежнему разрешали семейно-брачные и религиозные дела. Имущественные споры Зарго разрешал по «древним калмыцким постановлениям». Решения Зарго могли быть обжалованы в Сенат – высший судебный орган России.

В соответствии с «Положением об управлении калмыцким народом» 1834 г. существенно повысилась роль центрального Зарго как высшей судебной инстанции для калмыков по всем гражданским, семейным и уголовным делам в силу устойчивости национальных судебных традиций. Решения Зарго по-прежнему могли быть обжалованы в Сенат. За Астраханским военным губернатором было закреплено право утверждения судебных приговоров по уголовным делам, которые было рекомендовано рассматривать по российскому законодательству. Гражданские, религиозные и семейные дела разбирались Зарго и духовенством на основании «древних калмыцких постановлений».

«Положение об управлении калмыцким народом» 1847 г. полностью ликвидировало общекалмыцкий Зарго, оставив только улусные Зарго. В компетенцию улусных судов входили имущественные споры на сумму до 30 руб., а также мелкие уголовные дела. Имущественные споры между калмыками по-прежнему решались по традиционным калмыцким нормам. Решения улусного Зарго можно было обжаловать в астраханской палате

уголовного и гражданского суда. Таким образом, калмыки постепенно вовлекались в орбиту действия общероссийского законодательства и российских судебных учреждений. Правила 1825 г. начали этот процесс, который был завершён Положениями 1834 и 1847 гг.

Порядок проведения следствия, поиск доказательств, осуществление судопроизводства, – все эти действия регулировались калмыцкими традиционными нормами права, которые в описаниях и свидетельствах российских чиновников XIX в. нередко расценивались как архаичный недостаток. Кочевой образ жизни, приверженность к народным традициям и обычаям, особый менталитет калмыков отразились на судебном процессе калмыков. Поэтому система судопроизводства для самих калмыков представлялась вполне приемлемой.

Что касается правовых норм, применявшихся калмыками, то они были основаны на народных традициях и в форме утвержденного закона начали свое развитие с Великой Ясы Чингис-хана – акта, обязательного к исполнению на просторах евразийских степей, в том числе у ойратов, входивших в состав Монгольской империи. Дальнейшее развитие калмыцкого законодательства продолжилось утверждением на съезде монгольской и ойратской знати в 1640 г. Ики Цаджин Бичиг, известного под разными наименованиями: Цааджин Бичиг, Их Цааз, Степное Уложение, Монголо-ойратские законы, наиболее употребляемым из которых является Великое Уложение 1640 г. Данные законы были основаны на правотворческом опыте монгольских народов и их народных обычаях и применялись калмыками до 1917 г. Нормы Великого Уложения 1640 г. были признаны российским правительством в качестве основного закона в судебной практике калмыков. Этот акт регулировал все внутренние отношения в калмыцком обществе – уголовные, гражданские, процессуальные, семейные и иные.

Джунгарский правитель Галдан Хун-Тайджи (Галдан Бошокту-Хан) и калмыцкий хан Дондук-Даши утвердили в разное время свои законы, действовавшие в калмыцких улусах, являвшиеся дополнениями к Великому

Уложению 1640 г. и усовершенствовавшие калмыцкое национальное законодательство. Эта законодательная традиция была продолжена в 1822 г.: калмыцкая знать и духовенство собрались на съезд в урочище Зинзили, на котором были приняты новые нормы, призванные дополнить калмыцкое национальное законодательство. Они известны как «зинзилинские постановления». Эти предложенные дополнения учитывали произошедшие к данному времени изменения в калмыцких улусах. Однако зинзилинские постановления не были утверждены российским правительством. На этом национальная законодательная традиция в плане разработки своих калмыцких законов прекратилась, однако, нормы калмыцкого законодательства устойчиво действовали в повседневной жизни общества и в практике деятельности улусных судов Зарго и судов буддийского духовенства вплоть до 1917 г.

Формированию калмыцкой государственности способствовал ряд факторов: это и социально-экономические и политические процессы, происходящие в калмыцком обществе, это и планы российских властей использовать калмыцкие войска для охраны южных границ. Кроме того, само калмыцкое общество в Поволжье оказалось в окружении народов, отличавшихся антропологическими, лингвистическими, религиозными и отчасти социально-экономическими характеристиками. В этих условиях создание собственной государственности превращалось в главную предпосылку выживания калмыцкого этноса, в гарантию защиты калмыцкой идентичности.

Калмыки получили от российского правительства территорию для кочевий, право беспошлинной торговли, а также свое самоуправление. Относительная обособленность калмыцкого общества настоятельно требовала политического объединения в форме ханства в составе России. В калмыцком обществе сложились свои институты публичной власти, действовали общепризнанные монголо-ойратские законы, впоследствии дополненные калмыцким ханом Дондук-Даши, религия, язык и письменность, кочевое

хозяйство, собственный менталитет и правовая культура. Все это обеспечило автономное существование калмыков в российской государственной системе.

Российское правительство освободило калмыков от податей и повинностей, а возложило на них несение военной службы. Калмыки обязаны были нести службу на границах, и в случае войны калмыцкие ханы должны были направлять войска по требованию правительства. С момента прихода калмыков в пределы России и до ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. каждый взрослый мужчина, способный носить оружие, становился воином. В случае объявления сбора каждый улус, аймак или хотон должен был выставить определенное количество воинов. Оставшиеся после откочевки в 1771 г. калмыки не могли играть роль значительной военной силы на Северном Кавказе. Калмыки в основном несли кордонную службу. Помимо участия донских калмыков-казаков и полка ставропольских (на Волге) калмыков-казаков два полка астраханских калмыков приняли участие в Отечественной войне 1812 г. и в заграничном походе русской армии. После Отечественной войны 1812 года к военной службе привлекали в основном калмыков-казаков Области Войска Донского, Оренбургского, Уральского и Терского казачьих войск. По традиции улусы Астраханской губернии в первой половине XIX в. посылали вооруженных и полностью экипированных конных калмыков на кордоны в заволжские степи для охраны территории от набегов киргиз-кайсаков (казахов).

Становление института ханской власти у калмыков, на наш взгляд, проходило традиционным образом в соответствии с теми закономерностями, которые наблюдались в аналогичном процессе у всех кочевых народов в период становления и развития государственности. Однако становление этого института у калмыков отличалось особой стремительностью. Национальная государственность сформировалась в калмыцком обществе за полвека и, что важно подчеркнуть, практически совершенно независимо. Это объясняется тем, что у калмыков при создании ханства был использован имевшийся исторический опыт прежних государственных образований. В период

становления и развития Калмыцкого ханства решающую роль сыграли традиционные институты, свойственные всем монгольским народам: ханская власть, советы знати, нойоны и зайсанги, суды Зарго, административный аппарат, законодательная практика и традиции коллективных собраний и др. К этому добавились новые институты, возникшие уже в XVII в. (институт Ламы калмыцкого народа и институт бодокчеев). К быстрому становлению калмыцкой государственности в составе России в значительной мере подтолкнуло цивилизационно-культурное окружение, в котором оказались калмыки.

После упразднения Калмыцкого ханства оставшиеся на Волге калмыцкие улусы были подчинены астраханскому губернатору как самостоятельные отдельные владения, возглавляемые своими нойонами. Территория калмыцких кочевий сильно сократилась. Это произошло, во-первых, из-за последствий откочёвки в Джунгарию, приведшей к уменьшению численности калмыков и территории их проживания; во-вторых, из-за широкой колонизации. Российская колонизация земель во второй половине XVIII в. охватывала в основном места, находившиеся вблизи водных бассейнов. Маловодные и малопродуктивные земли между Каспием, Волгой, Манычем и Кумой переселенцев не привлекали, и на них по-прежнему продолжали кочевать калмыки.

Несколько правительственных указов, вышедших в первой половине XIX в., положили начало земельному устройству калмыков. Степи между Каспием и землями Войска Донского, от Царицына и Волги до озера Маныч, были закреплены в пользование калмыцкого народа. На отводимых землях калмыкам разрешалось создавать поселения и заниматься различными видами хозяйства. Указ от 19 мая 1806 г. впервые определил точные границы калмыцких кочевий. Однако на протяжении 1806–1892 гг. земельные потери калмыков составили около 5 млн десятин, или 40 % территории.

С упразднением Калмыцкого ханства была ликвидирована и государственность калмыцкого народа. Калмыкия стала составной частью

Астраханской губернии и в административном отношении была подчинена астраханскому губернатору. По Указу Екатерины II от 19 октября 1771 г. звание ханов и наместников ханства упразднялось. Все нойоны-владельцы должны были управлять своими улусами самостоятельно, независимо друг от друга и все вместе подчиняться непосредственно астраханскому губернатору. При правителях улусов были назначены приставы из числа российских чиновников. После ликвидации ханства калмыки стали постепенно подчиняться правительственному надзору.

В период конца XVIII – начала XIX века продолжали функционировать традиционные институты публичной власти в калмыцком обществе: суд Зарго как высший административный и судебный орган, нойоны и зайсанги как властные институты в улусах, аймаках и хотонах. К национальным относится институт Ламы калмыцкого народа (после потери связи с Тибетом его стал назначать с 1800 г. император), как стержневой элемент духовного единства общества и важный административно-судебный орган. К этому перечню следует добавить собрания и советы калмыцкой знати, традиционно существовавшие при каждом нойоне-улусовладельце, и, наконец, на низовом уровне, в аймаках и хотонах действовали устойчивые традиции коллективной жизни. Регламентирующим калмыцкую жизнь обстоятельством являлись как статьи писаного калмыцкого законодательства, так и нормы обычного права.

В 1800 г. указом Павла I было восстановлено Калмыцкое ханство, но после смерти наместника ханства Ч. Тундутова оно было ликвидировано в 1803 г. Калмыцкие улусы были подчинены астраханскому военному губернатору. При этом, российское правительство продолжало искать наиболее эффективные меры по управлению калмыцким народом. Непосредственно делами калмыков занимался главный пристав. Калмыцкий Зарго лишился административных полномочий и исполнял только судебные функции по гражданским делам. Введение должности главного пристава калмыцкого народа явилось первым шагом по интеграции калмыцких улусов в общероссийскую систему управления.

10 марта 1825 г. были приняты «Правила для управления калмыцкого народа». Управление калмыками было передано из Министерства иностранных дел в ведение Министерства внутренних дел. Для управления калмыками создавались Комиссия калмыцких дел, суд Зарго и улусные суды. Главную роль в управлении калмыцкими улусами стали играть главный пристав калмыцкого народа и частные приставы в улусах. Постепенно калмыки вводились в общероссийскую систему управления. Калмыкия стала особой областью Астраханской губернии. Правила 1825 г. учитывали национальные особенности Калмыкии и устанавливали систему областного и местного управления.

Улусные управления возглавлялись нойоном-владельцем улуса, а в казенных улусах – правителем из состава авторитетных родовых зайсангов. Улусное управление занималось вопросами внутренней жизни улуса, регулированием возникавших споров (главным образом, земельных) между родами и хотонами, разрешали мелкие правонарушения.

В ставке улусного владельца или правителя находился частный пристав, в обязанности которого входило обеспечение общественного порядка, надзор за деятельностью улусного управления, контроль за уплатой сборов и исполнения повинностей. Пристав по преимуществу выполнял полицейские функции, в том числе, занимался профилактикой преступлений, расследованием и розыском преступников.

Со второй трети XIX в. управление калмыками полностью переходит к российским органам власти. «Положение об управлении калмыцким народом» 1834 г. вводило областное и местное управление. Вместо приставов вводились должности попечителей. Положение 1834 г. закрепило элементы самоуправления, учитывая также некоторые традиционные черты калмыцкого общества. Нойоны на своих собраниях избирали ассессоров в Совет управления и в суд Зарго. Зайсанги также на своем собрании избирали заседателей в Совет управления. Собрание духовенства выбирало членов Ламайского духовного правления. Правом участия в выборах обладали нойоны и зайсанги, а также

священнослужители. Срок полномочий всех выборных должностных лиц составлял 3 года.

Улусами управляли нойоны или правители улусов. При этом в улусном управлении главную роль стал играть улусный попечитель. Положение 1834г. закрепило социальную структуру калмыцкого общества, определив его сословия.

Завершающим актом в установлении системы попечительства можно считать «Положение об управлении калмыцким народом» от 23 февраля 1847 г. Калмыцкими делами стало ведать Министерство государственных имуществ. Главным попечителем калмыцкого народа был назначен управляющий астраханской палатой государственных имуществ. Для управления калмыками было создано специальное управление, в которое входил депутат от калмыцкого народа, избираемый владельцами и аймачными зайсангами на 3 года. Управление улусами осуществляли улусные управления, в которых главную роль играл улусный попечитель. Положение 1847 г. ввело в калмыцких улусах Астраханской и Ставропольской губерний местное самоуправление в виде улусных, аймачных и хотонных сходов, вполне отвечающих традиции коллективизма калмыков-кочевников.

К середине XIX в. осуществился перевод Калмыкии в систему общероссийского государственного управления. Положение 1847 г. возложило на органы управления калмыками решение ряда «попечительских» задач: устройство быта калмыков, создание ветеринарной службы и системы здравоохранения, вопросы школьного образования, организацию социальной помощи населению и общественных работ при чрезвычайных ситуациях и др. В связи с этими и другими обстоятельствами на Калмыцкую степь было распространено действие общероссийских органов власти и управления.

Около 50 лет разрабатывались и обсуждались проекты судебного переустройства калмыцких улусов. Необходимо учесть, что устойчивость традиционного уклада жизни калмыков со своими судебными элементами не позволяла распространить на них основные принципы

российской судебной реформы 1864 г. В результате традиционные институты публичной власти калмыков, дополненные государственными органами управления по «Положению об управлении калмыцким народом» 1847 г., остались без существенных изменений, равно как и их взаимоотношения с центральными и губернскими органами управления. Несмотря на неоднократные попытки преобразования калмыцкой системы судостроительства и судопроизводства с 60-х годов XIX в. до начала Первой мировой войны, создания ряда комиссий в центре и в регионе и разработки нескольких проектов по данному вопросу, судебная реформа в Калмыцкой степи не состоялась. Судебные полномочия оставались в ведении традиционной системы улусных Зарго, попытки внедрения хотя бы отдельных элементов судебных уставов 1864 г. оказались безрезультатными.

В решении вопроса о судебной реформе на территории Калмыцкой степи следует выделить два противоположных направления. С одной стороны, предполагалось обеспечить постоянство государственного надзора за отправлением правосудия, с другой, – ввести мировые судебные установления, предусматривавшие минимальные изменения основных принципов судебной реформы 1864 г. Следует признать, что проекты, разработанные в комиссиях при центральных органах управления, в меньшей степени признавали калмыцкие особенности, в отличие от аналогичных проектов, подготовленных губернскими чиновниками. Тем не менее ни местные, ни министерские проекты не были реализованы. Лишь в 1906 г. судостроительство в Калмыцкой степи было унифицировано: были созданы Зарго во всех улусах, в том числе и в тех трех, в которых ранее самостоятельные суды отсутствовали, а находились в судебной юрисдикции соседних улусных Зарго. Министерство юстиции пыталось в 1910 г. в очередной раз ввести в калмыцких улусах институты мировых судей и судебных следователей, но эти предложения также остались на бумаге из-за устойчивости в калмыцком обществе традиционного судостроительства и судопроизводства.

Отношения между знатью и простолюдинами в калмыцком обществе накануне реформы 1892 г. назывались «обязательными», они были окончательно закреплены еще в Великом Уложении 1640 г. на собрании ойратской знати. Зависимость калмыков-простолюдинов заключалась в обязанности платить денежные сборы своим нойонам. Это право признавалось российским правительством наследственным и нераздельным. Сходство с российским крестьянством было в том, что калмыкам-простолюдинам была свойственна личная зависимость, сословное неравенство, подсудность владельцам, общинный уклад жизни.

16 марта 1892 г. императором подписан Закон «Об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа». Калмыкам-простолюдинам предоставлялись все личные права, установленные общими законами империи для свободных сельских обывателей. Нойоны теряли свое право взимать с подвластных денежные сборы и получали за это возмещение. Кроме того, нойоны и родовые зайсанги освобождались от управления улусами и аймаками. Улусами стали полностью управлять улусные попечители и их помощники. Аймаками управляли аймачные старшины, избираемые на аймачных сходах. Хотонами по-прежнему управляли хотонные старосты. Вводилось налогообложение всего калмыцкого населения в пользу Российского государства.

Масштабный план по распространению на калмыков общероссийской административной системы в конце XIX – начале XX века так и не был реализован ввиду устойчивости цивилизационно-культурных черт: кочевой уклад жизни, веками утверждавшиеся социальные отношения, законодательная традиция в виде правовых норм, основанных на обычном праве, национальное судостройство, буддийское мировоззрение, институты материальной и духовной культуры. В связи с этими обстоятельствами административно-территориальные преобразования в Калмыцкой степи в конце XIX – начале XX века ограничились изменениями в системе управления в результате реформы 1892 г., передачей управления калмыками

Астраханской и Ставропольской губерний в 1902 г. в ведение МВД и административной реформой 1910, укрупнившей калмыцкие аймаки и хотоны. Запланированное еще реформой 1892 г. преобразование административного, общественного и поземельного устройства калмыков так и не вышло за пределы проектирования. В целом, калмыцкое население Астраханской губ. и в начале XX в. продолжало оставаться кочевым обществом с традиционным укладом жизни. Лишь в окраинных участках по соседству с переселенческим населением наблюдались незначительные фронтальные изменения: попытки земледельческих занятий и элементы перехода к оседлости. Другие российские регионы с калмыцким населением (Большедербетовский улус Ставропольской губернии, калмыцкие казачьи станицы области Войска Донского и Терской области, а также Среднего Поволжья) существенно отличались в конце XIX в. от астраханских улусов переходом к оседлости и отказом от кочевого скотоводства, большей степенью социализации в общероссийскую систему, иным культурно-бытовым укладом и др. Но это – предмет специального исследования.

По причине цивилизационно-культурной обособленности калмыков осталась неизменной на протяжении второй половины XIX – начала XX века попечительская система управления калмыками. Российское правительство оказалось не способным отказаться от системы попечительства, хотя и признавало необходимость проведения реформ на территории калмыцких улусов. Император Николай II на титульном листе Всеподданейшего отчета о состоянии Калмыцкой степи за 1909 г., посвященном 300-летней годовщине вхождения калмыков в состав России, оставил лишь краткую резолюцию: «Искренно благодарю астраханских калмыков за 300-летнее пребывание в составе России».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Нормативные правовые акты Российской империи

1. Жалованная грамота Церен-Дондуку, наместнику Калмыцкого ханства «Об утверждении его в сем достоинстве» от 22 февраля 1725 г. // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (далее ПСЗ РИ–I) Т. VII. №4660.
2. Манифест «О правилах переписи крестьян и разночинцев, неположенных в подушный оклад для внесения в оный; о штрафах помещиков за необъявление прописных душ, и о предоставлении каждому права покупать калмыков и других наций людей, крестить их и держать у себя без платежа подушных денег» от 16 ноября 1737 // ПСЗ РИ–I. Т. X. № 7438.
3. Сенатский указ «О наказании просящихся на волю без дозволения своих помещиков, калмыков и других наций людей и о возвращении их помещикам» от 12 мая 1744 г. // ПСЗ РИ–I. Т. XII. №8941
4. Учреждения для управления губерний 7 ноября 1775 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т.5. М: Юридическая литература, 1985.
5. Высочайше утвержденный доклад Астраханского, Новороссийского и Азовского генерал-губернатора князя Потемкина «Об учреждении линии от Моздока до Азова» от 24 апреля 1777 г. // ПСЗ РИ–I. Т. XX. №14607. С. 518
6. Именной указ, данный Новороссийскому генерал-губернатору князю Потемкину «О переводе дербетовых калмык на крымскую степь и о переселении ставропольских калмык в Екатеринославское наместничество» от 14 августа 1785 г. // ПСЗ РИ–I. Т. XXI. №15813.
7. Именной указ, данный правящему должность генерал-губернатора Саратовского и Кавказского Потемкину «Об устройстве Кавказской губернии и области Астраханской» от 9 мая 1785 г. // ПСЗ РИ–I. Т. XXII. №16194.

8. Именной указ, данный генерал-лейтенанту Иловайскому 1-му «Об уничтожении в Калмыцкой большого дербета орде от войска Донского сыскного начальства, и об учреждении вместо сего особого Правления» от 16 февраля 1799 г. // ПСЗ РИ–I. Т. XXV. №18860.

9. Всемилостивейшая грамота калмыцкому народу «О восстановлении на прежнем основании совета, именуемого Зарго, для судебного разбирательства калмыков» от 14 октября 1800 г. // ПСЗ РИ–I. Т. XXVI. №19599

10. Жалованная грамота калмыцкому ламе Собину Бакши «О свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков» от 14 октября 1800 г. // ПСЗ РИ–I. Т. XXVI. №19600

11. Именной указ, данный Сенату «Об отводе калмыкам Малого и Большого Дербета всех земель от Царицына по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморью» от 27 сентября 1800 года // ПСЗ РИ–I. Т. XXVI. №19575.

12. Именной указ, данный Коллегии иностранных дел «Об утверждении прав и преимуществ, калмыцкому народу присвоенных; о восстановлении всех сношений по делам сего народа в прежнем их порядке, правам ему данным сообразном и от внешних начальств, кроме сей Коллегии, независимом» от 26 октября 1801 г. // ПСЗ РИ–I. Т. XXVI. №20037

13. Именной указ, данный главноуправляющему в Грузии князю Цицианову «О распоряжениях для отвода земли в Астраханской губернии калмыкам и киргиз-кайсакам» от 12 июня 1803 г. // ПСЗ РИ–I. Т. XXIX. №20793.

14. Именной указ, данный Коллегии иностранных дел «Об утверждении торгоутовского владельца Санджи Убаши и потомков его в звании родовых владельцев Яндыкова улуса» от 19 октября 1803 г. // ПСЗ РИ–I. Т. XXVII. №20991.

15. Именной указ, данный Коллегии иностранных дел «О подчинении главного пристава калмыцкого народа и суда их Зарго Астраханскому военному губернатору» от 26 октября 1803 г. // ПСЗ РИ–I. Т. XXVII. №21011.

16. Именной указ, данный Сенату «О назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской» от 19 мая 1806 г. // ПСЗ РИ–I. Т. XXIX. №22135.

17. Высочайше утвержденные «Правила для управления калмыцкого народа» от 10 марта 1825 г. // ПСЗ РИ–II. Т. XL. №30290.

18. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. «О времени служения киргиз-кайсаков, калмыков и других азиатов, приобретенных меною до 1808 г. и после онаго и о воспрещении на будущее время приобретать людей сего рода меной и куплею» от 8 октября 1825 г. // ПСЗ РИ–II. Т. XL. № 30528.

19. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров «Об определении частного пристава при калмыках, от улусов их отделившихся» от 1 марта 1827 г. // ПСЗ РИ–II. Т. II. №936

20. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров. «О воспрещении армянам и прочим людям пользоваться пастбищами на калмыцких землях и о дозволении им прокармливать стада свои на пустопорожних казённых землях в Астраханской губернии и Кавказской области» от 3 апреля 1828 г. // ПСЗ РИ–II. Т. 3. №1912.

21. Высочайше утвержденное «Положение об управлении калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г. // ПСЗ РИ–II. Т. 10. Прибавление к Т. IX. №7560а.

22. Высочайше утвержденный проект учреждения об управлении государственными имуществами в губерниях от 30 апреля 1838 г. // ПСЗ РИ – II. Т. 13. Ч. 1. №11189

23. Высочайше утвержденное «Положение об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. // ПСЗ РИ–II. Т. 22. №21144.

24. Высочайше утвержденное «Учреждение судебных установлений» от 30 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ–II. Т. 39. Ч. 2. №41475.

25. Высочайше утвержденный «Устав уголовного судопроизводства» от 30 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ–II. Т. 39. Ч. 2. №41476.

26. Высочайше утвержденный «Устав гражданского судопроизводства» от 30 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ–II. Т. 39. Ч. 2. №41477.

27. Высочайше утвержденный «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» от 30 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ–II. Т. 39. Ч. 2. №41478.

28. Высочайше утвержденное «Временное положение о полицейской страже в Калмыцкой степи» от 19 декабря 1886 г. // ПСЗ РИ–III. Т. VI. № 4110.

29. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа» от 16 марта 1892 г. // ПСЗ РИ–III. Т. 12. № 8429.

30. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О привлечении привилегированных сословий калмыцкого народа к платежу уравнительного сбора на содержание вольнонаемной стражи в Калмыцкой степи» от 11 июня 1893 г. // ПСЗ РИ–III. Т. XIII. № 9794.

31. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об упразднении должностей депутатов от калмыцкого народа» от 3 февраля 1897 г. // ПСЗ РИ–III. Т. XVII. № 13696.

32. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О замене у калмыков Астраханской губернии кибиточной подати сбором с принадлежащего им скота» от 10 июня 1900 г. // ПСЗ РИ–III. Т. XX. № 18791.

33. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О передаче управления кочующими в Астраханской и Ставропольской губерниях калмыков в ведение Министерства внутренних дел» от 23 декабря 1902 г. // ПСЗ РИ–III. Т. XXII. №22323.

Нормативные правовые акты калмыков и договоры с Россией

34. Монголо-ойратские законы 1640 года (Ике Цааджин бичиг, Великое Уложение, Степное Уложение) // Антология памятников права народов

Кавказа. Т. 9. Памятники права калмыков. – Элиста – Ростов/нДону: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. – С.34-67.

35. Повеление и приказ Галдана Хун-тайджи // Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Памятники права калмыков. – Элиста – Ростов/нДону: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. – С. 67-72.

36. Законы (токтолы) калмыцкого хана Дондук-Даши // Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Памятники права калмыков. – Элиста – Ростов/нДону: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. – С. 166-177.

37. Договорные статьи, учиненные на реке Камышенка, между калмыцким ханом Аюкою и Боярином Князем Борисом Голицыным // Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Памятники права калмыков. – Элиста – Ростов/нДону: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. – 455 с.

38. Шертная запись, по которой Калмыцкие послы клялись в верности Государю за всех улусных людей. Февраля 4, 1655 г. // Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Памятники права калмыков. – Элиста – Ростов/нДону: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. – С. 177-179.

39. Запись шертная Калмыцкого Тайши Аюкая Мончакова с товарищи, данная на съезде за Волгою при речке Соляной, в присутствии Боярина и воеводы Князя Якова Одоевского с товарищи. – О подданстве его Российскому Государю, о бытии ему в походах противу неприятелей России, нечинении разорения Российским городам и людям и непринимании к себе улусы Государевых холопей Нагайских, и Едисакских, и Юртовских Мурз и Татар. Февраля 27, 1673 г. // Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Памятники права калмыков. – Элиста – Ростов/нДону: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. – С. 188-194.

40. Шертная запись от 15 января 7185 (1677) года // Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Памятники права калмыков. – Элиста – Ростов/нДону: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. – С. 194.

41. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

42. Федеральный закон от 21.12.2021 №414-ФЗ (ред. от 14.03.2022) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 27.12.2021, №52 (часть I), ст. 8973.

Архивные материалы

43. Российский государственный исторический архив. Фонд 1291 – Фонд земского отдела Министерства внутренних дел. Опись 85. Д. 328 «С отчетом по управлению калмыцким народом за 1899 год».

44. Российский государственный исторический архив. Фонд 1405 – Фонд Министерства юстиции. Опись 93. Дело 10951 «Об устройстве судебной части во внутренней киргизской орде и калмыцких кочевьях Астраханской губернии».

45. Российский государственный исторический архив. Фонд 1405 – Фонд Министерства юстиции. Опись 93. Дело 10952 «По проекту министра юстиции об устройстве судебной части во внутренней киргизской орде и калмыцких кочевьях Астраханской губернии».

46. Российский государственный исторический архив. Фонд 1405 – Фонд Министерства юстиции. Опись 93. Дело 10953 «По законопроекту Министерства внутренних дел о преобразовании административного, судебного и земского устройства внутренней киргизской орды и калмыцкой степи Астраханской губернии».

47. Государственный архив Астраханской области. Фонд 1 «Канцелярия астраханского губернатора». Опись 4. Дело 2340. «О доставлении сведений о быте калмыцкого народа».

48. Государственный архив Астраханской области. Фонд 1 «Канцелярия Астраханского губернатора». Опись 11. Дело 505 «Проект преобразования

судебной части в России. Записки главного попечителя калмыцкого народа о преобразовании судебной части в калмыцких улусах».

49. Государственный архив Астраханской области. Фонд 1 «Канцелярия Астраханского губернатора». Описание 2. Дело 1109 «Сведения об устройстве судебной части во Внутренней Киргизской Орде и калмыцких кочевьях».

50. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 1 – Фонд Главного пристава калмыцкого народа. Описание 1. Дело 161 «Описание калмыцкого и трухменского народов».

51. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 9 – Фонд Управления калмыцким народом. Описание 1. Дело 14 «Отчет Управления калмыцким народом за 1871 г. с приложениями».

52. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 9 – Фонд Управления калмыцким народом. Описание 1. Дело 16 «Отчет Управления калмыцким народом за 1872 г. с приложениями».

53. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 9 – Фонд Управления калмыцким народом. Описание 1. Дело 20 «Отчет Управления калмыцким народом за 1874 год с приложениями».

54. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 9 – Фонд Управления калмыцким народом. Описание 1. Дело 83. «Годовой отчет Управления калмыцким народом за 1885 год с Приложениями».

55. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 9 – Фонд Управления калмыцким народом. Описание 1. Дело 121 «Дело об установлении наследственных прав на умершего зайсанга Икицохуровского улуса Сатхалова рода Менке Секова».

56. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 9 – Фонд Управления калмыцким народом. Описание 1. Дело 144 «Донесения попечителей улусов в Управление калмыцким народом, последнего Астраханскому губернатору о нравственном и экономическом состоянии калмыцкого народа».

57. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 9 – Фонд Управления калмыцким народом. Опись 1. Дело 160 ««Ведомость, отпуск Управления калмыцким народом, рапорты о движении следственных дел по Александровско-Багацхуровскому улусному Зарго»».

58. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 9 – Фонд Управления калмыцким народом. Опись 1. Дело 161. «Дело об образовании самостоятельного улуса из южной части Малодербетовского и самостоятельного улусного Зарго в Икицохуровском улусе».

59. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 9 – Фонд Управления калмыцким народом. Опись 1. Дело 288. «Дело об учреждении Зарго в Александровском, Икицохуровском и Манычском улусах».

60. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 9 – Фонд Управления калмыцким народом. Опись 2. Дело 160. «Ведомость, отпуск Управления калмыцким народом, рапорт о движении следственных дел по Александровско-Багацхуровскому улусному Зарго».

61. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 11 - Эркетеневский улусный Зарго. Опись 1. Дело 59 «Дело о засвидетельствовании духовного завещания зайсанга Эркетеневского улуса от 2 января 1844 г.».

62. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 18 - Манычский улусный Зарго. Опись 1. Дело 6 «Дело помощника попечителя в южной части Малодербетовского улуса по жалобе крестьянина с. Кресты Астраханской губернии Василия Николаенкова на самоуправство калмыков Балданова рода».

63. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 18 - Манычский улусный Зарго. Опись 1. Дело 2 «О грабеже у крестьян поселка Улан-Эрге Михаила Легкодимова и Петра Вагина».

64. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 18 - Манычский улусный Зарго. Опись 1. Дело 3 «Дело о тайном перегоне скота из

Ставропольской губернии в Астраханскую губернию калмыком Шара Зунгруевым Манджикинова рода».

65. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 18 - Манычский улусный Зарго. Опись 1. Дело 4 «По обвинению калмыков Батыра Чуджаева и других 5 человек по 29 ст. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

66. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 21 - Большедербетовское улусное управление. Опись 1. Дело 130 «Дело о выборах лиц на общественные должности и исполнении натуральной повинности в период трехлетия с 1891 по 1894 г.»

67. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 24 - Багацохуровское улусное управление. Опись 1. Дело 126 «Дело об обнаружении среди калмыков Высочайше утвержденного Мнения Государственного Совета об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыков».

68. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 26 - Яндыко-Мочажное улусное управление. Опись 1. Дело 52 «Циркуляры и предписания Управления калмыцким народом, присланные для сведения и к руководству».

69. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 26 - Яндыко-Мочажное улусное управление. Опись 1. Дело 98 «Книга на записку общественных приговоров».

70. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 36 - «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе». Опись 1. Дело 36 «Указы, донесения и письма по калмыцким делам».

71. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 36 - «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе». Опись 1. Дело 307 «Указы и грамоты о пожаловании Дондук Даши действительным ханом, а сына его Убаши заместителем ханства – процедура вручения Указа».

72. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 45 - Главный Зарго. Опись 1. Дело 1 «Протоколы заседаний по рассмотрению уголовных дел в Главном Зарго 5 января – 27 апреля 1844 г.».

73. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 45 - Главный Зарго. Опись 1. Дело 3 «Дело о калмыке Икицохуровского улуса, аймаку зайсанга Убуши Харцуева Джимбе за избиение дворового человека помещика Николая Везелева Василия Титова, отчего он умер и за отнятие у него лошади с упряжью».

74. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 45 - Главный Зарго. Опись 1. Дело 4 «Дело о денежных сборах, производимых будто бы с Икицохуровского улуса Зашутова рода с зайсангских родственников хотонными старшинами».

75. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд Р-145. Личный фонд профессора Н.Н. Пальмова. Опись 1. Дело 340 «Обстоятельства, вызвавшие созыв Зинзилинского собрания в 1822 г.».

Наблюдения и описания современников

76. Бакунин, В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Соч. 1761 г. [Вступ. ст. М. М. Батмаева, В. Разумовской]. / В.М. Бакунин. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. – 153 с.

77. Бюлер, Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт / Ф.А. Бюлер. // Отечественные записки. – 1846. - №7. – С. 1-28; №8. – С. 59-125; №10. – С. 58-94.

78. Бюлер, Ф.А. Калмыки / Ф.А. Бюлер. // Отечественные записки. – 1846. – №11. – С. 1-44.

79. Георги, И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч.4 / И.Г. Георги. – СПб: Имп. Академия наук, 1799. – 446 с.

80. Дуброва, Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года / Я.П. Дуброва. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. – 180 с.

81. Житецкий, И.А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки) / И.А. Житецкий. // Сборник трудов Петровского общества исследователей Астраханского края. – Астрахань: б.и., 1892. – С.36-214.

82. Житецкий, И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1886 гг. / И.А. Житецкий. – М.: Книга по требованию, 2011. – 114 с.

83. Костенков, К.И. Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губ. / К.И. Костенков. – СПб: тип. В. Безобразова и Комп. 1868. – 162 с.

84. Костенков, К.И. Результаты переписи калмыцкого народа, произведенной в декабре месяце 1868 года / К.И. Костенков. // Труды Астраханского губернского статистического комитета. – Астрахань, 1869. – Вып. 1. – С. 148-163.

85. Костенков, К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии / К.И. Костенков. – СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. – 171 с.

86. Небольсин, П.И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, составленные Павлом Небольсиным / П.И. Небольсин – СПб: тип. К. Крайя, 1852. – 383 с.

87. Нефедьев, Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым / Н.А. Нефедьев. – Санкт-Петербург: тип. К. Крайя, 1834. – 309 с.

88. Паллас, П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. / П.С. Паллас. – СПб: Имп. Академия наук, 1773. – 786 с.

89. Рычков, П.И. Топография Оренбургская: сочинение П.И. Рычкова 1762 г. / П.И. Рычков. – Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1887. – 405 с.

90. Страхов, Н. Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением Калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни / Н. Страхов. – СПб.: тип. Шнора, 1810. – 99 с.

91. Смирнов, П.А Путевые заметки по калмыцким степям Астраханской губернии / П.А. Смирнов. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. – 247 с.

92. Тюмень Батур-Убаши. Сказание о Дербен-Ойратах, составленное нойоном Батур-Убаши Тюменем. Перевод с калм. Г. Лыткина. – Астрахань: губ. тип., 1860. – 55 с.

Литература

Литература дооктябрьского периода

93. Баснин, Н.В. О древнем калмыцком уложении (Очерк старинного судопроизводства у калмыков) / Н.В. Баснин. – М., 1876. – 8 с.

94. Бентковский, И.В. Первоначальное устройство административных учреждений в Кавказской губернии / И.В. Бентковский // Ставропольские губернские ведомости. – 1886. – №39.

95. Бентковский, И.В. Военные законы монголов и их влияние на кочевую культуру калмыков и вообще на дух народа / И.В. Бентковский. // Ставропольские губернские ведомости. – 1877. – №8.

96. Бичурин, Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени [Предисл. В. П. Санчирова]. 2-е изд./ Н.Я. Бичурин. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. – 127 с.

97. Владимирский–Буданов, М.Ф. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). Сочинение Ф.И. Леонтовича / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Киев, 1879.

98. Гурий, архимандрит. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Том. 1, часть 1. Калмыки. / Гурий. – Казань, 1915. – 254 с.

99. Гурлянд, Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по 17-ое столетие / Я.И. Гурлянд. – Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1904. – 112 с.
100. Калмыцкая степь по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. – СПб.: М-во гос. имуществ, 1868. – 300 с.
101. Кистяковский, А.Ф. К вопросу о влиянии инородческого права на русское / А.Ф. Кистяковский. // Юридический вестник. – 1880. – Т.3 – №1.
102. Леонтович, Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий (ойратский) устав взысканий / Ф.И. Леонтович. – Одесса: Тип. Г.Ульриха, 1879. – 290 с.
103. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. 1768-1769 гг. – СПб., 1771. – Т.1. – 562 с.
104. Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии. – Астрахань: Губ. тип., 1910. Ч.1. – 1154 с.
105. Муллов, П. Древние калмыцкие законы / П. Муллов. // Журнал Министерства юстиции. – 1863 – Т.18, кн.10, октябрь – С.63-76.
106. Новолетов, М.Г. Калмыки: исторический очерк / М.Г. Небольсин. – Санкт-Петербург: Тип. В. Демакова, 1884. – 77 с.
107. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. II. Астраханская губерния. Тетрадь 1. – СПб.: ЦСК под ред. Тройницкого Н.А., 1899. – 44 с.
108. Попов, Н.А. К вопросу о судьбе калмыцкого права на русской почве / Н.А. Попов. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб, 1880. – Ч.34. – №3-4. – С. 171-174.
109. Позднеев, А.М. Несколько слов об астраханских калмыках / А.М. Позднеев. // Восточное обозрение. – 1883. – №46-48; Памятники исторической литературы астраханских калмыков в подлинном калмыцком тексте. / Издал А.М. Позднеев. – СПб: Литография А.И. Иконникова, 1885. – 90 с.

110. Позднеев, А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу / А.М. Позднеев. – СПб.: Тип.Имп.Акад. наук, 1887. – 492 с.

111. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т.1 Кн.1. – М.-Л: АН СССР, 1952. – 214 с.

Литература советского периода

112. Бадмаев, А.В. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / А.В. Бадмаев. – Элиста: Калм. НИИ яз., лит. и истории, 1969. – 203 с.

113. Байтин, М.И. Государство и политическая власть / М.И. Байтин. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1972. – 239 с.

114. Бартольд, В.В. Собрание сочинений. В 9 т. / В.В. Бартольд. – М.: 1963-1977. Т.5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М.: Изд-во вост. лит.-ры. 1968. – 759 с.

115. Батмаев, М.М. К историографии политического положения Калмыцкого ханства в конце XVII – первой четверти XVIII в. / М.М. Батмаев. // Вестник института. – №15, серия историческая. – Элиста. 1976. – С. 140-157.

116. Батмаев, М.М. Внутренняя обстановка в Калмыцком ханстве в конце XVII в. / М.М. Батмаев. // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. – Элиста: Калм.НИИЯЛИ, 1977. – С. 34-53.

117. Батмаев, М.М. Политическая история Калмыцкого ханства в русской историографии / М.М. Батмаев. // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. – Элиста: КалмНИИИФЭ, 1988. – С.41-59.

118. Бембеев, В.Ш. О первом русском списке монголо-ойратских законов 1640 г. и его переводе / В.Ш. Бембеев. // Проблемы алтаистики и монголоведения: Матер. Всесоюз. конф. – Элиста, 17-19 мая 1972 г. Элиста: (б.и.), 1972. – С.76-77.

119. Бембеев, В.Ш. О родоплеменных делениях и особенностях улусно-аймачной административной системы калмыков (XVII-XIX вв.) / В.Ш. Бембеев. // Проблемы этногенеза калмыков. – Элиста, 1984. – С.59-73.

120. Боваев, В.Э. Калмыцкий народ в русской дореволюционной историографии / В.Э. Боваев. // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. – Элиста, 1985. – С. 65-73.

121. Боваев, В.Э. Охранительная и миссионерско-клерикальная литература второй половины XIX – начала XX в. о Калмыкии / В.Э. Боваев. // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. – Элиста, 1988. – С.137-151.

122. Борисенко, И.В. Очерки исторической географии Калмыкии: дореволюционный период / И.В. Борисенко. – Элиста: КИОН РАН, 1991. – 229 с.

123. Бурчинова, Л.С. Из истории управления калмыцким народом (XIX в.) / Л.С. Бурчинова. // Труды молодых ученых Калмыкии. Вып.3. Серия истории и филологии. – Элиста: Калмыцкий НИИЯЛИ, 1973. – С. 59-67.

124. Бурчинова, Л.С. Первые рекогносцировочные обследования Калмыцкой степи в XIX в. / Л.С. Бурчинова. // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. – Элиста, 1981. – С. 62-71.

125. Бурчинова, Л.С. Калмыкия в системе государственного управления России / Л.С. Бурчинова. // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. – Элиста, КалмГУ, 1985. – С.48-56.

126. Владимирцов, Б.Я. Работы по литературе монгольских народов / Б.Я. Владимирцов. – М.: Восточная литература, 2003. – 607 с.

127. Владимирцов, Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б.Я. Владимирцов. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. – 236 с.

128. Годинер, Э.С. Политическая антропология о происхождении государства / Э.С. Годинер. // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. – М., 1991 – С. 51-78.
129. Григорян, Л.А. Социалистическая государственная власть и представительная форма ее осуществления / Л.А. Григорян // Советское государство и право. – 1969. – №3. – С.83-92.
130. Гуревич, Б.П., Моисеев, В.Н. Взаимоотношения Цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII-XVIII вв. в китайской историографии / Б.П. Гуревич, В.Н. Моисеев. // Вопросы истории. – 1979. – №3. – С. 43-55.
131. Златкин, И.Я. К вопросу о сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов / И.Я. Златкин. // Вопросы истории. – 1955. – №4. – С. 72-80.
132. Златкин, И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758) / И.Я. Златкин. – 2-е издание. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. – 333 с.
133. Карагодин, А.И. Унаган боголы (об эволюции форм зависимости у монголоязычных кочевников) / А.И. Карагодин. // Советская этнография. – 1987. – №1. – С.61-73.
134. Ким, А.И. Государственная власть и народное представительство в СССР / А.И. Ким. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. – 216 с.
135. Кичиков, М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование калмыцкого государства в составе России / М.Л. Кичиков. – Элиста: Калмиздат, 1966. – 123 с.
136. Козин, С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol un niruša tobèj an*. Юань чао би ши: Монг. обыденный сборник. Т. 1. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии / С.А. Козин. – М., Л.: Изд-во Акад. наук, 1941. – 620 с.
137. Кузьмин, А.Г. Калмыцкая комиссия / А.Г. Кузьмин. // Кузьмин А.Г. Татищев. – М.: Молодая гвардия, 1981. – С.264-284.

138. Лебединский, А.А. К истории калмыцкого права в 40-х годах XVIII в. / А.А. Лебединский. // Ойратские известия. – 1922. – № 3-4. – С.78-87.
139. Лебединский, А.А. Большедербетовский улус во второй половине XIX в. / А.А. Лебединский. // Калмыцкая область. – Астрахань, 1925. – №2. – С. 109-123.
140. Любомиров, П. Заселение Астраханского края в XVIII в. / П. Любомиров. // Наш край. – 1926. – №4.
141. Мавродин, В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 гг. Т. 1. / В.В. Мавродин. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. университета, 1961. – 587 с.
142. Минкин, Г.З. Об общественном строе Калмыкии и колониальной политике царизма / Г.З. Минкин. – Элиста: Калмыцкий НИИЯЛИ, 1968. – 58 с.
143. Митиров, А.Г. Договоры, присяги и баранта / А.Г. Митиров. // Обычаи и обряды монгольских народов. – Элиста: КалмНИИИФЭ, 1989. – С.61-76.
144. Митиров, А.Г. Обычай и обычное право калмыков в трудах дореволюционных исследователей России / А.Г. Митиров. // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. – Элиста, 1988. – С.83-93.
145. Нацагдорж, Ш. К вопросу об экономической основе феодализма в Монголии / Ш. Нацагдорж. – Улан-Батор: б.и., 1963. – 204 с.
146. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. – М.: Наука, 1967. – 479 с.
147. Павленко, Ю.В. Раннеклассовые общества / Ю.В. Павленко. – Киев: Наук. думка, 1989. – 285 с.
148. Пальмов, Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 1: XVII и XVIII века / Н.Н. Пальмов. – Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1926. – 264 с.; Ч. 2: XVIII век. – Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1927. – 231 с.; Ч. 3-4: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к

калмыкам. – Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1929. – 391 с.; Ч. 5: Дела земельные. – Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1932. – 185 с.

149. Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. – 160 с.

150. Плюнов, Ф.И. Правительствонные законопроекты о реформах административно-общественного устройства калмыков и суда / Ф.И. Плюнов. // Ойратские известия. – 1922. – № 3. – С. 59-65.

151. Попов, А.В. Теория «кочевого феодализма» академика Б.Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников / А.В. Попов. // *Mongolica*. Памяти академика Б.Я. Владимирцова 1884–1931. – М.: Наука, 1986. – 193 с.

152. Преображенская, П.С. Из истории русско-калмыцких отношений / П.С. Преображенская. // Вопросы истории. – 1968. – №8. – С.49-83.

153. Рязановский, В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк / В.А. Рязановский. – Харбин: Тип. Н.Е. Чернышева, 1931. – 306 с.

154. Сагаев, С.М. Право феодальной Калмыкии 2 половины XVII в. / С.М. Сагаев. // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып.3. – Элиста, 1968. – С.157-165

155. Сергеев, В.С. «Ики цааджин бичик» – памятник калмыцкого права / В.С. Сергеев. // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып.3. – Элиста, 1968. – С.167-180.

156. Сергеев, В.С. Ики цааджи 1640 г. – основной юридический источник уголовного права Калмыкии XVII – XVIII вв. / В.С. Сергеев. // Вестник института. Серия историческая. Вып.6. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1972. – С.152-158.

157. Степанов, И.М. Советская государственная власть / И.М. Степанов. – М.: Наука, 1970. – 148 с.

158. Толыбеков, С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XIX века: политико-экономический характер / С.Е. Толыбеков. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 632 с.

159. Чернышев, А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVII в. / А.И. Чернышев. – М.: Наука, 1990. – 138 с.

160. Чужгинов, А.А. О некоторых историографических проблемах истории Калмыкии (конец XVIII- первая половина XIX вв.) / А.А. Чужгинов. // Вестник института. №15, серия историческая. – Элиста, 1976. – С. 158-171.

161. Чужгинов, А.А. К вопросу о превращении Калмыкии во внутреннюю провинцию Российской империи (первая половина XIX в.) / А.А. Чужгинов. // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. – Элиста: Калм.НИИЯЛИ, 1977. – С.54-59.

162. Шовунов, К.П. Очерки военной истории калмыков (XVII-XVIII вв.). / К.П. Шовунов. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. – 189 с.

163. Шовунов, К.П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII-XIX вв.) / К.П. Шовунов. – Элиста: Калм. ин-т обществ. наук, 1992. – 317 с.

164. Эрдниева, К.О. Списки монголо-ойратских законов 1640 г. и их изучение / К.О. Эрдниева. // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. – Элиста: Калмыцкий НИИЯЛИ, 1987. – С.28-42.

Литература постсоветского периода

165. Альтернативные пути к ранней государственности: Межд. симп. (20-27 августа: Материалы). – Владивосток: Дальнаука, 1995. – 152 с.

166. Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Памятники права калмыков. – Элиста – Ростов/нДону: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. – 455 с.

167. Бабенко, В.Н., Рыбаков, О.Ю. Особенности развития источниковедения и историографии в системе юридических наук / В.Н.

Бабенко, О.Ю. Рыбаков // Российский юридический журнал. – 2021. – №5. (140) – С. 32-36.

168. Бакаева, Э.П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки / Э.П. Бакаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. – 128 с.

169. Батмаев, М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках. События, люди, быт. В 2-х книгах / М.М. Батмаев. – Элиста: калм. кн. изд-во, 1993. – 382 с.

170. Батмаев, М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв. / М.М. Батмаев. – Элиста: АПП «Джангр», 2002. – 400 с.

171. Батмаев, М.М. Семья и брак в традициях калмыков / М.М. Батмаев. – Элиста: Герел, 2008. – 253 с.

172. Батмаев М.М., Кольцов, П.М., Мургаев, С.М., Умгаев, С.А. В.Н. Татищев и вопросы улучшения экономического положения калмыцкого народа / М.М. Батмаев, П.М. Кольцов, С.М. Мургаев, С.А. Умгаев. // *Oriental Studies*. – 2021. – №5. – С.910-918.

173. Беспрозванных, Е.Л. Калмыцко-китайские отношения в XVIII в. / Е.Л. Беспрозванных. – Волгоград: изд-во ВолГУ, 2008. – 370 с.

174. Васильев, Л.С. История религий Востока / Л.С. Васильев. – М.: Книжный дом Университет, 2004. – 704 с.

175. Владимирцов, Б.Я. Монгольская литература / Б.Я. Владимирцов // Владимирцов Б.Я. Работы по литературе монгольских народов. – М.: Восточная литература, 2003. – 608 с.

176. Горяев, М.С. Установление системы попечительства в Калмыкии по Положениям 1834, 1847 гг. / М.С. Горяев // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – №5 (21). – С. 34-41.

177. Государственное строительство Калмыкии XVII–XIX вв. Сборник документов и материалов. Сост. Цюрюмов А.В. и др. – Элиста: «НПП «Джангар», 2009. – 397 с.

178. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Институт русской цивилизации. Благословение. – 2011. – 573 с.

179. Деев, С.Ю. Организация управления калмыцким народом после упразднения Калмыцкого ханства (1771-1825) / С.Ю. Деев. // Вестник КИГИ РАН. – 2002. – Вып.17. – С. 93-104.
180. Деев, С.Ю. Проекты общественного, административного и судебного устройства калмыков Астраханской губернии / С.Ю. Деев. // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. – 2003. – № 1. – С. 164-173.
181. Деев, С.Ю. Подготовка и проведение реформы 1892 г. / С.Ю. Деев. // Вестник КИГИ РАН. – 2003. – Вып. 18. – С. 178-194.
182. Джамбинова, Т. Степное уложение 1640 г. (Ик Цааз) – источник этнопедагогике / Т. Джамбинова // Этнопедагогика калмыков и национальная школа: Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию проф. О.Д. Мукаевой. – Элиста: Калмыц. гос. ун-т, 1997. – С. 37-45.
183. Дорджиева, Е.В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. / Е.В. Дорджиева. – Ростов н/Д: изд-во СКНЦ ВШ, 2002. – 210 с.
184. Дорская, А.А. Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности / А.А. Дорская. – СПб.: Астерион, 2014. – 176 с.
185. Дорская, А.А. Периодизация истории государства и права России: проблемы аксиологической интерпретации / А.А. Дорская // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – №2. – С. 29-36.
186. Дорская, А.А. Методология изучения кризисных явлений в праве: историко-правовой ракурс / А.А. Дорская // История государства и права. – 2021. – №4. – С. 47-50.
187. Ефремова, Н.Н. Местная юстиция в правовых традициях имперской России / Н.Н. Ефремова. // «Правовые традиции». Жидковские чтения. Матер. Междунар. Науч. конф. – М.: РУДН, 2014. – С.254-260.
188. Железняков, А.С. Монгольская цивилизация: история и современность: теоретическое обоснование атласа / А.С. Железняков. – М.: Весь мир, 2016. – 286 с.

189. Железняков А.С. Монголия в цивилизационных схемах мировой истории / А.С. Железняков. // Историческая психология и социология истории. – 2018. – №1. – С. 39-62.
190. История Астраханского края. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. – 1119 с.
191. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. – Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 1. – 845 с.
192. Калмыки / отв. ред. Э.П. Бакаева, Н.Л. Жуковская/. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. – М.: Наука, 2010. – 568 с.
193. Кичиков, М.Л. Образование Калмыцкого ханства / М.Л. Кичиков. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. – 122 с.
194. Кодан, С.В. Историко-юридическое источниковедение в структуре современного российского правоведения / С.В. Кодан // Российский юридический журнал. – 2018. – №4 (121). – С. 31-36.
195. Кодан, С.В. Источниковедение в междисциплинарном пространстве историко-юридических наук / С.В. Кодан // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции. – Омск, 2021 – С. 374-379.
196. Кодан, С.В. Источниковая база юридического диссертационного исследования: понимание, структура, репрезентация носителей информации / С.В. Кодан // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – №3 (63). – С.13-25.
197. Колесник, В.И. Институт ханской власти у калмыков в XVII-XVIII вв. / В.И. Колесник. – Элиста, 1996. – 21 с.
198. Колесник, В.И. Развитие калмыцкой государственности в составе России / В.И. Колесник. // Проблемы всеобщей и отечественной истории. Вып.2. – Элиста, 1997. – С. 14-22.

199. Колесник, В.И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII-XVIII вв. / В.И. Колесник. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2003. – 286 с.
200. Команджаев А.Н., Убушаев Н.Н. Предисловие ко 2-му изданию. / А.Н. Команджаев, В.Б. Убушаев. // Кичиков М.Л. Образование калмыцкого ханства. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994.
201. Команджаев, А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность / А.Н. Команджаев. – Элиста: АПП «Джангар», 1999. – 262 с.
202. Команджаев, А.Н., Мацакова Н.П. Реформа 1892 года в Калмыкии / А.Н. Команджаев, Н.П. Мацакова. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2011. – 240 с.
203. Команджаев, А.Н., Мацакова, Н.П., Оконова, Л.В. Имена в истории: Наймин Бадмаевич Бадмаев / А.Н. Команджаев, Н.П. Мацакова, Л.В. Оконова. // Вестник Калмыцкого университета. – 2020. – №4 (48). – С. 14-22.
204. Команджаев, Е.А. Административная система Калмыкии в XVIII-XIX вв. / Е.А. Команджаев. – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2009. – 98 с.
205. Команджаев, Е.А. В.М. Бакунин о Зарго и некоторых чертах обычного права у калмыков. // Теегин герл. – 2000. – №1. – С.87-89.
206. Команджаев, Е.А. Институты публичной власти в Калмыкии с позиции цивилизационно-культурного подхода / Е.А. Команджаев. // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2019. – Т. 23. – №2. – С. 219-243.
207. Команджаев, Е.А., Команджаев, А.Н. Некоторые черты ментального облика российских калмыков (по свидетельству чиновников администрации) / Е.А. Команджаев, А.Н. Команджаев. // Журнал фронтальных исследований. – 2021. – Т.6. – №3(23). – С. 48-62.
208. Команджаев Е.А., Мацакова Н.П., Команджаев А.Н. О специфике «обязательных отношений» у калмыков / Е.А. Команджаев, Н.П. Мацакова, А.Н. Команджаев. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т.22. – №4. – С.109-119.

209. Команджаев, Е.А. Органы управления и суда в Калмыкии XVIII-XIX вв. / Е.А. Команджаев. – Элиста: АПП «Джангар», 2003. – 79 с.
210. Команджаев Е.А., Сангаджиев Б.В., Команджаев А.Н. Калмыцкая степь Астраханской губернии в конце XIX в. (по новым архивным материалам) / Е.А. Команджаев, Б.В. Сангаджиев, А.Н. Команджаев. // *Oriental Studies*. – 2022. – Т. 15. – №2. – С. 259-269.
211. Команджаев, Е.А. Становление государственной системы здравоохранения в Калмыкии в конце XIX – начале XX вв. / Е.А. Команджаев. // *Проблемы отечественной и всеобщей истории*. – Элиста, 1998. – С. 88-94.
212. Коновалов, И.А. Местное государственное управление и самоуправление в Степном генерал-губернаторстве в XIX – начале XX в. / И.А. Коновалов // Матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР)», – Омск, 20-22 октября 2022 г. – С. 205-209.
213. Корнев, А.В. Проблемы истории, методологии и теории юридической науки / А.В. Корнев. – М.: Норма: Инфра-М, 2018. – 528 с.
214. Крадин, Н.Н. Кочевые общества / Н.Н. Крадин. – Владивосток: Дальнаука, 1992. – 239 с.
215. Крадин, Н. Н. Структура власти в государственных образованиях кочевников / Н.Н. Крадин. // *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти*. – М.: Наука: Изд. Фирма «Вост. лит-ра», 1993. – С. 192-210.
216. Крадин, Н.Н. Империя Хунну. 2. изд., перераб. и доп. / Н.Н. Крадин. – М: Логос, 2002. – 310 с.
217. Крадин, Н.Н. Кочевники в мировом историческом процессе / Н.Н. Крадин. // *Философия и общество*. – 2001. – №2 (23). – С. 108-137.
218. Красняков, Н.И. Оптимизация властеотношений в Сибири по реформе 1822 года. / Н.И. Красняков // *Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология*. – 2016. – Т.15, Вып. 1: История. – С.72-84.

219. Красняков, Н.И. Интеграция среднеазиатских территорий в систему национально-регионального управления Российской империи (XIX в.) / Н.И. Красняков // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – 2022. – Т.21. – №1: История. – С. 63-74.

220. Красняков, Н.И. Теория и практика автономизации в системе национально-регионального управления имперской России / Н.И. Красняков // матер. Междунар. науч.-прак. конф. «Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР)» – Омск, 20-22 октября 2022 г. – С. 210-214.

221. Курапов А.А., Цюрюмов А.В. Эволюция политического статуса Калмыцкого ханства в составе России / А.А. Курапов, А.В. Цюрюмов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021 – № 1 (66) – С. 9-15.

222. Лаптева, Л.Е. Исследования обычного права народов Российской империи в XIX в. / Л.Е. Лаптева. // Государство и право. – 1997. – №8. – С.101-114.

223. Лаптева, Л.Е., Немытина, М.В., Михеева, Ц.Ц. Земство и мировой суд в России: органы публичной власти на местном уровне / Л.Е. Лаптева, М.В. Немытина, Ц.Ц. Михеева. // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2019. – №54 (4). – С.1679-1691.

224. Лиджиева, И.В. Местное самоуправление калмыков в XIX – начале XX вв. (историко-этнографический аспект). Монография / И.В. Лиджиева. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. – 336 с.

225. Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники: перевод с калмыцкого / ред.-сост. А. В. Бадмаев. – Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2003. – 475 с.

226. Максимов, К.Н. История национальной государственности Калмыкии (начало XVII – XX вв.) / К.Н. Максимов. – Элиста: Профиздат, 2000. – 312 с.

227. Максимов, К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России / К.Н. Максимов. – М.: Наука, 2002. – 524 с.
228. Максимов, К.Н., Очиров, У.Б. Калмыки в наполеоновский войнах / К.Н. Максимов, У.Б. Очиров. – Элиста: ФГБУН Калмыцкий ин-т гуманитарных исслед., 2012. – 518 с.
229. Малахов В.П. Теория правосознания. / К.Н. Малахов. – М.: ООО «Изд-во «Юнити-Дана», 2020. – 335 с.
230. Малиновский, А.А. История и методология юридической науки / А.А. Малиновский. – М.: Изд-во Прометей, 2022. – 562 с.
231. Мальцев, Г.Е. Культурные традиции права / Г.Е. Мальцев. – М.: Норма: Инфра-М, 2013. – 607 с.
232. Мамут, Л.С. Народ в правовом государстве / Л.С. Мамут. – М.: НОРМА, 1999. – 151 с.
233. Медушевская, Н.Ф., Сигалов, К.Е. Методологические проблемы правового знания / Н.Ф. Медушевская, К.Е. Сигалов. – М.: ИГ «Граница», 2013. – 175 с.
234. Медушевская, Н.Ф. Особенности правовой ментальности россиян: аксиологический подход / Н.Ф. Медушевская // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 3. – С. 89-92.
235. Межуев, В.М. Идея культуры: очерки по философии культуры / В.М. Межуев. – М.: Университетская книга: Прогресс-Традиция, 2012. – 403 с.
236. Митиров, А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения / А.Г. Митиров. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. – 384 с.
237. Муромцев, Г.И. Традиции в праве: историко-теоретический аспект / Г.И. Муромцев. // «Правовые традиции». Жидковские чтения: матер. Междунар. науч. конф. – М.: РУДН, 2014. – С.5-17.
238. Немытина, М.В. Право России как интеграционное пространство. Изд. 2-е. / М.В. Немытина. – Саратов: Научная книга, 2008. – 260 с.

239. Немытина, М.В. Интерпретация категории «правовая культура» / М.В. Немытина // «Правовые культуры» Жидковские чтения: матер. Всеросс. науч. конф. – М.: РУДН, 2012. – С. 29-36.

240. Немытина, М.В. Реформы второй половины XIX в. в России: опыт модернизации государственно-правового порядка / М.В. Немытина // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2012. – №4. – С. 8-15.

241. Немытина, М.В. Традиции в правовых культурах, правовых системах / М.В. Немытина. // «Правовые традиции» Жидковские чтения: матер. Междунар. науч. конф. – М.: РУДН, 2014. – С. 18-26.

242. Немытина, М.В. Этатизм и социологизм в российской правовой культуре / М.В. Немытина. // Типы правопонимания и вызовы меняющегося мира. Сб. науч. статей по результатам Междунар. науч. конф. – М.: 2016. – С.63-70.

243. Немытина, М.В. Цивилизационно-культурный подход в правоведении / М.В. Немытина. // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. – 2017. – №4(32). – С. 28-40.

244. Немытина, М.В. Цивилизационно-культурный вектор в правовых исследованиях / М.В. Немытина. // «Тенденции развития права в социокультурном пространстве». Жидковские чтения: матер. Всеросс. науч. конф. – М.: РУДН, 2018. – С. 6-13.

245. Немытина, М.В. Зеленцов, А.Б. Публичные интересы и производные от них юридические конструкции / М.В. Немытина, А.Б. Зеленцов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т.22. – №4. – С. 425-465.

246. Очиров, А.В. Политика российского правительства после ухода калмыков в Китай в 1771 г. / А.В. Очиров // Вестник Тамбовского университета. Серия гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 8 (112). – С. 20-25.

247. Пашенцев, Д.А. Исторический опыт правового регулирования межнациональных отношений в Российской империи / Д.А. Пашенцев // Вопросы истории. – 2021. – №12-5. – С.229-236.

248. Пашенцев, Д.А. Правовые основы управления окраинными и присоединяемыми территориями в условиях расширения Российского государства: историческая ретроспектива / Д.А. Пашенцев // Матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР)», – Омск, 20-22 октября 2022 г. – С. 251-255.

249. Пиков, Г.Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи» / Г.Г. Пиков. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, философия. – 2009. – Том 8, выпуск 1. – С. 4-10.

250. Почекаев, Р.Ю. Из вассалов в сюзерены: Российское государство и наследники Золотой Орды / Р.Ю. Почекаев. – СПб.: Евразия. – 2017. – 432 с.

251. Пржиленский, В.И. Социальные технологии: фундаментальные и прикладные проблемы / В.И. Пржиленский. – М.: Норма: Инфра-М, 2016. – 174 с.

252. Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т.4. История. Философия. Социология. Филология. Искусство: материалы Международной научной конференции. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. – 247 с.

253. Свечникова, Л.Г. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы (на материалах юридической и этнологической наук) / Л.Г. Свечникова. // Государство и право. – 1998. – №9. – С. 98-102.

254. Сергеев, В.С., Сергеев, Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII - XVIII вв. / В.С. Сергеев, Б.В. Сергеев. – Элиста: АПП «Джангр», 1998. – 222 с.

255. Сигалов К.Е. Методологические принципы познания среды права. // История государства и права. – 2010. – №4. – С. 29-35.

256. Сигалов, К.Е. Многообразие форм среды права: монография. / К.Е. Сигалов. – М.: АНО ВПО «МОГИ», 2012. – 235 с.

257. Соловьев, А.И. Политология: Политическая теория. Политические технологии. Учебник для вузов / А.И. Соловьев. – М.: Аспект-Пресс, 2001.

258. Соловьев, В.С. Национальный вопрос в России / В.С. Соловьев. – М.: АСТ: Хранитель, 2007. – 506 с.
259. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика: Пер. с англ. В.В. Сапова. / П.А. Сорокин. – СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. – 1054 с.
260. Степин, В.С. История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В.С. Степин. – М.: Академический проспект; Трикста, 2011. – 423 с.
261. Степин, В.С. Цивилизация и культура / В.С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 407 с.
262. Супатаев, М.А. К проблеме цивилизационного подхода к праву (очерки общей теории и практики): монография / М.А. Супатаев. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 143 с.
263. Сусеева, Д.А. Письма хана Аюки и его современников (1714-1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования / Д.А. Сусеева. – Элиста: КГУ, АПП «Джангар», 2003. – 456 с.
264. Сусеева, Д.А., Котяева, Е.С., Олядыкова, Л.Б., Ярмаркина, Г.М. Русские переводы XVIII в. деловых писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования / Д.А. Сусеева, Е.С. Котяева, Л.Б. Олядыкова, Г.М. Ярмаркина. – Элиста: изд-во КалмГУ, 2013. – 744 с.
265. Сушкова, Ю.Н. Методология юридической антропологии / Ю.Н. Сушкова. // Социально-политические науки. – 2017. – №1. – С. 165-170.
266. Тепкеев, В.Т. Калмыки в северном Прикаспии во второй трети XVII в.: проблемы политических взаимоотношений / В.Т. Тепкеев. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. – 448 с.
267. Тепкеев, В.Т. Ойраты в начале XVII в. / В.Т. Тепкеев. – Элиста: КИГИ РАН, 2015. – 198 с.
268. Тепкеев, В.Т. Аюка-хан и его время / В.Т. Тепкеев. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. – 359 с.

269. Тепкеев, В.Т. Письма хана Аюки как источник по истории русско-калмыцких отношений конца XVII - первой четверти XVIII в. / В.Т. Тепкеев. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. – 2021. – № 4. – С. 10-22.
270. Тойнби, А.Дж. Постигание истории: сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова / А.Дж. Тойнби. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.
271. Уланов, М.С., Бадмаев, В.Н. Буддизм в контексте типологии цивилизаций / М.С. Уланов, В.Н. Бадмаев // Философские науки. – 2016. – №10. – С. 28-40.
272. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова / С. Хантингтон. – М.: ООО «изд-во АСТ», 2003. – 603 с.
273. Ходарковский, М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500-1800: Пер. с англ. А.Терещенко / М. Ходарковский. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 348 с.
274. Ходарковский, М. И встретились два мира: Россия и калмыки кочевники (1600-1771). Пер. с англ. Т.Н. Богрдановой. / М. Ходарковский. – Элиста: Изд-во КалмНЦ РАН, 2022. – 375 с.
275. Цюрюмов, А.В. Политическая обстановка в Калмыцком ханстве во второй половине XVIII в. / А.В. Цюрюмов // Проблемы отечественной и всеобщей истории. – Элиста: КалмГУ, 1998. – С. 135-142.
276. Цюрюмов, А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений / А.В. Цюрюмов. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. – 464 с.
277. Цюрюмов, А.В., Курапов, А.А. Эволюция политического статуса Калмыцкого ханства в составе России / А.В. Цюрюмов, А.А. Курапов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – №1 (66). – С.9-15.
278. Чиркин, В.Е. Публичная власть / В.Е. Чиркин. – М.: Юрист, 2005. – 174 с.

279. Шапсугов, Д.Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. / Д.Ю. Шапсугов. – М.: Юрист, 2003. – 685 с.

280. Шапсугов, Д.Ю. Проблема эволюции публичной власти в России: от самодержавия к народовластию / Д.Ю. Шапсугов. // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – №1. – С. 7-18.

281. Шорковиц, Д. Культурные контакты и культурная трансмиссия в Западной Евразии в эпоху средневековья / Д. Шорковиц. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – №3(51). – С.84-94.

282. Шорковиц, Д. Мобильность и неподвижность в Монгольской империи / Д. Шорковиц. // Монголоведение. – 2020. – №12. – С. 430-445.

283. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М.: «Наука», 1993. – 592 с.

284. Ясперс, К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

Литература на иностранных языках

285. Bat-Ochir, B. Mongolian Nomadic Society: A Reconstruction of the «Medieval» History of Mongolia / B.Bat-Ochir. - New York: Palgrave Publishing (St. Martin's Press), 2001. – 204 p.

286. Becker, J. The Lost Contry. Mongolia Revealed. N.p. British Library C.I.P. 1992. – 325 p.

287. Barkman C.D. The return of the torhuts from Russia to China // Journal of Oriental Studies. – 1955. – Vol. II. N. 1. – P. 89-115.

288. Bonte P. Marxist Theory and Anthropological Analyses: The Study of Nomadic Pastoralist Societies / P. Bonte // The Anthropology of Precapitalist Societies / ed. Kahn J.S., Llobera J.R. Atlantic Highlands. – New York, 1981. – P.22-56.

289. Heissig W.A. Lost Civilisation. The Mongols Rediscovered. – London: Thamesand Hudson, 1964. – 271 p.

290. Ostrovski D. Muscovy and the Mongols. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

291. Pallas, P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften / P.S. Pallas. – СПб.: Имп. Академия наук, 1776.

292. Rhodarkovsky M. Where two worlds met: The Russian state and Kalmyk nomads. 1600-1771. Ithaca; London: Cornell univ. press. Cop /1992. – 278 p.

293. Khodarkovski M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire 1500-1800. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press. 2002. – 304 p.

294. Rokkan S. The center-periphery polarity // Center-periphery structures in Europe: an ISSC Workbook in comparative analysis. Frankfurt a.M.; N.Y.: Campus Verlag, 1987. P.17-80. Перевод Е. Педько, А. Зеленковой. http://ciberleninka.ru/article/n/tcentr-peripheriynaya_polyarnost.

295. Willard Sunderland. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 2004. – 239 p.

Диссертации и авторефераты диссертаций

296. Аксенов, И.Ч. Становление и развитие калмыцкой государственности и права в XVII-XIX вв. Автореферат дис... канд. юрид. наук / И.Ч. Аксенов. – Ставрополь. 2004. – 25 с.

297. Деев, С.Ю. Административные реформы в национальных окраинах Российской империи в конце XIX – начале XX вв.: на материалах Калмыкии. Дис... канд. ист. наук. / С.Ю. Деев. – Элиста, 2004. – 209 с.

298. Дорджиева, Е.В. Традиционная калмыцкая элита в пространстве Российской империи в XVIII-начале XX века: автореферат дис. ... доктора исторических наук / Е.В. Дорджиева. – М.: МПГУ, 2010. – 49 с.

299. Китинов, Б.У. Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. - 1771). Автореферат дис... доктора исторических наук / Б.У. Китинов. – М.: ИВ РАН, 2020. – 53 с.

300. Колесник, В.И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII-XVIII вв. Автореферат дис. ... доктора исторических наук / В.И. Колесник. – Волгоград: ВолГУ, 2003. – 44 с.

301. Команджаев, Е.А. Государственные учреждения и законодательство Калмыкии XVIII-XIX вв. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Команджаев. – Ставрополь. 2000. – 19 с.

302. Курапов, А.А. Российское государство и буддийская церковь Калмыкии: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII-начале XX века: автореферат дис. ... доктора исторических наук / А.А. Курапов. – Волгоград: ВолГУ, 2019. – 52 с.

303. Лиджиева, И.В. Местное самоуправление калмыков в XIX - начале XX века: автореферат дис. ... доктора исторических наук / И.В. Лиджиева. – Грозный: ЧГУ им. А.А. Кадырова, 2018. – 33 с.

304. Очир-Гаряева, И.К. Введение Калмыкии в систему государственного управления России: историко-правовые аспекты (70-е гг. XVIII – первая половина XIX в.) Автореферат дис. ... канд. юрид. наук / И.К. Очир-Гаряева. – М.: 2006. – 22 с.

305. Рыбаков, О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: Автореферат дис. ... доктора юридических наук / О.Ю. Рыбаков. – Саратов: СГАП, 2005. – 41с.

306. Сигалов, К.Е. Среда права. Автореферат дис. ... доктора юридических наук / К.Е. Сигалов. – М.: 2010. – 54 с.

307. Скиба, В.А. Правовое положение Калмыкии в составе Российской империи (XVIII-XIX вв.). Автореферат дис. ... кандидата юридических наук / В.А. Скиба. – Махачкала: ДГУ, 2012. – 18 с.

308. Тепкеев, В.Т. Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII – первой четверти XVIII века: автореферат дис. ... доктора исторических наук / В.Т. Тепкеев. – Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2020. – 44 с.

309. Цюрюмов, А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений: автореферат дис. ... доктора исторических наук / А.В. Цюрюмов. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 44 с.

310. Цыкалова, Н.А. Местные органы государственной власти и местное самоуправление в Калмыкии в середине XIX–XX вв. (историко-правовой анализ). Дис...канд. юрид. наук / Н.А. Цыкалова. – Ставрополь, 2005. – 204 с.